

Галина Гончарова

Морские короли.
Дороги судеб

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Давным-давно умер последний Морской король. Опустел Жемчужный замок, опустел Коралловый трон, и ничья нога не рискует коснуться земли проклятого острова, который некогда звался королевским. Лишь рыбаки-маританцы охраняют его покой, как было заповедано их предкам, некогда гвардии Морского короля. Но беспокойно в мире Рамтерейи. Говорят, что в глубинах океана просыпается гигантский Мировой Змей, и если поднимется он на поверхность, то поглотит и людей, и землю, на которой они живут. И только кровь Морского короля может остановить его. В тугой клубок сплетаются дороги служителя Ардена и мальчишки-раба, дочери погибшего герцога и старого наемника, приносят жертвы своему богу змееносцы, ищут надежду служители Храма... Дороги сплетаются...

Гончарова Галина Дмитриевна
Морские короли. Дороги судеб

Рассветное утро на море всегда красиво. Особенно если смотреть на восток.

Солнце словно восходит из моря. Сначала окрашивая его в нежный розоватый цвет, потом море алеет, по воде пробегает огненная дорожка — и наконец, солнышко чуть лениво выныривает из-за горизонта самым краешком. Стряхивает с лица капли морской воды и весело улыбается.

Ну, люди, что вы успели натворить без меня?

Эта заводь устроена природой так, что любой, заходящий в море, глядит на восход. Маленькая, уютная, округлая, спрятанная, словно в ладонях, в острых выступах скал.

Море чуть слышно облизывает камушки. Если бы можно было разглядеть их — было бы видно, что они все одинакового, голубоватого цвета. Словно море продолжается дальше, стараясь пометить свою землю.

Впрочем, сейчас в воде по пояс, стоит девушка. Издалека — в белой ночной рубашке, с длинными светлыми волосами, она кажется просто размытым бледным пятном. Но если приглядеться вблизи, становится виден и упрямый подбородок, и широко раскрытые темные глаза, и плотно сжатые губы...

Ветер треплет длинные волосы, откидывает их назад, безжалостно хлещет ее мокрыми концами прядей, но она не обращает ни на что внимания.

Она смотрит, пока на море не появляются первые проблески рассвета.

— Море, мать всего живого. Своей кровью, своей жизнью, своей душой. Другого способа отомстить за родных у меня нет. Пусть моя смерть откроет ворота тому, кто отомстит вместо меня.

Отдаю все.

Жизнь, душу, смерть, посмертие... кровью и властью рода Карнавон!

Вспыхивает на воде алая дорожка.

И в ответ на это девушка безжалостно полосует себя ножом по левому запястью, чудом не перехватывая сухожилие.

Алая кровь смешивается с алой водой. Девушка без звука уходит под воду.

Есть такое старое поверье.

Если ты готов отдать все ради своего желания — ты должен на рассвете прийти к морю, войти до пояса в воду — и попросить.

И если ты будешь признан достойным...

Впрочем, кто может в это верить? Только отчаявшиеся, обезумевшие, те, у кого не осталось никакой надежды.

А может, должна быть еще и особая кровь...

Никто точно не знает. Говорят, эти сведения передаются из уст в уста, от отца к сыну в старых аристократических семьях.

Да сказки все это.

Простые сказки...

Глава 1. Катушка ниток — судьба человеческая

Таня шла домой.

На душе было... паршиво. словно там порезвилась банда бешеных кошек, раздирая когтями все, до чего доберется, а самая жирная еще и от души нагадила напоследок.

Грустно и тошно.

Так вот тоже бывает. Тебе немного за сорок, семья... нет семьи. Мужа нет, мама и папа умерли, детей тоже нет.

Так бывает.

Дорогая, я люблю тебя и только тебя. Но если бы мы встретились раньше...!

Ты понимаешь, моя супруга...

О, да. все всё понимают. Эту песню поют молодым глупым любовницам женатые мужчины, начиная, наверное, с Адама. И девочки верят.

Да, у меня ужасная жена, но она серьезно больна.

Да, у меня ужасная жена, но я не могу ее бросить, пока не подрастут дети.

Да, у меня ужасная жена, но...

Вечное 'но'. А ты подожди, дорогая, пока тебе не исполнится сорок. А зачем тебе кто-то еще, когда в твоей жизни так хорошо устроился Я?

И что в итоге?

Ни семьи, ни детей, потому что чаще всего сопливую девчонку отправляют на аборт (дорогая, сейчас еще не время, я хочу, чтобы наш малыш рос в полной семье...), одинокие вечера и праздники, звонки украдкой, ворованные минуты счастья, отпуска, в которых шифруешься, словно Штирлиц...

Что заставляет тебя идти на эти унижения? Терпеть, ждать, верить?!

И ведь в глубине души ты все понимаешь, вообще все, но разорвать этот порочный круг у тебя не хватает сил.

Таня и сама не знала, как она так вляпалась. Но вот ведь...

Сорок лет на носу, а Германа все нет и нет. Да лучше б его Пиковой Дамой убило! Миша, так зовут мужчину всей ее жизни, словно заядлый рыболов, чувствовал, когда надо ослабить, а когда потянуть, чтобы она не сорвалась с крючка. Таня и не срывалась, вопреки слезам родителей, уговорам сестры и обещаниям брата набить негодяю морду.

С другой стороны, Миша был и полезен. Поддержал ее семью, когда у отца обнаружили рак, помог с операцией, пристроил в администрацию области саму Таню (а ты поди, устройся, будучи юристом? При перепроизводстве их в девяностые годы!), пристроил на работу брата, помог племяннице с поступлением...

Так что и ругательства поутихли. Таня смирилась со своим положением незамужней тетки, Миша по-прежнему приезжал к ней три раза в неделю...

Сорок лет. И двадцать из них — Миша.

Задумавшись, она ступила на пешеходный переход, не замечая вывернувшейся из-за туши автобуса иномарки. Только когда джип поддел массивным рылом тонкую фигурку, отбросив на несколько метров, пришло удивление.

Не боль, не осознание, просто удивление.

Неужели — конец?!

Так странно...

Семейство Даверт

Тьер Луис Даверт прислушался. Ночь ухала филином. Три раза. Потом еще два и через несколько секунд — пять раз.

— Готовность!

Он всей кожей ощутил, как по обе стороны от дороги напряглись и замерли его люди.

Карета выехала из-за поворота...

По счастью — медленно, иначе, наскочи лошади на заботливо уложенное поперек дороги бревно, благородные животные ноги бы переломали.

— Тпрррууу! — рявкнул кучер.

Сидящим в засаде того и надо было.

Команда сработала слажено и четко. Том и Галт повисли на упряжи у лошадей, стреноживая их и лишая возможности двинуться, Карс навел на кучера небольшой арбалет, а сам Луис небрежной походкой вышел на дорогу и распахнул дверцу кареты.

— Предстоящий Эльнор! Какая замечательная встреча! Позвольте представиться, тьер Луис Даверт.

Судя по скрежету зубов предстоящего, имя было ему хорошо знакомо.

— Простите, что выбрал такой неудачный момент для нашего знакомства, — разливался соловьем Луис. — Возможно, мы продолжим его позднее, чтобы убедиться в благонадежности друг друга?

— что вам угодно, Даверт? — процедил сидящий в карете человек.

Луис очаровательно улыбнулся.

— А что мне может быть нужно? Скажите, предстоящий, это ведь ваша дочь?

Сидящая в карете девушка побледнела, вцепившись в руку своего отца.

— Я всего лишь хочу пригласить ее погостить у моей матери. Ненадолго, до выборов Преотца. Потом же, когда правильный выбор будет сделан, — Луис чуть подчеркнул нужное слово, — я лично верну ее вам целой и невредимой.

— Вы негодяй, Даверт.

— У меня хорошая наследственность, — отрезал Луис. — Тьерина, извольте выйти?

— Нет! — взвизгнуло в карете. — НЕТ!!!

— Тьерина, либо вы выходите, либо мои люди проявят определенную невежливость, — продолжил уговоры Луис. — В свою очередь гарантирую, если вы и ваш отец поведете себя правильно, с вами ничего не сделают.

— А если нет? — мрачно поинтересовался предстоящий Эльнор, отчетливо понимая, что их с дочерью жизни сейчас в руках этого мальчишки. Ирион его дернул поехать ночью! Но так хотелось приехать пораньше, переговорить еще кое с кем, выяснить настроение других предстоящих, может быть, намекнуть кому-то на свою выгоду...

Поехал... дурак старый.

— Тогда, может быть, я даже женюсь на вашей дочери. Потом, — непрозрачно намекнул Луис.

И хотя тьер был хорош собой, но и отца, и дочь равно передернуло при этих словах.

Тьер Луис молча ждал.

Минуту, две, потом, когда ему надоело, прищелкнул пальцами — и из темноты раздался ответный щелчок. С таким взводится тетива арбалета.

Предстоящий Эльнор прикусил губу.

— тьер, дайте мне слово, что не причините вреда моей дочери.

— Мое слово, — согласился Луис. — После избрания Преотца ваша дочь вернется к вам целой и невредимой. Тому порукой слово Давертов.

— Мелания...

Девушка вздохнула, а потом вышла из кареты. Она была удивительно хороша в льющихся серебристых потоках лунного света. Золотистые волосы, громадные голубые глаза, точеная фигурка, подчеркнутая простеньким дорожным платьем — и неприступное высокомерное выражение лица.

— я вынуждена воспользоваться вашим гостеприимством, тьер Даверт.

— и я признателен вам за это, — отозвался Луис. — Прошу вас, тьерина. Предстоящий, мои люди сейчас уберут дерево с дороги, чтобы вы могли беспрепятственно продолжать свой путь.

Предстоящий скрипнул зубами, но что тут скажешь?

Его дорога лежала в вечный город Тавальен, где вскоре должны были состояться выборы Преотца.

Семейство Даверт

Тьерина Мелания стиснула руки под плащом.

Пальцы дрожали.

Даверты...

Семья подонков, негодяев, подлецов... сброд, а не люди! Отец всегда так говорил! Но теперь она в полной власти одного из них.

Луис Даверт провел ее короткой дорогой через лес, к просеке, где ждали его люди с лошадьми. Ее, невзирая на протесты, усадили в мужское седло, так, что юбка задралась выше колен, показывая сапожки и стройные коленки в белых чулочках, один из его зверообразных подручных привязал поводья ее коня к луке своего седла, а дальше была быстрая ночная скачка.

Тьерина неплохо держалась в седле, но из дамского она бы точно выпала. Только вот и бешеный конский бег не избавлял от тяжелых раздумий.

Путь окончился у маленького охотничьего домика, почти крестьянского. Только вот у крестьянских домиков не бывает настолько выглаженных досок, украшенных искусной резьбой, да и внутри дом был далеко не крестьянским. Камин, громадная кровать, стол и пара кресел. И все. Ясно, для чего его строили. Гнёздышко для любовных утех.

Неужели...

— Вы дали слово, Даверт!

Голос, как она ни старалась, сорвался, чуть дрогнул.

— И я не дотронусь до вас и пальцем, — Луис прекрасно понимал, о чем думает девушка. Но не в городской же дом ее везти? — Даже и не мечтайте. Поживете здесь, пока не выберут Преотца, а потом пожалуйте к папаше на руки и обратно домой.

Луис сильно подозревал, что предстоящий Эльнор потом не доедет до дома, но это уж как отец распорядится.

Тьерина вспыхнула, когда смысл его слов дошел до девушки. И долго же он шел! Не всегда красоте сопутствует острый ум.

— Вы мерзавец, Даверт! И я искренне надеюсь, что...

— Можете и не надеяться. Я в вас не влюблен, — отрезал Луис. — Учтите, я оставлю охрану. Если попытаетесь сбежать, я снимаю с себя всякую ответственность за их действия. Вы девушка красивая, а они люди простые, темные...

Мелания побледнела.

— Арден покарает вас за это!

— Когда у него дойдут до меня руки, я уже буду в гостях у Ириона, — ухмыльнулся Луис. — Счастливо оставаться.

Развернулся и вышел вон, оставив девушку кусать губы.

Мерзавец, подонок, негодяй!!!

Да как он только посмел намекнуть!?

За дверью, там, где тьерина не могла его видеть, Луис тут же стер с губ глумливую усмешку и подозвал к себе старшего.

— Десятник! Дим!

Мужчина сделал несколько шагов к молодому тьеру. Не поклонился, да Луис и не требовал. Дим когда-то его мечом владеть учил, какие тут могут быть церемонии?

— Стеречь, как свою дочь. Если кто ее хоть пальцем тронет — отрезать буду сам. И не пальцы даже, и не в один прием, поняли?

Дим кивнул.

— Попугать можно?

— В меру. Чтобы от страха не описалась и в бега не сорвалась. Поняли? Она мне нужна живой и невредимой.

— Да, тьер.

Луис хлопнул старого вояку по плечу, развернулся и вскочил в седло.

Ему нужно было обратно, в Тавальен. Завтра будет тяжелый день. Поспать бы хоть часок, что ли?

Змееносцы

Той же ночью...

- И восстанет Ирион

И наш мир поглотит он

Чешуя его блеснет

Он родит водоворот...

Голоса сплетались в хор.

Красивый, даже восхитительный. Таким многоголосием не побрезговал бы и Морской Король.

Но был и один участник, который не мог оценить красоту песнопений. А именно — жертва.

Сейчас она лежала на алтаре.

Совсем юная девушка, голубые глаза которой были полны слез. Она не кричала, дурманное снадобье делало свое дело. Собравшиеся не хотели раньше времени нарушить ритуал криками жертвы или ее преждевременной смертью от болевого шока...

Сейчас она почти ничего не чувствовала.

Верховный жрец посмотрел на нее, коснулся бьющейся жилки на шее.

Да, уже скоро.

Восемь человек, положенных по ритуалу, уже овладели ей, сейчас свою работу

заканчивал девятый. Потом можно будет продолжать...

Крест был готов, готовы были и ядовитые змеи...

Этой ночью Ирион получит еще одну жертву.

Род Ольрат

Массимо Ольрат посмотрел в окно.

Занимался рассвет.

И где эта соплюшка?!

Ругался он не то, чтобы зло, не слепой же! Давно видел, что у племяшки что-то сладилось с молодым Шернатом, могли сегодня и до сеновала дойти, дело-то житейское.... Но ведь все равно душа не на месте.

Ладно.

Подождем еще чуть-чуть, а потом зайдем к соседям... или сейчас сходить?

А, ладно! Сколько можно?

Спустя десять минут его уже лихорадило. Роман Шернат был дома. А вот Мариль...

Они вчера расстались чуть ли не у калитки. Он проводил девушку, Массимо тогда еще был в лавке, Роман думал, что Мари — дома. А ее нет?!!

А где она!?

Массимо тоже хотел бы это знать. Они с Романом переглянулись — и разбежались в разные стороны. Искать, выпрашивать...

Улицы, дома, люди... вы не видели светловолосую девушку? Красное платье, белый передник?

Нет?

Жаль, очень жаль. Вы не видели...?

Так, в своих расспросах, Массимо добрался до рыночной площади. По раннему времени там бывало совсем немного народа, но не сегодня. Нет, не сегодня...

Люди стояли толпой, плечом к плечу, и смотрели на что-то... там? Впереди?

На что?

Что толкнуло Массимо в спину? Что заставило его пробиваться вперед, расталкивая локтями? Он и сам бы не ответил.

— Уведите парня, рехнется!

— Самогона ему налейте!

— Куда стража смотрит!?

Сердце Массимо недобро сжималось от каждой фразы, но он упорно шел вперед. Толкался, получал в ответ тычки и пинки, но продвигался к центру площади, словно его чья-то воля гнала.

Он и не осознавал ничего, пока не увидел это.

Тонкое тело в алом платье. И кровь.

Черная на алом...

Мариль лежала на серой брусчатке. Светлые волосы тоже слиплись от крови, в глазах отражалось небо, руки еще хранили следы гвоздей, а распоротый живот явственно указывал на причину смерти. Рядом с телом любимой на коленях рыдал Роман.

А потом Массимо услышал чей-то вой, и только через пять минут осознал, что этот звук вырывается из его груди. Столько в нем было боли....

ЗА ЧТО!?

Семейство Даверт

Тьер Луис Даверт поправил волосы, еще раз погляделся в зеркало. Из позолоченной рамы на него надменно взирал красавец в бархатном берете. Черные волосы локонами падали на широкие плечи, идеально овальное лицо окаймлено короткой шелковистой бородкой, под черными усами белеют ровные зубы, высокий лоб и тонкий прямой нос идеально дополняют картину. Все портят только глаза.

Карим глазам сложно быть холодными, особенно если они имеют цвет горького шоколада. Луису это удалось.

Шоколад его глаз был давно и надежно затянут льдом.

Стуча каблучками, в комнату вошла мать.

— Ты готов, сынок? Отец не любит ждать.

Луис еще раз скользнул глазами по зазеркальному красавцу. Поправил небрежную складку мантии, улыбнулся...

— Да, мама.

Единственное живое существо, к которому он до сих пор питал приязнь. Его мать, тьерина Вальера Тессани.

Луис придержал перед ней дверь, галантно предложил руку и проследовал вместе с матерью вниз, в большой зал, пред светлы очи своего отца.

Тьер Эттан Даверт. Точнее сейчас — предстоящий Эттан Даверт.

Луис склонился в почтительном поклоне, поцеловал протянутую ему руку с сапфировым перстнем, коснулся губами камня цвета моря — и выпрямился.

— Отец...

Шоколадные глаза встретились с такими же, но чуть светлее. В глазах Эттана плясали золотые тигриные искры.

— Ты готов, мальчик мой?

— Да, отец.

— Сегодня наш день.

Глаза мужчины горели веселой радостью, только вот Луис не обманывался. Это была радость хищного зверя, который чует кровь. Много крови.

Если сегодня все пройдет как надо, Совет Предстоящих выберет его Преотцом. Это важно для всей семьи. Для матери, для него, для братьев, для сестры — они смогут получить намного больше, чем будучи просто детьми Служителя или Возносящего. Даже сан Предстоящего ничто перед властью Преотца. Под его рукой будет вся церковь Ардена. Но для этого необходимо, чтобы избрали именно Эттана Даверта.

Как проходит избрание?

Для этого должны собраться сорок Предстоящих и принять решение. Тридцать голосов за, десять против — и Преотцом выберут кого-то еще. А значит необходимо обеспечить решительное большинство. Каждый добивается этого по-своему.

Кто-то трясет мощной, кто-то угрожает силой, кто-то...

Много есть возможностей, хотя на люди они и не выносятся. Совет Предстоящих избрал.

Точка.

Еще не хватало тупому быдлу судить о путях власть имущих!

Луис все знал о подводных течениях в Совете. Он знал каждого предстоящего на всем

Треугольнике, знал, чем они дышат, с кем спят, на что особенно падки, знал, чем можно пригрозить, а чем прельстить, знал чуть ли не о каждом их вздохе. Так распорядился его отец — этого достаточно.

А еще...

Всего Предстоящих — семьдесят человек. Если отец станет во главе Совета, его младший брат Родригу сможет стать Предстоящим Тавальена, сам Луис будет воевать, а Эрико, третий из братьев, встанет во главе купеческой гильдии. У Отца найдутся средства, чтобы обеспечить им эти посты.

Но это в случае победы. А поражение...

Поражение принесет им смерть. И матери, и Лусии...

— Отец!

— Дочь моя?

Сказано было с легким неудовольствием. Эттан считал, что дочь должна знать свое место — сейчас на женской половине дома, а потом в постели того, за кого он отдаст Лусию замуж. Разумеется, для укрепления своей власти. А зачем иначе нужны дочери?

Хотя Лу обещает вырасти красавицей. Ей всего тринадцать лет, но у нее уже громадные черные глаза, гладкие черные волосы и мраморная кожа, как у матери. И начинает оформляться фигура...

Матери будет далеко до нее, а ведь Вальера Тессани была известна, как первая красавица Тавальена. Ей было всего пятнадцать, когда ее семья разорилась из-за неудачных торговых сделок отца. У девочки оставалось два выхода — либо срочно выйти замуж хоть за кого-то, либо продать свою молодость и красоту по самой высшей ставке. Что она и сделала.

И не прогадала.

Вальера была красива, умна, она получила хорошее образование, в ее жилах текла благородная кровь — такие товары нечасто выставляются на продажу. И вскоре о ней заговорил весь Тавальен.

Ухаживал за ней и молодой тогда Эттан Даверт. Ухаживал, будучи уже Возносящим.

Всей истории Луис не знал, но Вальера сделала правильный выбор. Иначе бы его и на свете не было.

— Батюшка, я хотела поцеловать вас перед уходом.

Эттан протянул дочери руку. Лусия склонилась в легком реверансе, целуя пастырское кольцо, выпрямилась, посмотрела на отца.

— Я буду молиться за вас.

— Молись, дочь моя.

Эттан собственническим жестом потрепал дочь по щеке. И что-то блеснуло в темных глазах...

Луис тряхнул головой, отгоняя глупые мысли.

Показалось.

Конечно же, ему показалось. Ведь не бывает так, чтобы отец смотрел на свою дочь... с похотью?!

Глава 2. На новом месте

Герцогесса Карнавон

Вначале было темно и страшно. А еще — больно. Тело было словно чужое, Таня попыталась пошевелиться — и не смогла. Разве что приоткрыла глаза....

По счастью, работали уши — и улавливали обрывки фраз.

— На заре.... на берегу...

— Едва не умерла....

— Таламир будет недоволен...

Таня слышала, но всерьез эти слова не воспринимала. Так, сотрясения воздуха.

Ей было плохо, тошно, больно...

Кажется, кто-то переворачивал ее тело, кто-то обмывал, менял простыни... кажется. Пока она ничего не знала. Она спала и видела сны. Красивые сны.

Тело реципиента приняло новую душу, расплачиваясь за это с лихвой.

Жар, боль, тошнота, спасибо еще не померла, а могла бы. Хотя...

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, и полы в храме попортит. Молитва — это хорошо, но купание в морской водичке, по весне, с большой кровопотерей, да еще надолго, да под холодным ветром...

Одним словом, Алаис Карнавон свалила элементарная пневмония. Но в мире, где не знали антибиотиков, легче от этого знания Тане не было. Ее просто трясло в лихорадке.

Тело реципиента адаптировалось, адаптировался и разум. Есть теория, что наш мозг сохраняет все воспоминания прошедшей жизни, просто надо уметь их извлекать оттуда. Таня могла бы поклясться теперь, что это правда, потому что перед ней разворачивались картины жизни Алаис Карнавон. И была эта жизнь откровенно несчастливой.

Золушка?

Нет, это не совсем то слово и не совсем тот человек. Хотя Алаис лучше бы золу выгребала.

Первое воспоминание, которое увидела Таня — это семья Карнавон.

Старый герцог, действительно старый, поздно женившийся на очаровательной тьерине Катилине Эмеро. К рождению Алаис ему исполнилось уже пятьдесят лет, но годы не согнули его. Только добавили седины, которая превратила некогда русые волосы в платиновые.

Люциус Малфой, шестидесятилетний вариант, — отмечает для себя Таня. И верно — хорош! Даже в этом возрасте невероятно хорош. Четкие черты лица, высокий лоб. Породистый нос с горбинкой, крупные, недовольно поджатые губы, тонкие пальцы истинного аристократа... и плеть, с которой он не расстается. Знак герцогского достоинства, но в то же время и оружие. Девочка знала, как болезненны ее удары и даже во сне Таня чувствовала ее отчаяние.

Мать — Катилина Карнавон, очаровательная блондинка лет сорока. Хорошенькая настолько, что в юности наверняка была ослепительна. Ясно, на что повелся отец.

Два старших брата — удачный симбиоз отца и матери, его черты лица при ее окраске волос и глаз. Гроза женских сердец всей округи.

Старшая сестра — Алита. Копия матери в юности, нежно любимая всей семьей.

И — Алаис.

Вечный гадкий утенок. Даже хуже того — альбинос.

Ну да. Не слишком красиво. Белые волосы. Белые брови и ресницы, кожа, лишенная пигмента и мгновенно обгорающая на солнце, глаза, цвет которых варьируется от красного до фиолетового.

Увидишь в полумраке, так и молитвенником запустишь. Подумаешь, нечисть на охоту вышла.

По счастью, отец не усомнился в своем авторстве, а то могло бы быть что угодно, вплоть до полета младенца с замковой башни в море. Да, бывало и такое, иногда только с ребенком, а иногда и с неверной женой. Официальная версия — несчастный случай. О двух таких Алаис знала из летописей рода Карнавон.

Алаис оказалась младшим и неудачным ребенком в семье. Иногда таким везет и их любят и балуют. Иногда. К Алаис это не относится. Ее воспринимают настороженно, словно опасного грызуна, то ли больного бешенством, то ли просто ядовитого.

Во сне она видела окружающий мир ярко и четко, как никогда не бывало ранее.

Вот замок. Высокий, величественный, из массивного серого камня, крытый алой черепицей. Ее комната — простенькая по меркам герцога и Алаис, но роскошная с точки зрения самой Тани. Одна комната ненамного меньше, чем вся ее квартира. Громадная кровать под балдахином, туалетный столик, шкаф с одеждой, ковер на полу и кресло.

Нищета?

Ну да.

Нет ни гардеробной, ни комнатки для прислуги, чтобы спала ночью рядом, окно забрано самыми простыми стеклами в тяжелой свинцовой раме, не цветными, без узора, шторы старые, ткань, которой обтянуты стены, выгорела и высолилась от времени. Именно высолилась — неподалеку от замка шумит море. И влажный воздух оставляет на губах нотку соли...

Для сравнения Алаис вспоминает комнату старшей сестры. Вот это — настоящие покои из четырех комнат — гостиная, спальня, комната служанки, гардеробная. У Алиты есть и личная служанка, которая ночует в отведенной ей комнатке, и даже личный грум. У Алаис — никого и ничего.

Раньше была, но потом девочка лишилась и ее.

Кузина Ланисия.

Единственный человек, который любил и ценил маленькую Алаис, разговаривал с ней, научил читать и писать. Но прилюдно выражать свои чувства девушка не смеет, иначе ей сильно достанется. Да и отношение к ней, как к служанке.

А еще есть — море.

Море...

Оно ласковое, живое, оно ластится к пальцам — и Таня готова часами сидеть на его берегу, как и в родном мире. Кажется, ей было не больше трех лет, когда она впервые сбежала из-под надзора служанок и добралась до берега моря. Сидела, пересыпала песок с руки на руку, купаться почему-то не пробовала, просто гладила ладошками воду. Хорошо помнится лицо нашедшей ее служанки — бледное, растерянное, испуганное, облегчение, вспыхнувшее в темных глазах, а потом — страх.

Но почему?

Сейчас, взрослым разумом, Таня не может понять его причину.

Наказание?

Вполне возможно. Но Тане почему-то казалось, что боялись — малышку. Почему? Загадка...

Вспыхивает следующая картинка.

Алаис всего пять лет. И она притаскивает в замок ужа. Змееныш запутался в зарослях колючего кустарника и сильно поранился. Девочка, как могла, промыла ранки, накормила молоком...*

*** вообще змеи молоко не едят, но если нет выбора, то могут попробовать и даже не помрут. Существовало поверье, что ужи присасываются к коровьему вымени и сосут молоко, полагаю, Алаис могла его знать. Прим. авт.**

Кто донес?

Служанка? Да, наверное. Уже другое лицо, но Алаис все равно неприятно его видеть. Поджатые узкие губы, нахмуренные брови, гримаса вечного неодобрения на простоватом лице, колючие темные глаза — для этой женщины она уродина. Выродок в герцогской семье.

Визит отца заканчивается выброшенным в окно змеенышем, и ударом плети по спине ребенка. Алаис помнит эту боль. И помнит свое отчаяние.

Ей ведь так мало было нужно!

Ну хоть бы одно существо рядом, которое не питает к ней отвращения!

Удар обжигает плечи и девчонка невольно заходится в крике.

Больно! БОЛЬНО!!!

Болит не столько рубец от удара, сколько душа ребенка. Отверженного своей семьей, нелюбимого... дети не всегда могут сказать, но чувствуют они все.

Герцог замахивается еще раз, но ударить не успевает. Таня помнит, как Алаис кричит, умоляя не выкидывать змейку, и как в ответ на ее крик боли (понятно, что это совпадение, но кто б объяснил такие вещи суеверным людям) неподалеку от замка в берег ударяет молния.

И раздражается гроза.

Шторм, молнии, ветер со шквалом...

Алаис заходится от плача — и еще сильнее разыгрывается за окнами природа.

Понятное дело. Совпадение, но вот о чем думает в тот момент ее отец?

Таня видит картину со стороны, и видит страх на лице мужчины. Словно произошло что-то неожиданное, он не знает, как на это реагировать, а потому Алаис просто оставляют в покое.

Служанку, кстати, заменяют через пару дней. Эта оскользнулась на ступеньках, мокрых после вчерашней грозы, да так неудачно, что сломала ногу. Бывает...

Для Тани это простое совпадение, но хотелось бы ей знать, как это истолковали обитатели замка?

Девочку оставляют в покое. Ее лишней раз не трогают, не замечают, не видят, не...

Она призрак в собственной семье. Тень, которую стараются не видеть в упор. И это — больно.

Неизвестно, что стало бы с Алаис Карнавон в таком окружении, что бы из нее получилось. Заносчивое маленькое чудовище?

Истеричная, измотанная безответной любовью и жаждой любви неграмотная страшилка?

Таня могла набросать еще с десятков вариантов, но ей повезло. В замок привезли кухню

Ланисию.

Картинка в мозгу сменяется новой.

Ланисия. Темные волосы, крупными кудрями лежащие на плечи, зеленоватые умные глаза, добрая улыбка, вздернутый нос и пухленькая фигурка. Дочь двоюродной сестры герцога, весьма дальнее родство, но все же не позволяющее прогнать сироту, чьи родители умерли от лихорадки. Да и кое-какие деньги у малышки водились.

Достаточно, чтобы ее взяли замуж.

Ланисия оказалась старше Алаис на восемь лет. Малышке Алаис четыре, Ланисии — двенадцать. Самый тот возраст, когда пора влюбляться, и Ланисия делает худшее, что только можно.

Влюбляется в старшего брата Алаис.

Естественно, безмолвно и безответно. Ума у нее хватает понять, что рассчитывать не на что, разве что на конюшне поваляться, но это уничтожит все ее надежды на брак. И вообще, после такого позора одна дорога, в монастырь. К сожалению, Алита замечает чувства Ланисии, и принимается издеваться над девочкой. Дразнит ее, насмешничает, выставляет дурочкой перед предметом обожания Ланисии... однажды Алаис находит Ланисию плачущей в дальнем коридоре замка и принимается утешать. По-детски, нелепо, наивно, но для Ланисии и это оказывается спасением, и две девочки вцепляются друг в друга.

Ланисии позарез нужен хоть кто-то близкий, а Алаис нужна хотя бы чья-то любовь. К тому же, что немаловажно, рядом с Алаис к Ланисии никто не цепляется.

А чем можно заниматься рядом с маленьким ребенком?

Учить ее.

Читать, писать, считать... Шить, вышивать, играть на музыкальных инструментах — краткий курс обучения благородной девицы. Даже танцевать и строить глазки. Алаис оказывается благодарной ученицей. Герцог тоже смотрит на эти занятия благосклонно. После того случая с плетью Алаис стараются не трогать, видимо, и к учителям это относится. А Ланисия — чужая, случись с ней что, так не жалко...

И Алаис влюбляется в книги. Когда у тебя нет рядом близких людей, это неплохая замена. Или когда они — твои близкие, да ты-то для них дальняя. Особенно сильно это проявляется через четыре года, когда Ланисии подбирают подходящую партию, и выдают замуж. Кузина уезжает, а Алаис принимается проводить все свободное время в библиотеке рода Карнавон. Благо — библиотека богатейшая по любым меркам.

Легенды, предания, дневники герцогов, рукописи служителей, истории святых — и любовные романы, священные книги и откровенные ереси, Карнавоны собирали все. И это собрание попало в цепкие лапки Алаис.

А что еще делать, если ты никому не нужна?

Только читать...

В том числе и об устройстве мира.

И вот тут Тане становится страшновато.

Мир, в который она попала, называется Рамтерейя. Три материка, острова, море...

С точки зрения Алаис ничего странного. А вот для Тани...

Три материка — Лиарда, Адрея, Дармен, расположенные треугольником, примерно одинакового размера. Но местные жители не видели ничего странного в материках, которые были расположены... словно их кто-то на море положил ровно.

А вот Таня видела.

Три материка образовали здоровущий треугольник, в центре которого находился небольшой остров, носящий название Королевского. Неподалеку от него находился архипелаг из нескольких десятков островов (коралловых?), носящий название Маритании. Причем материка были достаточно крупными, а проливы между ними больше всего напоминали Ла-Манш. При хорошей погоде они даже вплавь форсировались. Правда, дураков не было.

Водовороты.

Бичом здешних вод были водовороты, которые возникали с совершенно неясной периодичностью. Корабль мог проскочить мимо, мог попасть в воронку, мог почти разбиться, но в последний момент выскочить...

Чем это было обусловлено? В мире Рамтерей хватало краткого 'воля Ардена'. Тане не хватало, но кто б ей что объяснил?

Насколько вероятно такое расположение с точки зрения географа? Геолога? Литолога?

Да пес их знает!

Сама Таня могла припомнить только названия профессий, но знаниями их она не обладала. Не учат юристов ни геологии, ни океанографии, ни...

Собственно, ничему полезному в данном случае их просто не учат. Римское право — это хорошо, но откровенно маловато. Спасибо еще познавательным программам и каналам, а то бы вообще ничего не знала.

Планета делилась на Полуденное и Полуночное полушария. Или — если по Божественным названиям — полушарие Ардена — и полушарие Мелионы. Бог и богиня. День и ночь. Мужчина и женщина.

Впрочем, место мирового зла женщине не доверили.

Сквозь сон Таня улыбалась, думая о местной религии.

Когда восемьдесят процентов планеты занимает море — поневоле начинаешь его обожествлять. И местные создали красивую легенду.

Первых людей Боги творили из морской пены. И были они белы и голубоглазы, ибо в ту пору боги не знали иных красок.

Их было шесть Великих Домов. Шесть родов — и один над ними. Королевский род.

Сначала все было хорошо и между богами царило согласие. Арден творил мужчин, Мелиона женщин. Арден правил, Мелиона подчинялась, но потом всю малину испортил Мировой Змей с красивым именем Ирион. М-да, кругом гады. Судьба, видимо.

По легенде, он выполз со дна океана и принялся искушать Мелиону. Мол, почему твои создания обязаны подчиняться созданиям Ардена? Они ведь не хуже, а даже интереснее, лучше, красивее... И Мелиона дрогнула.

Она решила восстать против Ардена и принялась подбивать женщин на бунт.

До сих пор существует Рандея — государство свободных амазонок, где мужчины носят платья и подчиняются женщинам и остальные правители не могут ничего с ним сделать. Воительницы Рандеи сильны и опасны.

Увидев такое дело, Арден огневался на супругу и прогнал ее с глаз долой. В полуночное полушарие планеты. И, чтобы жена не вздумала там наводить свои порядки, уничтожил в том полушарии всякую жизнь.

Досталось и Ириону.

Разгневанный Арден низверг его на самое дно моря — и чтобы наглый змей не выполз и еще чего-нибудь не навнушал супруге, придавил мерзавца Великим Водоворотом. А то, что

параллельно погиб еще один материк... ну, лес рубят — щепки летят.

Таня улыбалась легенде, думая, что и тут не без гадов, а разум потихоньку обрабатывал и усваивал информацию.

Шесть Великих домов.

И двенадцать государств.

Как оно делится? А никак. Когда-то королевство было одно, но с тех пор утекло много воды. Исчез куда-то потомок последнего короля. Передрались между собой Высокие дома, поделив материки на между собой. Вроде бы на каждом материке тогда было по два королевства, но потом и те распались, поскольку быть при короле и быть королем — суть две большие разницы, как не говорят в этом мире.

Исключение составил род Карнаван.

Просиживая дни и ночи в библиотеке, девочка неплохо узнала историю родного мира. Более того, нашла дневники прапрапрапрадеда и поняла, что это не от большой порядочности. Род Карнаван власть любил не меньше, чем все остальные роды, но...

Карнаваны были хранителями чего-то очень важного, доверенного последним королем. Чего?

Вот об этом прадед как раз и не писал. Все было более чем размыто.

Перед глазами женщины в полудреме плыли строки.

Его величество, — писал прадед, — позвал меня в ту ночь к себе. Последнюю ночь великого Короля. Короля по крови и роду.

И строчки размывались, и виделись покои старого замка, драпированные белым и голубым — королевские цвета, цвета морской пены.

И ее прадед.

Высокий, еще не старый мужчина, стоит на коленях перед обширной кроватью под роскошным балдахином. В кружеве подушек утопает белое, почти бескровное лицо, которое сейчас само напоминает герб Королей.

Белая мертвая кожа, сухие синие губы... и — глаза.

Глядя в эти глаза, веришь, что в Королевском роду есть кровь Бога. Или кровь Моря.

Синие.

Пронзительно-синие, изменчивые, восхитительные, меняющие цвет, словно море — ежесекундно, играющие всеми оттенками, от бирюзы — до зелени.

Красиво ли это?

Нет.

Красота — это нечто иное, это более... человеческое. А здесь — настолько живые глаза на мертвом лице производят откровенно устрашающее впечатление. Создается впечатление, что именно они выпивают всю жизнь из окружающего мира. Словно Великий Водоворот, втягивают в себя все окружающее. Свет, внимание, саму душу...

Страшно...

Но прадед молча стоит на коленях.

Король стар, у него нет наследника, что начнется после его кончины?

— Я умру на рассвете.

— Эрт*, вы проживете еще долго...

* — Эрт — местная форма обращения к королю, только чуть более вольная, своего рода аналог слова 'Сир'. Прим. авт.

— Не трать мое время на придворные глупости. Слушай.

— Да, мой Эрт.

— После моей смерти начнется война. Я знаю. Тимар силен и видит себя на престоле. Атрей породнился с Дионом — и также мечтает о власти для своего сына. Лаис, Карст и ты — вы пока держите нейтралитет. Но я выбрал именно тебя.

— Это честь для меня, мой Эрт.

— Несомненно. Ты тоже властолюбив, но для тебя главное — сберечь твой род. Лаис слишком любит золото, Карст — войну. Они сорвутся, а у тебя есть еще шанс устоять.

Глава Дома молчит. А что тут можно сказать? Старость не всегда означает мудрость, но Король... он не просто носит этот титул, он реально правит.

— У меня есть сын — и есть дочь.

— Мой Эрт?!

Такое известие повергает герцога в шок. Еще бы!

Считалось, что король бездетен, его супруга умерла лет десять назад, дети тоже умирали, не оставив потомства... несчастные случаи?

Да уж точно не счастливые...

Старший сын утонул, младший был отравлен, одна из дочерей родилась безумной, вторая была убита мужем в момент измены, третья просто пропала невесть куда, не оставив ничего, кроме одежды на берегу моря...

— Они рождены вне брака. Но в них течет королевская кровь. И однажды они придут.

— Мой эрт?

— Кто-то из моих потомков рано или поздно потребует свое наследие. Именно его будет хранить твой род.

Но остерегайся. Если эта вещь попадет не в те руки — на месте нашей земли возникнет второй великий водоворот — и спасения не будет нигде.

Герцог кивает и наклоняется совсем близко к губам короля.

Он — слушает.

Этой ночью, пока все будут делить власть у тебя короля, он уедет из дворца.

И следующие триста лет Карнавоны будут скромно сидеть в своем замке.

Не лезть в политику. Не интриговать.

Ждать.

До недавнего времени.

Девушка подглядывает. Это самый лучший способ узнать о намерениях отца, о его настроении — и спрятаться, если понадобится.

Альбинизм не повлиял на умственные способности и девушка — сейчас Таня понимала, что думает о ней, как об Алаис Карнавон, была умнее многих сверстников. Именно потому, что не могла с ними общаться.

Друзьями малышки были книги. Они же — спутниками и собеседниками. В четыре года Алаис начала учиться, к восьми годам она вполне освоилась в библиотеке, изучая книги об устройстве мира. В двенадцать лет их сменили романы и пришла первая любовь.

Как водится — болезненная и неприятная.

Ее старшей сестре как раз исполнялось четырнадцать, самое время заключать помолвку. Но не абы за кого ведь выдавать юную тьерину? Тем более, такую очаровательную?

Его звали Маркус Эфрон. Тьер Эфрон, старший сын графа, красавец, умница, дру

наследника рода Карнавон...

Алаис помнила, как стояла на крыльце вместе со всей семьей (мало ли кто там не нравится, обычай есть обычай) и как к крыльцу подъехала карета, из которой вышел ОН.

Высокий, темноволосый, с теплыми карими глазами и аристократически бледной кожей, с очаровательной улыбкой и атлетической фигурой.

Алита была покорена с первого взгляда.

Алаис тоже, только никто этого не понял.

А через шесть дней любовного угара, когда она успела уже и всласть наплакаться в укромных уголках замка, и написать объекту своей любви несколько десятков страстных писем (сожжены в камине во избежание), и даже представить себе, как Алита отвергает влюбленного юношу, а тот с горя женится на Алаис, ну и потом, естественно, влюбляется в девушку, оценив добрую душу, почти как в романах, она услышала разговор между Маркусом и своим старшим братом.

Даже сейчас, сквозь сон, Таня чувствует, как больно было маленькой дурочке, польстившейся на красивую упаковку.

— Алита просто прелесть.

— Да уж. Сестренка у меня удалась.

— Одна из. А со второй что?

— А кто ее знает? Выродок какой-то. Мать отцу вроде и не изменяла, а народилось же такое...

— Да уж. С таким я бы точно в одну постель не лег. Вытошнило бы раньше...

Пьяные нотки прослеживаются вполне отчетливо, но Алаис это не утешает. Что у трезвого на уме...

Сверкающий замок мечты рушится в один миг, и вновь у девочки остаются только книги. А помолвку с ее сестрой таки заключают.

Маркус и Алита должны были обвенчаться этой осенью.

Алаис же...

Пережила.

Переплакала в подушку, понимая, что ей никогда не любить и не быть любимой — взаимно. Герцогская дочь, да еще уродина....

Ничего.

Когда у тебя нет ничего, у тебя все равно есть твой долг. И есть честь. Остальное же... неважно.

Таня грустно улыбалась во сне.

Маленькая девочка, нелюбимая девочка, она так и не поняла, что главное у нее уже было. Она была жива и здорова, как и ее родные. У нее была крыша над головой — и любимое дело. Чтение книг. А со временем появилось бы и что-то еще.

Этого мало для счастья?

Вам требуются мексиканские страсти? Поверьте, они хороши только в сериалах. А в жизни...

В шестнадцать лет Алаис прочитала большую часть фамильной библиотеки, особое внимание уделяя дневникам предков.

А потом пришло чудовище. Существо, разрушившее уютный, но безопасный мир Карнавона.

Алаис подглядывала, как и обычно. И...

— Карнавон.

— Таламир.

Взгляды мужчин скрещиваются над столом. Будь они из стали — звона было бы...

— Что привело вас в мой дом?

Герцог смотрит холодно и неприязненно. Для него Ант Таламир — выскочка. Парвеню, если бы тут знали это слово. Хотя собой он весьма хорош, равнодушно отмечает Алаис.

Темные волосы кудрями ложатся на плечи, большие карие глаза смотрят даже немного наивно, длинные ресницы, твердый подбородок... все портят губы.

Слишком полные, слишком красные, словно у напившегося крови упыря. Но женщинам должно нравиться, — думает Алаис

Почти равнодушно.

В глубине разума — от себя, а теперь и от Тани этого не скроешь, тлеет огонек интереса. Все-таки молодая здоровая девушка... а если он бы меня поцеловал? Каково это — быть рядом с таким мужчиной?

Впрочем, холодный рассудок тут же обрывает все мечты.

Бледная моль — и этот самец? И ведь знает, как хорош, поигрывает мускулами, сейчас уже мимоходом...

Ант Таламир.

Сын купца, в юности попал ко двору и заинтересовал стареющую королеву своими недюжинными мужскими достоинствами. И умудрился подружиться с наследным принцем. А что? Пусть мальчишка занимает его мать. Лишь бы она к сыну не лезла...

Это Ант ему обеспечил. И постепенно стал другом. А там дальше — больше Военачальником. И ведь проявил способности.

Последние семь лет он воюет — и успешно. С воительницами Рандеи, с Лидангом...

— Вы знаете, что мне нужно, тьер.

— Отнюдь.

— Последний король отдал вашему предку на сохранение — что?

Герцог пожимает плечами.

— Не знаю. Никто не знает.

— Лжете, тьер.

— Нет.

Ант подается вперед, лицо его искажает такое выражение.... девушке становится страшно.

— Вы лжете, герцог, — он почти шипит, словно гадюка. — Но у вас еще есть время. Завтра мое войско будет под стенами вашего замка. И если вы мне это не отдадите...

Герцог пожимает плечами.

— Я не могу вам ничего отдать. Я не знаю, что именно Его Величество оставил моему предку — если оставил.

Таламир поднимается. Смотрит холодными змеиными глазами.

— Вы пожалеете о ваших словах.

Герцог пожимает плечами.

— Всего наилучшего, любезнейший.

Никакого обращения. Так он мог бы сказать кучеру или лакею. И Таламир понимает это. Лицо мужчины бледнеет.

— Вы поплатитесь за это.

Герцог провожает его взглядом. При этом выглядит он так, что всем видом напоминает о пляже, безмятежности, равнодушии — здесь и сейчас у него нет проблем. Все меняется, как только Таламир уезжает.

Герцог собирает родных и начинает отдавать приказания. Поднять мост, закрыть ворота, подготовиться к осаде...

Все бесполезно.

Штурм замка сохраняется обрывками.

Летящие ядра, грохот пушек, бегущие люди.... Бой она не помнит даже урывками.

Раны, кровь — и она сама, дико напуганная, прячущаяся в библиотеке, откуда ее и вытаскивают.

Они все стоят в большом зале. Отец, мать, братья, сестренка. А Таламир прохаживается перед ними. Алаис страшно, безумно страшно...

У матери порвано платье, братья избиты, в углу двое солдат лапают материнскую компаньонку — и Алаис благодарит Мелиону за свое уродство. Если бы она была красавицей, ее бы тоже... а так просто смотрели с отвращением. Ну, дали пару пощечин — не страшно.

То есть очень страшно. И страшнее всего — человек с красивым лицом и змеиными глазами. Слово через него смотрит на мир Ирион.

— Теперь вы уже не так высокомерны, ваша светлость? Итак, я повторяю свой вопрос. Мне нужно то, что последний из Королей отдал вашему предку. Где оно?

Герцог пожимает плечами. По красивому лицу отца струится кровь — ему выбили несколько зубов и разбили губу, но высокомерие осталось при нем.

— Я ничем не могу вам помочь, Таламир.

— Полагаю, вас надо спросить иначе. Это ведь ваша жена, — он подцепляет за подбородок герцогиню. Женщина резко дергает головой — и вырывается из хватки мужчины. Но Таламира это не злит. Дальше некуда?

Он сухо смеется.

— Что ж... поиграем...

И кивок солдатам.

То, что происходит дальше...

Алаис едва может держать глаза открытыми. Но она смотрит. Она запомнит. Она — отомстит.

Таня же, внутри ее разума, отмечает, что это обычная порнуха в стиле БДСМ. Ничего нового, хотя и... мерзко. Не дождавшись реакции от герцога, Таламир смотрит на Алаис. На Алиту. На Алаис.

— Это обе ваши дочери, герцог? Кажется, жена от вас погуляла на стороне. Ну и уродина...

Алаис не трогают его слова. Подумаешь...

Таламир кивает на Алиту.

— А эта может стать хорошим трофеем.

Повинуясь его приказу, солдаты крепко держат Алиту за руки и за ноги, Таламир лично задирает ей юбку и что-то делает с сестрой. Та протяжно кричит.

Алаис не видно за его спиной, что происходит, но она и не рвется. Она знает, скоро чудовищу надоест развлекаться и настанет ее черед.

Лицо Таламира багровеет, он отвешивает Алите пощечину.

— Гулящая сука!

Крик сестры прекращается. И...

— Отдать солдатам. Пусть хоть до смерти затрахают — не жалко.

Лица солдат вспыхивают какой-то страшноватой животной похотью. Алита начинает кричать и биться в их руках, но ее просто вытаскивают из зала. Она кричит где-то вдалеке, но недолго.

Герцог кусает до крови губы, но молчит. Может бть, ему и вправду нечего сказать?

Таламира это не останавливает.

— А вот эту трогать пока не будем. Она еще невинна?

Теперь холодная рука цепляет за подбородок Алаис. Та содрогается, словно по коже скользнули кольца Ириона.

— Ты ни с кем еще не валялась, девчонка?

Алаис вздергивает голову вверх. Она промолчит.

Она будет молчать, пока хватит сил. Естественно, Таламира это не устраивает. Он опять делает жест солдатам — и Алаис растягивают на полу.

Грубые руки сжимают запястья и щиколотки, кто-то откидывает подол — и между ног лезет жестокая рука. Алаис старается сдержаться, но когда становится по-настоящему больно, глухо вскрикивает. И слышат удовлетворенный голос Таламира.

— Отлично. Мне как раз обещан титул — вот эта девчонка мне его и принесет. Стеречь ее...

И теряет сознание.

Когда она приходит в себя — она оказывается в своей комнате. И рядом несколько служанок.

Все молчат, никто не смеет разговаривать с ней... а потом приходит он.

Ант Таламир.

Садится на кровать, по-хозяйски смотрит на девушку.

— Пришла в себя? Отлично...

Алаис молчит. Пока она не знает, что сказать. Хотя...

— Что с моей семьей?

— Все мертвы.

Внутри смерзается холодный комок. Нелюбимый ребенок? Да. Нелюбящий? Нет.

— Почему жива я?

Таламир разглядывает ее с интересом. Он ждет криков? Слез? Истерики?

Возможно, это будет позднее. Сейчас же Алаис словно каменеет, не в силах осознать всю глубину своей боли. И это позволяет ей говорить спокойно.

— Потому что в отличие от сестры ты оказалась девственницей. Мне не нужен чужой ублюдок.

— Значит, нужен свой?

— Твой. И не ублюдок, а наследник рода Карнавон.

Алаис молчит и поняв, что нового ничего не дождешься, Таламир продолжает.

— Его величество подписал бумаги. Я стану новым герцогом, но чтобы все было законно, ты станешь моей женой и родишь мне сына. Лучше — двух.

— А потом?

— Посмотрим.

Судя по хищной усмешке, потом она умрет при родах. Или после родов. Не суть важно.

— Я — уродина.

Она сообщает известный ей факт, но Таламир пожимает плечами.

— Я не собираюсь часто с тобой спать. Будешь покорной — останешься жива. Нет...
управу на тебя найти несложно.

У Алаис еще хватает ума не соглашаться сразу.

— Я должна все обдумать.

— Полагаю, трех дней хватит?

— Да.

— Тогда оставляю вас, дорогая невеста.

Мужчина отвечает ироничный поклон, и в черных глазах блестит нечто, похожее на... интерес?

Бррр... Гадина! Скользкая, мерзкая гадина! Чтоб тебя Ирион сожрал!

Оставшись одна, Алаис мечется по комнате, пока не выстраивает наилучшую стратегию поведения. И к следующему разговору она готова.

Пусть не настолько, как хотелось бы, но ее стиль мышления чертовски близок стилю самой Тани. Только вот Таню жизнь уже научила, что непоправима только смерть. Все остальное можно и нужно решать на месте. А Алаис не понимает что смерть — не решение проблем, а только их начало для других людей.

Таламир не собирается долго разговаривать с девушкой, он сразу переходит к делу.

— Мы поженимся через неделю.

Местная неделя составляет десять дней. Алаис переводит дух — время еще есть. И по возможности спокойно спрашивает.

— Что меня ждет?

— Если будете покорны, дорогая невеста, то ничего страшного. Будете жить в замке и рожать детей.

Алаис внутренне собирается.

— Это все?

— Вы хотите внести какие-то дополнения?

Таламир ухмыляется. Алаис старается говорить спокойно и рассудительно.

— Я знаю, что вы меня можете убить в любую секунду. Но это чревато бунтом. Я — гарантия спокойствия земель Карнавонов.

— Не переоценивайте себя.

— Не буду. Но мы... Карнавоны — как государство в государстве.

Это верно.

Замок рода Карнавонов находится на полуострове и народ тут живет... сложный. Рыбаки, контрабандисты, пираты... Алаис не сильно надеется на них но все же, они могут бунтовать. Карнавоны для них свои, Таламир — чужой. Он уже привел войска на их землю, уже поднял налоги...

— Вам хочется спокойствия а мне... я хочу отплатить своим родным.

— И за что же?

Алаис обводит рукой лицо. Мертвенно-бледную кожу, белые волосы, висящие сосульками, воспаленные глаза, горящие безумным огнем.

— Я — уродина. Последний ребенок, нелюбимый ребенок, ненужный, откровенно

презираемый. Вы наверняка говорили со слугами! Но я буду герцогиней Карнавон! Это дорогого стоит!

— Так чего вы хотите?

— Я хочу Карнавон, — Алаис пожимает плечами. — Я не так сильна, чтобы удержать эти земли, но у меня будет муж. А у вас будет жена, которая будет рожать детей, следить за Карнавоном и молчать. Что бы вы ни делали. Вы можете удержать Карнавон, но люди будут бунтовать. Ваше положение при дворе достаточно устойчиво, но оно именно при дворе. Не в Карнавоне. Вы не сможете проводить здесь все время. А я смогу.

В черных глазах появляются заинтересованные искорки.

— Вы предлагаете мне...

— Брак по расчету и крепкий тыл. Я не буду настаивать на вашей верности — я уродина. Я знаю. Даже если вы привезете любовниц сюда, я не стану возражать. А я получу то, о чем мечтала с самого детства. Мой дом. Мой Карнавон.

Таламир смотрит с недоверием и удивлением.

— Я не ожидал таких слов.

Алаис позволяет себе пожатие плечами.

— Но вы же наверняка расспросили слуг. Вы слишком умны, чтобы этого не сделать. Меня зовут уродиной, да. Но назвали ли меня дурой?

Таламир качает головой. Алаис понимает, что идет по тонкому льду, но пока еще она не получила пощечину. Пока...

Она забавляет чудовище, как лягушка, перед тем, как быть сожранной, забавляет змею.

— Вы умны. По мнению некоторых — слишком.

Алаис пожимает плечами.

— Я получу свое, вы — свое.

— Что мне помешает...

— Убить меня? Ничего.

— Тогда какой смысл в ней для вас?

Алаис пожимает плечами.

— Я получу несколько лет жизни хозяйкой Карнавона. И... возможно, вы решите, что со мной удобнее. Так что убивать меня не обязательно. Или...

— Или умру раньше?

— Раз уж вы сами об этом сказали... милость короля эфемерна.

Таламир протягивает руку и крепко цепляет косу Алаис.

— Если ты меня обманываешь, девчонка, ты пожалеешь, что родилась.

Черные глаза встречаются с красными. Алаис смотрит спокойно. Ей надо выдержать. Совсем немного...

Но и Таламир умен. Впрочем, Алаис не допускает и тени сомнения. Она справится.

— Наконец, рука разжимается.

— Что ж. Я хочу получить с тебя задаток.

— Задаток?

— В честь твоих добропорядочных намерений.

Алаис смотрит непонимающе и мужчина едко ухмыляется.

— На колени, девка.

Алаис покорно опускается на колени. Если надо — она хоть весь день простоит.

— А теперь...

Завязка штанов распускается нетерпеливой рукой. Впрочем, того, что появляется на свет, Алаис уже не видит. Как и подобает благородной девице, она уходит в обморок. Кстати — непритворный. Просто разговор потребовал дичайшего нервного напряжения, а требование мужчины оказалось последней каплей.

Но своего она добивается.

Ей разрешают передвигаться по замку, к ней относятся уважительно, даже Таламир не настаивает на своих правах... а Алаис ведет себя пайнкой. Ровно шесть дней.

К ней приставляют служанок и Таламировых проституток. И каких усилий стоит девушке держать себя в руках — знает только Таня. Она справляется. А потом получает возможность утром выйти на улицу.

К морю.

Таня напряженно размышляет.

Да, она не религиозна, более того, она искренне считает, что любая религия — это такой коммерческий проект, часто весьма удачный для служителей культа. Но здесь-то не так! Безусловно, здесь есть храмы. Даже в замке Карнавонов есть такой. Он великолепен, отделан в сине-белых, серебряных и золотых, королевских тонах, сюда приходят люди и молятся, здесь есть служитель Ардена и жрица Мелионы. Но...

Герцог всегда считал унижительным для себя молиться вместе с обычными людьми. А еще... аристократия — она немного не такая, как обычные люди. Алаис вместе с семьей всегда ходила к морю, в маленькую, незаметную, скрытую за скалами бухточку. Здесь ничего не было. Ни икон, ни символики, просто скалы были построены самой природой так, чтобы здесь можно было встречать восход солнца. Ибо молиться всегда надо на восходе. На закате же служат только Ириону.

Алаис дико страшно, но все же она верит в себя.

Она из рода Карнавонов, ее желание может исполниться...

Только платить за это надо кровью и болью. Наверное, даже смертью. А желание у нее только одно — отомстить Таламиру. За все хорошее!

Сейчас Таня, живущая в ее разуме, могла осознать происходящее — и подивиться изощренности ума высших сил. И... результату неточного формулирования желаний. Не исключено, что если бы Алаис пожелала Таламиру сдохнуть — они бы умерли. Но она....

Девушка желала мести.

И высшие силы, живущие в океане, забрали ее душу. А вместо нее в разуме девушки очутилась Таня. Сильно подозревающая те самые силы в нечестной игре.

Интересно, не оказалась ли Алаис в ее теле?

И как тогда родные?

Нет, лучше об этом не думать.

Лучше вообще ни о чем сейчас не думать. Надо просто спать и восстанавливать силы.

И в снах девушки плескалась синяя вода мирового океана.

Снов хватило на два дня, потом пришлось вылезать в реальность. Окружающий мир нестерпимо вонял медом и чесноком, суетились рядом слуги и лекари, и кто-то громко заорал:

— ОЧНУЛАСЬ!!!

Над Таней склонилось озабоченное лицо пожилого человека.

— Тьерина, вы меня слышите?

Заяц, ты меня слышишь!?

— Слышу, слышу, — голосом Клары Румянцевой пискнула Таня. Получилось, видимо, неплохо. — Вы кто?

— Я лекарь, тьерина. Вас нашли без сознания на берегу моря. Что вы там делали?

— Молилась, — отрезала Таня.

— И о чем же?

Голос от двери окатил девушку такой волной холода, что у Тани даже волосы на ногах дыбом встали.

Таламир!

Так это НЕ СОН!?

Тане очень повезло, что высшие силы позаботились сохранить ей память Алаис Карнавон, иначе она бы вообще влетела, как кур в ошип. А так просто пискнула и уставилась остановившимися глазами. И — сознание отключилось. Перегрузки оказались слишком большими.

Что уж там говорил и делал появившийся в комнате мужчина, она так и не узнала.

Второй раз она очнулась ночью и принялась за инвентаризацию.

Болело все. Что не болело, того словно бы и не было. Болела голова, все тело было мокрым...

— Тьерина, вы пришли в себя?

Эту девушку Алаис знала. Бывшая служанка ее сестры, Алиты.

— Тарла, дай воды.

— Сейчас, тьерина.

К губам Тани поднесли стакан, и в горло девушке полилась восхитительная вода, смешанная с чем-то вроде легкого вина. Женщина глотала и размышляла.

Имя я назвала верно. Я... Алаис ее помнит.

Много чего помнит. И как Алита хлестала девушку по щекам за плохо выглаженное белье, и как требовала сидеть с ней ночами и читать вслух (спать? Слугам спать не полагается!) и как приказывала пороть за промахи...

Алаис со служанкой не пересекалась, ничего у той не просила. Не помогала, но и не мешала. А что сейчас?

— Тьер сказал, чтобы ему доложили, как только вы очнетесь.

— Вот ты сходи и доложи.

— Тьерина! Вы... я... я не пойду!

— Сходи, сходи, — попросила Таня. — Скажи, что кризис миновал, жить я буду. Глядишь, и награду за это получишь.

— Он же... зверь! Страшный!

Показалось Тане — или в голосе служанки сквозили какие-то неприятные нотки? А и то верно...

Вот чужие люди, враги, захватывают замок, а Тарла осталась жива, здорова (пара изнасилований в этом времени вообще не в зачет, так разминка перед обедом) и служит победителям? Да ее еще и к прежней хозяйке допустили?

Ой, неспроста.

Механизм самосохранения, выработанный за годы работы юристом в администрации области, включился незамедлительно.

Не позволять ни о ком говорить плохо в твоём присутствии! Обязательно донесут!

— А вот так о своём новом господине говорить не следует. Я ведь правильно понимаю, Ант Таламир теперь герцог Карнавон?

— Тьерина, он сказал, что король пожаловал ему эти земли.

— Вот видишь? Услышит кто — головы лишишься.

— Но вы-то...

— А что — я? Я жива только его милостью, и хорошо бы тебе о том не забывать. Иди, докладывай, — Таня попыталась рывкнуть, но получилось плоховато. Так, между сипением и шипением.

Служанку как метлой смахнуло, а сама Таня вытянулась на кровати.

Так, подруга, что мы имеем?

Бред это, или реальность и фэнтези, которое любила племянка Машка, а жить здесь надо всерьёз. Даже если меня будут убивать в бреду, я могу помереть в реале. Допустим, в бреду меня сожгут или повесят, а в реале от шока сердце остановится. Очень даже спокойно, слышала она о таких медицинских фактах. Так что до смерти не допускаем. Опять же, пусть это бред, но приятнее ж видеть себя на шелковых подушках и лопать халву, чем сидеть в подвале с крысами?

Тем более, что ощущения вполне реальны. Мутит, горло болит, голова разламывается, все тело по ощущениям потное, липкое и вонючее...

Так что относимся ко всему серьёзно, даже если это бред.

А если не бред — тогда тем более. Прогадить одну жизнь и сделать то же самое со второй?

Ну тогда, подруга, ты будешь заслуживать даже не ада. Такую вислоухую ослицу и оттуда выпихнут. И поделом.

На этом месте мысли оборвались, потому что явился Ант Таламир. За его спиной маячила Тарла, и Таня... нет, уже Алаис, поняла, что угадала. Либо девица на него работает за деньги, либо по идейным соображениям. Или соединяет два в одном, в любом случае, друзей у нее нет. Если бы Алаис сейчас начала умолять Тарлу о молчании, или говорить что-то плохое о Таламире...

Вторая жизнь закончилась бы, не успев начаться.

Но она повела себя правильно.

Мужчина смотрел внимательно. Выглядела тушка герцогской дочки, видимо, достаточно жалко, но его это не смутило.

— И как мне понимать ваш поступок, дорогая?

Сказано было с такой издевкой, что Таня поняла, один лишь звук, и песец ей придет мгновенно. И посмотрела виновато.

— Это была глупость, тьер. Я понимаю.

— Глу-упость?

Сказано было таким ироничным тоном...

— Я испугалась, — честно призналась Алаис. И не врала, кой тут врать? Еще как испугалась, прямо в этот момент. Были бы памперсы, так точно бы испугалась и еще больше, а так терпеть пришлось.

— И чего же, моя прелесть?

Горлум хренов, — ощерилась Таня внутри тела девушки. — Что б тебя тем кольцом, да за шею!

— Что вы избавитесь от меня сразу же после рождения ребенка.

Таламир на миг даже опешил. Ожидал он многое, но не настолько откровенного признания.

— А с чего...

— Я ведь не дура. Вот и пошла... помолиться и попросить о помощи.

— Чтобы я полюбил вас, и мы прожили долго и счастливо?

— Нет, — на такое Таня и в бреду рассчитывать бы не стала. — Чтобы вы поняли, что со мной выгоднее, чем без меня. И не были со мной слишком жестоки.

— Да неужели? А это не была попытка самоубийства?

Карие глаза были весьма подозрительными. Алаис вытянула руку вперед.

— Если бы я хотела убить себя, резала бы оба запястья. И резала бы не поперек, а вдоль вен, так кровь бы скорее вытекла. И не оставалась на берегу, а попробовала бы проплыть хотя бы сколько. Унесло бы меня в море — и все. И тела не нашли бы.

Кажется, такая мысль и Таламиру приходила в голову, потому что лицо его чуть дрогнуло, расслабилось.

— На первый раз поверю. На второй — отдам солдатам. Мне дура ни к чему, понятно?

— Да, монтьер, — титулование более знатного явно пришлось Таламиру по душе. Он подцепил длинную белесую прядь и сильно потянул за нее.

— Не разочаруй меня, девочка.

И вышел.

А Алаис пробрал холодный пот.

Чудом, чудом смерти избежала. Покажись этому хищнику, что она посягает на его территорию... ох епт! И костей бы не сосчитали. Скинули бы ее с башни в море, и привет рыбам. Заклинай там кораллы, сколько влезет!

Брррр....

Отморозок, как есть — полный и отморозок и выморозок. Страх пробрал аж до костей, мешая согреться под пуховой периной. Тарла суетилась вокруг Алаис, причитая, что ужас-то какой, но девушка ее не слушала. Она лежала, прикрыв глаза и изображая сон, пока служанка не угомонилась. А потом принялась анализировать дальше.

Тане в родном мире было далеко не пятнадцать лет. Она — юрист, за плечами у нее опыт работы в администрации города, а уж какой там гадюшник! Да приползи туда Ирион — беднягу бы ядом в три минуты заплевали. Она же проработала там малым не двадцать лет и умудрилась ни с кем не испортить отношений. Верьте, это очень немало.

А стало быть — считаем исходники и раскладываем все в две кучки. Плюсы и минусы.

Глав-исходник — она в другом мире. Это не плюс и не минус, это факт и с ним жить придется. А вот что из него следует...

Плюсы — она не крестьянская дочка. Она дочь цельного герцога. Она даже может наследовать за отцом. Она явно обладает какой-то фамильной магией (если ее просьбу слышали и совершили обмен душ! Не хухры-мухры!). У нее незаурядная внешность, отличное, по здешним меркам, образование и воспитание, есть кое-какие родные... так же из плюсов — два образования. Хим-био и юридическое. Причем первое получено еще до перестройки, мать ее изеху, и вколочено так, что по сию пору не забыто. Особенно классификация Линнея — в кошмарах снилась! Второе же, юридическое, отточено путем

долгой практики. И за столько лет прочно вросло в кожу, заставляя взвешивать и отмеривать. Как говорится, знание закона освобождает от ответственности и срока. Это из плюсов.

Минусы — все остальное. Герцога недавно свергли и казнили. И унаследовать она от него может только топор и плаху. Есть предположения, что ради нее новых заказывать не станут. Даже если она и обладает фамильной магией, то хвост ее знает, что там за магия, как она действует и когда проявляется. В разуме Алаис ничего по этому поводу не было. Да и вообще — судя по памяти, человек колдующий тут даже в сказках отсутствовал. Были только Морские Короли. Вот те — да! И вдоль, и поперек, только вот Алаис к ним — никаким боком. Увы... сладкие магические плюшки медленно таяли в небытие.

Незаурядная внешность?

Еще бы! Альбинос! То, что здесь они не котируются — факт. По местным меркам — урод уродом, не говоря уж о фигуре. Тут предпочитают статных, а она — дохлятина без видимых половых признаков. Первый размер груди и нулевой — попы. Кости, элегантно торчащие по сторонам. В покинутом ей мире — и то бы не котировалось. Своеобразная внешность? Так и Квазимодо запоминался! Квазиморда!

Образование? По местным меркам женщина, умеющая читать — уже роскошь. Ни к чему. Вышивать, рожать детей и управлять домом. Проверять управляющего будет муж, отец, брат, сын... нужное подчеркнуть, недостающее вписать самой. Так что образование тут никуда не пристроишь.

Воспитание? Шесть вилок для поедания дичи!? Лучше б драться научили! А то — сдыхоть!

Родные? Разве что Ланисия. Остальные ее видали... да-да, лучше — в гробу, меньше претендентов на наследство. Это еще если кто уцелел.

Теперь переходим к остальному.

Хим-био? Ну... ежели кому надо классифицировать барана — обращайтесь. В остальном же... у нее ж уклон был больше в биологию. Химия — в минимальных рамках, а жаль. Сейчас бы сварить нитроглицерин — и поднять замок в атмосферу! С Таламиром в качестве пилота!

Юридическое?

Ну-ну.... тому же Таламиру можно до утра доказывать полезность брачного контракта, только получишь, в лучшем случае, по морде. Сдался ему юрист, когда у него на поясе судья висит! Он же средневековый калькулятор для окончательных расчетов. Меч называется.

А еще у нее нет ни копейки денег, ни толковых знаний об этом мире, ни связей, ни влияния, ни какого-то умения — ни-че-го! Ей предназначена участи племенной коровы — если она еще переживет роды. А если нет — Таламир ей принесет букетик на могилку. В благодарность!

И куды бечь? И куды лечь?

Вариант Алаис отпадал как факт.

Конечно, можно сползть опять к морю, порезаться и попросить. Но...

Чудеса творит вера. А она искренне верит, что таким образом можно получить простуду, анемию и заражение крови. А вот с чудесами — напряг. Так что номер не пройдет.

Но ведь и перспективы были не лучше! Умирать-то тоже неохота!

А придется.

Таня мрачно констатировала, что следствием такой веселой жизни станет только ее

ранняя смерть.

Оч. ранняя. И Оч. мучительная, как пишется в анкетах. И заодно — полная унижений жизнь. Алаис-то торговалась, желая выгадать для себя время. А она?

Найдите хоть одну женщину, которую устраивают такие условия?

У тебя все, у меня ничего и дышать я буду только по твоему соизволению. Ага, ежели кто садо-мазо тематики начитался — это все в ролевых играх хорошо. А по жизни, когда тебя танком переезжают — вовсе не вдохновляет. Ни процесс, ни результат.

Алаис лежала в темноте, кусала губы и думала, что только присутствие служанки мешает ей материться на весь замок. А хотелось!

Ладно.

Есть вещи, от которых ей увернуться точно не удастся.

Брак. Это факт.

Придется и сесть, и влезть, удрать-то точно не получится. Алаис, чтоб тебя на том счете черти съели, после твоей выходки меня будут стеречь и охранять до самого пикового момента! Да и потом тоже....

Эххх....

Дальше — вопрос. Сильно-то Таламир ее калечить не будет, ему нужно, чтобы этот скелетик еще наследника выносил, но и не сильно... Как-то не вдохновляет получить по морде за неосторожное слово или подвергнуться законному изнасилованию. Когда-то она даже картинку видела, называется 'Наказание супруги', или как-то так? По голой попе розгами — не...?

Без романтики и подаренных потом брюликов, без подписанного контракта и 'стоп-слова', короче без всей цивилизованности садо-мазо.

А ведь и такое может быть.

Побег?

Да, пожалуй, что это единственный вариант. Но — нереальный. Ибо куда тут бежать, и к кому, и с чем, и как — совершенно непонятно.

Книжные дети — существа неглупые, иногда они намного умнее своих сверстников. Но тут другая беда — умом они повзрослели, а вот житейского опыта не набрали. Неоткуда. Теория без практики мертва...

У Алаис были книги. У Тани как раз житейский опыт.

Сейчас девушка размышляла.

Карнавон.

Неудивительно, что на него спустили Таламира. Государство в государстве. Расположенный на юго-западе Сенаорита, прибрежный, кусок от былых владений, но и так — чуть ли не четверть королевства, к тому же совершенно независимая. Рыбаки ловят рыб, купцы торгуют, контрабандисты тоже ведут свой бизнес, крестьяне подальше от моря пашут пашенку, герцог стрижет налоги и богатеет год за годом. И власть его растет.

К тому же — Карнавон. Древность рода такая, что королевский и рядом не стоял.

И что должен делать король? Вот с таким прыщом у себя на носу? Да только что выдавить его со всей силы. Набрал — и обрушился. Предыдущие герцоги как-то соблюдали систему противовесов, а нынешний зарвался. С кем-то не поделился, кому-то не доплатил, опять же, пошиковал в столице, ради обожаемой жены, союзы заключил... во-от! Дура ты, Алаис, дура. Нет бы сразу подумать!

Союзы!

Сыновья были помолвлены с семьями Шалон и Ларреш, Алиту выдавали за Эфрона.. Это был резкий скачок влияния. И король заволновался за свой трон. Кстати — небезосновательно. Отец, может быть, и не стал бы воевать за власть, а вот сыночки — запросто. Уж старший братец точно, та еще гадина была.

Кусочек души Алаис возмущается таким определением ее родного человека, но Таня безжалостна. Да, не красавица младшенькая получилась. И что? Это повод травить соплюшку? Ведь никто, никто не протянул руку... Только издевались и смеялись.

Твари!

Их вот в семье тоже трое было, но если бы Николай Семенович поймал Таню или кого из мелких на таком поведении — год бы потом попа чесалась. Права там детей, или не права, но свои обязанности механик хорошо понимал. Вырастить паршивцев людьми. А методы... Цель оправдывает трепку.

Кстати, факт показательный. Алиту помолвили с двенадцати лет. Алаис даже и не подумали — вот еще! И какая бы судьба ее ждала?

Ладно!

Бог с ним, с возмущением. Даже — Арден с ним. Делать-то что?

А что тут сделаешь?

Раз уж ты Таня, попала в этот мир и в это тело, надо действовать последовательно, не то костей не соберешь. Первое — перестать думать о себе, как о Тане. Она — Алаис Карнавон, девица из знатного рода, помолвлена с тьером Таламиром и собирается принести ему титул герцога и герцогство. Кстати, все ли тут продумал король? Все же кусок жирный, вдруг Таламир им не удовольствуется? Возьмет, да на трон замахнется? Может ведь!

Войско его любит, народ...

Э, нет. Народ своего герцога любил. Карнавоны — это род, Таламир же — безродная тварь, ставшая тьером за свои заслуги. На троне его не примут.

А вот его сына от Алаис...

Ох, епт! Этто что — еще и от киллеров отмахиваться? Вряд ли король дурее Алаис и не просчитал эту возможность!

Перспективы не радовали.

Замок наверняка набьют осведомителями, за Алаис установят слежку... делать-то что?!

А все! Дорогу осилит идущий....

Алаис вспомнила импровизацию, которую при ней как-то выдал брат.

Дорогу осилит идущий, бегущий, бредущий, ползущий, а тем, кто упал и сдается, подняться и не удастся. Поверь, что успех впереди, и молча, упорно иди.

Вот это мы и решим.

Выздоровливать — первое.

Повышать физическую форму — второе. А то мышцы, как сопли, даже сейчас ясно, пресса вообще нет, ноги небось и часа спортивной ходьбы не выдержат! Герцогесса! Тьфу!

Набирать ресурсы — третье. Чтобы и ключи от кладовых и фамильные брюлики, и энная сумма в заначке были. А то придется бежать, а денег нет. И будем распевать: 'денег нет, но в мире все замечательно, денег нет, но ты пожалуйста, держись!'. Ага, щас! Лучше такое 'Без денег жить нельзя на свете, нет, без них не будет супа на обед...'. Так оно правильное.

Никому не доверять — основное. Главное и единственное.

А пока — спать. Спать, зараза.

Нам еще замуж выходить, если открутиться не удастся.
С этой мыслью Алаис и отключилась.

Глава 3. Движение вперед, движение назад

Род Ольрат

— Ты же ее предаешь!!! Ты что — не понимаешь!?

Роман тряс Массимо, так что голова мужчины моталась, как у тряпичной куклы.

Бесполезно.

Массимо смотрел пустыми глазами абсолютно пьяного человека.

Да, не просыхал он уж пятый день как. Как похоронил Мариль, так и принялся заливать горе выморозками*, да в таком количестве, что улицу бы затопить хватило.

*** выморозки — дешевое крепкое вино, приготавливаемое путем вымораживания виноградного вина, прим. авт.**

Душа горела и болела.

Мариль...

Ее-то за что!?

Ведь соплюшка же, даже жизни повидать не успела! Ничего не успела...

И так мучительно! Подонки!

Один он остался...

Боль мешалась с пьяной жалостью к себе, затягивая Массимо в какой-то омут, в котором не было места реальности. Сестра, мать, отец, Мариль, все кружились перед ним в винном дурмане, Романа он просто не видел.

— ты понимаешь, что ее смерть не должна оставаться безнаказанной!?

Бесполезно. С тем же успехом роман мог взывать к изобращению Ардена, авось отзовется. Но деревянный лик, крашенный в бело-синие тона, молчал. Молчал и Массимо. То есть — мычал что-то нечленораздельное. То ли пел, то ли жаловался, то ли ночной горшок требовал.

— Тьфу!

Роман сплюнул на грубый дощатый пол, утопив плевком двух блох и таракана — и вышел из таверны, оставив Массимо, гд тот и сидел. Что толку с дураком вязаться!?

Раз так — он сам отомстит за любимую!

Пусть в Храме говорят про слуг Ириона, Роман точно знает, что Змей из Водоворота не вылез! Нож, которым перерезали горло Мариль, держала человеческая рука. И Роман не верил, что можно похитить человека просто так.

Тоолько не в их городе!

Обязательно кто-то должен увидеть, услышать, шепнуть знакомому, осталось совсем чуть-чуть. Узнать — кто, как, когда, кому...

Роман потратил уже кучу времени и сил, щедро платил уличным мальчишкам и нищим и сегодня, кажется, его ждет успех.

Ему назовут имя.

Имя, человека, в чью карету садилась Мариль. И с этого человека он спросит за все!

Семейство Даверт

Этан Даверт шел по залу, раскланиваясь со знакомыми. Врагами и недругами.

Друзей у него здесь не было.

Для быдла — Предстоящие все едины, их воля — воля каждого, воля Ардена, воля

верующих. Но это — для быдла. Люди посвященные знают иное...

Вот стоит Леорант. Стоит, жабеныш, пепелит его злым взором. Ненавидит до безумия, голыми руками разорвал бы Эттана, да не выйдет. Кто ж тебе, дурашке, виноват, что ты мальчиков любишь? Да не просто мальчиков, а маленьких, до десяти лет? И умудрился своей жирной любовью уходить до смерти уже троих в заведении госпожи Лошар? Соблюдал бы обет безбрачия, как подобает Предстоящему — и проблем бы не знал!

Вот кланяется Инторс. Этот тоже не любит, но надеется на милости. Ему хватило золота. Монетки сей достойный предстоящий любит больше, чем что бы то ни было. Оно и понятно, на что-то другое уже и сил не хватает, и возможностей, возраст-то почтенный. Почитай за шестьдесят жучку накапало.

А вот и Эльнор. А как ненавидящим взглядом-то жжет! Его б воля — сейчас бы кричал на весь зал, да не выйдет! Никак не выйдет, и не надейся. Доченька твоя, грех юности от любимой девки, сейчас в надежных руках. И если не проголосуешь как надо — ее насмерть затрахают.

Эттан мило улыбнулся Эльнору, наслаждаясь бессильной ненавистью.

А кто тебе лекарь, коли ты свое защитить не умеешь? Эттан отлично помнил, сколько золота, интриг, сколько сил пришлось ему потратить, чтобы защитить свою семью. Вальера, конечно, не была беззащитна, Тессани — род старый, говорят, еще с самими Лаисами в родстве, а те — отравители из первых. И Вальера этому ремеслу тоже обучена.

Эттан помнил, как был удивлен в свое время, обнаружив у Вальеры в прическе отравленную шпильку, а на руке — кольцо с ядом. Разными ядами, кстати говоря.

Лусию жена тоже учит, передает опыт, мальчишек пыталась, но те...

Луис — это его гордость и радость, истинный первенец. Жестокий, умный, сильный, верный, по-своему преданный ему, Эттану. Идеальный пес. Он всегда будет приносить добычу.

Самый хитрый и пронырливый — Эрико. Хоть и младший, но такой проныра, что без денег никогда не останется. Еще мальчишкой был, а уже пытался чем-то торговать со своими друзьями. И с купцами общий язык найдет. Даже с маританцами умудрится торговать, хотя вот уж эти твари — так твари. Вот с кем не договоришься.

Гвардия древних королей, чтоб их! Гордости немеряно, но и силы тоже. Ничего, вот он станет Преотцом — и найдет на них управу. Не обязательно атаковать в лоб, есть ведь еще и кинжалы, и яды, и интриги... сами еще запросятся под его милостивую руку.

Ну и третий сын. Родригу.

Тот попроще. Не такой хищный, как Луис, не такой хитрый, как Эрико, но быть предстоящим под умелой рукой отца, на это его хватит. Сейчас он ждет за дверями, вместе с остальными служителями. Заодно и прислушивается. Вот уж кто не умеет язык держать за зубами, так это вся прислуга. А уж как ее назвать... Лакей ли, служитель... Единообразно.

Ничего, пусть сплетничают. Перессказать их разговор, на это и Родригу хватит, а уж Эттан потом из общей навозной массы выловит крупинки золота, это он умеет.

Да, если сегодня все пойдет как надо, следующее утро он встретит в голубой мантии, расшитой жемчугом — одеждах преотца.* А если нет...

Тогда его и в живых не будет.

* Священники в мире Рамтерейи носят бело-голубые одежды, как знак того, что людей создали из воды и морской пены. Служители, самый низкий ранг, носят белые одежды, возносящие носят белые одежды с голубой отделкой, Предстоящие носят

полностью голубое одеяние с белой оторочкой по вороту, рукавам и подолу, и только Преотец имеет право носить голубое, расшитое морским жемчугом, прим. авт.

Но в свою судьбу Эттан верил твердо. Он рожден для власти, рожден, чтобы стать Преотцом, и король будут ему кланяться. Он этого добьется, сделав Тавальен — Великим.

Не на словах, а то сейчас власть Престола хоть и велика, но конечна. А он сделает так, чтобы она была распространена на всех трех континентах.

О, как хорошо Эттан помнил свою юность.

Голодный сын нищего тьера, у которого и было-то добра — шпага и пяток золотых в кошельке, приехал в Тавальен на поиски славы и богатства. Попробовал записаться в гвардию, но быстро понял, что это — не его. Славы там не снискать, если будет война, гвардейцев, может быть, на передовую и не пошлют, но убьют достаточно быстро, а деньги...

С вечно задержанным жалованьем?

А чего б его и не задерживать, если в гвардию в основном и шли вот такие тьеры, как он. Вторые и третьи сыновья, которым ничего не светило дома, кроме кошелька с монетами...

Требовать деньги им не позволяла гордость, вот и шлялись от пьянки к гулянке, от трактира к таверне... Эттана это не устроило и он начал присматривать кормушку пообильнее. И — наткнулся!

Храм же!

И служители Ардена!

Нельзя сказать, что они жировали все, без исключения, но юного Эттана сильно впечатлил возносящий Лоуренс. Эттан тогда ухаживал за тьериней Виальт и не был удивлен, что та предпочла возносящего. Как-никак тот мог красиво ухаживать, дарить цветы, драгоценности, и самое обидное — его нельзя было вызвать на поединок. За это могли и в подвалы Храма упечь. Святотатец же! Покушение на церковь Ардена!

Еретик!

Эттан подумал — и на него снизошла благодать. Он побеседовал с возносящим Лоуренсом (мир праху его, святой человек был, жаль, помер от дурной болезни), и получил пару полезных советов.

- Понимаешь, есть ли там Арден, или нет — кто ж его знает? — рассуждал возносящий, аккуратно отпивая глоток травяного отвара и промокивая губы батистовым платочком. — А вот верующие, те точно есть. Их много, они с деньгами и так и напрашиваются, чтобы их стригли. Сам посуди, мы же зовем их паствой, а что добрый пастырь делает с овцами? Правильно. Разводит, стрижет, режет на мясо, ну и пасет, чтобы куда не надо не забредали. Или — ха-ха — дурные мысли в тупые головы к ним не забредали. Вера? А кто тебе мешает верить в Ардена и дальше? Только написано в книге Его — не согрешив, не покаешься. Вот и грехи, ибо больше радости ему будет об одном раскаявшемся грешнике, нежели о десяти праведниках. А покаяться всегда успеешь, уж возносящий — возносящему грехи всегда отпустит.*

Эттан слушал и принимал к сведению. Умный же человек говорит, и правильные вещи говорит. И что пастырь должен быть умным, и что негоже допускать на такие места всякое быдло, и что избыток веры тут только вреден...

* автор просит прощения у тех, кого могла оскорбить подобная трактовка и напоминает, что тьер Даверт — человек глубоко непорядочный, ему можно. Прим. авт.

Управляют ведь не верой в разумность овец, а кнутом и собаками. И это — правильно.

Эттан внял. И стал служителем. Быстро сделал карьеру и стал возносящим. Повстречался с Вальерой, но отношения с ней узаконивать не стал. Ему хотелось быть Предстоящим, а семейным на эту ступеньку путь был заказан. Спать — можно, детей плодить можно, а вот в Храм — ни-ни. По счастью, Вальера поняла и поверила. И даже родила ему четверых отличных детей. Каждому найдется применение, особенно крошке Лу.

Да, дочка получилась очаровательной, как маленький вьелерин! На такое сокровище он еще поймает крупную рыбку. Очень крупную...

Задумавшись, Эттан едва не пропустил момента, когда все предстоятели направились в Зал Избрания. Сейчас двери за ними закроются и на помосте зажгут костер Избрания. Пока его дым белый. А когда изберут Преотца, в него бросят порошки, меняющие его дым на синий.

Да, так вот. И никаких чудес.

Образа с проколотыми дырочками, чтобы благоисточили, специальные системы зеркал в храмах, благовонные травы, вводящие людей в блаженное состояние, правильные молитвы — да много чего используют в своей работе Возносящие. Верующий должен повиноваться и верить. Нести деньги в Храм, а не думать. Молиться и работать. А думать за него будут другие.

С сегодняшнего дня — он. Преотец Эттан Даверт! Иной мысли Эттан и не допускал, вот еще не хватало! Только вперед!

Только к победе!

Комната избрания была обставлена со всеми удобствами. А как еще? Вдруг им тут сутки сидеть придется, бывало и такое — и на голом полу, что ли? Нет уж!

Роскошные кресла были обиты голубым бархатом, и манили, призывая опустить в них усталое тело, тяжелые столы были накрыты всевозможными яствами. Не избирать же Преотца на голодный желудок? Мужчины один за другим опускались в кресла, накладывая себе на тарелки что понравится. Слуг тут не водилось.

Исключение было одно.

Кресло во главе самого большого стола мог занять только Преотец. Пока его не выберут — никто не смел опустить свой зад на потертый белый бархат.

Какое-то время в комнате царил молчание. Потом его нарушил предстоящий Туаран. По возрасту он уже не годился в Преотцы, поэтому мог спокойно вести собрание.

— Что ж, братья мои, мы сегодня собрались, чтобы выбрать нашего Преотца. Я знаю, что мы рассматривали кандидатуры предстоящего Даверта, — Эттан вежливо наклонил голову. Он не ел, а стоял пока в сторонке, прислонившись к колонне и потягивал вино из золотого кубка. К слову сказать, жабий камень* уже был в нем — мало ли, что может произойти до избрания? Жить хотелось. — Предстоящего Тинура и предстоящего Эльнора. Прошу поднять руки тех...

*** жабий камень — мифический синий самоцвет, который можно было найти в голове жабы. По поверью, менял цвет, попадая в отравленный напиток, прим. авт.**

— Я отказываюсь от места Преотца, — подал внезапно голос Эльнор. — Пусть мой голос будет за Даверта.

Эттан не расплылся в улыбке, но был к этому очень близок. Так-то тебя...

Прихватить твою незаконную, но любимую дочку, и ты все. Что хочешь сделаешь. Вот от него, Эттана, такой глупости отродясь не дождешься. Он просто вычеркнул бы Лу из своих планов, но отказаться от тиары Преотца?

Никогда!

Предстоящие зашумели и прошло не меньше десяти минут, прежде чем слово опять взял предстоящий Туаран.

— Тогда у нас есть предстоящий Тинур и предстоящий Эльнор. Итак, братья...

Эттан посмотрел на Тинура. Сейчас должен отказаться и этот. Потому что не надо, вот не надо прихожанок в келье охаживать. И Эттан уже пообещал ему, что это будет обнародовано. Такая клякса на одеждах Преотца!

Тинур резко выпрямился.

— Я буду счастлив возглавить церковь Ардена, братья! Если вы выберете меня, я не подведу!

Эттан скрипнул зубами.

Ах ты...

— Тинур, а как же тьерина Илона? Или тьерина Луиза? Они одобряют твоё избрание? Тебе ведь придется их бросить, — поинтересовался он самым медовым тоном.

Тинур пожал плечами.

— Грешен, братие. Но пусть тот, кто без греха, первый толкнет меня с обрыва! Ибо сказано, что не стоит говорить о пятнах на одежде соседа, когда твоя вымазана в навозе.

— И чья же одежда вымазана?

Любой кто знал Эттана, понял бы, что Тинур только что подписал себе смертный приговор. Если Эттан станет Преотцом, то Тинур уже не выйдет из подвалов Ордена. И отправится туда сразу же после избрания.

— Я говорю о тьерине Тессани, которая родила вам, брат мой, четырех незаконных детей. Это для Преотца ещё страшнее.

Эльнор сложил руки в молитвенном жесте.

— Грехи моей молодости... Да, я был юн и глуп. И не могу сейчас оставить бедную женщину своей заботой. Вы же понимаете, что одна, с четырьмя детьми на руках... разумеется, я помогу ей. А кто бы бросил ее в этот момент?

— Мне известно, что ваша связь продолжается и по сей день, — парировал предстоящий Эльнор. Ах ты... гадина! Все же умудрился змеиный хвост подложить! — Я не думаю, что это допустимо для Преотца.

— Разумеется. Любые связи между нами будут невозможны, — кротко согласился Эттан. — То, что простительно Предстоящему, не спустят Преотцу. Так что если меня выберут, тьерина Вальера не увидит меня более в своем доме.

Как водится, обещание было вполне двулчным.

В своем доме и не увидит, но став Преотцом он сможет купить ей другой дом, под защитой башен Ардена. Мало ли кто... Мало ли что...

Мог бы и сейчас, но слишком крупные траты привлекут к себе внимание. Ни к чему сейчас такое, вот займет он свое место (да! Свое!) тогда и покажет всем, где Ирион лежит!

Предстоящие переглянулись. С одной стороны — они и сами были не без греха, известно ведь, что законы пишутся для стада, А не для пастырей. С другой...

Кого поддержать?

Хотя у большинства выбора не было. Эттан Даверт не собирался прощать предательства

и нагадить мог очень сильно.

— Итак, предстоящий Даверт и предстоящий Тинур, — провозгласил Туаран. — Пусть принесут чашу — и делайте ваш выбор, братья. Голубой камень — предстоящий Даверт, белый камень — предстоящий Тинур.

Как не был уверен в себе Эттан, а все же душа ушла в пятки, когда камни посыпались в чашу. Один за другим, они глухо щелкали по простому деревянному дну, и каждый раз его сердце вздрагивало, когда подходящий к чаше человек оглядывался на двух предстоящих.

Тинур смотрел на Эттана так, что Даверт ежеминутно ожидал воспламенения, и сжимал кулаки. Сам же Даверт был спокоен и вальяжен, словно не происходило ничего важного, будто он не рисковал жизнью в эту минуту...

Впечатление он производил, что тут скажешь. Небрежная поза, скучающий взор, рука, сжимающая бокал, не дрожит...

Наконец чаша наполнилась — и предстоящий Туаран поднял ее двумя руками, а потом перевернул над специальным столом. Пусть все видят, что избрание не подделано, что камни не подменили при пересчете...

Голубых камней оказалось тридцать один.

— Поздравляю вас, преотец Даверт.

Туаран первым склонился в поклоне. Кстати, его Эттан даже не подкупал. Будучи старым и неглупым, предстоящий Туаран искренне считал, что во главе стаи должен стоять самый хищный зверь, а таковым он полагал Даверта. И, Эттан был уверен, его камень был голубым.

Что ж, при случае, Эттан это вспомнит. И поблагодарит старика.

Эттан выдохнул — и поклонился в ответ, не обращая внимания на ненавидящие взгляды.

— Обещаю приложить все усилия для возвеличивания Храма Ардена в королевствах!

Даверт и не знал, что в момент его наивысшего торжества, судьба подложит ему свинью.

Тьерина Мелания нервничала.

Тьерина Мелания переживала.

Тьерина Мелания строила планы побега.

Ну разве могла она позволить, чтобы из-за нее, отец оказался в зависимости от этих гнусных Давертов?

Конечно, нет!

А потому...

Надо было просто выбраться из домика через окно, так, чтобы не заметили эти мужланы (а им и дела до нее нет, сидят на поляне, играют в кости), добраться до дороги, а уж там...

Вот в романе тьерина Коломбетта повстречалась с переодетым принцем, они полюбили друг друга и бросились родителям в ноги. А тьерина Адалетта встретила на дороге графа, который как раз был в печали после смерти супруги, и у них было еще много испытаний, но потом-то все было хорошо!

Так что надо только сбежать!

О жизни тьерина Мелания знала ну очень мало. Отец любил ее, берег, воспитывал в

монастыре под присмотром доверенных лиц, а потому все ее знания были почерпнуты из романов. О том, что в лесу водятся волки она теоретически знала, но ни в одном романе волки не загрызали главную героиню! Могли погонять по лесу, а потом являлся герой и спасал ее. Так что побег тьерина тоже воспринимала, как восхитительное приключение из романа. А о том, что ее могут обидеть, даже и не задумывалась.

Её?!

Обидеть?!

А за что? Это же она, она хорошая, она никому ничего плохого не сделала...

Так что тьерина обдумывала планы побега — и наконец, решилась. Взяла столовый ножик и принялась открывать окна. Одно, второе... есть!

Не прошло и десяти минут, как ставни растворились. А всего-то дел, просунуть нож в щелочку и приподнять засов, совсем как в 'Похищении Армелинды'! Вот какая она молодец! Теперь надо бесшумно вылезти в окно...

Тьерина мрачно вздохнула, подоткнула повыше юбки, подставила стульчик и полезла.

Караульщики так и играли в кости, когда тьерина выбралась с противоположной от них стороны и тихо-тихо направилась в лес, едва дыша, чтобы не услышали.

Может, ей и удалось бы уйти в лес, и попасться там на зубы особо невезучему и романтичному волку, но...

Пауки в романах тоже не водятся. Разве что паутина, которая может обнаружиться где-нибудь в углу старинного замка. А вот в лесу — водятся. И вырастают до размеров ногтя на большом пальце руки, и обладают отвратительной внешностью...

А еще у них есть такая привычка — если в их паутину влезть прической, они вполне могут упасть неосторожному типу на голову. Что и произошло.

Тьерина Мелания завизжала так, что лес дрогнул. А уж как подскочила ее охрана...

Девушка поняла, что раскрыта и помчалась в лес, не особо разбирая дорогу. За ней рванулись вояки, понимая, что за побег девчонки Даверт из них ремней нарежет...

Тьерина бежала, и было это вовсе не как в романах. Лес почему-то оказался буреломным, сухостойным и паутинным. И сколько всей этой мерзости она собрала на прическу и платье — неизвестно.

Позади топали тяжелые сапоги, девушка летела уже не разбирая дороги, а герой все не приходил и не приходил.

А потом земля вдруг вывернулась из-под маленьких ножек.

Двое мужчин стояли над бездыханным телом.

— Ирионова глотка, — мрачно произнес Дим.

Его более молодой напарник выражался куда как изощреннее. И было отчего.

Убегая от погони, тьерина Мелания не заметила звериной ловушки (Ирион сожри всех браконьеров) и попала прямо в нее. И сейчас тьерина больше всего напоминала бабочку на булавке.

Заостренный кол пробил ее насквозь. Девушка скончалась раньше, чем ее вытащили из ямы.

Мужчины смотрели на нее и прикидывали, что с ними сделает Даверт.

— Шею свернет, — подумал Дим.

— Это если повезет, — откликнулся напарник.

Эттан Даверт не прощал подобных промахов, его сын тем более, так что...

Спустя двадцать минут на поляне никого не осталось. Тело девушки мужчины оставили в доме, заперев его на все засовы, так хоть зверье до нее не доберется. А сами сняли с нее все имеющиеся драгоценности и направились в Тавальен. Если повезет, до вечера их не хватятся — и они успеют уехать. Хоть и тяжело покидать насиженное место, а все ж жизнь дороже...

Эттан выходил из зала победителем. Очаровательная улыбка, поклоны...

Эльнор догнал его на выходе.

— Мелания...

— Ваша дочь будет возвращена вам к завтрашнему вечеру. — тихо ответил Даверт. — Раньше просто не успеть. Как вы понимаете, сегодня я буду немного занят.

Эльнор скрипнул зубами, но что он мог сделать? Только предупредить.

— Если с ней что-то... я вам глотку перерву, Даверт.

Эттан ответил сопернику улыбкой победителя.

Глотку он перервет! Смешной дурак!

Да что ты успеешь-то?

Сейчас, когда я стал Преотцом, я как следует прополю ваш огородик. Должен быть — Я. А вы должны слушаться меня, покорно выполнять приказы и не иметь своего мнения. И уж тем более не метить на мое место, вот еще не хватало!

Так что предстоящего Эльнора ждала печальная судьба. Рано или поздно, скорее, рано, Даверт доберется до его горла, а уж как это будет обставлено...

Может быть, встреча с разбойниками на проселочной дороге, может быть, подарок с отравленной иголкой, может быть, арбалет на темной улице — это уж как повезет. Что будет выгоднее.

Но — покойся в море, предстоящий Эльнор, как говорили раньше еретики. Это ж надо, было ведь время, когда умерших хоронили в море...

Да, надо будет активнее бороться с суевериями.

Эттан отлично знал, кто до сих пор поддерживает их, и собирался ловить людей на их маленьких слабостях. Или — не маленьких.

А девчонку можно вернуть Эльнору, и даже нужно. Когда предстоящий совершенно случайно отравится рыбой, можно будет подумать о подходящей партии для соплячки, чтобы получить хотя бы часть состояния Эльнора.

Даже во враге должно быть что-то хорошее.

Например, его деньги, которые могут стать твоими.

Род Ольрат

Когда на голову Массимо вылилось ведро холодной воды, он только замычал. Пьяный туман у него в голове одним ведром было не вышибить, тут бочка нужна была.

Вот туда бедолагу головой и сунули.

И поболтали еще как следует, чтобы прочухался. Раз, другой, третий... потом Массимо разлепил глаза и издал стон.

— Ой... где я?!!

Крепкая затрещина вышибла остатки тумана. На него смотрел Тимус Шернат, отец Романа. Старый кожевник был чем-то весьма недоволен.

— протрезвел? Или еще добавить?

— Да пошел ты... Ириону под хвост, — огрызнулся Массимо. — Чего ты ко мне лезешь?

Еще одна оплеуха прилетела быстрее ветра. В обычном состоянии старый вояка увернулся бы от нее, но сейчас, после многодневного запоя? Да его бы и муха крылом сшибла...

— Завтра Романа хороним. И ты там будешь, понял, дурак старый?

Новость опарашила Массимо вернее дубинки. Он завозился на вытоптанной земле Шернатовского двора. Пытаясь подняться и развозя по себе месячную грязь.

— Как... Роман?! КАК!?

— А вот так. Ты соображать-то в силах?

— Да уж не дурее тебя, — огрызнулся Массимо.

Тимус кивнул на бочку с водой. Рядом с ней лежала на скамейке чистая одежда.

— Вымойся, переоденься, да приходи в мастерскую. А то от твоей грязи у меня все шкуры попортятся.

Только сейчас Массимо обратил внимание, что они находились в кожевенной мастерской. Не в городе, нет.

Кожевники жили в городе, а вот работали они как раз за городом. Уж больно смердели их дубильные чаны. Так что градоправитель в обязательном порядке отправил кожевников и углежогов за городские стены, за что и был нежно любим населением и ненавидим кожевниками. Но... воняло ж!

Воняло и сейчас.

Но аромат Массимо с лихвой перекрывал вонь чанов с едкими веществами и сохнувших бычьих шкур на распялках. От него пахло так, что...

А как может пахнуть после такого долгого запоя?

Мужчина вздохнул и направился к бочке. Мыться и еще раз мыться.

Шернат ждал его в доме.

— Поговорим?

— Да.

От Массимо после экзекуции все еще попахивало, да и бороду с волосами подстричь не мешало бы, но сейчас от него бы лошади не шарахались.

Тимус кивнул на стол.

— Много тебе нельзя, но бульончик попей. А я пока расскажу.

Желудок Массимо отозвался на слово 'бульончик' нежным урчанием. Ольрат и не заметил, как уговорил большую миску. Тимус смотрел строго.

— Можешь теперь разговаривать?

— Да.

— Тогда слушай. Когда Маришка умерла, Роман был сам не свой. Ходил, как чумной, но запивать горе не пытался, у меня не забалуешь. А зря...

— Зря? — искренне удивился Массимо.

— Запил бы — жив остался. А он решил найти тех, кто убил Мариль.

Массимо напрягся.

— И!?

— Нашел. Только не он — их, а они его. Видимо.

— Рассказывай, — попросил Массимо. И превратился в слух.

А история вырисовывалась печальная. У Романа и Мариль все было серьезно, ребята пожениться собирались, любовь цвела пышным цветом, так что гибель любимой девушки Роман принять отказался. Нет, если бы Мариль, например, утонула в море, или случайно погибла... случайно! Там — да! Воля Ардена и никто не виноват.

А тут-то убийство!

И никто не может найти этих негодяев! Никто! Никому это не интересно!

Логическая цепочка оказалась простой.

Никто не может найти — никто не ищет — никому не нужно — я сам найду мерзавцев — Мариль не останется неотомщенной. Да, церковь Ардена не одобряет мести, считая, что Арден воздаст всем по заслугам.

После смерти достойных вьелерины уведут по солнечным лучам, а недостойные души пожрет Ирион. Но во времена морских королей считалось иначе.

Если ты видишь несправедливость или зло — останови его. Если не можешь остановить — отомсти, чтобы такого не повторялось впредь. А если ты отвернулся, то ты виновен и в том, что случилось, и в том, что случится. Ибо негодяй непойманный становится вдвое наглее.

Вот Роман и решил поймать, схватить и донести градоправителю. И пусть убийц казнят на площади. Ради такого случая он и сам топор в руки возьмет, что уж там!

Тимус видел, что сын чем-то занят, но наивно радовался. Все не запил, в море не бросается, о самоубийстве не говорит, понимает, что жизнь продолжаться должна...

Когда мальчишку нашли с перерезанной глоткой, тогда-то правда и выяснилась. Отцу Роман ничего не сказал, открылся он только старшей сестре, с которой был близок. И та, дура безмозглая, нет бы вправить мальчишке мозги, или хотя бы Тимусу сказать, он бы сам справился, поддержала сопляка в его начинаниях! Мол, ищи, Рома! Обязательно ищи!

Ревет теперь в три ручья, понимает, что наделала.

Она-то думала, что Роман побесится, да и успокоится, а там она ему и подружку новую подберет. У ее мужа кузина хорошенькая.... ыыыыыыы....

— Дура, — кратко высказался Массимо. — И?

— Тем вечером... он ведь ей все рассказывал, вот и тогда... Пришел к ней Ромка мой весь веселый, довольный, говорит, пожелай мне удачи, я такое нашел... она спрашивать начала, а он рукой махнул, мол, времени нет, да и сбежал. Сказал, что может узнать, кто Маришку убил.

Массимо стиснул челюсти. Имя племяшки отдавалось тупой болью в груди, под сердцем...

— Ты думаешь, он и правда кого-то нашел?

— Его нашли. За городской стеной, горло перерезано, а ограбить не успели. Понимаешь, что это значит? Перстень, кошель — все при нем осталось.

— Не грабили, не просто убили... нашел?

Сейчас Массимо было еще хуже. Он смутно помнил Романа через пьяную муть... и не смог не признаться Тимусу.

— А ведь Ромка и до меня пытался достучаться. Ты сказал — сестра, а выходит, что и я не умнее. Коли б я не пил тогда, что та лошадь, не пошел бы он один, уж я бы его прикрыл...

— Ага. Или лежали б вы там оба. Рядышком.

Доля истины в этом была. И Массимо это понимал. Но...

— На похороны я приду.

— И опять запьешь? Не хватит ли?

— А ты что предлагаешь?

Тимус опустил на столешницу сжатый кулак. Стол мягко крикнул, хоть и был дубовым.

— Я сына никому прощать не собираюсь. Будь там хоть Преотец, хоть король, а за мальчишку мне ответят.

— Тоже искать будешь?

— Будем. Вместе будем. Где ты чего услышишь, где я... а там и разберемся. И... я их в живых не оставлю. Помогать будешь?

— Тебе нельзя. У тебя семья, дети...

Массимо понимал, что выход тут только один.

Конечно, можно сейчас заявить: 'вот, как твоего-то ребенка коснулось, так мигом побежал...!', получить по морде от Тимуса, пойти и опять нажраться. Запросто. А потом и сдохнуть где-нибудь под забором, валяясь в пьяной блевотине.

А можно...

Можно попробовать узнать то же, что и Ромка.

Уж если малолетний сопляк смог что-то раскопать, то они с Тимусом, двое умных мужиков, знающих, что почем в жизни, тем более справятся. А когда найдут тех, кто убил ребят...

— Я сам их убью, — тихо произнес Массимо.

— Что? — отвлекся от созерцания стола Тимус.

— Я. Сам. Их. Убью.

Тимус не стал спрашивать — кого. И так понятно.

— Не доверяешь? Я хоть людям глотки и не резал, не наемничал, а все ж рука не дрогнет.

— Не потому, — отмахнулся Массимо. — Ты сам подумай. Убийство Маришки — не первое, а результатов никаких нет. Ни слухов, ничего... значит, это кто-то высокий. Очень высокий. И Романа как-то быстро убрали... узнать бы, кто еще умер в городе, может, пойдем, с кем он должен был встретиться...

— Соображаешь, когда захочешь.

Массимо пожал плечами. А что тут сложного?

— Если это кто-то из тьеров — убивать должен я. И только я. У тебя дети, дело... ты из города никуда. А я перекаати-поле. Продам тебе свое имущество, да и поминай, как звали. Не обидишь старика?

Тимус прищурился.

— Ну, коли так...

— А иначе и не складывается. Прав ты, надо тех гадов искать, еще как надо! И взыскать с них за нашу малышню. Неповадно им будет детей убивать, попомнят они нас.

Глаза Массимо горели злыми огнями.

Месть бесплодна?

Она иссушает и разрушает душу?

Скажите это тем, кто потерял своих близких. Скажите это, глядя в глаза отцу, у которого отняли ребенка. Попробуйте посмотреть в глаза страдающей матери. И может быть, тогда придет понимание. И осознание разницы между мстью и справедливым возмездием.

Зло надо останавливать.

Иногда даже ценой собственной жизни.

Семейство Даверт

Луис попал домой только поздно вечером.

Точнее, сейчас он ехал домой. Конь чувствовал состояние всадника и осторожно переставлял длинные стройные ноги, косил по сторонам умным лиловым глазом, да и почти сам выбирал дорогу.

И верно, Луис за сегодняшний день так вымотался, словно Тавальен на плечах держал.

В определенном смысле так оно и было.

Мало стать Преотцом. Надо еще удержаться.

А потому, как только Луис понял, что они с отцом выиграли первую партию, он тут же начал вторую. Дал сигнал братьям, и начались переговоры. Предварительные были проведены еще до вступления Даверта в должность, а вот теперь начиналась настоящая игра. Тавальен должен поддерживать своего Преотца, иначе... разное бывало. Очень разное.

От всех кинжалов и ядов не убережешься.

Поэтому на Эрико сегодня были переговоры с купцами, Родригу навестил церкви, в которых поддерживали Давертов, и уже с обеда Тавальен услышал, как повезло Ардену, что Его интересы будет представлять такой замечательный Преотец, а сам Луис разговаривал с тьерами.

И лучше б он камни таскал!

Каких сил ему стоило сдержаться и не поубивать половину заносчивых ублюдков, которые смотрят на него сверху вниз...?!

То есть смотрели бы, и цедили бы слова, и пытались бы... с Эрико и Родригу это проходило. А у него характер не тот, его лучше не трогать. Вспыхнет — не погасишь.

Самым заносчивым ублюдком Тавальена Луис числил себя. Причем это относилось и к происхождению, и к его душевным качествам.

Да, он ублюдок! Незаконнорожденный, пусть потом отец и признал его! И плевать!

И он заносчив, а почему нет?

Что у этих тьеров есть такого, чего нет у него? Деньги?

Он богаче многих! Слава? Умение обращаться с мечом или с женщинами? Смешно...

Большая часть сил у Луиса ушла не на убеждение, нет. Просто на то, чтобы не переубивать половину убеждаемых.

Но сейчас он хоть поспит пару часов...

Ага, как же!

От стены дома отделилась тень. Рука мужчины автоматически скользнула к рукояти меча. Мало ли кто там под ноги коню бросается... даже и с самыми лучшими намерениями!

— Монтьер Луис...

— Дим?!

Луис мгновенно узнал старого вояку. Но... что случилось? Он же должен был быть в лесу?!

Дим склонил голову.

— Монтьер, мне надо вам рассказать. Произошел несчастный случай.

Луис огляделся по сторонам и кивнул на ближайший кабачок.

— Посидим там? С ног валюсь...

Другому он век бы такого не сказал, но это ведь Дим! Тот самый, который учил его

держат меч, который фехтовал прутиком с юным Луисом, который так заковыристо ругался, что братья специально прятались неподалеку, чтобы подслушать, который...

Короче, тот самый Дим, который неотъемлемая часть жизни, потому что Луис не помнил себя — без него рядом.

Ему можно.

В кабачке было грязно, воняло прокисшим вином и мочой, кабатчик, жирная харя, почуяв добычу, бросился к новым клиентам, но Луис без пререканий швырнул ему золотой.

— Чтобы нас никто не беспокоил.

— Монтьер! Может, вина? Розовое атрейское, например? С истаунских виноградников? Луис усмехнулся. Розовое атрейское?

Красное разбодяженное дешевым самогоном, так вернее.

— Не беспокоить.

Кабатчик понял намек и тут же испарился, словно и не было его рядом. Луис уселся за порезанный ножами грязный стол, стараясь не прислониться к нему одеждой — потом только выкинуть. Эту, с позволения сказать, мебель веками пивом поливали, не иначе.

Диим уселся напротив, посмотрел серьезно и грустно.

— Тьер Даверт, все плохо.

Луис мгновенно обратился в слух.

Дим коротко, не щадя себя, рассказал о попытке побега дурочки, и объяснил, что из этого вышло. Луис внимательно слушал, и все отчетливее понимал — плохо.

Очень плохо.

Тьера Эльнора придется убирать как можно скорее, а это не итак просто.

Не бойся грешным быть но бойся грешным слыть. Высокая политика, Ирион ее сожри! Если Эльнор погибнет в ближайшие пару месяцев, Эттану не отмыться. То ли он убил, то ли по его приказу убили, но история-то была!?

Отрицает?

Точно была!

И ведь предстоящий в жизни не поверит, что его дочь пострадала по своей собственной дурости. Луис в три этажа мысленно обматерил сочинителей дамских романов.

Ну да, там обязательно будет героиня, которая переживет кучу приключений, потом выйдет замуж за своего принца и будет жить долго и счастливо, Лу тоже читает такую дребедень, но, во имя Ардена, кто, вот кто сказал дурочкам, что они — главные герои в сказке?! В любой!?

Жизнь — она вообще на сказку не похожа, грязное это место, и дело грязное.

— Ты уезжаешь из города?

Луис не был глуп, а уж построить простейшую логическую цепочку было для него делом минуты.

Мелания мертва — Эттан не простит — лучший способ помириться с Эльнором или хотя бы потянуть время — выдать ему виновных головой — виновен Дим, в том числе — если над бежать и прятаться. И подальше, подальше.

— Семья уже уехала. Я задержался, чтобы предупредить вас, монтьер.

Луис кивнул. Преданность он ценил, но сейчас... чем он мог ответить? Только снять с пояса тяжелый кошелек. Того, что там лежало золотом, хватило бы крестьянской семье на пару лет скромной жизни.

— Вот. Возьми.

— Не стоит, монтьер.

— Деньги лишними не бывают, Дим. У тебя дети...

Старый вояка поколебался, а потом принял кошелек.

— Благодарю, монтьер.

— Да, и это тоже.

Перстень с изумрудом лег поверх кошелька.

— На черный день.

— И снова благодарю, монтьер.

— Уходи, Дим. Завтра я отвечу отцу, что ничего не знаю о тебе, и это будет правдой.

Кошелек и перстень незаметно исчезли в кармане Дима. Мужчина поднялся из-за стола.

Задержался, глядя на Луиса, шевельнул губами, словно хотел что-то сказать, но так и не решился. Протянутая рука повисла в воздухе. Вместо этого Дим четко, словно на параде, отдал честь — и вышел вон.

Луис проводил его взглядом, потом хлебнул из кубка, закашлялся...

Мерзость...

Вино полностью соответствовало его душевному состоянию.

Детство Луиса нельзя было назвать теплым и радостным.

Ему пять лет, и мама подарила ему щенка.

— Это твой пес, малыш мой. Как ты его назовешь?

Щенок смешной, белый, с черным пятнышком на лбу. У него толстые лапы и потешная смешная мордяха, на которой словно расплывается улыбка. Маленькие молочные зубы, забавная манера припадать на передние лапки и вилять хвостиком на толстой попе.

Луис даже не колеблется, он уже обожает этого щенка всей детской душой.

— Принц! Я назову его Принц!

И свежеекрещенный Принц пускает желтую струйку на одеяло. И мама смеется, весело, легко, беззаботно...

Луис счастлив этим утром, целых два часа счастлив...

А потом приходит отец.

Тьер Эттан не в духе, но мальчик не замечает этого, он просто спешит поделиться радостью. Это ведь так здорово...

— Папа! А мне подарили щенка! Вот!!!

Эттан смеривает презрительным взглядом и мальчика и щенка.

— Это что такое?

Вальера возникает рядом, стремясь защитить сына, но безжалостная рука уже поднимает щенка за шкурку. Тот визжит, сучит лапами... Луис хочет броситься вперед, отнять своего друга, но рука матери ложится ему на плечо, пальцы сжимаются стальными клещами.

— Папа!

Эттан брезгливо встряхивает животное.

— Собака должна быть зверем. А это — что?!

Щенок летит к ногам Луиса. Жалобно визжит, прижимается, в попытке защититься, потом вспоминает, что у него есть друг — и нелепо, по-щенячьи ощетинивается.

И получает сильный удар сапогом.

— Если зверь скалит клыки на хозяина, его наказывают.

Эттан с отвращением глядит на Вальеру.

— Зайдешь ко мне. Мы с тобой еще поговорим. А эту дрянь — утопить. И немедленно.

Луис до крови прикусывает губу, слыша тихи голос матери.

— Да, монтьер.

Эттан чуть смягчается.

— Прикажи Диму и иди ко мне.

— Вы позволите мне проводить ребенка в его комнаты, монтьер?

— Да.

Эттан разворачивается и выходит. Луис умоляюще смотрит на маму.

— Утопить? Принца?

Ласковая рука ложится ему на голову.

— Малыш, ты сейчас пойдешь со щенком к Диму и попросишь его. Принц должен исчезнуть из нашего дома, ты же понимаешь?

Луис кивает. Кто сказал, что в пять лет дети глупы? Луис отлично понимает, что хочет сказать ему мама.

— Да, мама. Я пойду и попрошу, чтобы он избавил нас от этого отродья.

— А я пойду к твоему отцу.

Луис крепко сжимает маленькие кулачки.

О, он усвоит урок, хотя и не так, как хотел тьер Даверт. Он поднимает щенка на руки, осторожно прощупывает мягкий животик, лапки... все в порядке. Эттан бил хоть и сильно, но малыш был слишком далеко, ему досталось уже на излете. Щенок не пострадал так, как мог бы, окажись он всего на шаг ближе к Эттану. Принц извивается в руках хозяина, лижет ему лицо и руки слизывает соленые капельки слез...

Больше всего сил требуется Луису, чтобы отдать щенка Диму и объяснить, что отец приказал его утопить. И никогда больше не видеть. Дим понимающе кивает.

— Разумеется, приказы тьера не должны оспариваться. Обещаю, больше он этого щенка не увидит.

Он и не увидел.

Зато увидел синяк на щеке у матери, когда та вернулась из отцовских покоев.

Как-то, спустя примерно полгода, Дим специально провел Луиса мимо своего дома. Кажется, они ехали за город... Там, во дворе, лежал здоровущий белый пес. Он вырос, стал лохматым и серьезным, и черное пятнышко на лбу у него уже не казалось смешным.

Но это все же был Принц. Здоровый, счастливый, забывший Луиса... мальчик очень на это надеялся.

Урок первый — ты никого не сможешь защитить.

Урок второй — лучшее, что ты можешь сделать для других, это не привязываться к ним.

Урок третий — никогда не показывай своей слабости.

Луис запомнил.

Если бы кто-то спросил его, из-за чего он помогает Диму, он ответил бы — старик был предан нам. Да и не так тяжела его вина, чтобы казнить, а Эттан жалости не знает. На самом же деле...

Луис не забыл понимание в теплых карих глазах старого воина. Просто — понимание. Ни слова осуждения, ничего. Дим пожалел мальчика и его щенка, и подарил счастливую и спокойную жизнь хотя бы одному из них, а это дорогого стоило.

— Монтьер, вы так печальны...

Луис вскинул глаза.

Рядом с ним стояла дешевая шляха. Рыжие, крашенные белоцветкой* волосы падали на плечи, но сквозь пышно взбитые пряди видны были залысины, дряблая, покрытая оспинами кожа была густо намазана румянами, кровавой раной улыбался на помаженный рот, красное платье было спущено с плеч так, что в вырезе виднелись соски...

*** Местное название лавсонии неколючей, из которой и получается хна, прим. авт.**

Луис отмахнулся.

— Пошла прочь.

Шляха поджала губы, но отошла. Глупой она не была, глупые на улице долго не выживают. Луис пошарил по карманам, бросил на стол пару монет, не глядя, и вышел вон.

Холодный воздух мягко обнял за плечи, освежая разгоряченное лицо.

Будь оно все проклято, кто решил за него!?

За него, за Родригу, Эрико, Лу...

Почему он не может просто все бросить и уехать? Оставить отца одного барахтаться в этой грязи, пусть сам бы и выплывал... но в глубине души Луис знал ответ.

Власть.

Власть манила его так же, как и Эттана. И если он сможет получить ее только через Преотца — так тому и быть. А это...

Урок второй — лучшее, что ты можешь сделать для других, это не привязываться к ним.

Сейчас он освободился еще от одной привязанности.

Дим недооценил своего напарника.

Умирать мужчине не хотелось, сдаваться на милость Давертов тем более, а бежать из Тавальена с пустыми руками?

Увольте!

Сэм Вурст был небогат, хорошо владел мечом, и отличался отсутствием всяких моральных принципов, за что и попал на службу к Давертам. Он отлично понимал, что промашку Эттан не простит. Но...

И пес с ним, с прощением. Пусть Давертов хоть Ирион сожрет, неважно! Лично ему нужно позаботиться о себе.

Сэм был холост, не особо богат и все свое имущество, все награды покамест оборачивал в деньги, которые размещал у знакомого ювелира. Эти деньги он получит векселями на предъявителя или побрякушками, но хорошо бы и еще заработать?

Кто такая Мелания, он знал, где искать предстоящего Эльнора — тоже, а потому...

Предстоящий сильно удивился, получив записку, но в конверт была вложена лента тьерины Мелании, так что приняли Сэма незамедлительно.

Войдя в комнату, Сэм понял, что предстоящий был готов ко всему.

Он явно спал — волосы взъерошены, на щеке след от подушки, щетина пробилась, но в то же время — кто спит в полном облачении, из-под которого виднеются кожаные штаны для верховой езды?

Только тот, кто понимает, что в следующую минуту, возможно, придется бежать.

— Кто ты такой и что тебе надо?

Сэм, недолго думая, взял быка за рога.

— Сколько вы заплатите мне за известия о вашей дочери?

Эльнор побледнел.

— Что с Меланией?

Но он и сам уже видел и выражение лица Сэма, и опущенные глаза, и носок сапога, ковыряющий пол...

— Она жива?

Ответом ему было короткое:

— Нет.

Эльнор побледнел, ухватился за угол стола, но на ногах устоял. Мелли, Мелли, моя золотоволосая наивная девочка! Я так подвел тебя! Ты привыкла, что папа защитит тебя от всего мира, а я вот не справился, не успел, не смог... Даверты мне за тебя ответят! Но — как!?

— Как это произошло?

— Нас было двое. Мой напарник хотел изнасиловать ее, тьерина вырвалась и попробовала сбежать. Он выстрелил... это был несчастный случай.

— Да уж сложно это назвать счастливым случаем.

Выражение лица Эльнора было таким, что на месте Даверта Сэм сильно опасался бы за свою спину. Трагический рассказ, кстати, имел под собой вполне практическую подоплеку. Сэм мог бы рассказать о несчастном случае, но тогда он тоже виноват и платить тут не за что. Это неправильный подход. А вот если напарник виноват, а он такой белый и пушистый, это всяко лучше. А еще хорошо, чтобы Даверт был занят и не искал Сэма.

Как это лучше всего сделать?

Да сравнить двух львов. Пока они дерутся, скромный шакал вполне успеет удрать с добычей.

Так что Сэм рассказывал, как напарник подбивал его изнасиловать тьерину, как Сэм отказывался, как стоило ему отойти по нужде, как тот проник в дом, как Сэм услышал крики тьерины и бросился на помощь, как его оглушили ударом в челюсть (синяк тоже был, для правдоподобия Сэм лично об стол приложился, чуть зубы не вылетели), как Дим стрелял в тьерину и удачно попал прямо в глаз...

Эльнор слушал молча, только желваки гуляли. А потом отцепил от пояса кошелек.

— Этого тебе хватит.

Сэм молча принял деньги, взвесил кошелек на руке. Да, там явно не медь.

— Благодарю, предстоящий.

— Я вызову секретаря, он запишет твой рассказ. И — убирайся.

— Да, предстоящий.

Сэм повиновался и пересказал все еще и секретарю — молодому сопляку лет двадцати, который едва не плакал, слушая о последних минутах жизни тьерины. Влюбился, что ли?

Болван!

Кошелек приятно грел карман.

Сэм не собирался возвращаться в Тавальен, и не собирался давать Эттану возможность найти его. Уже завтра утром он будет далеко отсюда, с другими бумагами и даже другой внешностью. Купит краску для волос, сбреет бороду...

Пусть львы загрызут друг друга. Ирион в помощь!

Герцогесса Карнавон.

Таня, хотя нет, уже Алаис, лежала на кровати, изображая трупик в коматозе. А заодно прислушиваясь к сплетням.

О, да.

Сплетни и слухи тьер Таламир ей обеспечил с лихвой. И Алаис мечтала поблагодарить его лично. Скальпелем в печень. Ей-ей, чем дальше, тем больше она понимала доктора Лектера, и даже начинала одобрять его принципы.

После памятного ночного разговора, на следующий же день, Таламир почтил ее своим присутствием. Алаис даже в порядок себя привести не успела, но оно и к лучшему. Судя по отражению в маленьком зеркальце, в гроб здесь клали куда как краше. Сама Алаис выглядела... выставить ее на огород, так вороны и за прошлый год урожай вернут. Волосы слиплись и обвисли, глаза запали, губы искусаны, щеки ввалились, а нежно-пепельный цвет кожи наводи на мысли о зомби-ферме.

Восхитительная красота. Безусловная.

Таламир это тоже оценил, как и суповой набор под рубашкой, покривился...

— Дражайшая невеста, я решил, что служанки — неподходящая для вас компания. Полагаю, эти милые дамы подойдут вам в качестве фрейлин.

Взмах руки — и Алаис предъявили четырех...

Корректное название пришло на ум не сразу, а то, что пришло, цензура все равно вырезала бы на первом же этапе. Скажем так, четырех весьма потасканных и потрепанных жизнью девушек легкого поведения из армейской obsługi.

Кричащие платья, боевая раскраска и жутковатые прически говорили сами за себя.

Что бы сделала истинная герцогесса?

Устроила скандал. Алаис была не сильна в местных этикетах, но смутно подозревала, что даже находиться рядом с армейской шлюхой — уже позор. А уж взять их в свои дамы...?

Это даже не унижение, это просто издевка.

Алаис взмахнула рукой.

— Воля моего жениха — закон для меня. Верю вы не подвергнете нашу честь испытанию. Милые дамы, прошу вас, располагайтесь. Как видите, я пока слишком слаба, но буду рада узнать вас получше, когда приду в себя.

Даже эти простые слова и усилие, которое Алаис сделала, чтобы приподняться, свалили ее обратно.

Таламир осмотрел невесту придирчивым взглядом, но к чему придраться не нашел. Падать в обморок дамы могут по заказу, это верно, но обливаться потом, задыхаться от усилий и зеленеть — нет. Тут не о таланте речь, а о даре Ардена. Так что Таламир кивнул.

— Так и поступайте впредь, дражайшая невеста.

— Ваши слова — закон, монтьер, — Алаис почти уже шептала, ей действительно было плохо.

Захлопотала рядом служанка, поднося к губам девушки воду с вином. Таламир кивнул, да и вышел вон. А девицы остались.

Только вот об обязанностях фрейлин они имели весьма смутное представление, а просвещать их у Алаис не было ни сил, ни желания. Понятно же, что это гибрид из шпионок и надсмотрщиц, так и будем их воспринимать.

Что должна делать фрейлина?

Состоять при своей госпоже. Круглосуточно, неотлучно, для поручений и неотложных дел. Для чего могут понадобиться аж четыре шлюхи?

Алаис цинично подумала, что столько дел во всем замке не наберется. Даже если все мужики в три смены пахать будут, дамы возьмут опытом.

Сначала девки переговаривались достаточно робко, но потом осмелели — и исправно снабжали Алаис бесценной информацией.

О чем могут говорить шлюхи?

Да, о работе.

О ее оплате, о том, кто и как себя ведет в постели, откуда пришло войско, куда собирается... слова — самые страшные предатели. Ты говоришь одно, а слышат-то другое. Совсем другое.

Девушки обсуждали некоего Шельти, и то, сколько он платит за ночь, а Алаис слышала совсем другое.

Если этот солдат раньше давал по серебрушке за ночь, то последний раз девице перепало четыре медяка и кусок ткани. Мало...

Если раньше в котлах каждый день было мясо, то сейчас оно сменилось на мясо три раза в неделю.

Вывод?

Таламир не получил много денег от разграбления Карнавона. Некоторую сумму — безусловно, но какую? Если вынужден экономить на самом святом, на солдатах? И отдал часть добычи натурпродуктами?

Кажется, деньги Карнавонов ему не достались. Или не все. Например, первая сокровищница. Первая?! Минуту....

Покопавшись в памяти, девушка выяснила, что у Карнавонов было несколько сокровищниц. Первая — самая простая и обыденная. Там хранилось серебро, немного золота, немного драгоценностей — одним словом, на повседневные расходы. Вторая, третья, четвертая, пятая были спрятаны получше. Золото и драгоценные камни хранились уже в них. И доступ туда был только герцогам и членам их семей. Про первую сокровищницу Таламиру рассказать могли, а вот про остальные? Карнавоны свято исповедовали принцип не держать все яйца в одной корзинке, так что если Таламир и нашел бы одну... ну не все же! А сдать места... Да, родичи могли, но Алаис казалось, что они этого не сделали. Если бы рассказали — Таламир бы точно не бедствовал. По памяти Алаис там хватило бы кормить три таких войска лет десять и еще на бутербродики с икрой осталось бы.

И последняя сокровищница. Спрятанная лучше всех. Там и хранились подлинные реликвии дома Карнавон. Корона герцога, с подлинным сапфиром, полученным из рук Морского Короля, скипетр, герцогский перстень — подлинный, не та подделка, что была на руке у отца.

Пока правили Морские Короли, герцоги носили подлинные реликвии, потому что тех обмануть не получилось бы. После смерти последнего короля разразилась война, в которой дом Лаис утратил свои реликвии, и где они — до сих пор не известно.

Предки Алаис были людьми сообразительными, и все самое ценное попрятали. Изготовили дубликаты, которые и носили на людях, а подлинными реликвиями вводили в право наследования, и опять убирали их обратно.

Целее будут.

Алаис знала, что в самой дальней и тайной сокровищнице хранятся дневники того самого прадеда, который получил наказ Морского короля. С ними ознакомили бы старшего брата в день смерти отца, с ними был знаком отец. Сама Алаис до них добраться не могла,

только до библиотечной версии, с купюрами и правками.

— Может, сейчас доберемся?

Книголюб в глубине души Алаис жадно потер ручонки, надеясь на интересное и познавательное чтение, но девушка тут же придавила каблуком неуместную инициативу.

— С ума сошла, идиотка? Такой подарок Таламиру преподнести?! Счастлив будет, не забудет!

Действительно, добираться до сокровищницы было сложно, она находилась под замком, в одном из скальных переходов, причем никакой двери там не было. Надо было нажать на несколько камней в нужном порядке, тогда приводилась в действие система противовесов и каменная плита отъезжала в сторону. Алаис помнила, что, где и как, это знали все дети герцога, но где ж взять полдня на то, чтобы добраться, прочитать и вернуться?

— Если она сейчас пропадет, Таламир ей ноги вырвет. И не обязательно в переносном смысле.

— ...вы согласны, герцогесса?

— Да-да, дорогая, продолжайте, ваши истории весьма познавательны, — Алаис сделала слабый жест рукой, показывая, что внимательно слушает.

— Девушки выглядели так, словно червяка сглотнули. Кажется, она не с тем согласилась... или не так? Или ее уесть хотели?

— Её?!

— Ну-ну.

Алаис опять изобразила умирающего лебедя и откинулась на подушки. Ох, чего-то худо мне...

— Ей и правда было плоховато, но не настолько, как она показывала. Ничего, в целях самосохранения лучше побыть грязной, вонючей и больной, авось хоть супружеский долг до свадьбы не стребуют.

— И верно, в глазах Таламира читалось явное отвращение. Пожалел, небось, уже, что ее сестру солдатне отдал... ничего, припомним. Алаис мысленно пообещала себе, что она Таламира тоже пожалеет. Чем-нибудь потяжелее.

— Оставьте нас.

— Девушки вымелись, словно вспугнутый курятник, с таким же изяществом и звуковым сопровождением. Алаис проводила их больными глазами.

— Монтьер...

— Лежите, Алаис, вы пока ужасно выглядите, — снизошел до комплимента Таламир.

— Ваша воля — закон, монтьер, — Алаис сделала вид, что приподнимает голову от подушки — и тут же уронила ее обратно. От волос и кожи так потом шибало, что она сама морщилась. Небось, мухи на подлете дохли. Спасибо, тут хоть блох нету, или они тоже от вкуса и запаха Алаис померши?

— Таламир, хоть и кривил нос, но помирать не собирался.

— К свадьбе вы должны прийти в себя, Алаис.

— Когда, монтьер?

— Через пятнадцать дней.

— Монтьер! — ахнула Алаис вполне искренне.

— Что вас не устраивает? — Таламир интересовался с нотками надвигающейся грозы в голосе, но Алаис храбро захлопала глазками.

— Монтьер, как же так? Я же... я слишком слаба, я ничего не успею! А торжество

должно быть на высшем уровне, все же вы становитесь герцогом Карнавон! Гости, стол, платье, храм... охxxx!

За голову она схватилась вполне искренне, потому что память Алаис внезапно развернулась во всю мощь и показала девушке, сколько всего надо бы сделать. Начиная с платья для невесты и кончая заказом бочек вина у виноторговцев и новой рясы для возносящего в храме Карнавонов.

Таламир ощутимо расслабился. Чего, интересно, он ожидал? Что его начнут умолять отложить торжество? Потому как траур и вообще, прилетит волшебник на ковре-самолете и выручит прекрасную принцессу из плена?

Ага, как же. Это — в сказках. В жизни принцессе приходится все делать самой, да еще и волшебника пинать, чтобы двигался. У Бога кроме твоих — рук нету, никто ничего за тебя не сделает.

— Платье возьмете вашей матери, просто перешьете. Скажите девкам, они помогут.

Алаис закивала.

— Как прикажете, монтьер.

Мысленно прикинула. Если кое-какие шмотки ее старшего братца на Таламра и налезут, то она, в платье матери...

Ох, ёк!

Герцогиня отличалась золотыми волосами и синими глазами, шикарной фигурой и статью. А Алаис? Это все равно, что моль покрасить масляной краской. Платья матери ей не подойдут ни по оттенку, ни по... да вообще никак не пойдут! Чучело огородное будет!

Но ей-то что? Фотографов тут не водится, а какое она впечатление произведет на Таламировых прихвостней? Да ей заранее плевать! Она здесь баба-яга в тылу врага, так и отнесемся.

— Торжество будет очень скромным, не больше двух сотен гостей, запасов хватит, храм и так содержится в порядке...

Алаис промолчала, скромно кивая, и думая, что этим вылезшее из грязи быдло и отличается от аристократии. Таламиру и в голову не придет, сколько всего надо для торжества, этому аристократов учат с детства.

— Скажите, Алаис, где ваш отец хранил деньги?

Алаис хлопнула глазами.

— В сокровищницах, монтьер.

— Сокровищницах? То есть их несколько?

Таламир аж вперед подался.

— Две, монтьер, — пискнула Алаис.

— Две?

— А...

— Одну я нашел. Где расположена вторая?

Алаис выглядела так, словно своими руками сдала врагу все козыри. Таламир усмехнулся, потрепал ее по щечке.

— Ты неплохо начала, девочка. Вот и не заставляй меня делать тебе больно.

И так он это произнес, что у Алаис внутри свернулся ледяной комок.

А ведь может. И сделает, наверняка, не потому, что она поступит как-то не так, нет. Просто он садист и сволочь, и унижать ему нравится. Особенно тех, кто по недомыслию родился в более благородной семье.

Алаис бросила взгляд на руку Таламира.

Вот оно...

Если посмотреть на ее руки, порода видна невооруженным взглядом. Тонкие длинные пальцы, овальные ногти, красивая форма кисти, эту руку лепили века естественного отбора. И рядом рука Таламира.

Красивая?

Крупная, сильная, но пальцы коротковаты, ногти квадратные, хищные, заусенцы черная кайма под ногтями, то, на что он и внимания не обращает. Он красив — красотой сильного крупного животного, порочного животного если такие бывают, его тело формировалось тяжким трудом и войной. Он не аристократ, он просто крестьянин, выбившийся в люди.

Это плохо?

Нет. В каждом роду был кто-то первый, который сказал: 'Я и есть великий предок!'. Не так уж плохо быть основателем рода. Плохо, когда ты ради этого унижаешь и втоптываешь в грязь других. Просто потому, что не гордишься собой, нет, ты чувствуешь себя грязью, которая выползла в князи, а должен — выше князя. Невелик труд — унаследовать, но добиться...

— Вы меня не слушаете, Алаис?

Девушка вздохнула.

— Прошу прощения, монтьер. Я задумалась.

— И о чем же? — в голосе Таламира звенели грозные раскаты, так что Алаис поспешила ответить со всей честностью.

— О том, что человек, который добился всего сам, своим умом, силой, честолюбием, стоит выше тех, кто получил многое просто по праву рождения.

У Таламира отвисла челюсть. Почти буквально.

Он видел что Алаис не лжет, но... это настолько разительно отличалось от ожидаемого! Мужчина просто завис, как испорченный компьютер.

— Откуда такие мысли, дражайшая невеста?

— При дворе много кто кичится своими предками. А вы с полным правом можете заявить, что вы — основатель рода. Это тяжелее, но и намного почетнее... Они же похожи на репу.

— То есть?

— Все самое лучшее у них уже в земле, — повторила Алаис за Ломоносовым.

Таламир от души расхохотался.

— Репа! Вот даже как! Репа!!!

И вдруг резко перестал смеяться, уставился в глаза девушки...

— Рассчитываешь оказаться при дворе?

Алаис резко замотала головой — и со стоном повалилась на подушки. Боль так стрельнула в виски, что лучше б она головой об стену долбанулась.

— Ни за что. Отравят!

— И кто же?

Алаис смотрела мученическими глазами, и Таламир кивнул.

— Да, понимаю. Вот уж не ожидал найти в тебе нечто... подобное.

Полезное? — рассвирепела внутри тельца Алаис юрист с тридцатилетним стажем. — Конечно, не ожидал, откуда у этой овечки такие мысли!?! Главное, не показаться слишком умной.

— Наверняка у вас есть завистники, монтьер...

Про короля скромно промолчим, сам поймет, если не дурак. А не дурак ведь.

Кажется, Таламир понял, потому что сильно потянул за белую прядь.

— Думать об этом — мое дело, твое — выполнять приказания.

— Да, монтьер.

— Свадьба через пятнадцать дней.

— Да, монтьер.

Пятнадцать дней? Должно хватить для подготовки побега. Ну а если нет...

Веками женщины справлялись с этой проблемой. Ляг на спину и думай о родине. Вот и подумаем.

— Итак, где вторая сокровищница?

Одну из сокровищниц Алаис выдала без зазрения совести. Все равно Таламир не поверит, что нашел все захоронки, и будет копать дальше. Вот и пусть копает. Она ему выдала не самую старую, вовсе не страшную, в которой нет ни секретов, ни ловушек. А есть и такие.

Таламир выслушал, кивнул, потрепал Алаис по щечке и ушел. А девушка осталась сидеть и размышлять.

О, с каким бы удовольствием она выдала Таламиру ту сокровищницу, в которой при входе переворачивается плита — и тело, уже тело, летит навстречу острым кольям, смазанным ядом! Она бы даже посетила это место и полюбовалась приятным зрелищем, но здесь и сейчас ей выгоден живой и здоровый Таламир. Пока она слишком слаба и сбежать не успеет. Случись что с Таламиром — в лучшем варианте появится неформальный лидер и ее возьмут замуж, чтобы занять место Таламира. В худшем — вылюбят всем войском или вообще убьют.

Итак, есть две недели на поправку здоровья и разработку идеального плана бегства. Действительно идеального, потому что второй возможности у нее уже не будет.

Ей нужно знать куда бежать, зачем, что брать с собой... хотя последнее проще всего. Только немного денег и одежду.

Герцогские реликвии будут в безопасности здесь, какие-то книги заведомо бесполезны...

Вопрос?

Чем будем на жизнь зарабатывать?

Что-то подсказывало девушке, что ни биология, ни юриспруденция тут не в цене, а в мире натурального хозяйства ее навыки по засовыванию полуфабрикатов в микроволновку не пройдут за отсутствием микроволновки.

Увы...

Готовить Алаис и в бытность свою Таней не умела, да и не для кого было. Семьи-то не было, а одинокая женщина — это существо, которое питается в основном, кофе, сигаретами и надеждами на лучшее. Не слишком полезно для цвета лица, зато фигура идеальная. Так что — жирный минус.

Стирка?

Что-то подсказывало Алаис, что пневмония будет у нее частой гостьей.

Уборка?

Да, пожалуй. Вот оттирать грязь она может, но не хочется! Откровенно не хочется. А что еще? Еще-то она что может?

Разве что вязать. Это — да, сколько угодно, научилась после того, как поймала себя на обгрызании ногтя. Ждешь любимого вечерами, ждешь, а он все не идет и не идет. Вот и начинаешь нервничать, грызть ногти, а маникюр-то жалко! Пришлось взяться за спицы.

Только вот ничего нового она в этот мир не принесет, кроме кружевных салфеточек. Да и ценятся ли они тут?

Опять же, вязание — это дело долгое, им на ходу не займешься. Надо место, где сесть, спицы, пряжу... это еще где-то купить, да и будут ли ее изделия пользоваться спросом? Ох, не факт. Надо еще знать, что тут ценится, а вообще — вязание не открытие. Говорят, оно еще у египтян было, так что тут точно есть.

Надо сесть, подумать, что она может еще предложить.

Мода? Фасоны?

Вполне возможно. Какая-нибудь модистка или ателье, лавки, как они здесь называются, могут принять ее на работу. Только вот беда, платят там копейки. Выжить хватит, а удрать уже нет. Да и не привыкла Алаис жить на одну зарплату. Даже в бытность ее Таней любовник помогал и поддерживал. А уж герцогесса...

Алаис точно знала, что быстро себя выдаст.

Книг мало для нормальной жизни в окружающем мире. Требовалось первое — удрать куда подальше. Второе — найти быстрый, относительно легкий и легальный способ заработка (да, и киллерство тоже не предлагать, сил не хватит). Третье — изменить внешность. Четвертое — придумать легенду, которая объяснит все странности в ее поведении. И пока она не продумает второй, третий и четвертый пункты, о первом можно и не думать. Все равно бессмысленно. Бежать, чтобы тебя поймали?

Мы не в дамском романе. Тут, если поймают, шлепком по попе или головокружительным сексом не ограничатся. Таламир таких шуток не поймет, и песец придет и Алаис, и всем ее планам.

Эх, и почему она не Алита?

Та хоть красавицей была...

Моральных тормозов у Алаис особо не было (после работы в администрации? Тормоза? Моральные!? Ну-ну...). Она точно знала, что иногда приходится расплачиваться и своим телом в том числе, готова была пойти на это, но... Это должна быть честная и выгодная для нее сделка. И никак иначе.

Некрасиво звучит?

А выглядит это еще хуже. Только вот жить хочется.

Алаис лежала на кровати, слушала треск четырех шлюх, и думала, что это ей за ту жизнь. Тогда она все делала только для себя. Жила, как ей нравится, гуляла с кем хотела и как хотела, даже детей не родила...

Вот и получи.

Здесь никто и ничего для тебя делать не станет, а детей рожать придется. Точно. Таламир — мужчина конкретный... ладно! И на девятом месяце сбежим, если понадобится, но не хотелось бы так рисковать собой, надо бы раньше.

Но как жить, где жить и на что?

Голова шла кругом.

Глава 4. От борделя до борделя

Семейство Даверт.

Эттан пребывал в состоянии бешенства. То есть — был опасен и для своих, и для чужих. Луис уже получил под дых и теперь старался не сплевануть, Вальера с дочерью спрятались, а братьям Луис сам наказал не появляться дома еще пару дней.

Причина бешенства Преотца сейчас лежала на столе, накрытая роскошной шелковой скатертью и слегка пованивала. Сутки в лесу, жаркая погода, закрытый дом — нетленностью тьерина Мелания не отличалась.

— Как это могло случиться?!

— Судя по ране — несчастный случай, — Луис пытался дышать медленно и ровно, но получалось плохо.

— Что с караульными?

— Сбежали.

— Найти и наказать.

— Да, отец.

— Сделать с ними то же самое, — кивок в сторону трупа не оставлял сомнений. — и тела в муравейник зарыть, чтобы и следа на земле не осталось. Недоумки!

— Вы же все равно хотели убирать Эльнора?

В Луиса полетел бокал с вином. Мужчина привычно уклонился, и алое пятно расплылось на золотистом шелке обивки комнаты.

— Болван! За полгода он такого наворотит... придется убирать его сейчас!

— Как прикажете, отец.

— А я хотел выдать его дочку за Эрико. Приданое нам было бы кстати...

Луис мысленно содрогнулся. Интересно, а за него еще никого выдать не хотели?

Словно подслушав его мысли, Эттан тряхнул головой.

— Тебя, кстати, тоже надо сговаривать. Пора бы уже, да и для Лу жениха приглядывать.

— Так что с предстоящим Эльнором? — невинно уточнил Луис, понимая, что гроза прошла мимо.

— Позови ко мне Эрико. Пусть подстережет его на обратной дороге, ну и... — выразительный жест Эттана Луис оценил. Но — Эрико?

— Может, лучше я?

— Ты мне нужен в Тавальене.

— Да, отец.

Эттан прошелся по комнате, шелестя полами голубой мантии.

— Чтобы Эрико срочно был здесь. Прикажи разыскать его и возвращайся. Нас надо посоветоваться. Есть такой предстоящий Тинур...

По поводу предстоящей акции Луис ничего не испытывал.

Вот тьерину Меланию ему было жалко — угодила соплюшка в жернова, не зная ничего ни о жизни, ни о... да о чем могут знать монастырские воспитанницы? Есть, конечно, обители, где нравы более чем вольные, но Луис подозревал, что это не тот случай.

Был.

А предстоящий Тинур...

Вы всерьез думаете, что можно подняться до высокого поста в церкви Ардена, и остаться порядочным человеком? Серьезно?

Никого не предать, не подставить, не солгать, не ударить в спину, не..., не..., не... Луис-то отлично знал, как приходилось изворачиваться его отцу. Там бы штопор прямым показался!

Так что...

Предстоящим больше, предстоящим меньше.

А где искать этого конкретного предстоящего Луис отлично знал. В борделе тетушки Клио.

А кто из нас без ма-аленьких слабостей?

Вот конкретно этой слабости уважаемого предстоящего было не больше тринадцати лет. Луис только зубами скрипнул.

Клио посмотрела на Луиса, погладила его по плечу.

— Ты обо мне плохого не думай, это крошка Мари.

При взгляде на детское тело, почти полностью скрытое под мощной тушей, хорошего Луису почему-то не думалось. В борделе у Клио большинство комнаток были именно такими, с зеркалами. Где — в стене, где на потолке.

А то, что через них можно было наблюдать за происходящим...

Это знали только избранные. Вот предстоящий Тинур к таковым не относился, а Луис ходил в доверенных лицах у Клио.

— И что?

Луис смотрел и думал, что Лу не намного старше. А если бы ее... вот так... да с плетью...

Убил бы!

Кровожадные размышления оборвал сильный толчок в плечо.

— Да что ты обо мне думаешь, бестолочь! — возмутилась хозяйка борделя. — Чтобы я ребенка этой твари подсунула?!

— А кого?

Луис и сам не заметил, как выдохнул.

— Сказано ж тебе, крошка Мари. Так вот у девчонки сложилось, девятнадцать лет, а выглядит сопля соплей. Ни сисек, ни задницы... для таких — милое дело.

Луис кивнул.

— Ладно. Клио, ты можешь приказать им подать вина?

Женщина замерла. Пристально посмотрела в лицо Луиса.

— Вина Тессани?

Род Тессани пользовался не самой доброй славой. Ученые — да, алхимики, лекари, но слава отравителей перебивала все остальное, как запах уборной забивает тонкий аромат дорогих духов.

Луис молча кивнул.

Клио покачала головой.

— Ты понимаешь...

— Да. Но действие будет дня через четыре. Тебя не заподозрят. Клянусь.

Клио вздохнула. Изобразила на лице глубокое раздумье.

Луис не мешал ей, отлично понимая, что это всего лишь игра. Но надо же дать женщине

хотя бы вид возможности выбора?

Наконец Клио решилась и протянула руку.

— Давай сюда склянку.

Луис покачал головой.

— Клио...

Предупреждающего тона оказалось достаточно. Женщина скривила губки.

— Ладно. Сейчас я принесу кувшин с вином...

Стукнула дверь.

Луис остался один. И — мысленно провалился в тот день, десять... да, уже десять лет назад. Арден милосердный, как же летит время...

— Мама, она такая...

— Да, милый? Она — это тьерина Велора?

Вальера с улыбкой смотрела на старшего сына, который восторженно размахивал руками, рассказывая, какая она — тьерина. Вот такая, и этакая, и еще нежная, и восторженная, и одухотворенная, и...

А что вы хотите? Первая любовь — такая штука. Критическое восприятие объекта стирается начисто, а эмоции брызжут фонтаном. Тут главное уклониться вовремя, чтобы... не забрызгало начисто. Поэтому Вальера выслушивала сына вполуха, пока не...

— ...предложение...

— Луис?

— Мам, ты думаешь, она мне откажет? Но я все-таки хоть и бастард, но признанный, и тьер...

Вальера только вздохнула.

Ну да, признанный. Такое тоже бывало.

Когда по каким-то причинам законных наследников в роду не оставалось, а у Эттана их быть не могло, глава семьи мог признать ребенка со стороны. Часто — своего бастарда.

Все всё понимали, но закрывали глаза на мелкие неувязки. Разве можно усомниться в слове благородного тьера?

Ни за что!

Луис был полноправным тьером, просто по негласному табу о рангах стоял чуть ниже законных детей. Да и она была не крестьянкой, а вполне себе тьериней из старинного рода, это тоже имело значение. Но — брак?

— Милый, а что скажет твой отец?

Луис мигом спустился с небес на землю.

— Эммм... мам, а почему он должен быть против? Он же не хочет для меня карьеры в Храме Ардена?

— Нет. Эту участь он планирует для Родригу, а для тебя только военная карьера.

— и чем в моей карьере помешает красивая и умная жена?

Вот насчет красивой Вальера не спорила, а умная...

Тьерина Велора была просто очередной молодой дурочкой, главным достоинством которой была красота. Выставить ее на брачном базаре у родителей денег еще хватило, а вот заинтересовать мужа чем-то еще, например, приданным, уже нет. Оставалось надеяться на удачу, а пока все щенки Тавальена была в восторге от златовласой красотки. Сама Вальера

гордилась своими смоляными локонами без единой седой ниточки (ну, может, и была парочка, но кто поспорит с пинцетом?), но признавала что среди черноволосых, в большинстве своем, тавальенцев, тьерина выглядит весьма эффектно. Да и вообще у лиардцев склонность к светловолосым красоткам. Вот жертвой этой склонности и пал Луис.

Но вслух Вальера ничего подобного не произнесла. Наоборот.

— Луис милый, это надо обсудить с отцом.

— Мам, но ты же...

— Хорошо, я поговорю с ним. Но ты сам понимаешь, что ничего обещать я не могу.

Луис послушно кивает.

Вальера смотрит на сына, глаза которого горят первой щенячьей любовью и грустно вздыхает.

Если она хоть немного знает Эттана (еще бы ей не знать за столько лет-то), Луиса ждет жестокое разочарование. Эттан твердо уверен, что у детей должны быть только его интересы. Что дети вообще рождены для того, чтобы проводить его волю в жизнь. А любовь?

Жена?

Нет, что-то подсказывало Вальере, что у Эттана на сына другие планы. Близкая свадьба там вряд ли значит, тем более, на красивой бесприданнице...

Эттан умудряется в очередной раз удивить и жену и сына. Он абсолютно спокойно дает разрешение на брак Луиса. Мол, хочешь — женись, коли согласятся. И окрыленный мальчишка с головой кидается в любовь.

Тьерина Велора, поначалу с недоверием глядящая на поклонника, постепенно смягчается, начинает принимать его знаки внимания, потом соглашается на брак...

Вальера вытирает слезинки, глядя на стоящего в храме сына. Высокого, красивого, и рядом с ним очаровательная тьерина в голубом, нежная, словно лепесток незабудки...

Целый месяц молодые были счастливы. Или даже два?

А потом Луис пришел домой в неурочное время. Так вышло, отец дал ему задание, но не рассчитал время, и Луис решил забежать к жене, а потом уже...

Лучше бы не забегал.

Велора оказалась дома не одна. И даже в постели — не одна, а с его отцом. Счастье, что у Луиса хватило ума не вламываться с криком, решил сюрприз устроить...

Так и стоял под окном дурак дураком, зато с букетом, а в комнате ворковали двое.

Эттан рассказывал, как мечтал о своей очаровательной Велоре, а та отвечала, что полностью отдает себя в руки любимого. Ворковали, как голуби...

А Луис?

Ну... а как им еще можно было жить вместе? Хоть семья Велоры и была бедна, но связей там хватало, могли и Эттану определенные неприятности доставить. Уж шум бы точно на весь Тавальен пошел, а к чему будущему предстоящему, а то и Преотцу, такие пятна на репутации?

А тут все шито-крыто.

Замужем дочка, счастлива — и ладно. А что ребенок может быть не от мужа, даже скорее всего не от мужа, Велора была почти уверена...

Цветы Луис искрошил в мелкие лохмотья.

Поручение отца выполнил.

А потом пришел к матери и напился в ее покоях так, что обо всем проговорился Вальере.

И та снова промолчала.

Второй раз Луис напился, когда его супруга умерла родами. Вальера боролась за ее жизнь до последнего, но спасти женщину не удалось. Ребенок тоже родился мертвым.

Луис не знал подробностей, да и не рвался их узнать.

Ему было просто плохо и тошно.

А легко ли это — подозревать свою мать в убийстве своей супруги и ребенка?

Тессани... старый, очень старый род. И знаний у них много.

Луис никогда не спрашивал, Вальера никогда не рассказывала, но той ночью он напился в хлам, а проснувшись, обнаружил себя в постели у Клио. И... разрыдался.

От бессилия, слабости, боли...

И — да.

Клио оказалась мудрой и доброй женщиной, она ничего не спрашивала, она просто напоила Луиса вином, утешила, как могла (да, и это — тоже метод утешения, кому что помогает) и рассказала о себе.

История Клио была проста до боли.

Деревенская девушка, богатый тьер, содержанка, ребенок, улица, проститутка...

Дальше следовали пункты 'канавы' и 'помойки', но пока Клио еще держалась. Сначала продала все подарки покровителя, потом продавала себя, потому что больше продать было нечего, посылала деньги фермеру, у которого жил ее сын...

Кто-то мог бы и осудить. Но не Луис, который всего сутки назад держал на руках трупик младенца. Только не он.

Так вот мальчишки и становятся взрослыми. Было ему тогда семнадцать, а стало...

Он не стал брать Клио на содержание. Он просто помог ей, как мог. Дал денег, мог бы устроить швеей или служанкой, но Клио ничего не умела. Только продавать себя. И предпочитала это делать по высшей ставке.

Так и появился небольшой элитный бордельчик 'У Клио', в котором не брезговали подработать и тьерыны. Спокойствие, анонимность, высокое качество обслуживания — Клио отлично знала, кого надо брать на работу, а кого не надо, Луис поговорил с отцом, и Эттан ожидаемо заинтересовался. Побеседовал с Клио, помог деньгами, Луис обеспечил охрану — и бордель заработал. И приобрел за десять лет определенную известность.

Неудивительно, что предстоящий Тинур оказался именно здесь.

Бордель был незаменим для сбора компромата, сведений, а иногда и для таких своеобразных дел.

Вернувшаяся Клио с укором посмотрела на Луиса.

— Ты уверен...?

— Да. Вполне. Обещаю.

Женщина вздохнула и покорилась.

Собственно, а кто ей был этот предстоящий? Ни сват, ни брат...

Где они все были, когда она подыхала с голоду, когда себя продавала, чтобы на молоко ребенку заработать, когда под любого ложилась, воровала, пару раз и трупы обирать приходилось?

Что-то Храм Ардена ей тогда не помог! Только что блудницей честили и вслед плевали! И никто, никто руки не протянул, просто пользовались и шли по своим делам!

Сколько раз Клио молилась за Луиса, сколько раз благословляла тот момент, когда подобрала в таверне прилично одетого мальчишку в надежде на поживу, даже с рыжей Мег сцепиться пришлось... где сейчас та Мег? Давно уж померла от чахотки...

А она жива!

И мальчик ее жив, сейчас в Тавальене, в лавке у купца, пока бегаёт по всякой надобности, а там и приказчиком станет, выучится, свое дело откроет...

Отравить кого-то по приказу Луиса?!

Да она б и лично яд в глотку предстоящему влила, не поморщилась. Экая мелочь. Но показывать этого Луису она не собиралась. Просто старший из сыновей Эттана Даверта всегда найдет у нее и помощь, и защиту, и поддержку, как бы ни смешно это звучало.

А сам Эттан...

Клио привычно передернула плечами. Ох... старый Даверт та еще мразь. О своей беседе с Эттаном и о недолгих встречах она вспоминала с ужасом и отвращением. Нравилось, нравилось Эттану ломать людей, подчинять их себе, калечить души... самое место такому в Храме.

Тьфу!

А потому капли были влиты в вино, и Клио лично отнесла кувшин в комнату, где предстоящий Тинур как раз отвалился от измученной девчонки.

Ничего, она потом Мари хорошо заплатит, а девчонке деньги нужны, у нее тоже ребенок в деревне. Девочка. А на что готова мать, чтобы ее ребенок не пошел по рукам...

Клио таких понимала и помогала. Потому и бордель у нее был неплохой, и тайна соблюдалась — каждая, хоть девушка, хоть служанка, каждая была со своей не самой легкой судьбой, и каждая за место зубами держалась.

Предстоящий высосал враз чуть ли не полкувшина, а потом, постепенно допил и остаток. Девушке вина не досталось, да Клио им и запрещала на работе. Потом — хоть сколько высоси, но при клиенте ни капли не принимать! Клиентам-то подают и покрепче иногда, и с чем подмешанным, чтобы голова кругом пошла, а девке так нельзя, ей надо в трезвом рассудке пребывать. Так что...

Клио, вернувшись к Луису, наблюдала за этим с тревогой.

— Точно у меня не околеет.

— Мое слово.

Клио кивнула.

— Ты сегодня у нас останешься? Подобрать кого на ночь?

Вопрос был привычным. Ответ — тоже.

— Останусь. Если оставишь.

Клио и Луис спали вместе, время от времени. Только вот от любви в этом ничего не было. Дружба, наверное...

Для Клио — благодарность. Для Луиса — еще один способ растопить ледяную глыбу, в которую десять лет назад смерзлось его сердце.

Эрико Даверт тем временем ждал.

Письмо предстоящему было отправлено, его приглашали забрать тьерину Меланию

вечером, на том же месте. Эльнор согласился, остальное было делом техники.

Приставить мальчишку следить за его домом, как только начнутся сборы, пусть бежит к человеку Давертов, отряд, возглавляемый Эрико, выедет из города, и встретят Эльнора на лесной дороге.

Один раз он уже попался, даст Арден, и второй раз стрела мимо не пролетит.

Но время шло и шло, а предстоящего все не было и не было. Эрико послал одного из своих людей понаблюдать за домом, и тот доложил, что предстоящий там. Ясно видно мужчину, который гуляет по комнатам, что-то приказывает, собирает...

Сам Эрико не пошел, а его посланец не знал в лицо предстоящего Эльнора.

Как не знал и того, что в доме ходит в одеждах предстоящего его доверенный слуга, что сам предстоящий выехал еще утром и не через южные, а через северные ворота, что о смерти Мелании тьер Эльнор уже знал, что ждать Эрико мог до бесконечности...

Прождал он до утра, и совершенно напрасно. Эльнора как Ирион сожрал.

К тому же пошел мелкий гнусный дождь, Эрико вымок до костей, продрог и жалко хлюпал носом, представ пред ясны отцовские очи.

В отличие от него, Луис был доволен, весел и даже счастлив, имея вид сытого котяры. Клио позаботилась не только о девушках, но и о хорошем поваре, поэтому Луис был сыт и спокоен.

Эттан тоже радовался жизни.

Яды Вальеры сбоев не давали, предстоящий Тинур умрет через несколько дней от внутреннего кровотечения, и Клио в том не заподозрят.

А вот Эльнор...

Когда Эрико таки явился, Эттан даже бить его не стал, настолько жалко выглядел отпрыск. Только рявкнул, приказывая уйти с глаз долой, вот ведь угробище получилось, ни дома оставить. Ни в люди отправить, и посмотрел на Луиса.

— Займешься?

— Да, отец. Но если он сбежал...

— Оставив нам девчонку?

— Внебрачных дочерей может быть много, жизнь одна. Да и охрана...

Луис как раз мог предположить худшее. Если Дим предупредил его, где гарантия, что второй охранник не явился к Эльнору? Дурные вести летят быстро...

Эттан на миг задумался, а потом мотнул головой.

— Все равно. Выясни, и если он в Тавальене — убей. Я не собираюсь оставлять за спиной живых врагов.

— Да, отец. Позволишь?

— Иди. Благословляю тебя на благое дело во имя Ардена.

— Арнэ.*

* аналог 'Аминь', которым принято заканчивать молитву, прим. авт.

— Арнэ.

Разумеется, о визите Вурста Луис не узнал.

А вот о том, что предстоящий Эльнор уехал уже давно, и след его остыл — очень быстро. Так что Эрико влетело вдвойне. И за то, что прошляпил, и за то, что Луис не успел. Что не прибавило юноше любви к брату.

Впрочем, в братскую любовь Эттан и так не верил. Если и были у него родственники, то...

Были.

А сейчас — нет. И точка.

Эльнора предстояло разыскивать и устранять на его территории, а это дорого, да и по усилиям куда как сложнее.

Чтоб его Ирион сожрал, гада! Это ж какая наглость — сначала лезть поперек планов тьера Даверта, а потом еще не дать себя убить! Ничего, и не до таких кинжал и яд добирались, и ты исключением не будешь, мерзавец!

Род Карнавон.

Каково это — готовиться к свадьбе, когда на ногах ты стоишь откровенно плохо, шатаешься на каждом шагу, из помощниц у тебя только четыре шлюхи, замок, мягко говоря, в раздразе после штурма, на шее орава голодных вояк, слуги — кого нет, а кто откровенно перешел на сторону победителя и отбился от рук, да еще ты ничем подобным никогда не занималась и знания у тебя чисто теоретические, из памяти Алаис Карнавон? Да и сама девчонка-то за матерью наблюдала, но ничего ведь не организовывала, предпочитая отсиживаться в библиотеке, книгой ее в фигу!

А у Тани был разве что опыт организации студенческих вечеринок, ну, как потолок — ресторан заказать под банкет.

А ведь сколько всего нужно!

Если бы Таламир просто хотел прослушать речь в храме, обменяться ожерельями* и отправиться консумировать брак, было бы проще. Так нет же!

Пир ему подавай!

*** в храме Ардена жених и невеста надевают друг другу на шею ожерелья с жемчугом, давая понять, что отныне они муж и жена. Простонародье обходится одной жемчужиной на веревочке, у знати может быть хоть колье в пять рядов. Прим. авт.**

Для себя, для своих подчиненных и даже для солдат...

Зар-раза!

Чтоб тебе бюджеты на праздники во сне снились! И графа 'расход' на туалетной бумаге печаталась!

Ну, с солдатами было проще всего. Прямо у стен замка выкатить бочонки с вином, зажарить несколько коровьих и овечьих туш, хлеб, овощи, костры — и пусть до утра гуляют.

Проще?

А где взять эти туши? А почему? А дрова? А соль, специи, овощи? Кладовые в замке не безразмерные. Всю солдатню вкусняшками кормить, так на себя ничего не останется, стало быть, закупать по деревням, но у кого? И кто закупать поедет? На чем? А кто будет жарить? Кто приглядывать за костром, кто работать виночерпием, кто...

На втором десятке вопросов Алаис реально взвыла и затребовала себе лист пергамента и перо с чернилами. И погрузилась в планирование.

Понятно, что серьезный план так не набросаешь, но хоть приблизительно! Очень спасало то, что никаких соседей не будет. Кто ж поедет к захватчику?

Конечно, Таламир эти земли получил 'совершенно законно', от короля, а теперь еще и браком их к себе привяжет, но все равно, добрососедские визиты — дело будущего. Это даже сам Таламир понимал, а потому от Алаис много не требовалось.

Пышное, насколько можно, торжество, такое, чтобы все о нем знали. Но созывать всю округу не обязательно.

К концу второго дня Алаис составила примерную смету, ориентируясь на память девушки. Наверняка, где-то запросила больше, но она и перестраховывалась. В конце концов, всегда можно скорчить изумленную моську и заявить: 'Разве это стоит дешевле? Хорошо, я вам верю. Просто отец всегда работал только с лучшими поставщиками, вот и...'. Вернуть избытки в бухгалтерию всегда можно, хоть по пять рублей на нос, а все людям приятно будет. А ты поди, выколоти потом из начальства деньги на непредвиденные расходы, когда смету уже утвердили?

Задача для Геракла, не иначе.

Алаис на подвиги не рвалась, а потому попросила одну из девиц передать листки тьеру Таламиру и смиренно попросить его уделить время невесте.

Девиц она, кстати, все-таки выучила. Самая старшая — Марта. Потасканная рыжая хабалистая толстуха. Но среди солдат спросом пользуется. Алаис она по какой-то причине (выбирайте любую — молодость, происхождение, девственность...) невзлюбила и всячески старалась оскорбить, но получалось откровенно плохо.

Алаис не оскорблялась по причине аристократизма, ведь джентльмен не станет твякать в ответ на облаявшую его собаку, а Таня, слившаяся с личностью Алаис, на потуги Марты взирала даже с каким-то умилением. Тоже мне, оскорбления. Этот стон у нас песней зовется, ха!

Хуже было то, что поручать Марте любое дело, означало гарантированно его завалить. А не поручать тоже нельзя. Ничего, извернемся.

Вторая по старшинству — Роза. Тоже рыжая, пользуется краска для волос спросом, ой, пользуется, во все времена и во всех мирах. Чуть помоложе, с более-менее пристойной верхней частью, но фундаментальной нижней. При взгляде на Розу, у Алаис создавалось впечатление, что туловище выше талии ей досталось от одного человека, а ниже — от другого. И был второй раза в два крупнее первого. Вопиющая диспропорция.

Безразличие досталось Розе, видимо, от обеих половинок. Корова на лугу по сравнению с этой особью была просто фейерверком эмоций. Алаис она воспринимала, в отличие от Марты, совершенно равнодушно. Так же равнодушно она и спала с мужчинами, и ела, и ходила по замку... то ли мешком по голове ударили, то ли при рождении уронили.

Третья — Лили. Нагловатая брюнетка цыганского вида. Черные волосы, карие глаза, смуглая кожа. Довольно красивая, кстати. Но наглости...

Наглость была обусловлена тем, что Лили считалась шлюхой выше классом. Не для солдат, а для офицеров. Таламир, правда, не пользовался, и то дело. А то б Алаис его...

Да нет. Все равно консумировать брак пришлось бы. Но пенициллина-то в этом мире нет! А сифилис — есть!

Ужас!

Четвертая, Катишь, совсем молоденькая блондиночка с короткими ногами и крысиной мордочкой, на свою стезю пришла вполне осознанно. Дома тяжело, труд крестьянский вознаграждается не очень щедро, вот она и решила, как самая умная, выйти замуж за сына деревенского богача. А тот оказался парень не дурак, девушкой попользовался, да и раструбил на всю округу, что дорога открыта. Раз, другой, третий — и готово. Удовольствие — деньги — работа. Катишь и ушла с войском, когда оно мимо их деревни проходило.

Почтение к Алаис у нее еще проскальзывало, инстинктивно. Но...

Полагаться на эту команду можно было только в страшном сне. А выбора не было. А жить-то как хотелось...

Таламир пожаловал под вечер, без всякой спешки, хотя просьба была ему передана еще утром. Оно и понятно, нечего баб баловать. Сперва 'не изволите ли', потом 'пожалуйста', а потом 'к ноге, мальчик!'. Знаем мы этих герцогесс...

Алаис пока еще вылеживала бока в кровати, листая книги и делая выписки. При виде жениха она отпустила всех и попробовала встать, сделать реверанс. Таламир остановил ее.

— Лежите, дорогая невеста, вы еще слабы.

— Да, монтьер.

— Итак, о чем вы хотели со мной поговорить?

— Монтьер, день нашей свадьбы приближается, а у меня не решено множество вопросов.

— И каких же?

— Роза передала вам листки?

Суда по лицу Таламира — он и не подозревал, что для свадьбы нужно СТОЛЬКО! Так что Алаис печально вздохнула.

Да-да, монтьер, и СТОЛЬКО, и полСТОЛЬКО и еще четвертьСТОЛЬКО. И это вы еще дешево отделаетесь.

— Что вы хотите от меня, Алаис? — смирился несчастный, понимая, что сейчас и здесь его не пытаются надурить. Слишком уж накладно для вранья получается.

— Монтьер, я прошу вас о помощи.

— У вас четыре фрейлины...

— О, да. Но у них, к сожалению, очень мало опыта. Да и мне не приходилось раньше...

Алаис похлопала ресницами, Таламир понятливо кивнул.

Опыта мало... Понятное дело, их опыт для организации праздников не особо подходит. Но лучшего не будет. Послать наглую соплюшку к Ириону в пасть можно, но ведь она же искренне старается. И придраться не к чему.

Во всяком случае — пока.

— В чем должна состоять моя помощь?

— Монтьер, после вашего... эээ... обустройства в замке, половина слуг разбежалась, а оставшаяся не будет меня слушаться. Поэтому я просила бы вас подтвердить перед слугами мой статус вашей невесты и дать мне определенные права.

Таламир заинтересованно вскинул брови.

— Права, Алаис?

Девушка сжала кулачки.

— Монтьер, моя семья погибла. Я уцелела. Так случилось, и за это стоит благодарить Ардена, но людям не объяснишь. Пока я больна, спрос с меня невелик. Стоит мне появиться перед подданными, как тут же начнутся разговоры, пересуды, сплетни, а то и провокации. Не могут не начаться. И в ваших же интересах, чтобы грязные языки не трепали лишнего.

— И вы, Алаис, хотите иметь возможность укорачивать их, не бегая за разрешением ко мне?

— Вы читаете мои мысли, монтьер.

Таламир усмехнулся.

— А что я буду иметь с этого, Алаис?

— Монтьер, мне нечего предложить вам. Моя жизнь и так в ваших руках.

Таламир так и замер с открытым ртом. Такой поворот ему точно в голову не приходил.

А правда — что тут предложишь?

Алаис смотрела невинными глазами. Таламир откашлялся и сделал вид, что так и было задумано.

— Я рад, Алаис, что вы это понимаете.

— Монтьер, меньше всего мне хотелось бы вызвать ваше недовольство...

И это Таламир тоже понимал. Так что через три часа Алаис стояла рядом с ним в большом зале.

Ну, как — стояла?

В платье ее матери, кое-как перешитом на живую нитку, с немойтой головой и едва обтертая мокрым полотенцем от пота и грязи, с высоко поднятой головой.

В зал собрали слуг, и кое-кого она знала. Эти люди жили рядом с ней, сколько она себя помнила, видели маленькую Алаис, видели, как она росла, а теперь смотрели на нее, как на чудовище.

За что?

Таламир поднял руку и все тут же замолчали.

— Вы все знаете герцогессу Карнавон. Это — моя будущая жена, ваша герцогиня. Ее приказы так же обязательны к исполнению, как и мои. Любое неповиновение ее приказам я буду рассматривать, как неповиновение мне...

Дальше Алаис уже не слушала. И так все ясно. Угрозы, потом еще угрозы, потом поощрения... дело житейское. Интересно, он так верит, что она ничего плохого не сделает?

Вряд ли.

Значит, за ней будет установлена слежка, и не только из этих четырех шлюх. И кто же?

Как неприятно чувствовать эти взгляды.

Презрительные, ненавидящие, откровенно злобные, брезгливые...

За что?

За то, что не дала себя убить?

Но когда люди бывали справедливы к тем, кто им не нравится? Вот если бы Алита осталась в живых, ей бы сейчас сочувствовали. Сестру любили, она была красива и понятна всем. А Алаис — нет.

Ей предстоят тяжелые времена.

Встать с кровати пришлось уже на следующий день. И тогда же случилась первая стычка.

Для охраны к ней приставили еще и четырех солдат, и Алаис впервые мысленно поблагодарила Таламира. Очень кстати оказались.

С утра она решила принять ванну, а потом попробовать пройтись по замку и провести ревизию кладовок. Хотя бы, для начала. Там можно прикинуть, чего хватит, что заказать...

Катишь была отправлена на кухню, с требованием горячей воды, но...

Хорошо, что Алаис потрогала воду в ведрах. Горячая?

Чуть теплая.

Мыться в такой означало получить пневмонию — дубль два. Сквозняки, знаете ли...

— Унести и догреть. — приказала сквозь зубы Алаис.

Слуги повиновались, чтобы вернуться через час с водой не теплее прежней.

Девушка стиснула зубы. Терпение лопнуло. Первый пошел...

— Кто дал эту воду?

— Так тетушка Моды, — пробормотал один из лакеев.

Тетушка Моды, — Алаис скрипнула зубами. И вот ведь что самое страшное, она... она это делает потому, что искренне любила брата Алаис. Мальчишку все обожали, а тетушка вечно оставляла для него вкусняшки, она и мать Алаис искренне любила, и теперь мстит девчонке за то, что та выжила.

Так-то...

Вот что тут сделаешь?

В любом случае надо начать, а там посмотрим по ситуации. У Алаис было уже несколько возможных вариантов действий.

Девушка посмотрела на одного из приданных ей сопровождающих.

— Вы можете привести ее сюда?

Солдат подтвердил кивком головы.

— Тогда — как можно скорее.

Как можно скорее не удалось. Попробуйте привести семипудовую тушу, когда она сама не торопится, а бить по почкам команды не было?

Наконец тетушка встала перед Алаис. Посмотрела, как плевком одарила.

— Чего угодно, тьерина?

Вроде бы и слова правильные, но тон!

Алаис прошлась взглядом по всей тетушке. От колонноподобных ног до натруженных рук, от узла волос на затылке до красного лица.

Выгнать?

Несложно, ой как несложно. Но кто готовить-то будет? Эта и кухню знает, и при своем деле приставлена. Поди, найди сейчас другую? Не солдатских же кашеваров звать?

Выпороть? Плодить пострадавших от нового режима? Ох, не стоит власти этого делать, если она не хочет обнаружить себя в мусорном баке.

Алаис улыбнулась.

Мерзко, неприятно.

— Ты, тетушка, давно у нас служишь?

— Да уж почитай двадцать лет, тьерина.

Вот этого женщина не ожидала. Крика, скандала, да много чего. Но не такого тона и не такого вопроса. Следующим, по ее мнению, должно было стать 'коли хочешь остаться на своем месте...'. Ан нет.

— Двадцать лет. Если я правильно помню, мой отец твоего мужа выгнал пару лет назад с конюшни за то, что он овес похуже заказывал, а деньги называл, как за хороший, — Алаис прищурилась. — И мне кажется, что сына твоего я видела в зале? Тоже конюхом работает, верно?

Толстуха испуганно замерла. Алаис улыбалась так же мерзко.

— Мой отец просто выгнал, ну так он в своем праве был. А тьер Таламир только-только титул получил, ему утверждаться надо. Ты меня понимаешь?

Поняла.

Проняло.

Алаис ведь не сама по себе тут, за ее спиной будущий супруг. Добрый такой, ласковый, душевный человек! Человечище!

Герцог мог себе позволить побыть милосердным, помнила Алаис, как кухарка у него в ногах валялась, чуть ли не туфли целовала: 'Кормилец! Поилец! Ирион попутал!!!'. А на Таламира это не подействует. Ему поди, объясни, что это не саботаж его приказаний, а просто неприязнь лично к Алаис Карнавон. Не поймет ведь!

Алаис наблюдала за сменой выражений на лице толстухи.

— Я не смогу сейчас никого защитить. Я сама полностью в его власти, и умру по его желанию.

В глазах тетушки сочувствия особо не появилось, но Алаис на то и не рассчитывала. Это только начало. Но если она здесь задержится — ее и бояться, и уважать будут. Если уж в городской администрации ее ценили, то здесь тем более по струнке ходить будут.

Добивать Алаис не стала. Пока.

— Я жду свою горячую воду. И надеюсь, долго мне ждать не придется.

Толстуху как ветром сдуло. Вымыться удалось уже через десять минут. Вода была горячей, мыло пенилось и мылилось, пахло розами и отлично промывало волосы, потом Алаис растерла по коже ароматическое масло, и подумала, что в жизни есть и хорошие моменты. А бледно-голубое платье...

Ну что, переживем. Это на матери и сестре с их золотыми локонами и теплыми оттенками они смотрелись. А Алаис оно превращало в ходячую смерть, иначе и не скажешь.

— Тьерина, вы просто великолепны! — Катишь затащила шнуровку сзади на платье. Алаис посмотрела на себя в зеркало и поморщилась. Бледная моль с косой и рядом с ней шляха в дешевом платье. Надо бы обсудить это с супругом, да раздарить девицам часть материнских платьев, пусть хоть на людей похожи станут.

Обед она уже посетила в Большом Зале. Таламир предсказуемо посадил за стол все свое отребье. Алаис поступила примерно так же. Сама устроилась напротив Таламира, а девицам приказал сесть слева и справа от себя. Правила здесь, кстати, были похожи на земные. Муж и жена друг напротив друга, а в остальном чередование мужчина-женщина, более почтенные ближе к хозяину и хозяйке, остальные подальше...

Таламир оглядел это представление, и одобрительно кивнул. Хотя сама Алаис его точно не радовала. Ничего, прорвемся.

После обеда Таламир подозвал Алаис к себе.

— Дорогая невеста, вам может понадобится помощь управляющего.

— Управляющего? Он выжил?

Память Алаис хранила образ толстенького господина Сарна, вечно с какой-нибудь счетной книгой под мышкой, вечно бормочущего себе под нос какие-то цифры. Воровал он у герцога?

Наверняка. Но придерживался того мнения, что воровать надо незаметно и с прибыльного дела, так что Карнавон процветал под его чутким руководством.

— Нет. Позвольте познакомить вас. Господин Кром.

Господин Кром у Алаис симпатии не вызвал. За версту было видно — выжига, плут и подхалим. Из каких соображений Таламир поставил его управлять хозяйством — непонятно. Разве что этого и повесить не жалко. А если он Алаис подставит, жених тоже не в претензии будет. Подумаешь — невеста! Будет свое место знать, так-то.

Алаис, надеясь, что выглядит достаточно герцогственно (величественно выглядеть ей не

удастся, не в этом платье и не после болезни, но жест должен быть привычным, словно дыхание), протянула руку для поцелуя.

— Надеюсь, господин Кром, что вы не подведете монтьера и будете служить ему верно и честно.

И уже читала ответ в глазах.

Честность? Это что еще за слово такое незнакомое? Господин Кром его первый раз в жизни слышал, однозначно.

Будет воровать. Сказать Таламиру?

Вот еще не хватало. Если спросит, тогда и скажем, а в остальном — Алаис пока его планов не знает. А инициатива наказуема. В любом мире.

Господин Кром еще рассыпался в уверениях, а Алаис уже улыбалась будущему супругу.

— Искренне надеюсь, что закупку продуктов господин Кром возьмет на себя? Я ведь не смогу выехать из замка, чтобы лично переговорить с поставщиками, отобрать что получше и подешевле...?

Таламир кивнул.

Не сможет. И предложение выглядело логичным. Противоречий в поступках Алаис он не усматривал. Жить девчонка хочет, вот и выслуживается. И в чем-то она ведь права, пока не родит одного, а лучше двоих-троих детей, она ему будет нужна. Это в их общих интересах.

Вот потом...

Да и потом она может быть нужна. На своем месте, но всяко пригодится.

Таламир был неглуп, и отчетливо понимал, что есть вещи, которых мечом не возьмешь. Он может завоевать себе земли, но не родословную. Хотя может сказать, что он — великий предок своего рода, но этому надо учиться! Да, и вот у этой мелкой пакости — тоже! Она-то высказала это вслух, а он не знал.

Обидно?

Нет, обидно не было. Было скорее желание вытряхнуть из будущей супруги такие полезные знания и навыки, или передать их своим детям. Чтобы никто не смел драть перед ними нос. По отцу они будут — Таламир, по матери — Карнавон, а это не кот нассал! Это — родословная!

Задумавшись, Таламир даже и не заметил, что все ждут его решения. И только когда движение — Алаис устала ждать и отвесила супругу полупоклон, привлекло его внимание, понял, что от его ждут ответа.

Алаис же поняла, что будущий супруг ничего не слышал и вежливо кашлянула.

— Монтьер, вы же согласны, что надо сначала определить, чем мы располагаем, а потом ехать за провизией?

— Да, тьерина, согласен.

— А кое-что можно начать уже сейчас? Сколотить столы для угощения, навесы, на случай дождя...

— Вот и занимайтесь, — рыкнул Таламир, не желая признать, что для него это китайская грамота. — Кром, ты понял? Чтобы все было на высшем уровне!

Кром активно закивал головой.

Алаис пожелала, чтобы та отвалилась напрочь, но увы. Боги не услышали. Таламир посмотрел на это, да и вышел из зала.

Алаис хищно посмотрела на нового управляющего. Ну.... погоди!

Кром поежился, но было уже поздно.

— Итак, господин Кром, возьмите хозяйственные книги и предлагаю начать с винного погреба.

Алаис сбивалась с ног.

Ревизия кладовок, продукты, ледник, ткани, кожи, галантерея, зерно, вино... в этом мире замки могли жить на полном самообеспечении. Подсчет того, что нужно будет ради праздника, что надо будет заказать, докупить, предоставление списков Таламиру, одобрение хозяином, заказы...

Тут Алаис и попробовали на прочность второй раз.

Так-то прислуга хоть и кривилась, хоть и шипели вслед, но при ней рты не раскрывали и приказания выполняли. Кухарка донесла до всех политику партии, и народ предпочел не связываться. Не стоит выражение своего презрения поротой задницы, ой, не стоит.

Хотя так думали далеко не все.

— Это — что!?

Алаис пнула ногой стол. Сооружение пискнуло и пошатнулось.

Надо было сколотить несколько десятков столов для солдатского угощения. Вот плотники и работали, но кто-то явно схалтурил.

— Роза!

Орать на проститутку было, что на тот стол.

— Кто делал этот стол?

Молчание.

Алаис обвела взглядом десяток плотников, который столпился вокруг.

— Кто? Делал? Этот? Стол?

Опять молчание.

Круговая порука? Вам же хуже!

— Кто старший в артели?

Опять молчание. Но взгляды скрестились на одном из плотников, здоровущем мужике лет тридцати.

Алаис перевела взгляд на солдата, который неотлучно следовал за ней.

— Взять его. И выпороть на конюшне.

Двое из четырех ее сопровождающих вмиг подскочили к мужику, завернули тому руки за спину, согнули, так что он шлепнулся перед Алаис на колени.

— Пятьдесят плетей, — равнодушно произнесла девушка.

— Помилуйте, госпожа!

О, немой заговорил? Понял, что это не пустые угрозы. А пятьдесят плетей — это либо смерть, либо увечье, либо (если очень-очень-очень повезет) просто болезнь, но долгая, не менее полугода. Если нет заначки на черный день — все равно смерть.

Алаис прищурилась.

— Кто делал этот стол? Последний раз спрашиваю?

— Мирви и Фульк, — последовал кивок в сторону двоих плотников.

— Пять плетей за то, что не сказал сразу, и еще пять за то, что принял некачественную работу, — припечатала Алаис. — Этим двоим по двадцать пять плетей. Десять за

испорченный стол, десять за то, что пытались мне соврать, пять за сговор. Цену испорченного дерева взыскать с них поровну. Переделать испорченный стол всей артелью, чтобы впредь думали, кому лгать. Пока не переделают — не кормить. Завтра с утра все проверю, — Алаис раздавала приказы ледяным тоном.

— Госпожа герцогесса!

О! Кто нарисовался! Господин управляющий, свеженазначенный. Алаис нарочито добродушно улыбнулась.

— Господин Кром, налицо саботаж свадьбы вашего тьера. Как вы думаете, с кого он за это спросит?

Подтекст просчитывался легко.

Я-то на свадьбе нужна живая, здоровая и счастливая. А ты — нет. Мне еще детей рожать, так что у меня есть время. А ты не оправдаешь надежд господина и будешь скормлен акулам. Так вот.

Кром дураком не был. И вызверился на плотников так, что Алаис только головой покачала. Плети стали неизбежны.

Что ж.

Сами напросились. В это время демократия не в почете, наоборот. За некачественную работу — получи плетей, за воровство — получи плетей (самым закоренелым могут и руку отрубить), за прелюбодейство — да-да, тоже получи плетей. И нигде, нигде не говорится о правах личности на самоопределение и прочих приятных мелочах.

Конституцию написать, что ли?

Алаис привычно задавила ненужные мысли и сосредоточилась на главном. Подготовка к свадьбе.

Род Ольрат.

Массимо опрокинул в себя дешевое пойло, хлопнул собутыльника по плечу и поднялся из-за стола.

— Поздно уже, пойду я...

И верно, ему было пора идти. Сегодня будет тяжелая ночь. Очень тяжелая.

Со времени того разговора с Шернатом прошло уже больше десяти дней. И за это время Массимо успел главное.

В образе старого пьяницы, который горюет по племяннице, он посещал те же кабаки, что и Роман. Благо, молодой балбес рассказывал сестре, куда он ходил и с каким результатом.

Но прийти мало! К тому же, как только Роман напал на след, он прекратил откровенничать с сестрой, отговариваясь тем, что некоторые сведения опасны для жизни. Эх, лучше б наоборот! Сначала помалкивал, а потом поделился подозрениями.

Как, кто, с кем, когда, куда...

Мало прийти в кабак, надо еще понять, что именно заинтересовало Романа, но Массимо справился с этим. Удача улыбнулась ему в третьем по счету питейном заведении. Не сразу, нет, но Массимо умел сидеть и слушать, а судьба благоволил терпеливым и внимательным.

Что такого было в разговоре двух шлюх? Что царапнуло Массимо?

А то, что одна из них, поглядев на старого пьяницу, заметила вскользь: 'Это дядя той девчонки. Ну, которую как тех двоих...'

Двоих сразу?

Продажных девок?

Массимо это и царапнуло. Так что шлюху он пригласил к себе, честно использовал, заплатил ей, напоил и постарался разговорить. И ему это удалось.

Девка проговорила, что одна ее знакомая поставляет деревенских девушек хозяйке бордельчика. Есть такой промысел.

Мало ли девчонок бежит из деревни? В поисках лучшей доли, от нелюбимого жениха, просто от позора — да всякое бывает. Прибегают они в город, и обнаруживают с ужасом, что никто их тут не ждал, что булки на деревьях не растут, что специалистов по мытью полов и в городе хватает, а без рекомендаций и с привычкой вытирать подолом сопли тебя даже на кухню не возьмут.

Увы...

Вот тут и находят растерянных провинциалок милые добрые и отзывчивые тетушки. Например, тетушка Мадлот. Подходят, глядят по плечу, предлагают помощь...

Тем из провинциалок, кого не отпугивает судьба продажной девки, они и впрямь неплохо помогают. Остальные же...

А у Тисы, как звали продажную девку, несколько дней не было денег даже снять комнату. Ее выгнали на улицу, и подруга разрешила оставить вещи у нее в комнате.

Да. А комнату она снимала как раз напротив тетушки Мадлот. А где обслуживать клиентов, если у тебя нет дома? Только в темных переулках.

Там-то девка и увидела, как тетушка Мадлот вела к себе деревенских девиц. А потом нашли их как и Мариль. Живот распорот, изнасилованы...

Вот тут Массимо и понял, что он на верном пути.

Тетушка Мадлот, говорите? Поставляет живой товар?

Если она еще жива — отлично! Значит, Роман до нее добрался и принялся расспрашивать. А обманываться пристойной и благообразной внешностью подобных... самок человека не стоит, вовсе не стоит. Они кого хочешь сожрут. Могла и свистнуть кому из подельников, наврать про Романа с три короба, мальчишку ножом и пырнули. И не успели ограбить.

Так что Массимо напоил девку еще сильнее, и расспросил, где проживает эта тетушка Мадлот. А с утра похмелил и выпроводил.

Судя по стонам и хватанию за виски, ничего шлюха не вспомнит из прошедшего вечера. Да и не надо. Заплатил ей Массимо, кстати, втрое. Ему деньги понадобятся или нет — неизвестно, а вот девку жалко.

Сколько их таких — растоптанных городом?

И в тот же вечер Массимо отправился к жилью тетушки Мадлот.

Повезло ему почти сразу. Благообразная седенькая старушка невысокого роста, вся кругленькая, уютная, с редеющей гулей седых волос, влекла к себе домой какую-то девицу, судя по диковатому взгляду и запыленному платью — очередную крестьянскую дурочку, и выспрашивала по дороге. Массимо даже перехватил обрывок разговора.

— ... примерное поведение. Ежели ты с кем в сене валялась уже, так ты скажи, там правила очень строгие, выгонят тебя из города плетьюми. А работа хорошая, где еще такую найдешь?

— Нет-нет! Я сюда-то пришла, как маменька померла...

Массимо верил, что девица еще ни с кем не погуляла. При взгляде на рябую конопатую мордашку сомнения улетучивались мгновенно — на такое и в деревне не всяк парень

польстится, а судя по дешевому платьишку и башмакам из дерева, там и денег нет, чтобы подсластить процесс.

Но зачем этой старой кошелке именно девственница? Для....

Выяснить это Массимо собирался сегодня ночью.

Шернат к известиям отнесся с бо-ольшим интересом и даже порывался пойти вместе с Массимо. Тот едва отговорил кожевника.

Нет уж. Рисковать, так поодиночке. Если Массимо и попадетсЯ, так Шернат знать будет, где рыть, чтобы за детей поквитаться.

Так что вечером Массимо поскребся в двери дома тетушки Мадлот.

— Кто там?

Открывать старая карга и рядом не спешила. Двери у нее тоже были не всяким бревном выбьешь.

— Старьевщик я. Не найдется чего на продажу?

Чтобы было убедительнее, Массимо посетил уже с пяток горожан по той же улице, где жила Мадлот. Даже купил кое-что.

За дверью подумали, но потом все же открыли. Видимо, старая мегера чувствовала себя в безопасности. А Массимо только и надо было внутрь попасть. А уж там...

Пяти минут не прошло, как дверь закрылась, а старуха уже была тщательно придушена до потери сознания, осчастливлена кляпом в глотку, связана и засунута среди плащей в прихожей. А Массимо отправился на разведку.

Помимо старухи в доме оказался один здоровущий парень, видимо, охрана, и та самая крестьянская девица.

Парня Массимо оглушил надежнее, тут он не боялся бить в полную силу. А то — старуха! Сейчас нажмешь посильнее, или стукнешь побольнее, и полетела душа к Ардену. А спрашивать кого? Вот и пришлось осторожничать.

Парня же можно было и канделябром по голове отovarить, и увязать, что ту колбасу — не подохнет, а если и отправится к Ириону, так переживем!

Девице повезло больше всего. Массимо со всей возможной деликатностью связал ее, стараясь не сильно передавить руки и ноги, и похлопал по щекам.

— Цела? Ну-ка, приходи в себя!

Возвращение в сознание неблагодарная нахалка попыталась ознаменовать диким визгом. Пришлось заткнуть ей рот и брызнуть в лицо водой. А потом похлопать по щекам (Массимо пытался сделать это осторожно, но получились все равно неслабые пощечины) и разьяснить.

— Ты, дурочка, думаешь, к хорошим людям угодила? Эта старая... поставляет шлюх в бордели.

Услышала. Заврацала глазами, пытаюсь что-то сказать. Массимо фыркнул.

— Я тебя сейчас снесу вниз, пристрою за занавеской. Только сиди тихо и слушай, о чем я буду ее спрашивать. Арденom клянусь, чем бы наш разговор не закончился, я тебе вреда не причиню.

Кажется, девицу он не слишком убедил, но лучшего не предлагалось. Потом Массимо честно снес ее вниз, устроил в гостиной за диваном так, чтобы она не дергалась и отправился за тетушкой Мадлот.

Старая крыса пришла в себя и напоминала именно что крысу. Не спасало ни круглое лицо, ни 'добрые' морщины. И кто сказал, что пожилые люди обязательно порядочны и добры? Кто-то видел старую крысу? Наверняка! А порядочную крысу? Которой стыдно воровать зерно? Ах, нет? То-то же.

Сейчас морда у старухи стала вовсе уж омерзительной, но для начала она попыталась ворковать. Получилось на редкость неубедительно — крысам этого не дано.

— Ты чего, парень? Я ж тебе в матери гожусь?

— На плаху ты куда как лучше годишься, — спокойно ответил Массимо, доставая нож. — Ну все, молись, гнида. Сейчас я из тебя ремней нарежу.

И не шутил, ни на секунду не шутил. И резал бы, и с удовольствием, стоит только про племяшку вспомнить! Старуха это точно поняла, потому что забилась, задергалась в путах.

— Да чего тебе надо-то!?

— Знания, дорогуша. Только знания. Кому ты девок поставляешь?

— Я?! Да никогда...

Массимо не стал тратить время. Он просто заткнул старухе рот, подошел сзади, пощекотал ей шею ножом, а потом натянул седой пучок и одним движением срезал гулю чуть ли не под корень. И продемонстрировал бабке.

— Еще одна ложь — и с кожей срежу. Поняла?

И поняла, и испугалась уже по-настоящему. Сведения полились из мерзавки потоком.

Да, поставляет девиц в бордели. А что ж, коли они дуры? Грех не попользоваться.

За занавеской притихли в шоке, а старуха резала правду-матку. Одна девственница стоит два золотых, а если не девушка, то один золотой.

Жертвоприношения?

Нет-нет, с таким она не связывается! Никогда и ни за что!

Массимо опять не поверил. Старухе это стоило трех пальцев и угрозы заткнуть ей рот и заняться уже по-серьезному. И старая гадина раскололась окончательно.

Да, было и такое. Берут у нее иногда девственниц благородные тьеры. Кто?

Не знает она.

В расход ушли еще два пальца.

Знает-знает. Тьер Жорес, это точно. Однажды по ее просьбе за мужчиной проследили до дома, оказалось — он.

Массимо припомнил о ком идет речь и нахмурился. Как же, знаем такого, семья хорошая, богатая, родители очень приличные... и такое?!

Странно. Но причин не верить не было. Под пыткой бабка таки сломалась и выдавала сведения потоком.

Да, у нее покупали девственниц, и платили дорого. И она подозревала, для чего, но молчала. Кому ж охота раз двадцать случайно упасть на нож в глухом переулке?

Роман?

Да, приходил тут сопляк, выпрашивал чего не надо. Она и попросила племянника... да, это тот, который сегодня был у нее. Хороший мальчик, работает вышибалой в борделе.

Массимо пожал плечами, заткнул старой гадине рот, и принялся за расспросы парня. Этот оказался намного хлипче бабушки и поплыл после первого пальца.

Да, бабка не соврала. Романа убил именно он. Не ограбил, потому как не успел. Догадывался ли он о тетушкином промысле?

Не просто догадывался, он тьера Римейна и навел.

Римейна? Вот тут Массимо принялся уточнять, и вышло так, что наводку парень дал одному тьеру, а к тетке пришел совсем другой. Значит, их несколько?

Отлично.

Будет за кем последить. И с кем посчитаться — тоже. Внутри у Массимо при воспоминании о племяшке и о Романе так болело, что одной смерти ему казалось совершенно недостаточно для отмщения.

А тетку и ее племянника Массимо приговорил, не моргнув и глазом. Оглушил, увязал покрепче и задумался.

Потом сунул несколько поленьев в очаг, поправил занавеску так, чтобы пожар начался через пару минут после его ухода — и вышел через черный ход, захватив с собой ни в чем не повинную девчонку. Отправится к Шернатам, а там куда и пристроят. Хоть одной да повезло.

Массимо уносил с собой и нечто гораздо более ценное.

Два имени.

Тьер Жорес и тьер Римейн.

Он будет следить и за одним, и за вторым. И если кто-то из них замешан...

Массимо знал, что обагрит руки кровью. Но точно знал и то, что не пожалеет о своем решении. Месть бессмысленна? Месть разъедает душу? А что делать, если у человека не осталось ничего кроме мести?

Арден простит, а Ирион побрезгует.

Арнэ.

Глава 5. Ах эта свадьба, свадьба пела...

Род Карнавон.

Оставаться одной Алаис удавалось только в своей спальне — и то ненадолго. Постоянно врывались то служанки, то фрейлины, то являлся с докладом управляющий — больше всего девушке хотелось заколотить дверь гвоздями и никому не открывать. Но она продолжала делать хорошую мину при плохой игре.

Являлась к трапезе, наблюдала за приготовлениями к свадьбе, вежливо общалась с Таламиром, который явно наблюдал за невестой. Кажется, Алаис оказалась для него совершенно новой разновидностью человека — аристократка начитанная. Раньше его рассматривали как красивое животное, ради потешить плоть, и относились соответственно. Кто же разговаривает с постельной игрушкой? И о чем с ней можно разговаривать?

Потом, когда у Таламира открылись воинские таланты, с ним тем более разговаривали только о войне. Или о постели.

С Алаис же он разговаривал об организации свадьбы, о поместье, о том, как воспитывали аристократов — и получал вежливые (побудь тут невежливой) ответы. И определенно учился. Узнавал нечто новое...

Алаис тоже узнала кое-что новое о себе. И получилось это совершенно случайно.

Она купалась перед сном. Поскольку таскать и греть воду, а также чистить и мыть ванну предстояло не ей, она решила купаться как привыкла — два раза в день.

Вечером она так же расслаблялась в горячей воде, когда со двора донеслось весьма немелодичное и громкое пение. Нажрался кто-то, вот душу и потянуло развернуться.

— Вы любите громко петь в душе? Ребята, кто любит громко петь в душе? — задумчиво спросила Алаис у гобелена.

Судя по звукам, которые донеслись со двора, петь, может, кто и любил, а вот слушать не очень.

— К счастью стремимся сквозь все испытанья.... - промурлыкала Алаис. И — закашлялась.

О, черт!

Раньше она петь не пыталась, как-то не до того было, а ведь Арден, в которого тут верят подкинул ей реальную плюшку. У Алаис Карнавон оказался потрясающий голос. Глубокое грудное контральто...

Класс!

В той жизни у нее было мецо-сопрано.

А диапазон?

Следующие несколько минут Алаис проделывала упражнения для связок, радуясь, что никого нет рядом. Вряд ли зрелище девчонки-альбиноса, которая лежит в здоровенной деревянной лоханке и старательно выпевает 'ми', 'ме', 'ма', 'мо', 'му', добавило бы кому-то здоровья. Встать и петь во весь рост?

Можно. Но вылезать из воды не хотелось, слишком уж быстро она остывала, так что Алаис позволила себе маленькие вольности. Да и не на концерте...

Девушка набрала воздуха в грудь.

У каждого есть своя любимая песня. Некогда у Тани это было 'Прекрасное далеко'. Отличная песня, и диапазон широкий. Вот и попробуем распеться, хоть как.

Когда песня закончилась, Алаис поняла, что одна ее проблема точно будет решена.

Было и здесь сословие, которое считали чужаковатым. Для них были обидными разгильдяйство, бродяжничество, иногда и случайные связи, они стояли вне сословий и гильдий, на них никто не заявлял права...

Менестрели.

А еще — их старались не задевать. Не в силу страха перед предками всемогущих СМИ и ток-шоу. Нет. Просто здесь менестрели считались слугами Мелионы. Дескать, однажды богиня устала после творения, присела на камушек и задумалась. И услышала песню. И так ей хорошо и душевно стало...

Пела девчонка, собирая ягоду, а когда допела, богиня решила явиться и отблагодарить смертную.

Явилась, и спрашивает, мол, что тебе угодно получить в награду за пение, дитя мое?

А девчонка, не будь дура, и ответила — возможность петь для этого мира.

Рассмеялась Богиня — и даровала ей талант сирены. Девчонка смогла голосом повелевать волнами, управлять ветрами, люди и животные ее слушали, раскрыв рот...

Так родился первый менестрель.

Конец истории терялся в тумане.

По одним легендам — девушка вышла замуж за короля. По вторым — ушла в море. По третьим — стала бродить по дорогам. Умереть она ведь не может, ее Богиня благословила...

Так что менестрелей старались не обижать.

Нет, панацеей это не было, плохого певца могли и гнилым овощем 'угостить', могли и выпороть, могли смазливую певичку и использовать по назначению....

Могли.

Но это было лучше, чем ничего. К тому же смазливой Алаис себя не назвала бы даже после литра водки.

Менестрель?

А ведь запас местных песен у нее есть. Здесь предпочитали нечто вроде баллад, а память Алаис послушно укладывала их внутри.

Позор и ущерб герцогской чести?!

Да, внутри было такое неудобство, но Алаис предпочла махнуть на него рукой. Победителей не судят, побежденным все равно.

К тому же — она-то с какого раза стала герцогиней? Ее не спрашивали, когда тащили....

Эх, как-то там родные без меня?

Алаис усилием воли заткнула память подальше и сосредоточилась.

Итак — менестрель. И не надо о позоре. Есть певичка-однодневка, а есть Монтсеррат Кабалье. С первой на одном поле не сядут, а второй короли кланяются. Разница в классе.

Может ли она выдать класс?

С ее-то музыкальной школой — запросто! Гитару бы...

И ведь наверняка что-то такое есть в замке.... кстати!

Надо посмотреть на чердаке, там, по традиции, есть склад всякого барахла. Миры разные, а чердаки везде одинаковы.

Посмотрим.

А уж сколько она всего знает... И классиков, и современников — и кстати! На гитаре она играть умеет! Стандартный набор девушки из хорошей семьи — музыкальная школа, танцы и рисование. Вот с последним не задалось, рисовать Таня не могла. Вообще.

У нее даже прямая линия ощутимо давала кривизну на втором сантиметре.

Танцы?

Идеальное чувство ритма и мелодии не мешало девочке оттаптывать все, что находится рядом. Увы... Примерно на втором десятке оттоптаных ног девочка смирилась со своей горькой участью. Не выйдет из нее танцовщицы, не судьба. Максимум — вальс на выпускном вечере в школе. И там она так на ногу партнеру наступила, что бедняга хромотал до утра.

А вот с музыкалкой задалось. Таня хотела пианино, но родители уперлись и настояли на гитаре. Ну да, пианино дорого стоило и не полезло бы в их квартирку. Так что...

Дайте струны, руки вспомнят!

Таня попробовала пальцы на растяжку.

А ничего так... Но слишком нежные. Перчатки и медиатор — комплект-минимум, иначе без подушечек останешься. А вот без пропитания — вряд ли. Гитаристы всегда были в цене, в любой компании, а репертуар менялся, его требовалось обновлять...

Итого — от испанских гитар до 'Мурки'. От арии Квазиморды до 'мистера X'.

Алаис вздохнула.

Ладно, одна проблема решена. Что кушать — найдем, заработаем, эксцентричность спишется на профессию, хоть тут такого слова и не знают.

А вот внешность.

Альбинос — редкость везде. Но если в том мире можно было окраситься... минутку!

А в этом?

А в какой цвет? Чтобы кожа не выделялась диссонансом?

А ведь есть один вид белокожих, который не привлекает к себе внимания.

Рыжики с веснушками.

А почему нет?

Хной стационарно окрашиваются волосы, брови, ресницы, ладно, последние и угольком можно. А на лицо ей же, родимой, нанесем веснушки.

Есть ли тут хна?

Чтоб женщины были, а краски для волос не было?

Таких миров боги еще не создали. Алаис точно могла сказать, что Марта красится хной, осталось раздобыть ценную травку. Сложно, конечно, но невозможного нет. Хну и заказать можно, вроде она как обеззараживающее применялась... знать бы, как она тут называется. А ведь в библиотеке есть фолианты по растениям, Алаис это точно помнила. Это растения она не запоминала, герцогессе было неинтересно, а Таня-то биолог! Уж лавсонию-то она отличить должна. Узнаем, как она здесь называется, и закажем. Вряд ли управляющий в курсе того, чем женщины красят волосы. Скажем — для ткани. Или по лекарской части.

Будущее приобретало хоть какую-то определенность.

Есть профессия, есть планы на внешность, есть деньги (не до всех сокровищниц добрался Таламир), осталось главное. Определить куда, когда и как бежать.

Но это — после свадьбы. До свадьбы ее никуда из замка точно не выпустят, а вот если свадьба пройдет, а потом Алаис еще и беременной окажется (она же может подумать, что в тягости? Еще как может, она ж не повитуха!), надзор ослабнет. Никто не подумает, что у беременной женщины хватит дури куда-то бежать.

Или подумает?

Не будем недооценивать Таламира.

А в чем бежать, кстати? Алаис отчетливо представила себе, как она в своих роскошных шмотках, перешитых из маминых платьев, является в ближайшую деревню и просит продать ей костюмчик менестреля. А лучше — сменять вещь на вещь.

М-дя.

Есть способы самоубийства и попроще.

Но ведь есть и братья! У которых были детские штаны и рубахи! И где это все?

Найдем! Память упорно посылала на чердак.

Значит, ищем музыкальный инструмент и приводим его в состояние должной обтерханности, ищем одежду и устраиваем заначку, добываем хну.

И — изучаем карту мира. Бежать придется на другой материк, подальше от супруга, и бежать быстро. Ладно-ладно, главное начать разрабатывать план побега, а дальше будет намного легче. Самая длинная дорога начинается с того, что ты собираешься в путь.

Страшно?

Алаис было очень страшно. За стенами замка лежал сложный, незнакомый и враждебный мир. Но в стенах замка тоже был сложный, незнакомый и враждебный Таламир. И кто хуже — было неясно. Если с миром у Алаис еще были шансы уцелеть, то Таламир сожрет ее, как только она будет бесполезна. А значит — выход только один.

Бежать.

И произнесенное второй раз про себя решение далось Алаис намного легче.

Бежать — замечательное слово. Но есть и припев.

Нас не догонят.

Вопрос — как бежать, куда бежать и что сделать, чтобы припев стал реальностью, стоял особенно жестко.

Как бежать?

Ножками, понятно. А медленно. А холодно. А некомфортно. В бытность свою Таней, Алаис несколько раз ходила в турпоходы и всегда радовалась завершению этого мероприятия. Вот брату нравилось, а она не видела никакого удовольствия в прогулках из точки 'А' в точку 'Б' с грузом за плечами и в грязных носках. И так.

Климат. Море неподалеку, то есть ночью у Алаис есть все шансы не по-детски озябнуть и получить прекрасную простуду. От пневмонии она недавно оправилась, вторая не заставит себя долго ждать, и побег станет неактуальным. Потому как мертвые бегать не могут. То есть — палатка, спальный мешок, пенка... где тут у нас ближайший магазинчик спорттоваров?

Нету?

Не завезли?

Ай-яй-яй.

Наломать лапника, развести костер, и вообще — другие же ночуют и не помирают?

Алаис это казалось весьма неубедительными доводами. Уметь надо. А если она, с ее ручками герцогессы, попытается наломать лапника... ага, очень смешно. Или костер развести. Плевое дело? Это так кажется. Здесь ни зажигалок, ни спичек еще не изобрели, а система 'кремень-огниво-трут' с точки зрения Алаис была просто убийственной. Легче огонь трением добыть, хоть согреться.

И поездов нет. И велосипедов. Лошади?

Можно, конечно, и на лошади. Если знаешь, как с ней управляться. А Алаис-то и не знала. Как любая благородная дама, она могла сесть на лошадь и принять красивую позу. Точка.

Теоретически она знала, как оседлать лошадь, чем кормить, как чистить и чесать. Теоретически.

Практически за нее все делали конюхи. Алаис не любили даже на конюшне, увы. Так что время она проводила в библиотеке, а лошади остались для нее большими зверюгами. Да и...

Кто его знает, что там с верховой ездой?

Алаис никуда особо за пределы замка не выезжала, а по соплеобразности мышц, Таня предполагала, что на длительную езду это тело не способно. Там же тоже навык нужен, это не просто так! В какой-то книге ей даже попадалось, что неумелый наездник может сбить спину лошади и покалечить себя. Ходи потом враскорячку.

Вобщем, как транспорт, отпадал даже ишак. Не было их в конюшнях Карнавонов.

А как тогда бежать?

Лодка?

Хм-м...

Если попасть в течение и дрейфовать несколько дней вдоль берега, можно неплохо намотать километры между собой и Карнавоном. Осталась малость.

Где взять лодку?

К тому же, течения надо знать. А если ее унесет в открытое море? Ох, что-то подсказывало Алаис, что лавры Алена Бомбара* ей не светят. Загнется с жажды и голода.

*** Алэн Бомбар — французский врач, пересек Атлантический океан примерно за два месяца, питаясь рыбой и планктоном. Пытался доказать, что выжить можно в любых условиях. Получил кучу болячек, но выжил ведь, прим. авт.**

Безвыходно?

Э, нет.

Даже если вас съели, у вас есть два общепринятых выхода. И третий — через аппендикс. Алаис решила все равно готовиться к побегу, чтобы в нужный момент просто взять сумку и скрыться в тумане, а не метаться взъерошенной курицей, причитая: 'Ой! Трусея-то я и не положила!!!'.

Но побег, это в будущем, а вот здесь и сейчас предстояло решать много других задач... Но лавсонию Алаис все равно заказала. А поскольку она была и обеззараживающим, и успокоительным не придрался даже Таламир. Девушки же волнуются перед свадьбой?

Да!

Вот и не экономьте на седативных средствах!

Бежать — это хорошо.

А вот что делать до бегства?

Хотите ли вы стать мамой? Ах, вы не хотите стать мамой... Проблема. А кто вас спрашивать будет? Алаис понимала, что у Таламира одна задача — обречь ее как можно быстрее, получить пару-тройку чадушек и — привет. Прости, дорогая, черный цвет мне всегда был к лицу.

Были и плюсы. Бить точно не будет, калечить — тоже, но... Это Алаис не подозревала,

что можно сделать с женщиной в постели. А вот Таня знала, и знания эти ее не радовали. Хорошо хоть психологическая травма исключается. Это Алаис — девственница, хрупкая, нежная и трепетная, а юриста, который в администрации проработал не всяким поленом перешибешь, он сам кого хочешь пришибет. Но кому ж нравится изнасилование? Даже если оно законное и супружеское?

Хотя притягателен, гад, этого у него не отнять.

Но — тут сошлись два фактора сразу. Память Алаис подсовывала картину пыток и гибели ее семьи, а разум Тани привычно фильтровал направленные в ее сторону взгляды, и кроме брезгливости и отвращения ничего там не находил. Два в одном.

И зачем девушке из хорошей семьи такое счастье?

Эххх... где вы, где, любимые романы! Вот там обязательно находился какой-то друг с противозачаточным зельем! Или с зельем, которое гарантировало насильнику верные 'стрелки на полшестого'. А тут?

Есть ли в деревне травница? Знахарка?

Беда в том, что народные методы предохранения стопроцентной гарантии не давали, да еще и были достаточно заметны. А пить невесть что?

Может, туда жабью шкуру истолкли, или когти летучей мыши? Бээээ....

Это дома на таблетках аннотацию читаешь, и то не всегда можешь разобраться, что туда понапихали и за каким чертом, а тут как? Принять на веру?

Да ладно, чтобы избежать беременности можно хоть настойку на гадючьих яйцах выпить, но как ее купить незаметно? Просто прийти в деревню, узнать, где травница, зайти к ней в сопровождении солдат и потребовать противозачаточное?

ТЬфу!

Уууууу, хочу домой! К аптекам и симпатичненьким таблеточкам!

Алаис думала, что взвоет от постоянного контроля и что-то да выкинет. Но не пришлось. Помог случай.

Началось с того, что Лили подозрительно активизировалась, иначе и не скажешь. Стала более оживленной, принялась улыбаться по поводу и без повода и даже стала как-то активнее готовить свадьбу. Алаис отметила это, но выводов не сделала. А зря.

Потому что через пару дней Лили проявила инициативу. И...

Алаис как раз переодевалась.

Чем отличаются платья аристократов от платьев простолюдинок? Ну, вторые одеваются сами. На длинную рубаху до пят надевается верхняя рубаха и длинная же юбка. По праздникам все это яркое, крашеное в разные цвета, по будням — серое и тусклое.

А первые...

На длинную рубаху, только из более дорогой ткани, надевается еще одна — часто с кружевом, вышивкой, а на нее уже надевается платье с вырезом, с разрезами, со шнуровкой сзади, на рубахах тоже могут быть предусмотрены вырезы... одним словом ноги показать неприлично, а грудь можно хоть на поднос вывалить, никто и не задумается. Где логика — непонятно. Но сама нацепить весь этот кошмар Алаис не могла и радовалась только, что до корсетов и кринолинов тут пока не дошли, просто шнуровками обходились.

Вот Лили и помогала ей в один прекрасный момент. Стража ждала за дверью, кто ж их пустит туда, где герцогесса переодевается? Пусть Таламир сам смотрит, сам и пугается.

Алаис смотрела в никуда, ожидая конца процесса утяжки, когда в ее руку скользнул крохотный клочок пергамента.

— Госпожа, вам просили передать.

Алаис молча кивнула. Сунула клочок за вырез платья и забыла о нем до конца дня.

Да, карманов тут еще не придумали. А вот в бюстгальтер совать можно было что хочешь.

И платья рассчитаны были на покойную мать, так что у Алаис они жалобно пузырились на двух прыщиках, хоть талмуд туда прячь, и шнуровка была такой, что ничего не выпадет. Так что...

Вечером, оставшись одна в своей комнате, Алаис пробежала глазами строчки.

Алаис, в память об Алите я готов спасти тебя от этого зверя. Так, кто передала письмо, поможет тебе во всем. Жду через два дня в роще у серого камня. Маркус.

Первой мыслью было — ну и кто с нас тут дурее?

Второй — подстава, проверка — или?

Третьей — Маркус? Эфрон?

Сердце забилось быстро-быстро, видимо, что-то в душе Алаис еще любило этого типчика. Вот дура, а?

А делать-то что будем?

А что, есть варианты? Алаис подумала, и на следующее утро позвала к себе Лили — помогать с одеванием. Женщина послушно подавала рубашки, платья, смотрела вопросительно, но Алаис нарочно затянула паузу. И только видя, что Лили готова уже спросить сама, заговорила.

— Кто дал тебе записку?

— Тьер Эфрон.

— Маркус? — и трепета, трепета в голосе побольше!

— Да.

Интересно, она дура — или Алаис считает такой дурой? Девушка отчетливо видела превосходство в глазах Лили.

— Как вы встретились?

Оказалось, что Лили отправилась в деревню, к знахарке, за противозачаточным. Там-то ее и подстерег слуга, который попросил прогуляться в лес, к его господину. И в качестве подтверждения серьезности намерений подарил бедной девушке золотую монету. Поскольку это был заработок честной проститутки едва ли не за месяц, Лили согласилась. И получила от тьера Маркуса инструкции.

Алаис сильно подозревала, что уговаривали даму древнейшим способом, а стимулировали еще десятком-другим монет, но уточнять не стала. Вместо этого она подробно расспрашивала, как был одет Маркус, где стоял, как смотрел, что говорил, при этом хлопала глазами, вздыхала и удачно умудрялась 'не замечать' лакун в рассказе Лили.

Проститутка отвечала, поглядывая на Алаис со скрытым превосходством. Впрочем, не ей было тягаться с юристом. Слова — это было поле Алаис, и она себя на нем преотлично чувствовала.

Наконец Алаис отпустила Лили, сообщив, что обязательно, и даже непременно. И вообще — пусть женщина завтра зайдет, обсудим план побега, и упала на кровать.

Интересно, она что — производит впечатление такой непроходимой идиотки?

Видимо, да. Иначе ей бы такого предложения не сделали.

Если рассуждать логически...

Эфрон, Эфрон...

Тьер Маркус Эфрон, старший сын Димая Эфрона, графский наследник, красавец и умница. Обожаем всеми, включая слуг, нежно любим невестой, а также будущими тестем и тещей, идеальная пара для Алиты.

Спесивая тварь, походя разбившая сердце Алаис и даже не заметившая такой мелочи. Подумаешь, какая-то уродина!

Или — заметившая?

Таня быстро перебрала воспоминания Алаис. Хм-м... вроде бы девчонка ничем себя не выдала. Или...?

Влюбленные соплюшки — народ особенный. Глаза блестят, уши алеют, голос сбивается, и вообще, отношение к предмету обожания у них весьма своеобразное. Могли и заметить.

И сделать выводы.

Но если так — тогда Маркус становился еще более отвратительным существом. Таламир — там все понятно, он изначально враг, от него ничего хорошего и ждать не приходилось. А этот? Жених сестры, понимающий, что малявка им серьезно увлеклась, и позволяющий себе подобные высказывания?

Может, конечно, он из благородства...

Понял, что Алаис тут ничего не светит, и решил не рубить собаке хвост по частям. Один удар, избавивший малышку от любви...?

Могло быть такое?

Ой, что-то Алаис сомневалась с позиции своего жизненного опыта.

По всему выходило, что Маркус — не слишком порядочный... парень. Но это ладно, никому его порядочность и даром не сдалась. А вот зачем это послание...?

Вариант первый — Маркус решительно собирается спасти Алаис. В память о своей любви. Спасти, вывезти к себе домой, а потом переправить еще куда-нибудь, куда душа Алаис пожелает. Совершенно бескорыстно и благородно, как и подобает честным и верным рыцарям. Тогда надо бежать.

Вариант второй. Спасти-то Маркус ее собирается, но... дальше начинается проза жизни. Алаис — единственная наследница Карнавона. Ее супруг будет герцогом, ее сын будет герцогом, она — носительница крови, последняя в роду... одним словом, не вышло с Алитой — так и ее сестра сойдет. Зажмурится храбрый рыцарь Маркус, представит себе в постели кого попрличнее и перетерпит. Результат?

Да тот же, что и у Таламира. Получение пары-тройки наследников с кровью Карнавона, бунт, попытки отвоевать обратно герцогство... Самой Алаис при этом оставаться в живых вовсе даже не обязательно, разве что на первых порах. Потом весьма желательна ее смерть от рук того же Таламира, или кого еще. И с воплем 'отомстим за герцогиню!!!' и 'законного наследника — на царство!!!', пардон — герцогство, толпа рванется разрушать баррикады.

А ведь может. Карнавоны на своей земле веками сидели, это вам не как-либо что, это — кровь. Они свой надел получили еще от Морских Королей, они в него корнями вросли и землю своей кровью напитали. Вот, кстати, еще и суеверия. Алаис знала многое из книг.

Было и такое, что кто займет место великого герцога без королевского дозволения,

навлечет проклятие на свой род. Бывало всякое в родах. Было и такое, что герцогскую корону пытались надеть на бастардов. Долго такие несчастные не жили, умирали от естественных причин. А тут все условия соблюдены. В будущем герцоге течет кровь Карнавонов, а что не вполне добровольно получена, это уже детали. Недоработки магического контракта, или как там это было обставлено.

Алаис чертыхнулась.

Возможно?

Да еще как!

Вариант третий, по Островскому. Так не доставайся же ты никому! И с этим воплем Алаис прикапывают под деревом. А что — тащить ее в Эфрон далековато и сложновато, а так...

Таламир лишается жирного козыря, вспыхивают бунты, а в мутной воде рыбки много ловится.

Вариант четвертый — провокация Таламира. Запросто.

Это основные. Есть и дополнительные, например, что это еще чья-то провокация, но это уже детали. А что ей-то делать?

Алаис покусала губы, в задумчивости, прикусила слишком сильно, ощутила вкус крови и чертыхнулась еще раз.

Ах, как пленительна свобода! И как она манит, зовет и искушает поддаться! Принять все за чистую монету, понадеяться на удачу, решить, что Маркуса можно обвести вокруг пальца...

Алаис, возможно, так и поступила бы, надеясь даже своей смертью досадить Таламиру. Тане хотелось жить. Так что вариант действий был только один.

А не хочется...

А надо.

Таламир облюбовал для себя герцогскую спальню, получая от этого какое-то извращенное удовольствие. Алаис же занимала прежние покои.

Чего не знал Таламир — это о системе потайных ходов. Догадывался, но наверняка не знал. Алаис сейчас собиралась раскрыть ему секрет, и даже не сожалела об этом.

Какой приличный замок обходится без потайных ходов? Тем более замок старый и родовой.

Побег? Для которого этот ход и может пригодиться?

Приличные побеги совершаются с комфортом и без суеты. А потайные ходы, куклы в кровати и записки кровью, это такое детство!

Так что Алаис подошла к камину, прощупала кирпичи, и надавила на нужный.

Система противовесов послушно сработала, заставляя часть стены уйти вверх — и Алаис, как была, в ночной рубашке, скользнула в потайной ход.

Вся семья герцога, даже и Алаис, спала в одной башне. Винтовая лестница, комнаты — и потайной ход, ведущий из спален, по которому их можно было покинуть в любой момент. Это-то естественно.

А вот и спальня герцога. И Таламир внутри.

Алаис заглянула в глазок. И правильно сделала. Таламир не спал, и даже не занимался любовью. Вместо этого он читал какой-то документ и выглядел весьма недовольным. А меч-то лежит рядом.

Плохо...

Авось, сразу не прирежет?

А чего она думает? Ходы-то предназначены еще и для подглядывания, и для подслушивания, так что...

— Монтьер, вы позволите?

Таламир подскочил, как укушенный и завращал головой по сторонам.

— Монтьер, это Алаис. Умоляю вас не шуметь.

— Ты где!?

— не убивайте меня, я выхожу.

Алаис резко выдохнула, и, не давая себе времени передумать, нажала на рычаг. Тот поддался с трудом, но вот плита поехала вверх — и Алаис предстала перед глазами будущего супруга в одной ночной рубашке и с украшением в виде пыли и паутины. Убирай, не убирай, а все равно эта дрянь разводится!

Таламир, с обнаженным мечом в одной руке и кинжалом в другой, настороженно ждал ее. Но Алаис спокойно прошла в спальню, закрыла проход — и протянула мужчине клочок пергамента.

— Прочтите, монтьер.

— что это? — Таламир не торопился доверять.

Алаис покачала головой.

— Монтьер, если бы я хотела, Я бы открыла этот ход не здесь и не сейчас. Или сама пришла по нему ночью...

Взгляд Таламира был полон неопишуемого презрения. Ты!? Ночью!? Да троих таких на меня одного мало!

Алаис пожала плечами, показывая, что принимает критику, но пергамент держать продолжала.

— Меня хотят спасти от ненавистного брака, монтьер.

А вот тут Таламир вскинулся ошпаренным псом. Эт-то еще кто на его кость покусился!?

— Прочтите, монтьер.

Кинжал полетел в кресло. Таламир пробежал глазами строчки и нахмурился.

— Вот даже как? Эфрон?

Алаис покосилась на кресло, и мужчина опомнился.

— прошу вас, тьерина, садитесь.

— Нельзя ли попросить у вас одеяло, монтьер? — Алаис не кокетничала, просто было холодно.

Таламир, недолго думая, стянул с кровати покрывало и бросил Алаис. Девушка завернулась в него, чувствуя приятное тепло, провела пальцами по густому меху... Хорошо!

— Монтьер, так это не ваша провокация?

Таламир посмотрел бараном. Потом до мужчины дошло, и он покачал головой.

— Нет. Я думал об этом, но... некогда.

Алаис кивнула.

— Значит, Эфрон. Не стерпели.

Таламир прищурился.

— Вполне возможно. А вас-то что вело, а, герцогесса? Могли бы сейчас к побегу готовиться?

— И в итоге тоже оказаться убитой? Вы, монтьер, то ли убьете, то ли не убьете, тут хоть надежда есть. А эти точно убьют. Или вам убить дадут, что не многим лучше. — парировала

Алаис, поглаживая покрывало. Нервозность, что вы хотите? Тут и ногти грызть начнешь.

— Так кто вам принес эту записку?

— Одна из ваших... дам. Лили.

Таламир непечатно охарактеризовал даму. Алаис с интересом выслушала, отметила, что материться здесь не умеют, до сантехника дяди Пети Таламиру далеко, и пожала плечами.

— Вполне возможно. Вам виднее. Может, тогда разжалуем ее из фрейлин?

Ирония дошла до мужчины, и Таламир нахмурился.

— А почему вы здесь — таким образом?

— Я не знаю, кто еще посвящен в эту затею кроме Лили. Наверняка ведь шпионы Эфрона есть в замке.

Глупцом Ант Таламир не был, так что кивнул сразу же.

— Понятно. Потом вы мне покажете ходы.

— Да, монтьер. Но хочу заметить, что они есть только в этой части замка.

— Вот как? — не поверил Таламир.

— А в других частях смысла не было их устраивать. Здесь же спальни, здесь башня. То, что легко оборонять, то место, где можно застать врасплох, и откуда надо удирать. В других частях замка потайных ходов просто не делали — нерационально, — Алаис пожала плечами. — Можете проверить.

— Интересно, тьерина, сколько еще карт у вас в рукаве? — прищурился Таламир.

Алаис нарочито спокойно пожала плечами.

— Монтьер, мне сложно сказать. Понимаете, я ведь родилась тут, некоторые вещи вполне естественны для меня, поэтому я и не думаю, что они могут оказаться неожиданными для вас. Но верьте — я не хотела вас ничем оскорбить. Я не самоубийца.

— Это верно. Вы приняли верное решение, тьерина. Продолжайте в том же духе, и наш брак будет долгим и счастливым, — оскалился Таламир. Видимо, он просчитал те же варианты, что и Алаис, и остался доволен.

— Я тоже на это надеюсь, монтьер, — пропела Алаис. — Давайте решим, что нам делать дальше?

Таламир вскинул брови.

— Нам?

— Монтьер, умоляю меня выслушать, — Алаис сложила руки в молитвенном жесте. — Я догадываюсь, что вы сейчас прикажете схватить Лили, она под пыткой выдаст место, где скрывается Эфрон...

— Угадали, тьерина...

— А если его предупредят? Мы же не знаем, кто еще...

Таламир нахмурился.

— И что вы предлагаете?

— Разумеется, мое согласие на встречу, — Алаис пожала плечами.

— Так...

— Только на встречу пойду не я.

Таламир чуть расслабился. Видимо, доверять до конца Алаис он не мог (и кто бы его за это упрекнул), да и рисковать своим будущим титулом не хотел.

— а кто же?

— Катишь. Больше никто не подойдет.

Таламир обдумал это предложение.

— И как же вы намерены провести Лили? Если она решит вас проводить?

— Надо, чтобы она не могла этого сделать. Пусть поработает по специальности, есть же кто-то...

Таламир кивнул. Есть.

— Значит, ее отвлекут, а Катишь, в вашей одежде, выйдет из замка и пойдет к месту встречи.

— Да. А там вы накроете всю честную компанию. Я же тем временем побуду в ваших покоях, могу даже под замком.

— на потайной ход мне тоже замок повесить? — ехидно поинтересовался Таламир.

Алаис опустила глаза.

— Монтьер, я понимаю, что это непростительный поступок с моей стороны, но верьте, я не хотела что-то скрывать от вас. Просто... не выдалось времени. Столько хлопот с этой свадьбой!

Таламир сдвинул брови, но, в основном, гроза миновала. Ругаться ему не хотелось. И верно ведь — сама пришла, выдала потайной ход, честно во всем покаялась — такие инициативы надо поощрять, а не наказывать. А что у Алаис и свое на уме, ну так кто бы ее обвинил? Жить-то хочется.

— Я подумаю над этим планом.

— О большем, монтьер, я и не прошу.

— А теперь покажите мне потайной ход, тьерина, чтобы я мог в любой миг пройти к своей обожаемой невесте.

Алаис мысленно послала Таламиру лучи поноса, но послушно пошла показывать ход.

Ничего, будет и на нашей улице праздник. Нас не догонят!

Род Ольрат.

Получив два имени — Жорес и Римейн, Массимо задумался. Несостоявшаяся проститутка жила у Шернатов, постепенно осваиваясь в городе и отвыкая сморкаться в скатерть, а он сам размышлял на животрепещущую тему.

За ке следить и как?

Тьер Жорес моложе, но беднее, охраны у него нет. Римейн — тот постарше и побогаче. Этот везде появляется в сопровождении двоих бретеров. Так, на всякий случай. То есть три пары глаз — и вероятность, что Массимо заметят, повышается втрое.

С другой стороны, Жорес мотается по городу, что та блоха на хвосте у собаки. То в игорный дом, то в таверну, то к любовницам, дело молодое. А вот Римейн — только по знакомым.

И ночует Жорес то тут, то там, а вот Римейн вроде бы только дома.

Так что...

А, Арден не выдаст, свинья не съест!

Массимо махнул рукой и решил следить за Римейном. Хотя бы месяц. Потом попробуем поменять объект. Но — потом.

Легко сказать — следить. А как?

Сидеть в засаде и срываться за каретой?

Сесть на улице в образе нищего и спрятать где-нибудь неподалеку лошадь?

Как можно следить за мужчиной лет сорока, если ты достаточно приметен?

Нанять кого-то? А это тоже не выход. Где гарантия, что человек, которого ты нанял, не захочет получить деньги два раза? Возьмет их у Массимо, а потом пойдет к Римейну и сдаст ему заказчика?

Массимо, может, и не додумался бы до этого, но Шернат мыслил так же рассудительно, как и жизнь прожил. Он и подсказал выход.

Массимо тупо нанялся к Римейну кучером.

Правда, для этого пришлось устроить прежнему кучеру небольшой перелом обеих рук и одной ноги (Шернат чуть переусердствовал), но совесть родителей не мучила.

У кучера-то детей никто не убивал. А руки-ноги заживут. Римейн даже его не уволил, просто приказал отлежаться, а сам на это время нанял Массимо который отрастил бороду, покрасил и ее, и волосы в черный цвет, и стал почти неузнаваем.

Да и какое дело тьеру до мелких торговцев и лавочников? Всех не упомнишь!

Теперь Массимо возил Римейна по городу и радовался. Верхов тьер в силу возраста (и объемного брюха, под которым любая лошадь проминалась) ездить не любил, так что Массимо не простаивал без дела. Но интересное началось только через одиннадцать дней. Римейн приказал отвезти его к тьеру Инарту, на ночь глядя. А когда он туда прибыл, отпустил кучера, сказал, что останется на ночь, а Массимо пусть приезжает за ним утром.

Массимо повиновался, а для себя отметил странность. И состояла она не в том, что кто-то решил переночевать у друга, дело-то житейское, мало ли о чем можно договариваться. Нет.

Такой поступок был совершенно нехарактерен для его тьера, который даже если и ездил к любовнице, ночевать предпочитал у себя и только у себя.

А еще...

Не так давно прошел дождь и у особняка тьера Инарта скопилась большая лужа воды. Скопилась бы.

А она была вся расплескана.

А экипажей нет.

Приехали — уехали?

Или приехали — остались? Или остались только те, кто приехал в экипажах?

Массимо собирался это узнать.

Мужчина едва не опоздал, когда из дома тьера Инарта принялись выезжать всадники. По двое, по трое, они группами направлялись к городским воротам. Одним из них был тьер Жорес.

Опознал Массимо и Римейна.

Хоть тот и предпочитал карету, а пришлось ехать верхом. Вот за его группой Массимо и пристроился, держась на почтительном расстоянии.

Авось не заметят.

Трое человек, среди которых был и тьер Римейн, выехала через восточные ворота, и принялась углубляться в лес. Вот тут Массимо оказался в затруднении.

Лес густой, тропинка узенькая, если что — лошадь сразу не спрячешь, а значит, и сам не

спрячешься. И что остается?

Лошадь он привязал неподалеку от тропинки, в самом ее начале, а сам пошел пешком, прислушиваясь и приглядываясь. Прятаться ему пришлось два раза.

Но люди, которые ехали в ту сторону, убедили мужчину, что он на верном пути.

Массимо пока не знал, что он собирается делать.

Позвать градоправителя?

Крикнуть на помощь стражу?

Запомнить всех присутствующих и медленно убивать по одному?

Он не знал. Пока ему предстояло убедиться, что это — те самые. А уж потом...

Массимо повезло дважды.

Первый раз — когда его не заметили. Второй раз — что сегодня должно было состояться обычное богослужение. Перенести зрелище человеческого жертвоприношения Массимо оказалось бы не под силу, он бы обязательно себя выдал. Но на каждый раз девиц не напасешься, тем более, что один из источников поставок он лично и перекрыл, а другой такой же найти было сложно.

Массимо ждал до полуночи.

Ждал, понимая, что это — оно. Ждал, пока присутствующие не переоденутся в черные балахоны с капюшонами.

Наблюдал из-за деревьев, как они поют, призывая Ириона.

Смотрел, как кровь сокола обагрила камень алтаря. Птица и вскрикнуть не успела, когда ей свернули шею, распороли тело и бросили сердце на плиту.

Смотрел, как люди касаются сначала алтаря, а потом окровавленными пальцами дотрагиваются до лба, словно принося какую-то клятву.

Слышал гимны во славу Ириона.

И не мог поверить, что это — не сон!

А еще запоминал.

Запоминал лица, запоминал имена, крепко запоминал. Ему еще предстояло предъявлять счета к оплате — и Массимо не собирался придерживать их у себя.

Они заплатят ему за племянницу!

Кровью заплатят.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Их там пятнадцать человек. Все — тьеры.

Шернат слушал Массимо, оставаясь внешне спокойным. Только пальцы кожевника так вцепились в стол, что, казалось, сейчас кусок отломят.

— Ты их всех знаешь?

— Знаю.

— И они без масок, просто так...

— Именно что.

— Вот суки!

— Они твердо уверены, что в полной безопасности...

— Ничего, — кулак Шерната тяжело опустился на стол. — Разубудим.

— Что ты предлагаешь сделать?

— А что тут предлагать? Один ты их не перебьешь!

— Думаешь? — по-волчьи усмехнулся Массимо.

— Уверен. Сразу всех ты убить не сможешь, а если хоть один сбежит... нет, Ромку я им прощать не намерен! И Маришку тоже. Так что придется тебе у этой мрази еще чуток поработать, а я тем временем с надежными людьми поговорю.

— Это с кем же?

— С теми, кто по их милости детей лишился.

Массимо оценил идею, и согласно кивнул.

Ради такого — поработаю. Сколько надо поработаю.

Шернат кивнул и принялся излагать свой план. Массимо слушал, поддакивал и корректировал, где надо. Нужно было многое предусмотреть.

Его жизнь уже цены не имеет. Но у остальных есть еще дети, есть родные, близкие... не о себе надо позаботиться, о других.

Род Карнавон.

— Главное, чтобы костюмчик сидел, — напевала Алаис, вертясь перед зеркалом. Платье, равно как и девушка в нем, радовало глаз. Вот что значит — винтаж!

Интересно, что там у Таламира?

Уж-жасно интересно. Но она обещала не выходить с чердака, пока мужчина лично не придет за невестой.

Как оказалось, в чем-то благородные герцоги весьма и весьма схожи с обитателями коммуналок. Там — антресоли. Здесь — чердак с сундуками. И в части сундуков была одежда!

Старая, переложенная от моли пижмой, лавандой и чем-то еще, но — одежда!

Вот в нее Алаис и закопалась.

Приданные ей солдаты иногда помогали открыть или передвинуть сундук, но, в основном, Алаис копалась сама. И сильно не удивлялась.

Старая одежда — не новость. Дети быстро растут. Поносил ребенок два раза костюмчик, а куда потом? Отдать? Обменять? А ведь здесь фабрик нет. Каждая вещь шьется вручную, из хорошей ткани, с золотым шитьем, если для тьеров, с кружевом... слугам такое жирно будет. Вот и складывали в сундуки, и относили на чердак, до будущего поколения. Почему не использовали?

Так все же люди, все человеки. Забыли.

Из головы вылетело. Управляющий сменился. Мода поменялась...

Да что угодно.

Пока Алаис нашла мужскую одежду, и даже отложила кое-что для себя. И нашла несколько сундуков с женской одеждой. И даже — платья, которые подошли ей по размеру. Видимо, шились для кого-то столь же щуплого и тощего.

В том числе — потрясающее верхнее платье из черного кружева. Смотрелось оно потрясающе, Алаис только не могла понять, почему его никто не прибрал к рукам. Потом догадалась — размер. Либо все перешивать, либо подождать до следующего поколения, ну и забыли, видно. Да мало ли причин?

Но на ее фигуре кружево село, как влитое. Мерилось оно прямо поверх имеющегося платья, и Алаис раздумывала, не сделать ли его свадебным?

А что?

Смотрится же!

А цвет...

Перебьется Таламир! Может невеста хоть в день своей свадьбы человеком выглядеть, а не бледной молью?

В том же сундуке нашлось еще штук пять платьев маленького размера, так что Алаис решила забрать его весь. Так удобнее. К тому же, в этом сундуке она уже зарыла кожаные штаны и несколько мужских рубаш.

А там что, в углу?

Оружия тут не было, оно все хранилось в оружейной, а вот чьи-то личные вещи были. И даже сундук с какими-то свитками — тоже надо перенести к себе. И сундук с разными бутылочками и склянками, в которых Алаис даже копаться не стала, себе дороже, и не один. Какие-то тюки, ткани, старая обувь, паутина, пыль...

Но все равно — интересно!

Копаться будем!

Где там черти жениха носят? Интересно же, кто кого?

Тьер Ант Таламир в этот момент сидел в засаде. Вот еще не хватало — ловить злоумышленников! Пусть сами в руки придут, а уж он их схватит и порасспрашивает. Кому тут его блистательные перспективы поперек горла пришлись? Что за змея в его жизнь вползти пытается?

Глуцом Таламир никогда не был. С детства не был.

Сложно вырасти глупым, когда в карманах ветер свищет, в животе бурчит, а папаша последние деньги на игру проматывает. Да, есть такой порок у человека — азарт. Отец Таламира проигрывал все, что получал. Конюхом он считался отличным, за место зубами и когтями держался, потому как нигде ему столько б не заплатили, коней разве что не языком вылизывал... а все заработанное тратил на игру. На ставки на бои, бега, кости...

И хоть бы выигрывал, гад такой!

Но остановиться вовремя отец Таламира не умел.

Когда мальчишке было двенадцать, отец привел его с собой — помогать в дворцовой конюшне. А два года спустя...

Ее звали Беата.

Герцогиня Вессоль была не слишком молода, лет сорока от роду, не слишком красива, но неглупа и богата. И красивого, рано созревшего мальчишку она заметила быстро. Супруг герцогини был занят в родовом поместье, сама Беата скучала, и решила проблему достаточно быстро, сделав Таламиру недвусмысленное предложение.

Мальчишка подумал — и не отказался. В конце концов, герцогиня ничем не отличалась от симпатичной служаночки Люсиль. И у той, и у другой внизу все одинаково, только герцогиня платит больше.

Подарков хватило, чтобы купить себе небольшой домик и перевезти туда мать. А потом сексуальную игрушку герцогини заметила и королева. Разумеется, Беата не стала упрячиться. Таламир — тоже.

Подарков он, правда, от ее величества не дождался, во всяком случае денежных. Зато стал тьером. И попросился в гвардию.

Тут-то и обнаружилось, что у юноши талант. Любое оружие обретало жизнь в его руках. Он был создан для боя, а гвардия раскрыла его таланты. Мужчина быстро стал капитаном

королевской гвардии, но ему было мало. Аппетит пришел во время еды, и Таламиру уже не хотелось быть 'постельным тьером'. Сколько не убивай на дуэлях насмешников, а всех не перебьешь.

Карнавоны подвернулись очень удачно.

Королева обеспокоилась усилением власти герцога, а особенно браками его сына и дочери. Усилилось влияние здесь, усилилось влияние там, так ведь под ней и трон зашатается, а учитывая, что королевский род был не особо старым, Карнавоны куда как древнее...

Герцог мог претендовать на престол, просто раньше Карнавоны сидели тихо, вот и выжили, а сейчас полезли в политику. И королева среагировала мгновенно. Она хотела править долго и счастливо, она хотела защитить своих детей...

Таламир предложил свой план действий, и наградой ему стал Карнавоны. Его королева не боялась.

Во-первых, Таламир всем обязан ей. Благодарность, конечно, фундамент зыбкий, но пока тьер от нее сильно зависим. А к тому времени, как он сможет твердо закрепиться в Карнавоны, встать на ноги и освободиться от мягкой лапки ее величества, подрастет и юный король. И подомнет под себя гвардию.

Во-вторых, Таламир не урожденный тьер, а жалованный. Так что всерьез его притязания никто не примет, разве что через несколько поколений, но мало ли что там дальше будет? А Карнавоны — это угроза сегодняшнего дня, а не будущего века, реагировать сейчас надо.

Так и оказался Таламир в Карнавоны. Предлогом послужило нечто, отданное герцогу на сохранение Морским Королем, но...

Не верил Таламир в эти сказочки. Глупость сие.

Ну что мог отдать умирающий? Что!?

Оружие? Да, древний меч — это весьма опасно.

Книгу? Заклинание? И Карнавоны сидели на этом чем-то несколько столетий, даже не рискуя нос высунуть? Ой, не верится. Да и не было у них ничего такого, уж герцог бы все сделал для спасения своей семьи. А он не делал.

Почему?

Непонятно.

Жаль, не успели его как следует расспросить, сердце не выдержало, а щенок его ничего толком и не знал. Оружием и лошадьми интересовался куда как больше, чем всем остальным.

Сестра у него не такая...

Мысли Таламира плавно переползли на Алаис Карнавоны.

Странная девушка. Очень странная. Видел он и герцогиню, и герцогессу, и даже королеву в чем мать родила, еще как видел, но — не таких. У Алаис была какая-то странная, непонятная логика, и мужчина терялся в сплетениях ее мыслей.

С одной стороны — он захватил ее дом, убил ее родных, Алаис жива сейчас только благодаря его капризу. С другой — раньше у нее жизни не было, это-то он знает. Ненужная, нелюбимая дочь. А он дал ей титул герцогини.

Надолго ли — зависит от него, вот девушка и старается быть полезной. И ей это удастся.

Не захочет ли она мстить за своих родных?

Непохоже. Говорит она о них вполне равнодушно, уж его-то не проведешь в таком деле. Не умеющий оценивать человека не выживет при королевском дворе. А ко двору придется

ехать.

Брать ли супругу с собой?

Пока неясно, стоит ли. И не из-за королевы. Алаис не дура, поймет все правильно и шума устраивать не будет, наоборот, от нее может быть польза.

Да.

Может. Быть. Польза.

Уже есть. Сокровищница, потайной ход, теперь вот похитители... Алаис четко показывает, что она на стороне своего будущего мужа. Из ряда выбивается только ее поступок с заводью, но...

Действительно, глупо же! Какое тут самоубийство? Прыгнула бы с башни — и костей не соберут, а она зачем-то пошла к морю...

И не стоит говорить, что все женщины глупы. Эта не такая, она умнее и жестче. Чего стоят только ее слова про основателя рода?

Таламир их хорошо запомнил, будет, чем при дворе щегольнуть. Глупая женщина такого не скажет. Но... не слишком ли Алаис умна?

Вот где опасность-то. Женщина должна быть достаточно умна, чтобы поддержать своего мужа, но не обращать свой ум против него. А может ли он рассчитывать на лояльность Алаис?

Что ж, тут только один ответ. Мужчина всегда может рассчитывать на лояльность матери своих детей. Ради своего ребенка женщина сделает что угодно. Убьет, украдет, ударит в спину... а если поймет, что только Таламир способен обеспечить ее детям безопасность, перегрызет за него глотку любому врагу. Так что надо поскорее сделать молодой жене ребенка, а там многие проблемы решатся сами собой...

Раздался крик сойки.

Таламир напрягся.

Чужаки.

Их было трое. Двое явно опытных воинов и юноша лет восемнадцати. Таламир пристально разглядывал их, оценивал походку, статью...

Да, если с кем и будут проблемы, то с вояками. Мальчишка не опасен, даже сейчас видно. По лесу ходить не умеет, двигается хоть и неплохо, но это — учеба. Есть, есть громадная разница между тем, как двигается воин, рискующий своей жизнью, и человек, который ни разу не побывал в бою. Это как волк и собака. Вроде бы и похожи, но насколько ж первый опаснее?

Мальчишка огляделся.

— вы все помните?

— Да, монтьер, — отозвался один из вояк.

Таламир презрительно скривил губы. Ну да, новичок. На них такое нападает перед серьезным делом, чешут языками, пока не за гривку не получат. Словесный понос называется.

Только наследнику графа никто по шее не даст, придется послушать.

— Алаис появляется, хватаем ее в охапку — и домой. Но если что — убейте ее. Живой она в руки к этому, хе-хе..., конюху, попасть не должна.

Таламир сверкнул глазами.

Конюху? Ну, не обессудь, щенок графский!

— Да, монтьер, — отозвался один из воинов.

Таламир продолжал ждать. И вот послышался шум. По лесу кто-то шел, спотыкался, оскальзывался, шипел что-то невнятное... наконец в сплетении ветвей стало видно нечто голубовато-белое.

— Алаис? — окликнул мальчишка. — Это я, Маркус. Я здесь.

— Монтьер! — донесся женский жалобный голос. — Помогите, монтьер!

Разумеется, мальчишка дернулся помогать. А кто бы удержался на его месте? И отошел от своих охранников.

Тут-то Таламир и взмахнул рукой.

— Взять!

Шестеро на двоих — неравный бой, особенно, когда у шестерых есть время подготовиться. Не прошло и минуты, как на поляне лежали два трупа, а солдаты Таламира приближались к тьеру Эфрону. И Маркус принял единственно возможное решение. Бросился к женской фигурке, стиснул в жестоком захвате, приставил ей к горлу кинжал.

— не подходите! Я ее убью!!!

— Да убивай, — Таламир даже зевнул от скуки. — Это все равно не Алаис.

— К-как...?

Маркус чуть развернул женщину, чтобы посмотреть — кто у него в руках. И в этот момент солдаты бросились.

Все было кончено за десять секунд.

Наследник графа Эфрона хрипел на поляне, извиваясь, как червяк, пока его увязывали.

Руки за спиной, ноги спутать так, чтобы передвигался только семенящими шажками, в рот — палку, чтобы яд не принял, привязать на затылке...

Рядом, на траве, хрипела Катись. Маркус все-таки успел дернуть рукой, и из перерезанного горла лилась на траву ярко-алая кровь. Только ни Таламиру, ни солдатам не было дела до проститутки.

Подумаешь... одной больше, одной меньше.

Вот графеньш — это да! Это добыча.

Алаис честно дождалась, когда за ней пришел Таламир. Мужчина просто лучился от счастья.

— Что ж, дорогая невеста, ваши слова подтвердились.

— Монтьер?

— Словечком перемолвиться со спасителем не желаете ли? Он сейчас как раз в пыточной...

Алаис вскинула брови.

— Зачем, монтьер?

— Зачем вам с ним разговаривать, герцогесса?

— И так ведь понятно. Либо меня обругают, либо гордо промолчат. Кстати, он хотел меня спасти или убить?

— Спасти. Убить — потом, чтобы вы мне в руки не попали.

— Как мило с его стороны, — Алаис равнодушно пожала плечами. — И что вы с ним делать будете?

— Убью, наверное. А вы что предлагаете?

— не знаю, монтьер. Убивать расточительно, может, подарите его королеве-матери?

Таламир открыл рот, потом закрыл его...

— Зачем?!

— Неужели у нее нет на примете никакой милой, порядочной и несомненно лояльной власти женщины? Которая очень, очень хочет замуж за будущего графа? А сына, который у них родится, одного или несколько, можно и при дворе воспитывать, чтобы у него и мысли такой не было — бунтовать?

Себе в заслугу Алаис эту идею не ставила, вычитала где-то, или высмотрела в сериале. Но Таламир прищурился.

А и верно. Эфрон не нападет, пока наследник в руках у Таламира. А потом...

— А если что-то случится с младшим братом Маркуса, тем более будет ценен и наследник, и его дети, — Алаис была такой же спокойной. И Таламир не удержался.

— Мне тут птичка на хвосте принесла, что вы его любили до беспамятства, в свое время. Ошиблась?

Если бы Алаис была скорой помощью — у нее сирена бы взвыла.

Опасность! Опасность!! ОПАСНОСТЬ!!!

Но на улыбку ее хватило.

— Птичка не соврала, монтьер. А птичка не пропела, как он отозвался обо мне в присутствии моего брата?

Судя по ухмылке Таламира — и спела, и сплясала, и в лицах показала. Сучка, а не птичка.

— И вы считаете, монтьер, что я должна его простить?

А вот тут Таламир оскалился совершенно по-волчьи. Концепция личной мести была ему близка к сердцу и понятна. Алаис медленно подошла к мужчине, запрокинула голову. Карие глаза встретились с темно-красными.

— Я действительно уродина, я знаю. Но это не давало ему права обсуждать меня с посторонними, да еще так цинично. А теперь он будет племенным бычком, где-нибудь в королевских застенках, и вряд ли оттуда выйдет, верно ведь? Найдется смелая женщина, получит от него детей и титул, наверняка найдется! Мы с ним сейчас в одинаковом положении, только я добровольно согласилась на вашу игру, монтьер, а он — он будет вещью. Как вы думаете, это — хорошая месть?

— Отличная, — Таламир уже не улыбался, — не хотел бы я быть вашим врагом, Алаис.

— Мне выгодно быть вашим союзником, монтьер, — Алаис не отводила взгляда. — И я буду стараться, чтобы выгода была обоюдной.

Но когда Таламир ушел, оно выдохнула и посмотрела в окно.

Бежать!

Бежать как можно дальше, и как можно быстрее.

Перегнула, черт побери, перегнула! Теперь Таламир задумается, он-то не словами меня оскорбил, он мою семью уничтожил... наверняка будет думать что я отомщу!

Бежать...

Ладно.

Успокойся, девочка. Вдохни, выдохни и иди готовиться к свадьбе, будь она неладна! Спешка в таком деле хуже смерти, а потому соберись. Ты должна быть абсолютно спокойна, только тогда ты добьешься своей цели.

Бастилия — и та пала, неужели ты эти стены не своротишь?!

Алаис прищурилась. А ведь есть у нее одна идея...

Но сначала — отошлем охрану за дверь. Она переволновалась, устала и желает отдохнуть. Поспать, например. И — не беспокоить тьерину!

Сказать, что Лили была в отчаянии... ну, это просто промолчать. Проститутка отлично понимала, что с ней сделает Таламир. Это пока у него не было времени, ее просто схватили и заперли в подземельях старого замка. А потом-то что будет?

Допрос, определенно.

И — казнь.

Лили задрожала крупной дрожью от одного воспоминания об увиденном ей. Таламир не стадал милосердием по отношению к тем, кто пытался перейти ей дорогу.

Что он может сделать с ней... да что захочет. Хоть бы и на кол посадить, и никто, никто ведь не вступится... мамочки, страшно-то как!

Арден Великий, Мелиона милоосердная, не оставьте свою непутевую дочь, даруйте ее лучик вашего внимания, хоть каплю удачи в ее грустную жизнь... ведь только понадеялась, что все может измениться к лучшему...

Ей-ей, еще бы час-два, и Лили вспомнила Символ Веры, но — не пришлось. Во мраке подземелья (еще не хватало, освещать их, время и силы на преступников тратить, авось, и в темноте посидят, не тьеры) забрезжил слабый свет свечи. Лили прищурилась на огонек.

А тот приближался к ней.

Женщина задрожала от ужаса, готовясь упасть на колени, но... не пришлось.

Огонек приблизился вплотную, и Лили увидела Алаис Карнавон. Эту стерву! Сучку!! Предательницу!!!

— ТЫ!!! — прохрипела женщина со всей доступной ей (и откуда столько набралось?) ненавистью.

— Я, — согласилась Алаис. — Слушай внимательно, у меня мало времени. Ты когда мне все передавала, чем думала? Нас подслушала Катишь.

— ЧТО!?

Вот об этом Лили раньше и не задумывалась. Она считала, что ее предала Алаис, а потом слова упали на благодатную почву. Ну, в самом деле, куда этой дуре? А вот Катишь... стерва пронырливая! Гадина!

Эта могла, вечно она во все дыры без масла лезла...

— Меня не убили и нее покалечили, потому что я нужна живой. Тьер Таламир не знает про потайной ход в моих покоях, а я им выбралась. И тебя сейчас выпущу, а ты должна будешь добраться к Эфронам, поняла?

Лили замотала головой.

— Меня?! К Эфронам!?

— Маркус пока еще жив! Таламир может попытаться отвезти его в столицу, ты поняла? Его можно будет освободить!

Проститутка прищурилась на герцоогессу.

— А ты-то с какой радости...

— А мне жить охота. Думаешь, я долго проживу с Таламиром? — оборвала ее Алаис.

И видя отблеск понимания на лице девки, кивнула.

— Вот именно. Денег чуть-чуть у меня есть, продукты, прости, купишь в деревне, и — беги. Лесом, перелеском, полями, забудь про дороги, поняла?

Лили кивнула.

Попадаться в руки таламиру второй раз ей вовсе не хотелось.

— А если он убьет Маркуса?

— Не убьет. Он решил его отвезти ко двору.

— Зачем?

— Женить его там. Чтобы род Эфрон пресекся... ты это графу расскажи, поняла?

— Да, тьерина.

Алаис протянула руки к замку. Кажется, она что-то ворчала на непонятном языке, потом достала из волос шпильку, согнула ее и принялась копать в громоздком монстре. Не с первого, и даже не с десятого раза, но попытка ее увенчалась успехом. Лили вывалилась из клетки, в которой содержалась, и, не устояв на ногах, вцепилась в Алаис. Та терпеливо перенесла прикосновения.

— На ногах стоишь?

— Д-да...

— Тогда вот кошелек — и пошли. Куда смогу доведу, потом сама пойдешь.

— Да, тьерина.

Алаис проводила женщину к одному из выходов. Тому, который открывался легче всего. Отвалит как-нибудь камушек, если жить захочет. И пусть бежит.

Даст ли это что-то самой Алаис?

А черт его знает. Но враг моего врага мой помощник.

Не друг, нет. Но пусть хоть так поможет, чем сможет.

Род Ольрат.

Тьер Жорес ехал домой.

Сегодня он хорошо погулял, крупно выиграл в кости, да и вообще — день вышел просто замечательный! С утра он поехал посмотреть лошадей, и там ему приглянулся роскошный вороной жеребец. Как было не купить красавца?

Жорес и купил.

Потом проехался на нем по городу, встретил приятелей и завалился с ними в 'Еловую лапу', симпатичный кабачок в центре города, где подавали неплохое атрейское. Потом они поехали в игорный дом, где Жоресу просто благоволил Ирион.* Кости ложились на сукно так, словно ими змей командовал. А потом они с друзьями завалились в один симпатичный домик, в котором жили несколько весьма сговорчивых красоток.

*** считается, что азартные игры придумал Ирион, а потому удача в них есть дар Змея. Ибо к добру не приводит, прим. авт.**

Кошелек у Жореса, конечно, сильно похудел, но деньги — не главное в жизни. Авось, не голытьба какая...

Да уж, знали бы эти сопляки, с которыми он был у девиц, с кем они общаются! Штаны намочили бы от ужаса, не иначе! Им-то кажется, что они все про Жореса знают, а на самом деле у него и вторая жизнь есть, потаенная. Ох, недаром ему так в кости везет, чует Ирион своего верного слугу, еще как чует, вот и стелет змеиный хвост дорожкой!

Но — не знают.

Ха!

Болваны!

Им и невдомек, что рано или поздно, что даже сейчас Жорес может любого из них... к ногтю... и баб их, и сестер, и матерей...

Жорес спрыгнул с коня и собирался уже заколотить в свои ворота, чтобы слуги открыли, как...

Больше всего это походило на маленький взрыв в голове.

И кажется, о ворота он таки приложился лбом?

Или нет?

Сознание вернулось одним рывком, от чего-то неизмеримо вонючего, подсунутого под нос.

— А...

Кляп заставил подавиться вскриком.

Жорес лежал в каком-то сарае, чуть ли не с овцами, это он понял сразу, а над ним склонились два незнакомых лица.

— Пришел в себя?

— А то...

— Тогда... ты скажешь?

— Скажу, — кивнула фигура. — Ты, тварь склизкая, такие имена — Ольрат и Шернат — помнишь?

Жорес напрягся. Кто это? Ольрат?

Шернат?

Что им надо?

Зачем...

— Помнишь ваши игры на полянке? В честь Ириона? — наклонился к нему поближе один из мужчин. — Вы, твари, мою племяшку к себе затащили, и думали, что вас никто не найдет? Зря, очень зря.

Жорес смотрел непонимающими глазами. Игры в честь Ириона? Но — кто!? Как!? И вдруг рывком — вспомнил.

Ольрат! Это же та соплюшка... предпоследняя...

Жорес завизжал и задергался, потому что понял — это все. Конец. Из глаз мужчин на него смотрела сама смерть. И не откупиться было, не уболтать... никто его и слушать не будет. Его и в себя-то привели только чтобы огласить приговор.

— Смотри-ка, обмочился.

— Испугался, видать.

— А ведь им тоже было страшно, наверное...

Это были последние слова, которые Жорес услышал в своей жизни. Потом палачи действовали молча — и безжалостно.

Тьеру просто переломали руки и ноги, а потом спихнули тело в выгребную яму — и стояли над ней, наблюдая, как блестящий некогда тьер захлебывается дерьмом, возвращаясь к истокам.

— Там ему и место, — подвел итог Шернат.

Жалости у них с Массимо ни на кончик ногтя не было. Вспоминались Роман и Мариль, веселые, по случаю помолвки, смеющиеся, счастливые, вспоминались мертвые глаза детей...

жаль, что нельзя эту мразь два раза утопить, чтобы земля чище была.

Семейство Даверт.

Судьба проигравшего печальна в любых мирах. А предстоящий Эльнор проиграл по всем статьям — и отлично понимал это.

Преотцом ему не стать. Даверт уселся накрепко, и зная врага, Эльнор понимал, что спихнуть его будет сложно. Очень сложно.

С другой стороны...

А вот Эттан его достанет. Эльнор мало того, что был его соперником в борьбе за власть, так теперь между ними еще и кровь. Кровь его дочери, его Мелли...

Спускать Давертам смерть родной кровиночки предстоящий Эльнор не собирался. Но что делать?

Можно ли рассчитывать на поддержку власть имущих?

Нет, пока — нет. Никто не любит проигравших.

А что можно сделать здесь и сейчас?

Только одно. Исчезнуть. Раствориться в нетях так, чтобы Даверт его не нашел в ближайшие два года. Это вполне возможно. Доверенные лица у Эльнора есть, они продадут все, принадлежащее ему и поместят деньги под проценты к надежному человеку.

Но просто так растворяться — скучно.

Как можно достать Эттана?

Ответ прост. Через его детей.

Даверт сейчас будет родниться с кем-нибудь из власть имущих, наверняка. И легче всего начать с его дочери. Лаис — или Карст?

Наверное, Карст. Там у Эльнора крепкие позиции, там есть несколько тьеров, с которыми его связывают дела, а еще...

Еще — у герцога Карста есть сын. Молодой, лет пятнадцати от роду, и что самое приятное — не вполне в здравом уме. Эльнор знал это, поскольку был личным духовником герцогини, давно, еще лет двенадцать тому назад. И утешал бедную женщину, как мог.

Но других-то наследников у Карста не было!

План мести начинал постепенно оформляться.

Ты убил мою дочь, Даверт?

Ну так твоя будет мечтать о смерти!

Преотец в этот момент не думал о бывшем конкуренте. Он проглядывал бумаги и хмурился.

— Доходы падают, — строго заметил он казначею.

Предстоящий (а кто еще может быть казначеем в Тавальене, кроме высших храмовых служителей?) Синор горестно вздохнул.

— Да, люди теряют веру. Не желают платить десятину, не жертвуют на храм, не покупают священных знаков...

— Это плохо, — наставительно заметил Эттан. — Веру надо укреплять.

Предстоящий промолчал, но взгляд его был более чем выразителен.

Укреплять!

Это тебе что — стена крепостная? Вот так легко сказать — укреплять! А как? Ходить, и

каждого лично убеждать, что Арден есть? Так больше сапог стопчешь, чем людей убедишь. И проповеди не помогут. Даверт хоть и талантливый оратор, а только народ нынче ничем не проймешь. Арден — Арденом, а медяки в кармане не забренчат, сколько ты Символ Веры* не тверди.

*** символ веры — пять обязательных молитв, которые обязан знать каждый верующий в Ардена. Более того, отгарабанить по первой просьбе без запинки в любое время дня и ночи, в противном случае человек признается еретиком, и отдается на перевоспитание Храма. Прим. авт.**

Эттан покачал головой.

— Синор — Синор, ну почему вы обо мне так плохо думаете?

— Светлейший, — растерялся предстоящий, — я не...

— Конечно, плохо. — Эттан вроде бы беззлобно подшучивал над казначеем, но опасные огоньки поблескивали в глубине желтых глаз, заставляя беднягу поеживаться, словно за шиворотом у предстоящего бегали муравьи. — Вы думаете, что я просто говорю, и не могу предложить никакого выхода. А он есть, обязательно есть.

— Н-но... какой?

— Да самый простой. Народу нужно чудо. Слова могут убедить тех, у кого есть разум, а быдлу нужно что-то грубое и осязаемое. Что-то, к чему можно прикоснуться потрогать, опять же, если десяток-другой недоумков вылечится от тяжелой болезни при полном скоплении народа...

— Преотец! — Синор глядел на Эттана почти влюбленными глазами. — можно ведь устроить богослужение, провезти реликвию по городам...

— А еще — организовать отдельные сеансы для тех. Кто не желает поклоняться святыне вместе со всяким быдлом и готов жертвовать ради своей прихоти. И жертвовать щедро, — согласился Эттан. — Обдумайте, что именно можно провезти.

— Эммм.... Зависит от того, на кого мы рассчитываем? Бабы или мужики? Мужикам надо что-то, дарующее удачу в битве...

— Бабам это не нужно, — отмахнулся Даверт. — а именно они жертвуют часто и щедро. Тут нужно что-то для здоровья, красоты, многоплодия...

Синор серьезно задумался. А потом усмехнулся.

— Покрывало Королей.

Эттан хлопнул в ладоши.

— Отлично! Идеальное решение, Синор, вы не зря занимаете свой пост.

Мужчина улыбнулся.

Что за покрывало королей? По преданиям, морские короли обязаны были проводить свою первую брачную ночь в море. Вокруг бухты ставили оцепление, морской король с избранницей оставались один на один... покрывало было при них.

Говорили, что оно дарует тому, кто прикоснется, здоровье, а женщинам — плодovitость. Королям, правда, это не помогло, все равно вымерли, но быдлу это в голову не придет.

— Светлейший, я распоряжусь.

— Нужен ковчег, специальная рака для покрывала, носилки, и побольше золота и драгоценностей. Где покрывало хранится сейчас?

— Сейчас оно у рыцарей моря.

— Что!?

Даверт был искренне изумлен. А что это его реликвия делает в ордене рыцарей-змеборцев? Особенно когда она ему нужна?

Интересно...

— Почему покрывало находится у них?

— Светлейший, магистр Шеллен затребовал его еще лет десять тому назад, а преотец Иреоний отдал ему реликвию, сочтя, что у змеборцев она будет в сохранности. К тому же, они в свое время передали ее Храму.

— Передали — и отлично. И нечего дар забирать обратно, — буркнул Даверт. — напишите им, Синор. Пусть привезут реликвию в кратчайшее время. Им плодовитость ни к чему, верно?

Синор угодливо хихикнул. Эттан бросил на мужчину быстрый взгляд.

Мразь, конечно.

Будет лебезить, ползать на брюхе, а если получится — ударит в спину. Доверять ему нельзя, но кому можно доверять в нашем жестоком и коварном мире? Детям — и тем не доверишься. Вот Эрико, болван такой, упустил врага, теперь непонятно, где Эльнор вынырнет. А что он еще заявит о себе, Даверт и не сомневался. Еще бы!

Дочь потерять!

Вот он бы не простил, точно! И не из великой любви к малышке Лу, хоть и хороша растет, ох, хороша! Жаль даже, что Лу — его дочь. Она даже красивее Вальеры в ее годы, хотя уж насколько тьерина Тессани была великолепна...

Эх, были времена!

Но рвать глотки за дочь он стал бы не из великой любви или сентиментальных воспоминаний, вот еще не хватало. Все объяснялось намного проще.

Если Луис спустит с рук покушение на кого-то из своих, он потеряет лицо. А это в политике больше, чем потерять даже жизнь. Это потеря перспектив, союзников, связей, денег...

Вот и Эльнор...

Ладно.

Его мы еще найдем, а пока — насущное.

— Напишите. Пусть привезут Покрывало в ближайшее время.

— Ваша воля — закон, Преотец. Благословите.

Даверт привычно сотворил знак Ардена.

— Иди и не грешь, чадо.

— Арнэ...

Руки мужчин двигались привычным путем, губы заученно произносили слова благословения, а мысли мужчин двигались своими путями. И были они далеко от веры.

Эттан думал, сколько удастся содрать с верующих и как организовать несколько чудес им на потребу.

Синор думал, сколько из содранного попадет к нему в карман, минуя казну и что он сделает с этими деньгами.

Об Ардене или об укреплении веры в сердцах людей не думал ни один из них. Вот еще не хватало!

Пусть чернь побольше денег приносит, а верить... верить они должны своим пастырям. И точка.

Глава 6. Клянетесь ли вы...

Род Карнавон.

Лили стояла перед высоким мужчиной с ястребиным лицом, и дрожала под жестким взглядом.

Граф Эфрон добротой характера не отличался, но куда ей было еще бежать?

Оставим в стороне странные рассуждения о любви — в этом мире Лили любила лишь одного человека, того, который смотрел на нее из зеркала. Но выбора-то у женщины все равно не было. Денег, которые сунула ей Алаис Карнавон, не хватило бы, чтобы удрать подальше, значит, надо было найти их поближе. Можно бы заработать привычным ремеслом, но Таламир будет искать ее. Человеческие ноги куда как медленнее лошадиных, так что попасть в руки его людям Лили не хотелось. Это — смерть. Медленная и мучительная.

Так что она собиралась пробираться куда подальше, скрытно и тайно... не смогла.

Попалась в руки тем, кто и без нее скрывался — людям Маркуса Эфрона, и те доставили ее пред очи графа Эфрона. И сейчас мужчина с брезгливостью разглядывал стоящую перед ним проститутку.

Лили изворачивалась, как могла, лгала и выгораживала себя, стремясь спасти изрядно потрепанную шкуру. В ее изложении вся история выглядела немного иначе.

Маркус зря доверился герцогине, та, тварь продажная, забыла свой род и семью, спуталась с Таламиром, так что в условленном месте встречи Маркуса ждала засада. Лили это знает, потому что тьера Эфрона сажали в подземелье в ее присутствии. Она же носила еду узникам, и тьер попросил ее передать весточку его отцу, денег за это обещал... она и увидела свой единственный шанс вырваться из нищеты. Уж не оставьте, граф, своей милостью?

Нельзя сказать, чтобы граф ей поверил, но голубь от сына так и не прилетел, а значит...

Но окончательно убедили графа планы Таламира в изложении проститутки. Вот это действительно было плохо, очень плохо. Если Маркус жив, если его повезут ко двору, чтобы использовать, как племенного жеребца...

Кровь — она имеет силу. Род Эфронов будет расколот на части, и что с ним будет дальше?

Нет, сына в руках врага оставлять нельзя.

А что делать?

Налет на поместье отменялся сразу. Так подставляться Эфрон не собирался. Либо надо перерезать всех, кто там находится, а граф искренне сомневался, что ему удастся это сделать. Кто-то всегда уцелеет, это закон войны. Потом, по закону подлости этот кто-то кинется в столицу, в ноги к королеве, и власти графа Эфрона придет конец. Такого покушения на свою власть не спустит никто. А Эфрон не выдержит, как не выдержал Карнавон, как не выдержали и другие...

Маркуса можно будет отбить, только когда его повезут в столицу... или в самой столице.

Или... убить.

— Клянешься ли ты, Алаис Карнавон, быть верной и честной...

Алаис прилагала все усилия, чтобы не разреветься.

Да, накатило вот! Большого несовпадения с извечными женскими мечтами и представить было нельзя.

Замуж за любимого мужчину? И чтобы семья была рядом, и белое платье, и подружки невесты, которым надо кидать букет, и лимузин с куклой, и гулянка, и свадебное путешествие на Мальдивы... ладно. В крайнем случае — в Турцию.

Мещанство?

И плевать! Зато — ХОЧУ!

И что в результате?

Про любовь лучше и не говорить, не тот случай. Семья... одна потеряна навсегда, вторая вырезана счастливым женихом. Жениться надо на сироте?

О, да!

Тьер Таламир сделал все для подтверждения этого тезиса! Самолично организовал для Алаис Карнавон абсолютное сиротство!

Белого платья тоже нет. Тут выбирают цвет подвенечного платья в зависимости от статуса. Простонародье старается нацепить что-то синее, а Алаис... ее этот цвет прекратил бы в подобие ожившего трупа. Для подтверждения, она нацепила один раз на себя синее материнское платье и прогулялась так к ужину. Даже Таламиру кусок в горло не полез.

Так что девушка стояла у алтаря в черном кружеве на красном чехле. А что?

Зато глаза в тон! А что бледная, как смерть, так это она от волнения! Такое событие! Свадьба, она ж за всю жизнь бывает не больше десяти раз... а потом новый паспорт получил — и замахивайся на вторую десятку! Из подружек невесты две проститутки, гулять на свадьбе будут исключительно солдаты счастливого новобрачного, а свадебное путешествие... о нем Алаис и не заикалась.

В живых бы тут остаться!

Но если что — она согласна попутешествовать на другой конец географии. Без супруга.

Таламир же был доволен.

Держал Алаис за руку, бросал насмешливые взгляды на извлеченного ради такого случая из темницы тьера Эфрона и ухмылялся. Маркус был бледен, изрядно помят и крепко связан. И рот ему тоже заткнули, ага. Чтобы не высказывал, чего не надобно.

На шею Алаис опустилась цепочка с единственной крупной жемчужиной черного цвета. Она была такой холодной, эта жемчужина...

Алаис помнила, как досадовала мама.

Черная жемчужина была родовым артефактом Карнавонов, несколько поколений, да что там, десятков поколений герцогинь носили ее на своих шейках... и без сомнения, она украсила бы любую женщину.

Но не мать Алаис, которая ставила превыше всего светлые тона и легкое кружево. На ее шее черная капля казалась чужеродной, неправильной... матери она была не к лицу. Дочь с этой жемчужиной смотрелась намного лучше. Белые волосы, красные глаза, черный жемчуг, черно-красное платье — все правильно. Из общего ряда выбиваются только слишком бледные губы — природных красок Арден девушке не додал, а мазать лицо местной помадой, в которой киноварь была основным компонентом, Алаис не захотела.

Алаис улыбнулась — и застегнула вторую цепочку на шею Таламира.

— Монтьер герцог...

И на лице мужчины на миг расплылась совершенно глупая мальчишечья улыбка.

Герцог.

Он — герцог.

Венец карьеры, выше — только в короли, но безродного на троне не примут, а он — герцог. Сам пробился, от конюшни до Карнавона!

А потом мужчина наклонился и поцеловал невесту.

Алаис еще никогда и ни с кем не целовалась. Таня целовалась только со своим Мишей, больше двадцати лет с одним и тем же, вот дура-то... Но друг друга они узнали вдоль и поперек, и в губах Миши для нее не было ничего удивительного. Они были... родными.

А Таламир вел себя, как захватчик в покоренном города. Врывался, утверждал свое господство, требовал подчинения и покорности... Таня подумала, что Алаис наверняка стала бы сопротивляться, девушка не выдержала бы подобного надругательства.

Чем бы все кончилось?

Наверное, смертью Алаис. Так что чуть раньше, чуть позже...

Алаис не сопротивлялась, прикрыв глаза, прильнув к плечу теперь уже мужа, и натиск стал ослабевать. Таламир понимал, что ему не противятся, а раз так — какой смысл рваться туда, куда и так пускают? Не убежит от него жена.

Мысли Алаис он, к счастью, прочитать не мог, а то овдовел бы не отходя от алтаря.

Из Храма они вышли под приветственные крики встречающих — Таламировых солдат, дворни и нагнанных для массовки крестьян. В воздух верноподданнически летели шляпы и цветы. Таламир улыбался, его не слишком волновало, что здравницы звучат из-под палки.

Алаис смотрела на синее небо, на стены замка, и думала, что все бы отдала за пролетающий мимо метеорит. Вот что бы ему стоило? Лететь — и прямо Таламиру в темечко? И плевать на теорию вероятности, жизнь бьет все рекорды.

Но метеорита не было.

Погода нелетная.

Пир удался на славу. Да, кое-где не было соли, где-то не хватило зелени, но вина было в избытке, а на свадьбе гости не салатом живы. Таламир почти не пил, ястребиным взором наблюдая за удивительно спокойной невестой. Размышлял.

Мужчина решительно не понимал, чего ждать дальше.

Криков и слез не будет, это точно, не из того материала девка. Мог бы он и ее сломать, еще как мог бы, но пока незачем, сломанная игрушка удовольствия не доставляет. То ли дело, когда растягиваешь удовольствие, день за днем, играешь с добычей, что та кошка, то выпуская когти, то давая немного отбежать — и вновь ограничивая свободу...

Вот с Эфроном все было ясно и понятно. Глаза Маркуса, усаженного по такому случаю за главный стол, горели бессильной злобой и ненавистью, мог бы — в горло бы вцепился.

Таламир с удовольствием поглядел на пленника.

А ведь какая богатая идея — подарить его королеве! Какой он молодец, что сообразил!

О том, что предложение внесла Алаис, Таламир уже даже и не вспоминал. Не было такого, это он сам, все сам. И какое же удовольствие — видеть униженным и растоптанным человека, который считал тебя даже не грязью на сапогах — намного ниже. Грязи можно уделить внимание, она может раздражать или злить, а такие как Таламир — серая масса. Им никогда не стать людьми в глазах таких, как Эфрон, Карнавон и прочие... ар-ристократы!

Твари!

Сволочи!

Ничего, кончилось ваше время, негодяи! Совсем кончилось!

Рука Таламира по-хозяйски обняла Алаис, задержалась на груди. Девушка и не подумала ее скидывать, или как-то выражать свое недовольство. Она отлично понимала, что Таламир пьян, не столько от вина, сколько от своего успеха, а в таком состоянии мужчины становятся опасны. Все им по плечу, все горы им под сапоги ложатся... сейчас сломает ей нос за неосторожное слово, а потом что делать? Может, и пожалеет, так нос-то свой, родной! А до пластики здесь еще не доросли, разве что до радикальной — отрубить ненужное по самые уши.

Маркус сверкал глазами, Таламир лапал законную жену, молчание за главным столом становилось все более тяжким, правда, Маркус молчал потому, что кляп никто не вынул. Наконец, Таламир отпустил Алаис и чуть подтолкнул.

— Ждите меня в спальне, дорогая супруга.

Алаис послушно поднялась из-за стола, и не акцентируя внимание на том, что ее должны сопровождать дамы, покинула зал. Перебьется.

Хотя пять минут побыть в одиночестве...

Таламир проводил взглядом гордо вскинутую голову и повернулся к Маркусу, цапнул того за шиворот.

— Хороша? Да, знаю, что хороша. Это вы, глупцы, не видели ничего...

И верно, не видели.

Видели белую мышь, которая пряталась по углам с книжкой. А мышь расправила плечи, и оказалось вдруг, что у нее шикарные волосы, большие глаза (цвета — вопрос отдельный, но не всем же быть блондинами?) правильные черты лица, просто раньше все сливалось в один блин из-за слишком светлых бровей и ресниц, а сейчас Алаис их подкрасила — и получилось вполне выразительное личико. Правильно подобрать наряд и украшения тоже стоит, и окажется, что у девочки вполне симпатичная фигурка. Может, грудь там еще и не выросла, зато талия тонкая и бедра стройные, а это уже немало. Сама Алаис могла бы добавить, чем смена души красит больше всего, но ее никто не спрашивал. И сейчас две пары глаз проводили закрывшуюся дверь.

Таламир усмехнулся пьяной ухмылкой.

— Да, брезговали... А теперь она моя! И наследника мне родит! Наследника Карнавонов! Нового герцога! Я уж смогу ему оставить эти земли, а то и Эфрон присоединю, понял? А ты сдохнешь в королевской темнице, и вспомнить тебя некому будет. Женишься, ребенка сделаешь, лучше если девочку, я потом ее за своего сына выдам, понял, сопляк? Подумаешь, графом он родился! Так это не только родиться надо, надо еще и сберечь, что имеешь а в вас кровь выродилась, жидкая стала, не стоите вы своих предков! И таких как я не стоите!

С-сопляк!

Таламир жестоко усмехнулся.

— Может, я тебе даже позволю посмотреть, как делаю наследника этой герцогской сучке, понял? Поучишься, а то что вы там умеете, ничтожества...

Таламир отпустил воротник Эфрона — и направился к своему месту. Посидит еще пару минут, выпьет немного — и к невесте.

А тьера Маркуса — обратно, в подземелье. Пусть посидит, подумает о жизни! Таламир,

может, и не урожденный тьер, но своего он из рук не выпустит! Перебьетесь, господа! Еще и чужое прихватит! Так-то!

Его дети еще будут своим отцом гордиться. А будут ли дети у Эфрона, и будут ли они знать своего отца — неизвестно!

Алаис послушно ждала мужа, стоя у кровати. Вообще-то она лежала на одеяле, но когда за дверью раздались шаги, тут же вскочила и приняла свой самый покорный вид. К чему нарываться-то?

И по морде от пьяного мужа не хочется, и супружеского изнасилования не хочется, и вообще...

Мир чужой, а феи-крестные здесь не водятся. Даже в сказках не водятся.

Обидно.

Вот что бы ей оказаться в теле принцессы эльфов с очаровательной мордашкой и бюстом шестого размера? И поклонников три дюжины? Или хотя бы рыжей ведьмы (ну ладно, бюст можно и третьего размера, она потерпит) с крутыми перспективами...

Альбинос-крокодилица, да еще замуж выдали.

Тьфу!

Алаис почувствовала, как сильные пальцы подцепили ее за подбородок, потянули голову вверх — и послушно ответила на поцелуй, стараясь не думать о том, что у жениха во рту вся помойка переночевала. А зубы он не чистил от слова 'никогда'.

Перетерпи, девочка. Ты сильная, ты справишься...

Алаис твердила себе эти слова, кое-как отвечая на поцелуи, впрочем, ее отвращение вполне сошло за неуверенность девственницы. Она твердила их, когда ее освободили от ночной рубашки и завалили на постель, когда чужие руки путешествовали по ее телу, когда почувствовала боль...

Она — сильная.

Она — справится.

С утра проще сказать, что у Алаис не болело.

Нижняя половина болела по причине исполнения супружеского долга, а верхняя — потому как из-за процесса исполнения Алаис не выспалась. Даже корни волос болели — опять-таки, в процессе исполнения Таламир так придавил их, что чуть скальп не снял. Хотя потом и извинился.

Нельзя сказать, что мужчина был жесток с женой, но и нежным его назвать было нельзя. Работа, всего лишь работа. Что там было в голове у мужчины, Алаис не знала, но пока она была ему нужна живой.

Пока не забеременеет — и еще девять месяцев.

Кстати...

А почему бы и не забеременеть в ближайшее время?

Критические дни — штука такая, могут и не прийти с невроза, к тому же она может перепутать... Через пару недель надо сообщить мужчине о своей беременности и воздержаться от супружеского долга, угрожая выкидышем. Пока она не беременна — она жива. Пока она не родила — она жива.

А жить так хочется!

Таламир спал, а ей надо было вставать, заниматься делами, проверять, что там на кухне, что в кладовых, что осталось, что надо заказать, что затоптали, что заблевали, все вычищать...

Любые сказки кончаются свадьбой, это закон жанра.

Алаис выбралась из кровати и выглянула за дверь. Там, в маленькой комнатке спала служанка — мало ли что понадобится герцогессе...

Герцогине, уже герцогине.

Ваша светлость герцогиня Карнавон. Красные пятна на простыне отделили девушку от женщины, а нелюбимую дочь от герцогини, такой же нелюбимой.

Разбуженная девушка несколько минут не могла понять, чего от нее хотят, а потом сбегала куда-то и приволокла кувшин холодной воды. Бррррр....

Но хоть умыться да влажной тряпкой обтереться и то хватит.

Алаис так и поступила, а потом отправилась в поход по замку, привычно отмечая, что надо сделать.

Больно...

Орден рыцарей моря.

Предстоящий Эльнор устроился поудобнее в кресле и вытянул ноги.

— Спасибо, Рене.

Магистр ордена пожал плечами.

— тебе не за что благодарить меня.

— Разве? Здесь я в безопасности. Хотя бы это...

— Это я могу тебе гарантировать. Но только здесь. После ссоры с Давертом и проигрыша, друзей у тебя почти не осталось.

Эльнор поджал губы, глядя на огонь камина через белое вино. Язычки пламени превращали его в оранжевое, играя на гранях старинного хрустального бокала. Эпоха Королей, сейчас такой делать не умеют. Утрачено слишком многое.

— Ты — в том числе?

Магистр Рене поднял свой бокал, повторяя жест гостя, так же посмотрел на огонь.

— Я не был тебе другом, но хотел твоей победы. Ты все же лучше, чем этот... стервятник.

— Это меня и подвело.

— Как же?

— Откуда-то Эттан узнал, что я забрал из монастыря свою дочь. Я хотел выдать Мелли замуж...

— До избрания?

Эльнор молчал. Молчал и Рене, глядя на старого знакомого. Не друга, нет, на той высоте, которую они осилили, друзей не бывает. Есть те, кто поддержат тебя, если нога соскользнет по заледенелым камням почестей... или подтолкнет в пропасть. Ему и так все было ясно.

Сын в их кругах — поддержка, дочь — товар для скрепления союзов. Затем Эльнор и вытащил соплوشку из монастыря, чтобы укрепить свое положение. Надеялся, что его изберут, даже больше — был уверен в этом, и вез дочь, чтобы отдать кому-то из поддерживавших его людей. А Даверт уверен не был, он просто действовал. Подкупал,

предавал, угрожал, шантажировал.

И выиграл-таки. А Мелания погибла по нелепой случайности — или по злему умыслу, но в случайность магистр Рене не верил. В политике их просто... не случается.

Эттан слишком умен, чтобы допустить нечто подобное.

— что тебе нужно от меня, Нор?

— Приятно на несколько дней. Или ты тоже выдашь меня Даверту?

— Не выдам, — после некоторого раздумья решил Рене. Ордену Моря не было особого дела до Преотцов, они приходили и уходили, а орден не менялся.

Для чего он был создан, какие у него были цели, чего добивался его первый Магистр?

Простонародья это не касалось. Не знали об этом и большинство служителей Храма. Тьер Эльнор, как Предстоящий, был в курсе.

Официально орден создавался для поиска наследников Морских Королей.

Неофициально же...

Храм появился давно, еще при Королях, но крепко встал на ноги и развернулся только после того, как умер последний Король. А первый магистр ордена был...

Простонародью такого не скажешь. Но первый магистр ордена был из бедных дворян.

Его сестра попала в постель к последнему королю, и даже прижила от него ребенка. Хроники гласили, что ребенок родился чудовищем. С перепонками, жабрами и чешуей*. Несчастливая от горя и ужаса тронулась умом, ребенок умер через несколько дней. А его безумная мать выбросилась из окна. Головой на камни — только хлопнуло.

*** на Рамтерейе не знают о существовании ихтиоза Арлекино. Но эта болезнь существует, дети, которые ей болеют, практически не выживают, и ничьей вины тут нет. Генетика. Прим. авт.**

Этого любящий брат и не смог простить королю.

Ни одного наследника Короля он так и не нашел, об этом в хрониках тоже было. А если нашел бы — то просто убил. Из мести.

Но это первый Магистр.

Остальные искали для себя. Никто не верил, что кровь Короля так просто рассеялась в море. Где-то должны быть его потомки, и какое же это искушение! Влить королевскую кровь в свой род, получить доступ на Королевский остров, возможно, власть...

Простонародью об этой причине, разумеется, не скажешь.

А пока не могли найти потомков Короля, искали то, что имеет отношение к самим Королям. Артефакты, документы, родословные древа... а если во время поисков к рукам прилипало и что-то еще, тем лучше для Ордена. Храм не присваивает, Храм вежливо просит о пожертвовании. И отданное Храму пойдет во благо всему миру, это понимают даже самые тупые из простонародья. Так-то.

— ты уже решил, что будешь делать дальше?

— Выведу все свои капиталы и спрячусь где поглубже. Лучше на другом материке, — пожал плечами Эльнор. — Здесь нам с Давертом будет тесно. Возможно, отправлюсь на Маритани, всегда мечтал побывать там.

— Маританцы не пустят к себе чужака.

— Тогда придется прожить у них лет десять, чтобы стать своим, — тьер Эльнор пожал плечами.

Тьер Рене повторил его жест.

— Как пожелаешь.

Двое мужчин сидели у камина.

Один смотрел в огонь и думал, что предстоящий — уже отыгранная карта. Но разбрасываться даже отвалом в карточной игре жизни — непозволительная роскошь. Вдруг да удастся перевернуть? Тихий вечер ничего не стоит магистру Рене, а предстоящий может вспомнить его с благодарностью.

Второй тоже смотрел в огонь и думал, что Рене его не выдаст. Может быть. А может, и выдаст. Поэтому истинные планы тьера Эльнора старому знакомому знать ни к чему. Перебьется. Спасибо ему и на том, что не отправил в темницу, а потом не передал упакованного и перевязанного ленточкой в руки Даверта. Но больше, чем на пару дней Эльнор здесь не задержится. Ни к чему.

Королевство Сенаорит, двор ее величества Лидии.

Кто сказал, что быть королевой — легко и приятно?

Симпатичная молодая женщина лет сорока пристально посмотрела в зеркало, разгладила кончиком пальца морщинку у глаза, печально вздохнула.

Как ни изводи на себя драгоценные притирания, а молодость уходит. Чего уж там — ушла. Больше двадцати лет назад она выходила замуж, тогда ее красотой восхищался весь двор. Миниатюрная, рыжеволосая, белокожая, с громадными зелеными глазами, она очаровывала и покоряла, о ее красоте слагали сонеты и мадригалы.

И что сейчас осталось?

Только огненно-рыжие волосы из которых она все чаще выдергивает седые волоски.

Молодость прошла, и единственное утешение, что прошла она — в короне. А что безрадостно... так какая радость может быть рядом с супругом на тридцать лет тебя старше? Ни в постели, ни на турнире его величество Ромуальд не мог удовлетворить вкусы молодой жены. Лидия предпочитала тех, кто помоложе, посимпатичнее, посильнее... во всех смыслах. Но ей хватило ума спрятать свои желания. Более того — родить его величеству сына!

Сына, ради которого король простил ей все.

Всего у них было пятеро детей. Три сына, две дочери. Старший сын не пережил своей второй зимы — он был слаб здоровьем. Второй умер на десятом году жизни. Мальчик совершенно случайно свалился с лошади, ударившись о камень и сломал шею. Насколько уж это было несчастным случаем, ее величество не знала. У ее супруга было достаточно недоброжелателей, а молодую королеву в расчет не принимали. Считали ее просто игрушкой старого негодяя.

А сама Лидия не считала выданных замуж дочерей. Учитывала в своих раскладах, понимала, что их мужья становятся на один шаг ближе к короне, но выпускать драгоценный венец из рук не собиралась.

Никто не думал, что она забеременеет пятый раз.

И что родится мальчик.

Ей было уже за тридцать, мужу на тридцать лет больше, он даже передвигался с трудом, но беременность состоялась. И даже если король что-то подозревал, вслух он ничего не произносил, молчаливо признавая, что лучше бастард на престоле, чем пустой трон.

Лидия улыбнулась, вспоминая, сколько усилий ей потребовалось, чтобы у них с королем состоялся акт любви, ведь его величество должен был думать, что это его ребенок. Хотя на самом деле...

Мало ли мужчин во дворце?

Найти подходящего в нужный момент было несложно, тем более, что Лидия вела весьма благонравный образ жизни, в отличие от своей предшественницы...

Хотя какое значение имеет сейчас эта история?

Нет уже ни Ромуальда, ни его супруги, а Лидия есть, и она собирается править долго. Ах, сколько сил и времени потребовалось, чтобы сколотить вокруг себя клику преданных лично ей людей, сколько интриг, сколько золота и стали.

Но она справилась.

Нельзя сказать, что в королевстве сейчас тишь да гладь, но обстановка все же лучше, чем при ее супруге. И ее сын может сесть на трон хоть завтра, хотя лучше ему этого не делать. Все же двенадцать лет — это так мало...

А еще возраст принца провоцирует некоторых дворян на интриги.

О том, что герцог Карнавон собирается породниться с несколькими знатными родами, Лидия узнала еще до подписания договоров. И призадумалась.

Карнавон давно был у королевы, как бельмо на глазу. Она знала и герцога — надменного мерзавца, который переоценивал собственную важность, и его супругу — вот кому бы косы повыдергать, и догадывалась, что от союза этой парочки ничего приличного родиться не может. Если не под ней, то под ее сыном трон бы зашатался, и кто знает, сможет ли мальчик удержать скипетр?

Лидия не готова была рисковать.

Королевство — Арден с ним, люди жили в Сенаорите до того, как он обрел это название, и будут продолжать жить в королевстве. Но ее дети? Сын? Дочери? Ради них женщина готова была солгать, продать, предать, убить, и совесть ее не мучила. Она подписывала смертные приговоры, стравливала между собой людей, плела интриги, и знала — даже если ей придется своими руками кого-то убить, она не дрогнет.

Ее дети будут жить!

А если ради этого придется спалить Карнавон со всеми его обитателями — пусть так, она заботится о своих детях, заботился бы герцог о своих — так не устраивал бы заговоры против Короны.

Решение было принято, требовался инструмент для его выполнения. Достаточно честолобивый и подлый, чтобы не испытывать ни сожалений, ни сомнений, выполняя приказ ее величества. Абы кто тут не годился, нужен был человек особого склада характера, совсем особого.

Тут-то и подвернулся под руку тьер Таламир.

Симпатичного мальчишку она приглядела вскоре после смерти мужа. Таламир понравился ее величеству потрясающим сочетанием жестокости, беспринципности и стремления к власти. При этом мужчина отчетливо понимал, что выше определенного статуса ему не подняться, а моральные принципы у него отсутствовали вообще.

Сочетание ума и подлости требовало присмотра, и Лидия приблизила к себе юношу. Дала ему место в гвардии, и с удовольствием наблюдала, как волчонок показал первые зубки. Сперва робко, неуверенно, а потом все жестче и резче. Таламир сумел завоевать себе место в гвардии, но тьеры его принимать отказывались.

И отлично!

Тут-то Лидия и поняла, кто должен стать новым герцогом Карнавон.

Старую династию требовалось заменить, но на кого? Кому бы она не отдала эти земли,

любой принялся бы интриговать в свою пользу, любой захотел бы большего. И мог бы добиться.

Но не безродный мальчишка, которого она подняла из грязи. Нет, не он.

Судьба Таламира была решена. Он станет герцогом Карнавон. А уж сумеет ли он удержать эти земли, или они впадут в хаос безвластия — ее величество устраивал любой вариант. В мутной воде рыбка ловится, почему бы ей и не половить жирных карасиков?

Оставался повод, но его Лидия нашла моментально. Карнавоны должны были передать то, что доверил им на хранение Морской король. Последний из королев.

Не передадут? Уничтожить всех! Замок с землей сравнять и солью посыпать!

Передадут? Точно! Передали подделку! Уничтожить всех! Замок с землей сравнять и солью посыпать!

Есть что-то общее в обоих вариантах? Ничего страшного, так надежнее.

В планах Лидии не значилась женитьба Таламира на Алаис Карнавон, но, подумав, она пришла к выводу, что так даже выгоднее. Сын герцогессы и конюха... х-ха! Пусть это отродье и наследует титул и замок, но никто и никогда следующие поколения десять, не примет мальчишку. Кроме нее.

Она сможет подогреть придворных, и наследник Карнавоны окажется в самом сердце бури. Все вокруг будут его презирать, будут плевать ему вслед, смеяться, презирать, так, что себя он найдет только на службе короне. Она еще подумает, как это лучше обставить.

А Алаис Карнавон?

Мало ли женщин умирает родами? Надо только, чтобы роды проходили в нужном месте и в нужное время, а уж лучших повитух Лидия обеспечит. Преследуя, кстати, и собственные цели — лишаться такого любовника, как Ант королеве вовсе не хотелось. Сильный, страстный, неутомимый... м-да, этой девчонке Карнавон неоправданно повезло. Ну, пусть хоть перед смертью порадует.

Королева нахмурилась, аккуратно тронула заячьей лапкой морщинку на лбу, подумала, и нанесла пудру еще раз.

Все бы она отдала за молодость. Но — увы. Времена чудес и Морских королев прошли. Лидии даже не интересно было, что там Морской король отдал на сохранение Карнавонам. Какая теперь разница?

Ккарнавоны мертвы, угрозы власти Лидии практически не осталось, остатки заговорщиков она додавит, а сейчас...

Королева прошла к столу, уселась, открыла чернильницу нетерпеливым движением — и по бумаге побежало перо, оставляя за собой прихотливую вязь ровных строчек.

Дорогой друг мой.

Надеюсь, ваше сиятельство, герцог Карнавон, мы по-прежнему остаемся друзьями...

Пусть приезжает в столицу, пусть привозит свою жену, а там посмотрим, как дальше действовать.

Род Карнавон.

Самый неприятный долг — супружеский, сколько его не отдавай, все равно должна будешь. Эту истину Алаис постигла на своем личном опыте и мечтала о перерасчете.

Тьер Таламир был хуже любого коллекторского агентства. Неумолимо настигая супругу

ночь за ночью, да еще и несколько раз за ночь. Мыться каждый день ему и в голову не приходило, в лучшем случае раз в пять-шесть дней, зубы чистить — тоже, так что об удовольствии речь не шла. Ляг на спину и терпи, как раньше придворные дамы делали. Зажми в руке надушенный платочек и подноси к морде в особо острые моменты.

Алаис, кстати, так и делала, иначе бы ее просто стошнило. Какое уж там удовольствие!

Кто-нибудь знает, чем пахнут лошади? Потом они пахнут, а вовсе даже не розами. А когда конский пот, когда собственно человеческий пот, да еще и грязь...

Алаис чувствовала, что начинает с тоской вспоминать метросексуалов! Подумаешь, мужчина маникюр делает! И что? Зато рядом с ним стоять можно! Дышать можно!

Одно утешение — Таламир знал позы, в которых можно было не обнюхивать партнера. К тому же, грубым с Алаис он не был. Он не бил супругу в постели, не унижал, не старался причинить боль... он просто выполнял свой долг, стремясь обрюхатить жену как можно скорее. И Алаис искренне боялась, что ему это удастся.

Навыки у нее были отработаны еще с той жизни, и в опасные дни она уже один раз отравилась (пришлось съесть тухлое яйцо, рвало ее немилосердно, но о каком-либо выполнении супружеского долга речь целых два дня не шла). Но сколько впереди тех дней? Да и не такой уж это надежный метод предохранения.

Впрочем, красные дни календаря пришли точно в срок.

Алаис мысленно возблагодарила всех местных богов, а напоказ разрыдалась в три ручья. Да так, что Таламир почувствовал угрызения совести. За этот месяц он даже успел немного привязаться к супруге. Как к дорогой, статусной игрушке, но все же!

Хотя привязанность у мужчины проявлялась весьма странно. С одной стороны — он даже немного гордился женой. С другой — осознавал, что Алаис выше него по происхождению, воспитанию, образованию... и иногда это прорывалось в интонациях, во взглядах, в приказах... Он осознавал, что без Алаис не справится, но с каким бы удовольствием он втоптал жену в грязь, просто, чтобы доказать, что он выше! Это ведь несправедливо! Даже захватив Карнавон, даже надев герцогскую корону, даже распоряжаясь жизнью и смертью людей, живущих на землях герцогства, он все равно понимал, что существует нечто недостижимое. То, чем от рождения обладала Алаис, да и каждый из герцогской семьи. То, чего никогда не будет у Таламира и даже у его детей и внуков, может быть, повезет его правнукам — в лучшем случае. Чтобы быть дворянином — необходимо три титула. И чтобы носили их твой отец, твой дед и твой прадед, а иначе — никак.

Алаис пустила в ход все свои умения юриста, иногда девушке казалось, что если бы она так выкладывалась на работе, то слава ее заткнула бы за пояс таких юристов, как Плевако и Гроций. Она вела хозяйство, мягко подсказывала Таламиру, в чем состоят обязанности герцога, всячески подчеркивала, что он сам прекрасно справляется, она просто находится рядом — и то с позволения такого великого человека... а чего это ей стоило?

Память Алаис Карнавон засыпать не собиралась. Ночами женщину мучили кошмары, вновь и вновь падал под ударами мечей ее отец, вновь насиловали ее сестру, волокли куда-то мать...

Прощать это Таламиру она не собиралась, но если сейчас начать ругаться и устраивать диверсии...

Он ведь не дурак, далеко не дурак. Дурой она будет, если недооценит противника. И Алаис вела себя пайнкой. В ушах день за днем звучали строчки из бессмертной комедии Мольера. 'Тут не прямой — окольный нужен путь. Смириться надобно для виду, но тянуть.'

Кто время выиграл — все выиграл, в итоге...'

Таламир не верил, но и придаться ни к чему не мог. А Алаис жестко придерживалась своей легенды. Она показывала мужчине, насколько она наслаждается Карнавоном, своей властью над замком, своим титулом... единственное, что она себе позволила — это сходить на могилы родных.

Они лежали в фамильном склепе. Отец, мать, братья, сестра...

Вопреки всем страшным сказкам и легендам, Алаис ничего не почувствовала. Лежат — и пусть себе лежат, что поделаешь? Сходила, положила цветы и успокоилась. Отдала часть долга.

Хотя обязанной себя чувствовала не Таня. Алаис. Алаис любила свою семью, Алаис горевала, Алаис готова была мстить. Таня же в определенной мере даже была им благодарна. Если бы не они, не попала бы она в этот мир, не стала бы герцогиней Карнавоном...

Впрочем, мести Таламиру это не отменяло. Тут планы Алаис и Тани полностью совпадали. Алаис хотела отомстить, и лучшей мезтью стал бы побег жены. Сам по себе Таламир не удержит Карнавоном. Подлости и злобы у него хватает, а вот ума...

День за днем Алаис по возможности беспристрастно оценивала своего супруга и приходила к неутешительным выводам.

Ее все-таки убьют после рождения одного или нескольких детей. Просто потому, что это единственная для Таламира возможность утвердить свое превосходство.

Возможность спасения принес королевский гонец.

Герцог Карнавоном был недоволен, и это видели все. Он вытянул плетью подвернувшуюся под руку служанку, съездил по зубам управляющему, перевернул обеденный стол, пнул собаку — и кивком пригласил герцогиню побеседовать.

Алаис повиновалась не без трепета душевного. И больше всего она опасалась за свои зубы. Управляющий, вон, остатки в ладонь сплевывал, будет теперь до конца жизни супчиком питаться. Но управляющего ей не жалко было, а себя так даже очень. Про стоматологов, даже самых паршивых, советских, тут и слыхом не слыхивали, про пломбы — тоже, так что она вспомнила все, что могла, полоскала рот после еды, грызла молодые вишневые веточки и пыталась придумать зубную щетку. Выходило плохо. И как раньше обходились?

Пальцем, что ли, зубы чистить?

Тьер Ант Таламир подождал, пока она закроет дверь и зло воззрился на жену. Алаис внешне спокойно присела в реверансе.

— Монтьер герцог.

Градус злости чуть схлынул. Но все равно, сунь его в ведро — зашипит.

— Вы знаете, что в письме ее величества?

— Нет, монтьер. Вы мне его не показывали.

— И даже не догадываетесь?

Ответом стал чуть растерянный взгляд.

— Я не знаю ее величество, монтьер, — ох, как же тянуло добавить 'так интимно, как вы'. Но зубы были своими, родными и ценными. И рисковать ими не хотелось. — Поэтому не могу предположить... но судя по вашему поведению, это что-то неприятное?

— Она приказывает мне вернуться в столицу.

— Монтьер! А как же Карнавон!?! Я одна не справлюсь!

Алаис даже не играла. Не справится. Чего стоят одни Эфроны...

— С молодой женой, Алаис!

Женщина где стояла, там и села, хорошо хоть кресло подвернулось.

— Монтьер!?

Ага, венценосная любовница приглашает в столицу законную жену действующего хахала. Интересно, зачем? Опытom поделиться? Верю-верю....

Что-то подсказывало Алаис, что ничего хорошего ей эта встреча не принесет. С другой стороны — из Карнавона бежать некуда, а вот по дороге или в столице...

Бегать и прятаться надо там, где искать труднее, то есть — в большом городе. Сесть на корабль, например — и ищи ветра в поле. Теперь надо убедить Таламира взять ее с собой, то есть действовать от противного. Настолько-то Алаис своего супруга успела узнать. Приказы он ненавидит, поэтому может ее и оставить.

— Что, вам это тоже не нравится, дражайшая супруга? — зло поинтересовался муж, сбавивший обвинительный пыл. Потрясения Алаис ему хватило.

— Монтьер... да ведь те же Эфроны... а кто тут еще водится?! Умоляю, не уезжайте так!

Таламир зло посмотрел на супругу. Алаис опустила голову, мол, мы все в вашей воле, но замок-то дороже?

— И что вы предлагаете, дражайшая супруга?

— Монтьер, я верю, что вы найдете идеальное решение, — Алаис посмотрела ему прямо в глаза. — вы же понимаете, пока у нас нет наследника общей крови — Карнавон беззащитен.

О, да. Таламир это отлично понимал.

Пусть он стал герцогом, но права его более чем сомнительны. Он добился своего силой оружия, любой другой, кто окажется сильнее, также добьется своего.

Более того, оставить здесь супругу нельзя. Вообще.

А взять ее с собой?

— Хотите в столицу, дорогая герцогиня?

Алаис покачала головой, не отрывая взгляда от пола.

— Монтьер, я всю жизнь прожила здесь. Я не знаю ничего о столице. И вам будет стыдно за меня. Я же... вы и сами видите.

Пальцы Таламира сильно потянули женщину за французскую косу. Алаис обучила служанок плетению 'колоска' и радовалась, глядя на свои прически. Должно же в жизни быть хоть что-то приятное?

— Посмотрите мне в глаза, дорогая супруга.

Алаис подняла взгляд. Поскольку было больно, в глазах стояли слезы.

— Я — урод, монтьер. Этого не изменить. Вам будут сочувствовать, надо мной — смеяться.

— Подавятся, — рыкнул Таламир, выпуская волосы.

С этой точки зрения он Алаис уже не рассматривал. Пусть не красавица, но человек ко всему привыкает. Зато неглупа, может дать разумный совет, и что приятно — у них общие цели. Алаис нужен Карнавон для ее детей, ему нужен Карнавон — для его детей от Алаис. И в последнее время у тьера Таламира даже появлялась мысль, что Алаис можно оставить в живых после рождения ребенка или двух. А что?

Неглупа, умеет себя вести в обществе, знает свое место, любит Карнавон, к тому же — аристократка, это-то видно. А что не красавица, так оно и неплохо — изменять не будет. Хотя тьеру Таламиру нравились другие женщины. Высокие, статные, черноволосые, с красными губами и большой грудью. Но любовниц может быть много, а Карнавон — один.

Таламир не замечал, что расхаживает по кабинету. Это видела Алаис, и опустив голову, прятала в глазах злые болотные огоньки.

Осторожно, очень осторожно...

— Монтьер, я ведь могу заболеть или забеременеть?

— Но вы не больны, Алаис, и не беременны.

Остаться в Карнавоне Таламир не мог. Во многом он зависел от королевы, и раздражать ее величество ему совершенно не хотелось. Но потерять Карнавон? Ни за что!

— Простите, монтьер. Я подвела вас, я буду больше стараться.

Прозвучало очень проникновенно, в голосе Алаис слышались слезы. Таламир не знал, что слишком сильно дернул ее за волосы, и пара шпилек впились в кожу, он принял эти слезы за проявление истинного чувства и даже чуть растрогался.

Приятно, когда твоя жена так хочет детей.

— Мы оба молоды и здоровы, герцогиня, дети у нас еще будут.

— Вы так добры, монтьер.

Алаис сглотнула.

Поверил, кажется, поверил! Теперь подвести его к нужному решению!

Как любой юрист, Алаис знала, что важны не только слова. Важна интонация, важен невербальный ряд, важна внешность и одежда. Ни судья, ни обвиняемые не доверятся юристу-хиппи, будь он трижды гением. Выстраивать свой ряд она научилась очень давно, и сейчас использовала все возможности.

Главное — добиться своего.

Таламир принял какое-то решение и повернулся к жене.

— Я не могу оставить вас здесь, Алаис. С вами Карнавон станет уязвимым вдвойне. Так что — готовьтесь к поездке, — голос звучал жестко и решительно.

— Ваше слово — закон, монтьер, — отозвалась Алаис. — Могу ли я просить о снисхождении?

— Что еще? Платья? Побрякушки?

— Нет-нет, монтьер, — Алаис протестующе взмахнула руками. — Украшения, я надеюсь, вы мне позволите взять из материнских, платья проще сшить в столице, здесь все равно нет портных, которые знали бы последнюю моду, а выглядеть безнадежной провинциалкой я не могу, это опозорит вас. Я хотела просить о другом.

— О чем же?

— Монтьер, я никогда не бывала в столице.

— И что?

— Вы прожили там всю жизнь. Вы же сможете рассказать мне про королевский двор, какая там обстановка, с кем вы дружите, от кого лучше держаться подальше. Я не хочу опозорить вас.

Таламир прикусил губу. В принципе — все было логично. Но...

— А вы уверены, герцогиня, что окажетесь при дворе?

Алаис пожала плечами.

— Монтьер герцог, простите, что затрону сейчас неприятную тему?

— Какую же?

— Отец, после того, как вы выставили ему ультиматум, говорил о благосклонности к вам ее величества.

Таламир даже остановился, словно налетев на стену. Но деликатность Алаис оценил.

Благосклонность — слово многогранное, и включать в себя оно может многое. В том числе и... хм-м... склонность ее величества. За что он ценил Алаис — это за ее умение выражаться красиво. Он так пока еще не умел, ну да научится! А может, она научит их детей, тоже на пользу будет.

— Вас в этом что-то не устраивает, дорогая супруга?

Алаис пожала плечами.

— Монтьер, у меня нет такого права.

— Но?

— Я просила бы о помощи.

— Вот даже как?

— Вы знаете, королеву, монтьер. Я ее не знаю, но не хочу навлечь королевский гнев на наши головы.

Получилось очень проникновенно.

— Полагаете, она захочет видеть вас?

Алаис пожала плечами.

— Не знаю, монтьер. Но предпочитаю подготовиться заранее, а не внезапно оказаться в центре бури.

— Что может понадобиться от вас ее величеству?

Алаис что есть силы прикусила язык. Очень хотелось съязвить на тему королевской бисексуальности и надобностей, но — удержалась. Хотя ей это стоило громадных усилий.

— Я предпочитаю готовиться к худшему, монтьер герцог.

Таламир скривился, но спорить не стал.

— Ладно. А теперь идите сюда, Алаис. Будем стараться сделать ребенка.

Лежа щекой на столе и стараясь не попасть волосами в чернильницу, Алаис утешалась двумя вещами. Первая — нюхать мужа не приходится, и то хлеб. Вторая — она едет в столицу!

А там наверняка появится масса возможностей для побега!

В столице легче спрятаться, оттуда легче сбежать. А мужа... ну, потерпим. Будем думать о Карнавоне.

Кстати, мысль о том, что она оставляет дом Алаис в руках врага, женщину вовсе не грызла. Дом с землей не сравнивают, а она сюда вернется, но только хозяйкой а не марионеткой. Или не вернется. Не суть важно.

Главное — будет жива и здорова.

Найдет себе место в новом мире, устроится, может, даже замуж выйдет. Возьмет себе другое имя и будет жить, например, как Алиса Эссен.

Пора отряхнуть со своих ног прах Карнавона.

Род Ольрат.

Тьер Римейн нервничал и было отчего. Последний месяц был... странным. Без вести пропали трое тьеров, с которыми он был связан особыми интересами.

Они не выезжали из города, их не находили мертвыми, но и в городе их тоже не было.

Их вообще нигде не было.

Один мог загулять. Два — и загулять, и уехать. Но три? Это уже слишком много.

И тьер не мог понять, что произошло. Ведь как в воду канули!

Куда они делись? Что случилось? Из-за чего или кого?

Ответов на вопросы не было. Вечером тьеры еще были у себя, а утром — уже нет. Кто-то решил их убить?

Но за что? И как их вычислили? Они ведь были осторожны!

Тьер понятия не имел о методах поставки живого товара, а то узнал бы много нового. Ему не приходило в голову, что проститутки, нищие, ворье — весьма наблюдательны, для них это вопрос выживания. Что его собственный конюх следит за ним недреманным взглядом. Что простолюдин вообще может злоумышлять против благородного тьера.

Это против самой природы!

Тьер может быть убит на войне, в поединке, казнен по приказу короля, но вот так, подло? Из-за угла?

А это могло быть только в спину. Римейн знал пропавших тьеров, и был уверен, что лицом к лицу с ними было сложно справиться. Во всяком случае — незаметно. Поднялся бы шум, прибежала стража...

Да хоть кто-то хоть что-то бы видел!

Но — нет!

Как в воду канули. Массимо Ольрат мог бы сказать, что оные тьеры канули вовсе не в воду, а в дерьмо, и найдут их, когда выгребные ямы станут чистить, то есть очень не скоро, но лучше не говорить, а делать. Но это ему было ясно, что делать, а как поступить тьеру Римейну?

Мужчина размышлял недолго.

Что общего было у пропавших тьеров?

Правильно. Их маленькое общее увлечение. А значит, и расхлебывать последствия в одиночку тоже не годится. Надо назначать общее собрание, на этот раз деловое, без жертвоприношения, надо решать вопрос, надо искать... охотника прежде, чем он найдет их. Найдет — или уже нашел?

Плохо, что нельзя обратиться к властям, с силами стражи было бы легче искать и защищаться тоже легче, но что сказать градоправителю? Тут наших друзей убивают. Почему? Мы приносили жертвы Ириону и кому-то это не понравилось. Обнаглело всякое быдло! Не понимают, что их судьба — это судьба барана. Пастись, бляеть, стричься, а в нужный момент пойти на мясо под ножом того пастуха, который пожелает. А они себя кем возомнили?

Волками?

Пора этим волкам шкурки-то поснимать!

Главное, чтобы без лишнего шума, потому как Храм не одобрит. Обратная сторона — они не могут сказать, почему за ними охотятся, они не могут даже передать живых преследователей в руки правосудия, потому что одно слово — и для тьера все кончено, как и для десятка его друзей. Храм будет охотиться за ними, как за бешеными псами. Хотя... неужели арденцы думали, что только им все позволено в этом мире? Пора бы и потесниться.

Неужели Ирион не поможет своим верным слугам?

Поможет! И все будет хорошо, он-то знает!

Тьер Римейн еще немного подумал — и велел закладывать карету. Надо проехаться по

знакомым, в том числе и по особым знакомым. И назначить встречу.

Он не знал, что тем же вечером Массимо Ольрат отправится в гости к своему другу-кожевнику.

— Ну что, Шернат, мы своего добились?

— Неужели эти твари соберутся вместе?

Массимо хищно улыбнулся, но в ответ увидел такую же улыбку Шерната.

— Что делать будем? Нас двоих маловато на десять человек, даже больше...

— Моих детей не возьмешь. Это мне приходилось... с ножичком, на человека, а у них рука дрогнет, — согласился Шернат. — Ольрат, а у тебя никого нет на примете? Чтобы с арбалетом работать умел?

— Уж не потаил бы!

— а ты подумай, подумай. Сам понимаешь, если кто убежит, нам обоим потом жизни не будет.

— даже если и не убежит, все одно, мне тут не жить, — буркнул Массимо, с независимым видом разваливаясь на стуле.

Шернат вскинул бровь, безмолвно требуя ответа, и получил его через пару минут. Массимо выщедил воду, как вино, и посмотрел в глаза... другу?

Нет, друзьями им не стать, между ними пролегла кровь детей и их несбывшиеся мечты. Месть за смерти близких и горький привкус пепла на губах. Но они и не враги. Они соратники, союзники, стоящие плечом к плечу, а это очень много.

Особенно когда ничего другого не остается.

— Если погибнет больше десятка тьеров одновременно, начнется расследование. Градоправитель обязан будет найти виноватого.

— даже если станет известно, что они проводили жертвоприношения?

Шернат спрашивал больше для проформы. Странно, но он даже не задумывался о том, что будет после смерти врага. Наверное, потому, что у него была еще семья. Дети, внуки, потом для него жизнь продолжилась бы. Память о Романе перестала бы царапать душу, сын мог бы покоиться с миром, а Шернат — вернуться к своим делам.

А вот у Массимо не было никого и ничего, кроме Мариль. Со смертью племянницы в его жизни образовалась пустота, и заполнить ее было нечем. Жениться и наделать детей?

Массимо понимал, что слишком стар для этого. Ребенка мало сделать, его надо еще вырастить, воспитать, сделать так, чтобы он выжил даже без тебя... он уже не успеет. Лет пятнадцать у него еще есть. Больше ли, меньше ли...

Ардену известно.

А для себя Массимо понял, что его жизнь закончится, когда свершится месть. Вопрос стоял иначе.

Как жить дальше?

— Я оставлю признание, что это я убил их. Я — и нанятые мной наемники. Пусть поищут по тавернам.

— Я тебе...

— Не позволишь? А куда ты денешься? Тебе есть, что терять, а у меня никого не осталось. Я могу позволить себе исчезнуть из города, ты — нет.

— Исчезнуть?

— Я оставлю письмо и уеду. Если я останусь тут, градоправитель вынужден будет схватить меня и пытаться. Я знаю, что не выдержу пыток, и ляпну что-нибудь, — вздохнул

Массимо. — А у этих подонков тоже есть семьи.

Вот уж что Шерната никогда не волновало.

— Не сомневаюсь, воздух в их семьях чище будет.

— А ты уверен, что никто не захочет отомстить?

Эммм?

Вот об этом Шернат точно не подумал. Он-то имел право на месть, а что кто-то захочет расквитаться с ним? За что? За то, что он восстановил справедливость?!

Массимо наблюдал за выражениями, которые сменялись на лице Шерната, с ядовитой усмешкой.

— Я составил все купчие на дом, мастерскую... да на все. Ты все получишь, а я уеду из города. Навсегда.

— Куда?

— Это неважно. Ты будешь всем рассказывать, что я сломался, замкнулся в себе, пил, дурил... и уж точно не делился с тобой своими планами.

Шернат подумал — и кивнул. Не было никаких патетическо-истерических: 'Я не буду прятаться за твою спину! Я встану рядом с тобой! Это мое право на месть...'

У него семья. А Массимо... А чем Шернат мог ему помочь? Просто — чем?

Массимо небрежно взмахнул рукой, расплескивая воду. Вина он последнее время вообще не касался.

— Давай все обдумаем. Это важно. Ни одна мразь не должна уйти!

Шернат кивнул.

— Кажется, я знаю, кого попросить о помощи. Три выстрела у нас будут, добавим еще по арбалету — и сразу будет шесть выстрелов. А остальных добьем. Справимся...

Массимо кивнул и принялся рисовать на листе бумаги.

— Вот поляна. Вот тут, в двух десятках шагов — овраг. Тут деревья...

Эту мразь в выгребных ямах утопить не получится. Жаль, очень жаль.

Семейство Даверт

— Они — что!?

Эттан Даверт был в ярости. И любому, кто знал Преотца, было понятно, что добром это не кончится.

— да как эти твари только посмели?!

— Пресветлый, — пискнул секретарь... и тут же удрал за дверь. Массивная золотая чернильница оставила вмятину на деревянной панели и ухнула об пол, щедро окропив его чернилами. Чуть-чуть Эттан промахнулся.

Больше Преотца никто не беспокоил, и мужчина крушил кабинет, что есть сил и гнева, а гнева было много.

Не отдадут эти твари Покрывало королей!

Самим нужно!

Да для чего!? Плодовитость повышать!? Или ядовитость!?

Мрази, твари, сволочи!!!

Даверт даже не ругался, он просто молча крушил все вокруг, представляя себе вместо стульев и стола — лица рыцарей Ордена.

Наглые сукины дети!

Как они смеют противиться его воле?! Он — Преотец, в храме он закон для любого, но

не для этих, нет, не для них!

Что ж. Посмотрим...

Даверт успокоился так же быстро, как и огневался. Уселся на чудом уцелевший стол, поболтал ногой в воздухе.

Прощать такой демарш нельзя. Ни в коем случае. Иначе об него все будут ноги вытирать, кому не лень! Он Преотцом стать не успел, а его уже не слушаются!?

Нет уж.

Это дело не пойдет.

Сейчас не послушаются, потом прямо пошлют, а потом еще и прибьют где-нибудь?

Эттан спрыгнул со стола, пинком открыл дверь в приемную и воззрился на секретаря.

— Луиса ко мне! Живо!

— Да, пресветлый — пискнул секретарь, выбегая вон и нещадно путаясь в полах мантии. С характером Эттана он уже ознакомился и повторения не желал, одного раза хватило. Полежал часок без сознания, оправился, а второй раз так может и не повезти. Эттан не терпел неповиновения, споров, нерасторопности — и выказывал это самым недвусмысленным образом. Так что в интересах предстоящего было найти тьера Даверта как можно скорее.

Он и нашел его — на тренировочной площадке.

Луис, став капитаном гвардии Тавальена, ретиво взялся за свои новые обязанности. Командирские навыки у него всегда были, а ловко подвешенный язык и отличная подготовка стали хорошим подспорьем в установлении своего авторитета. Луис ломал под себя гвардию, вызывал на дуэли самых строптивых, подчинял себе тех, кто слабее, выгонял самых глупых и упертых...

Эттан хотел полностью доверять гвардейцам, а Луис должен был это обеспечить.

Вот и сейчас мужчина тренировался на плацу вместе с гвардейцами, сочтя это хорошей идеей. В данный момент он один рубился против троих, попевая отгонять всех и нанося противникам легкие царапины. Его пока задеть не успели, а вот он уже поставил каждому из гвардейцев по две-три царапины и намеревался продолжать и дальше в том же духе. И даже расстроился, когда его позвали к отцу.

То, что отец гневается, Луис понял сразу — и принял самый невинный вид.

Не помогло.

— Садись, — бросил Эттан, и Луис тоже присел на край стола. Больше некуда было.

— Вы звали, отец?

— Мне надо что-то сделать с орденом змееборцев.

Луис только поднял брови, никак больше не выказав свое удивление.

Орден змееборцев?

Один из самых древних и сильных в составе Храма?

Ну-ну...

— а что с ними можно сделать? Я вот себе не представляю...

— Вот и плохо. — сварливо отмахнулся Эттан. — Ты слишком прямолинеен, хотя для военного это не самое худшее качество. Думать за тебя будут другие, твое дело водить полки...

Луис мог бы сказать, что там, где полки водит один, а думает другой, поражение неминуемо, но кто бы стал его слушать? Уж точно не Эттан, всю жизнь считавшийся только со своим мнением.

— Сейчас я буду излагать свой план, а ты слушать и искать в нем недостатки. Потом будем думать, как придать ему надежности. Змееборцы слишком сильны, в лоб их не одолеть, — снизошел Эттан.

— Может, поговорить дома? — предложил Луис. — Известно же, что здесь и стены имеют уши?

Эттан подумал еще пару минут и кивнул.

— Правильно. Пусть уберут здесь, а я — домой. Ты можешь приехать вечером, тогда и поговорим.

— Да, отец.

— Преотец.

— Да, светлейший, — поправился Луис.

Хотя все всё и так знают, но на людях надо строго выполнять все требования этикета.

Глава 7. Договор, скрепленный кровью

Семейство Даверт.

Тьер Эльнор давно не был в Карсте, но и город, и герцогство сильно изменились. Стали красивее, богаче, обзавелись новыми дорогами, тавернами и даже театрами, в которых давали представления как бродячие, так и городские труппы. Мужчина остановился на постоялом дворе, приказал подать горячей воды, мыла, чтобы привести себя в порядок, выгладить и вычистить одежду, а сам отправил записку герцогине Карст.

И принялся за туалет. Если он угадал верно, много времени ему не дадут.

И верно, не дали.

Экипаж за ним прислали, когда он заканчивал сбривать отросшую за время путешествия бороду. Пришлось поторопиться — заставлять ждать герцога, а тем более — герцогиню, дурной тон, так что тьер Эльнор обзавелся небольшой царапиной на щеке и возле уха. Ну да ладно...

Герцогиня Карст не похорошела с прошлой их встречи. Высокая худая брюнетка, больше всего похожая на взгальную лошадь, она улыбнулась, показывая длинноватые зубы, и протянула тьеру в приветствии руку.

— Предстоящий... или уже стоит говорить — Преотец?

— Я не преотец, тьерина Велена, — улыбнулся Эльнор (и кто бы знал, чего ему это стоило). — Но у меня для вас весть от него.

Тьерина повела длинной мосластой рукой.

— Дела, дела... у мужчин всегда дела. Но я надеюсь, вы окажете мне честь, предстоящий, разделив со мной эту скромную трапезу?

Накрыто было минимум — на четверых, но тьер Эльнор не возражал. Он с радостью согласился и принялся уплетать угощение, развлекая тьерину вежливой беседой. О погоде, о природе, о Тавальене, об избрании Преотца...

Не стоит сразу начинать с главного. Герцогиня Карст — его духовная дочь, поэтому она будет более внимательна к его словам, чем герцог. А согласится она — убедит и супруга. Да и убеждать-то не придется, сам с радостью согласится!

Герцог был на охоте и вернуться должен был не раньше, чем через день, что играло тьеру Эльнору на руку. Женщины любопытны, герцогиня не выдержит и начнет его расспрашивать.

Так оно и вышло. Между вином и десертом, фруктами, запеченными в сложном соусе и пирожными с разноцветными ягодами, герцогиня все-таки поинтересовалась:

— Так что же нужно от нас Преоотцу?

— Помощь, — просто сказал Эльнор. — В случае нападения на Тавальен, вы обязуетесь прийти к нему на помощь.

— Нападения?! На Тавальен?

Тьерина была искренне изумлена.

— Поверьте, милая герцогиня, не все довольны избранием Эттана. И возможно... разное. Я прислан к вам с тайной миссией.

— И в чем же она будет заключаться? Кроме помощи? К тому же, этот вопрос лучше обсудить с моим мужем, — усмехнулась тьерина.

— О, нет. Этот вопрос лучше обсудить с вами, тьерина. Вы же не нашли пока жену для

сына?

Тьерина помрачнела. Вопрос царапнул по самому больному.

Сын...

Боль герцогов Карст.

С первого взгляда Мирт был идеальным юношей. Высокий, стройный, темноволосый и голубоглазый, в атлетической фигурой и очаровательной улыбкой.

С первого взгляда.

А потом следовал второй, третий... и оказывалось, что улыбка не сходит с губ юноши. Вообще. И что кроме улыбки от него ничего не дождешься.

Мирт не был слабоумным в полном смысле этого слова. Он не путал ложку и вилку, он не убивал людей, не причинял боль, не...

Он просто жил в своем мире — и даже родителям туда допуска не было. Он улыбался и рисовал. А больше ему и не надо было.

Герцогиня пыталась подложить ему девушек, но получалось плохо. Некоторых он таки лишил девственности, некоторых нарисовал, но ни одной не заинтересовался. Ни одной.

Шестнадцать лет, пора женить, но кто за него пойдет?

— Известно ли вам, что у преотца есть дочь? Лусия?

Герцогиня Карст привычно поджала губы.

— Ублюдок от Тессани?

— Ну, хотя бы половина крови в ней благородна.

— Но — ублюдок!

— Зато Преотец готов выдать дочь замуж за Мирта.

А вот это охладило презрительность герцогини. Мгновенно, словно она на риф налетела.

— Замуж? За Мирта?

Разум женщины заработал, подсчитывая все 'за' и 'против'.

Незаконнорожденная дочь Преотца — это мезальянс, но дочь все же Преотца. Это плюс.

Родство с семейством потомственных отравителей Тессани — минус, но приданное за ней дадут. Несомненно.

Плюсы — молодость, здоровье, а может, и кое-какие фамильные секреты Тессани. Это когда они отравители — они плохие, а когда в твоей семье, так сразу понимаешь, что эти люди могут быть полезны. Вдруг эта девица заинтересует Мирта?

Все может быть...*

*** диагноз Мирта Карстского — аутизм средней формы тяжести. Прим. авт.**

— Это серьезное предложение...

— Очень серьезное, тьерина. Поэтому я просил бы вас подумать как следует, вас — и вашего супруга...

Конечно, подумает.

— у вас есть письмо от Преотца?

— Преотец не может выдавать замуж чужую незаконнорожденную дочь, — вежливо улыбнулся тьер Эльнор. — Он может просто проявить милосердие к бедной девочке... дать ей приданное, вы же понимаете, что она не нищенка.

— И велико ли приданное?

— Тьерина, главное тут — доброе отношение Преотца, — в жадности Даверта тьер

Эльнор и на миг не сомневался. — Поэтому вы напишете ему письмо с брачным предложением для Лусии Тессани, а я его доставлю и поспособствую устройству брака?

— Я подумаю, — согласилась герцогиня, принимаясь томно обмахивать себя веером. — Мы с мужем подумаем.

— Дочь у Преотца... то есть всего одна девушка, в судьбе которой он принимает участие. Вы же понимаете....

— Понимаю. Но вдруг она не понравится Мирту?

Тьер Эльнор промолчал, чтобы не съязвить. Не понравится Мирту!

Да еще как не понравится, это же не банка с краской! Но и выбора у вас, господи тьеры нет. А разоблачения он не боялся.

Он и так потерял дочь, надежду на счастье вместе с ней, надежду на внуков...

Что с этой потерей стоит подделывать несчастный свиток с печатью Преотца?

Ерунда.

И никто его не разоблачит. Даверт будет слишком доволен, чтобы интересоваться автором сюрприза. Все же Карсты, одна из древнейших аристократических семей. К тому же он самоуверен, и полагает, что стал не только Преотцом, но и большой шишкой на ровном месте.

Зря, очень зря.

Надо его разочаровать.

Через сутки вернулся с охоты герцог Карст.

Еще через три дня тьер Эльнор узнал, что добился своего и вызвался отвезти послание Преотцу. Герцог искренне удивился, предложению предстоящего. Для таких вещей существуют гонцы, им за то и платят, но тьер Эльнор умел быть убедительным.

Конечно, гонцы — это хорошо.

Но получив письмо, тьер Даверт пожелает узнать все что возможно о женихе. И кто может лучше рассказать о нем, чем тьер Эльнор? Он давно знает герцога и герцогиню, они знают его, понимают, что лучше о Мирте никто не расскажет, ведь юные девушки такие капризные... а подтекстом читалось — вам ли возмущаться, сын-то не совсем в своем уме? А я ради вас подам Преотцу сведения в нужном ракурсе. Опять же, вы рты сплетникам закроете, если состоится помолвка и брак! Дочь Преотца — не купчиха какая, слухи не пойдут...

Герцог понял это быстрее супруги, и согласился. И даже пожелал тьеру Эльнору удачи, сообщив, что в случае заключения брака благодарность его не будет иметь пределов.

Предстоящий понял намек правильно, и заверил, что благосклонность тьера герцога — самое великое счастье в его жизни. Да и герцогини тоже.

Он получил определенную сумму на представительские расходы, портрет Мирта Карстского, кое-как отговорился от кареты и свиты, и через два дня выехал по направлению к Тавальену.

Естественно, сам он в Храме не покажется, послание передаст его доверенный человек. А тьер по дороге заедет в одно милое местечко, вскрыет письмо, прочтает его и опять запечатает. Надо же быть в курсе такой душевной переписки?

Начнем с дочери — просто во имя высшей справедливости. Око за око, дочь за дочь. А потом и до сыновей доберемся. Кажется, младший у Эттана падок на женскую красоту? Вот

и чудненько, вот и ладненько. Надо ему добавить пороков.

Итак — в Тавальен!

Письмо не разочаровало предстоящего. Герцог писал, что не против рассмотреть кандидатуру Лусии Даверт, как супругу для своего любимого сына. Все это в очень изысканных выражениях, но подтекстом шло: 'если вы согласны, то можем и в ближайшее время'.

И — ни словом не упоминалось про визит тьера Эльнора! Просто — до Карста дошли известия о вашей победе. У вас дочь, у нас сын, можем заключить помолвку, а лучше сразу брак, ваша дочь ведь в детородном возрасте?

Эльнору оставалось только довольно улыбнуться.

Вот сейчас он доставит письмо в Тавальен, доверенный человек отдаст его Эттану, а как подтолкнуть преотца к согласию на брак...

Это Эльнор тоже придумал.

Ты зря связался со мной, Эттан Даверт. И вдвойне зря поднял руку на мою дочь.

Клянусь, я уничтожу все, что тебе дорого. Ты кровавыми слезами заплачешь, сволочь!

Род Карнавон

Алаис прокляла все на свете. А кто-нибудь знает, каково это — ехать в карете?

До изобретения рессор!

ДО!!! ИЗОБРЕТЕНИЯ!!! РЕССОР!!!

Изобрести их, конечно, можно. Только вот...

Не кочегары мы, не плотники. Юристы мы — и весь ответ... Видели вы юриста, который разбирается в устройстве рессор?

Вот Тане такие в администрации не попадались. Сама она тоже не могла похвастаться высокой инженерной смекалкой, оставалось терпеть и скрипеть зубами. Выходило вдохновенно, но толку-то с того? Разве что эмаль сотрешь.

Сама карета узкая, неудобная и напоминает гроб на колесах. Тащится она примерно с той же скоростью. Дышать внутри просто нечем, воздух почти не проникает через плотные занавески, но к жаре и пыли это не относится. А в комплексе с плотным платьем, через пару минут ты вся потная и грязная.

Кроме того, в карете тесно и трясет.

К Алаис хотели подселить еще и служанку, но вконец озверевшая герцогиня посмотрела так, что даже супруг понял. И отослал девчонку к кучеру, на козлы, что Алаис нисколько не утешило. Она бы тоже дорого дала, чтобы выбраться из этого гроба на колесиках, а нельзя!

Этикет-с!

Благородная дама не может быть загорелой. Это бы Алаис не грозило за отсутствием пигментации, но шкурка могла начать облезать лохмотьями, а герцогиня с облезшим носом — дурной тон. Алаис бы это не смутило, благородство у нее не на носу написано, но Таламир, как и все нувориши, рвался соблюдать обычаи добуквенно. Есть там смысл, нету смысла...

Алаис помнила, что ее мать обожала ездить верхом, и отец не протестовал, но ей лично Таламир не позволил.

Герцогине невместно — и все ответы.

Сволочь!

Облегчить ее путешествие он старался, как мог, надо отдать супругу должное. Ценное имущество беречь надо, особенно если оно еще размножиться обязано, так что у Алаис были свежие продукты, ради нее останавливали карету по первому требованию — мало ли, прогуляться, ноги размять и прочее, сам Таламир не гневался из-за медлительности темпа и даже позволил Алаис взять с собой кучу книг. Женщина оценила по достоинству, но благодарной быть пока не могла. Болело все.

К тому же, о том, что не беременна, она узнала тоже в карете. И заодно о том, что у Алаис эти моменты в жизни проходят безболезненно, но с сильнейшей тошнотой и рвотой. Что шикарно сочетается с путешествием в карете.

Брррррр!

Алаис настолько убедительно выворачивало в придорожных кустах, что сердце дрогнуло даже у Таламира. Еще бы, когда тебя рвет желчью, потом сухими страшноватыми спазмами, а остановиться ты не можешь... мужчина откровенно испугался, что ценное имущество помрет прямо тут, в кустиках, и объявил привал. На сутки, пока супруга не придет в себя.

Пришла, порадовалась — и тут же разревелась в тридцать три ручья. Она-то надеялась на ребенка, а он... ЪЬЬЬЬЬЬЬ! И никак иначе!

Страдания были очень убедительными.

Таламир растрогался и пообещал постараться чуть позднее. Получил благодарный взгляд и слабую улыбку страдания от жены — и довольно приосанился. Вот он какой!

Мужик!

А что с первого месяца не получилось, так дело житейское! Ребенок не пчела, на мед не подманишь!

Алаис ехала в столицу.

Таламир, хоть и скрипел зубами так, что эмаль сыпалась, но от королевского приглашения не отказываются. Пришлось ему собираться, грузить супругу в карету и отправляться в столицу. С облегчением вздохнул весь Карнавон.

Крестьяне — ушла хотя бы часть войска, а оставшуюся всяко было легче содержать.

Рыбаки — по той же причине.

Замковая прислуга.

Управляющий — тот вообще готов был лично все упаковать, лишь бы хозяева быстрее уехали. Таламир смотрел зверем, а Алаис, чувствуя, что домой вернется не скоро (домой!?), да и вернется ли, засыпала мужчину кучей наставлений и указаний. И попробуй, не выполни, когда моньер Таламир готов подтвердить каждое. Кнутом поперек хребта!

Спустя неделю после получения письма, кавалькада из нескольких карет и большого количества солдат отправлялась в путь. Алаис глядела из окна на Карнавон, и думала, что не хочет расставаться с этим замком. Нет, никак не хочет.

Все же она вернется сюда, рано или поздно. Вернется победительницей, и никакой Таламир ей в этом не помешает!

Королева?

Так и она не вечна! Все мы смертны, а власть имущие — особенно!

Алаис не задумывалась, как она это сделает, просто частичка ее души была намертво прикована к Карнавону.

Дом.

Первый и единственный дом Алаис в этом странном и жестоком мире.

Единственным положительным моментом в путешествии Алаис стала остановка в таверне. И бродячий менестрель.

Пел он откровенно плохо, баллады были такие, что Алаис мгновенно успокоилась за свой репертуар — лучше плохая рифма, чем вообще никакой. Белый стих — наше все.

А уж подогнать строчки под размер, там вставить слово, тут выдернуть — это Алаис могла. Работа у юриста такая — со словами. Песни раньше переделывать тоже приходилось, кстати. Когда поздравляли кого-нибудь, и переделывали очередной хит эстрады, например 'Шоколадного зайца' или 'О боже, какой мужчина, мы хотим от тебя сына, а потом потребуем дочку. Чтоб каждой — и в точку'.

Мало смысла?

А то в эстрадных песнях его больше!

И вообще... Были вещи, которые Алаис знала, и декламировать их под музыку было откровенно выигрышно.

Александр Сергеевич Пушкин и его сказки в стихах — считаешь племянникам, так поневоле запомнишь, Ершов, Филатов для более взрослой аудитории — да много чего можно нарыть в памяти современного россиянина.

Главным было другое.

Алаис увидела — и поплыла практически на небеса.

Гитара.

Правда, с другой формой корпуса, с восемью ладами и пятью струнами, но — гитара!

Родная!

Настоящая!

Пусть менестрель владел ей не слишком хорошо, пусть услышав его пение, удавились бы даже поп-мальчики, но главное — было!

Гитара!

Порывшись в памяти Алаис, Таня узнала, что инструмент называется гаролой, и они бывают разные. Правда, для аристократок это считается зазорным, но... не все ли равно?

Алаис смотрела на инструмент таким влюбленным взглядом, что даже Таламир занервничал и крепко сжал руку супруги.

— Алаис...

Второй влюбленный взгляд достался супругу.

— Монтьер, — таким голосом говорила когда-то Таня, выпрашивая себе норковую шубку. — Я хочу ее!

— Кого? — искренне опешил мужчина.

— Гаролу...

Ответом ей был совершенно растерянный карий взгляд.

— Э...

— Я знаю, что это неприлично. Но я обещаю никому ее не показывать. Монтьер, отец всегда был против, а мне так хотелось научиться...

И глазки кота из Шрека.

Красные — некавайно смотрятся? Неважно! Главное, чтобы подействовало. Таламир подумал минут пять, потом вздохнул и повелся.

— Хорошо, дорогая супруга. Будет вам гарола. В столице.

Алаис захлопала в ладоши и изобразила восторг.

— Монтьер! О, монтьер!

Гитару, то есть, гаролу, пришлось отрабатывать этой же ночью, но Алаис была настолько счастлива, что не обращала внимания ни на вонь в комнате, ни на запах от супруга.

Она стала на шаг ближе к своей мечте.

Есть одежда, есть инструмент для работы, осталось разработать план побега. Куда, когда... с кем?

Да, и с кем хорошо бы тоже. Одинокой женщине в этом мире тяжело... а замужней еще тяжелее. Эх, куда ни кинь — всюду клин.

Ничего!

Вышибем!

Род Ольрат.

Рецепт удачного покушения.

Пять хороших стрелков, десять арбалетов, неограниченное число болтов и удачно выбранные места для засады. Эх, напрасно тьер Римейн пустил в свой дом Массимо, напрасно недооценил своего конюха. Но кто ж из благородных людей обращает внимание на эту шушеру?

Подумаешь там, чистит он коней — и ладно, овес не ворует — еще лучше, на конюшне порядок — человек на своем месте! Что еще надо? Понятно же, что все это быдло специально рождено, чтобы обслуживать таких, как тьер Римейн! А что у конюха может быть какая-то ненависть... да кто он вообще такой!?

Чтобы хвост поднимать на благородных тьеров!? Благодарен должен быть, что до него вообще снизошли, слово сказать соизволили. А уж какая-то там девица...

Тьер Римейн и думать про нее забыл. А вот Массимо — не забыл. И следил за своим 'хозяином', и места для стрелков выбирал тщательно, и продумывал каждое движение, и даже кто в кого бьет постарался распределить.

Шернат поддерживал несостоявшегося родственника, как мог. Но выходило все одно — уезжать Массимо из города. Остальные трое — наемники, перекаати-поле, сегодня здесь, завтра там, их не найдут а вот Массимо...

Должен быть кто-то главный, должен.

А потому арбалеты покупал Массимо, болты заказывал тоже он, с наемниками договаривался — он, комнаты в трактире наемникам тоже он оплачивал... Сначала они с Шернатом хотели мстить мечь вдвоем, но потом подсчитали количество выстрелов, количество мишеней и поняли, что не справятся. Вдруг кто-то да удерет?

Этого допускать было никак нельзя, лучше уж нанять наемников для грязного дела.

Шернат давал деньги, и готовился сам. Никто кожевника не видел, но огонь мести в его груди горел не слабее. Просто когда тебе есть, кем рисковать, ты невольно станешь осторожнее.

Мужчины ждали момента, и — вот оно!

Массимо понял, что следующей ночью тьер Римейн отправится на собрание. Это тьер не обращал внимания на конюха. А сам конюх очень внимательно следил за господином. И молился.

С утра он отпра­сился на час — и отпра­вился в храм Ардена.

Постоял немного перед статуями.

Арден смотрел по-мужски одоб­рительно, Мелиона явно грустила о несо­вер­шен­стве мира. Это понят­но, не женское дело — месть, а вот Арден точно поймет. Двое серьезных муж­чин всегда до­гово­ря­ются.

— Твоя душа неспо­койна, дитя Ардена, — жрец Ардена, судя по белым, с голу­бой оторочкой одеж­дам, возно­сящий, смотрел на Массимо ровно и спо­койно.

Видит Арден, не подо­йди к нему возно­сящий, сам Массимо вышел бы из храма просто так. Но раз уж он подо­шел...

— Возно­сящий...

— Ирет.

— Возно­сящий Ирет, у меня дей­ствитель­но неспо­койно на душе.

— Могу я об­лег­чить твою участь раз­гово­ром или мо­лит­вой, дитя Ардена?

— Мое имя Массимо, возно­сящий.

Жрец стоял и молча глядел на Массимо. Доброжелательно и спо­койно. Ка­залось, в его глазах кроется целый океан, который не взвол­нуешь мирскими дряз­гами. Да, на по­верхности могут бушевать бури и тонуть корабли, но в глубинах его очей, как и в морских пучинах, царил покой. Этот возно­сящий искренне верил в Ардена и в дело, которому служит, и потому его душевное спо­койствие было незыблемо.

И Массимо решил­ся.

Его не уговаривали, не убеждали, он просто хотел... об­лег­чить душу? Вот уж грузом на нее эти убийства не лягут.

А что тогда?

Массимо и сам не знал.

— Уделите мне время, возно­сящий Ирет. Может быть, мне станет чуть легче?

Если бы возно­сящий препоручил Массимо служителю, он был бы в своем праве. Массимо на­плел бы чепухи и ушел, но возно­сящий просто молча кивнул и поманил мужчину за собой вглубь. В маленьком кабинете на двоих стоял небольшой чайничек с насто­ем, две чашки, лежали маленькие храмовые печеньеца в форме ракушек, на скамейках была брошена пара подушек, чтобы было не так жестко сидеть — все было сделано для удобства того, кто жа­елает по­де­литься на­бо­левшим.*

*** в мире Рамтерейи нет исповедален, как таковых. Считается, что душу можно открыть, только глядя в глаза Ардена или посредника между тобой и Арденом — жреца. Любого. И лучше это делать в удобной обстановке. Ведь дети не должны стоять на коленях перед своим отцом, родителям не под душе рабская покорность. Прим. авт.**

Возно­сящий опу­стился на одну скамью, Массимо на вторую... и бухнул, как в прорубь.

— Я собираюсь убить несколько человек, возно­сящий. И уже убил.

Массимо не ошибся в жреце, тот не повел и бровью. Разлил по чашкам травяной настой, повел рукой в сторону вазочки с медом, предлагая добавить по вкусу, и только после первого глотка поинтересовался:

— Надеюсь, они это заслужили?

— Возно­сящий, вы же знаете, что в нашем городе есть те, кто поклоняется Ириону.

— Знаю, Массимо. И мне горько, что мы не можем их найти.

— Вы — не можете.

— А ты нашел? — взгляд жреца стал острым.

— А они убили мою племянницу.

— Вот как... А ты взял кровь за кровь?

— Да, возносящий.

— И не раскаиваешься.

— Нет.

— И...

— И собираюсь довести свое дело до конца.

— Благословения ты не просишь, это понятно. В оправдании не нуждаешься. А я все же попеняю тебе, Массимо, — возносящий даже покачал головой. — Ты неправ в самом главном.

— Вот как? — Массимо не удивился. Конечно, надо прощать, но все же... Он надеялся, что этот возносящий — более порядочен, чем другие. Или не станет говорить казенными избитыми храмовыми фразами? Массимо не знал, но чувствовал горькое разочарование.

— Ты думаешь, что я начну укорять тебя за пролитую кровь? Нет, Массимо, ты неправ в другом, — возносящий словно мысли читал. — Скажи, если бы эти звери, а те, кто творят такое с невинными девушками, хуже зверей, они просто хищные кальмары, коих надо нещадно уничтожать, чтобы не извели они жизнь в великом океане, не тронули твою племянницу, ты бы ополчился на них?

Массимо подумал.

— Не знаю. Пока прилив не нахлынет, человек штаны не подвернет.*

* **аналог поговорки 'пока гром не грянет...'**, прим. авт.

— В этом ты и неправ. То, что ты сейчас желаешь остановить эту нечисть — дело богоугодное и правильное. Я бы предложил тебе помощь, но вижу, что ты ее не примешь. Может быть, деньги?

Массимо подумал.

— Будь мне лет на двадцать поменьше — обязательно отказался бы.

Возносящий хмыкнул и отстегнул от пояса кошелек.

— Здесь шесть золотых россыпью. Серебро, медь...

— Вы мне настолько доверяете, возносящий?

— В моем возрасте начинаешь доверять тем, кто не лжет, — жрец усмехнулся, и Массимо понял, что ему повезло.

— Жаль, что таких, как вы — мало.

— Вы знаете, что иногда у нас останавливаются змееборцы? Может быть, они...

— Орденцы? Знаю. Но это мое дело и моя месть.

— Не только **ваше**, но раз уж **вы** взвалили его на свои плечи, то и нести его вам, — остро поглядел жрец. — И за это будет награда от Ардена. А вина твоя, Массимо в том, что нечисть надо останавливать вовремя.

— Храм с ними ничего поделывать не смог?

— Знаю. Сейчас ты вершишь не месть, а правосудие, но если ты еще раз увидишь зло — постарайся остановить его. До того, как оно коснется тебя и твоих родных. Все мы думаем, что зло — оно там, далеко, что тебя это не затронет, что твоя любовь обережет от беды твоих близких. А оно — уже в тебе. Оно в этих мыслях. Трусливых, подлых, змеиных! А если бы оборвал ты змею хвост, пресек зло там, где его нашел — и не ужалило бы оно твоих родных.

Массимо вздохнул.

— А храм...

— Не пеняй на храм, раз не делаешь сам, — парировал возносящий. — Пойми, я тебя не обвиняю. Но и ты себя винишь не в том.

Массимо подумал.

Что-то такое было в словах возносящего. Вот он сделает дело, потом уедет из города, остановится на отдых где-нибудь у ручья, будет лежать, потягивать вино — последнюю бутылку в жизни, чтобы не спиться, Маришке это не понравилось бы, и будет размышлять над этими словами.

Глядеть в звездное небо и думать.

Но это потом, потом...

О чем Массимо и сказал, получив понимающий взгляд в ответ.

— Обещай подумать над моими словами, Массимо.

— Обещаю. Даже клянусь. Если жив останусь.

А пока.

— Благословите меня, возносящий?

— Иди, дитя моря, и воздавай негодьям по делам их. И помни, пожалев сейчас одного змея, через год ты получишь десять зменьшей, а через десять лет — змеиное кубло. Так раздави же гадину сейчас, чтобы потом не страдали невинные и невиновные. И не майся угрызениями совести. Не останови ты их — и злодейства продолжатся дальше. А если остановишь — это послужит предупреждением для подобных им. Кто-то струсит, кто-то дрогнет — и откажутся негодяи от своих намерений, если будут знать, что их может настигнуть кара. Потому что безнаказанность превращает человека в зверя.

С этой точки зрения Массимо на свою месть не смотрел.

— А еще снимаешь ты груз с тех, кто и рад бы восстановить справедливость, но по слабости своей сделать ничего не может, а душу травит черными помыслами. Есть ведь и такие... Так что благословляю тебя на богоугодное дело. Арден да пребудет с тобой, дитя моря.

— Арнэ.

Той же ночью Массимо оседлал коня для тьера Римейна, проводил его, захлопнул ворота и даже вернулся в конюшню.

Чтобы вылезти через окошко в ее задней стене.

Лошади молчали, не гавкали и прикормленные псы. Массимо опрометью метнулся в переулок, где держал в конюшне у надежного человека своего мерина. Сейчас — уже оседланного, чего время терять?

К воротам — и из города. И по утопанной дороге туда, где удобнее свернуть в лес. Это тьер Римейн здесь одну тропинку знает, а Массимо за это время елку от елки наощупь выучил! Ночью окажется — отличит!

Массимо никто не ждал, но в условленном месте уже были привязаны кони, и приглядывал за ними старший сын Шерната.

— Все здесь?

— Да, дядь Масс.

Привычное сокращение резануло по сердцу, но Массимо не позволил себе расслабляться. Мало ли кто как его назовет, что ж теперь? И в лес не ходить?

Массимо забросил поданный арбалет за спину — и ринулся по тропинке в лес. Мешок с запасом болтов приятно уравнивал второе плечо, деревья словно расступались перед Массимо, тропинка сама стелилась под ноги.

Вот и овраг.

Вот и присмотренное им место, даже трава немного вылежана, лично приминал, приглядывался, откуда стрелять удобнее будет.

Массимо бросил на траву плащ — не дай Арден какая тварь по пузу проползет! С пузом-то ладно, а если выстрел сорвется? Болтов хоть и много, да все ж враги удрать могут! Если ломанутся в лес все разом, если стрелки растеряются....

Этого он никак допустить не может!

А на поляне уже собирался народ.

Кто-то уже приехал, кого-то ждали, бродили по поляне, обменивались ленивыми репликами...

Ждал и Массимо.

Луна была полной и ясной, серебристый свет заливал лес, светилась паутина между деревьями, светилась бархатистая изнанка листьев, черные, словно из бархата вырезанные тени разбивали волшебную картину пятнами вековой мглы, и посреди этого храма природы — эта мерзость!

Массимо ощущал это как никогда остро. Это как на полу в храме нагадить...

Прийти сюда ради того, чтобы творить свои непотребства!

Нечисть! Ну ладно, будет вам скоро... радость! До самого сердца дойдет, кровавыми соплями заплачете!

Массимо пересчитывал подонков.

Один, три, девять... вот и Римейн, этого он везде узнает. Насмотрелся...

А вот и главный.

Массимо вглядывался до боли в глазах, но вроде бы теперь были все. В черных балахонах. С надвинутыми капюшонами... еще раз пересчитать их?

Есть!

А теперь...

На поляной разнеслось громкое уханье совы — и со всех сторон по поляне ударили арбалеты.

Пять человек — пять выстрелов. Один залп. Второй. Третий.

Арбалетчики уверенно выбивают тех, кто ближе к ним. Бьют в корпус, резонно полагая, что на это мероприятие никто кольчугу не надел, а с дырой в печени или легком уже не побегаешь. Добить и потом можно, Массимо собирался это сам сделать.

Должок за ним, весомый такой...

По поляне мечутся тени. По поляне мечутся люди. Ночь оглашается хрипами, криками и стонами.

Массимо же выстрелил в главного. Как раз в корпус.

И...

Ирион!

Все-таки эта тварь оказалась предусмотрительнее других! Надел кольчугу под балахон!

От удара болта предводитель пошатнулся, едва не упал, но выпрямился — и громадными скачками понесся в чащу. По великой удаче — в том направлении, где залег Массимо.

Мужчина плюнул, и решив, что остальных и без него перестреляют, помчался за главным. Что толку отрезать змее хвост?

Голова уползет, а остальное отрастет!*

А мы вот сейчас и голову придавим!

*** было суеверие, что змея растет от головы. Оторвешь хвост — она его вновь отрастит, прим. авт.**

Ирионовец несся по лесу, не оглядываясь, только ветки под ногами хрустели. Массимо мчался за ним, больше всего боясь упустить подонка! Он ведь не все лица видел, и не всех знал. Только часть, насчет остальных были сомнения.

Не убивать же потом всех знакомых Римейна только из-за подозрений?

Хруст впереди стих.

Массимо выругался шепотом — и тоже сбавил скорость, внимательно оглядываясь вокруг. И это спасло ему жизнь.

Видимо, удирающий понял, что погоня за ним — один человек, и решил разобраться самым радикальным способом. Убить преследователя, отсечь погоню — и скрыться.

Удар мог бы и достичь своей цели, не жди Массимо его каждую секунду. Но коса нашла на камень, или нож — на выставленный перед собой арбалет. Спустился клинок по дуге, только звякнуло. А занести его второй раз Массимо и не дал, отвешивая противнику увесистый пинок в колено — теперь точно не убежит, теперь только драться. В клене так хрустнуло, что с елок шишки посыпались.

Ирионовец заорал что-то невнятное — и бросился на Массимо.

На этот раз атака удалась, но только потому, что Массимо сам жаждал схватки.

Добраться до этой твари, горло зубами перегрызть, а до того еще и помучить! Как эти звери его племяшку мучили! До-олго!

Массимо мстил, его противник спасал свою жизнь, страх и ярость подхлестывали мужчин, делая их примерно равными по силе.

Свой кинжал Массимо достать не успел, поэтому боролись за тот, который был в руке у ирионопоклонника. Мужчины катались по поляне, но верх одержать не мог ни один из них. Опыт — или молодость? Массимо уже понял, что совершил ошибку, ввязавшись в ближний бой. Этот скот был и помоложе, и поздоровее, а у Массимо и сердце уже не то, и здоровье пошаливает... впрочем, это мужчину не останавливало.

Не убью, так покалечу, — решил он, впиваясь зубами противнику в неосторожно подставленное ухо — и разрывая хрящ, словно собака.

На лице текла кровь противника — или своя? Заливала глаза, соленым вкусом морской воды ощущалась на языке.

Враг сопротивлялся, награждая Массимо полновесными ударами в корпус — Массимо не мог ответить тем же, чувствуя под балахоном звенья кольчуги, но...

Хватка врага внезапно ослабла.

А потом тело и вовсе упало на Массимо, придавливая его к земле.

— Жив? Цел?

Шернат был в своем репертуаре. Спокоен, невозмутим и доволен. Словно он только что не десяток человек убил, а партию кож выгодно пристроил.

— Жив, — рыкнул Массимо, вылезая из-под трупа, — ты его — убил?

— Вот еще! Так легко эта тварь не отделается, — отозвался Шернат. — Сейчас свяжем, да и поговорим по душам.

Массимо потер руки.

— На поляну не потащим, оставим здесь?

— Поближе поднесем, чтобы найти легче было, — не согласился Шернат. — Давай его обьщем.

Обыскали они мужчину на совесть, лишив его всего, кроме нижнего белья и крепко примотав к дереву в три слоя. Кляпом тоже обеспечили, теперь пусть Арден решает.

Доберутся до него волки — такова воля божия, повезло мерзавцу.

Не доберутся?

Пусть молится, чтобы добрались. Массимо в себе волчьего милосердия вовсе не чувствовал, скорее, наоборот.

Ничего, подождут. Сейчас они с наемниками расплатятся....

Наемники приняли деньги и согласились, что в город возвращаться им вовсе даже незачем. Встретить утро в дороге намного приятнее, и чем дальше дорога уведет их от этого места, тем им же будет лучше.

А что тут было?

Да ничего не было, лично они ничего не знают, не помнят, и интересоваться не собираются. Что бы там ни было.

Такой подход Ольрата с Шернатом более чем устроил, они расплатились с наемниками, проводили их, а потом вернулись и пошли по поляне, пересчитывая трупы.

Мужчины не боялись, что кто-то уполз — нет. Этого не было. Шернат привык делать свою работу добросовестно, поэтому у каждого из ирионовцев было перехвачено горло. Жестко и эффективно, от уха до уха. Так уж точно сомнений не останется. Это не сказка, и никаких: 'враги приняли меня за мертвого, а я отлежался и в темноте уполз в кусты' здесь не бывает. Тем более с такими тварями.

— Смотри, твой...

Массимо взглянул.

Смерть сделала тьера Римейна намного приятнее. Вместо выражения высокомерия и надменности на его лице были боль вперемешку с удивлением. Словно мужчина не понимал — как это так? Он такой хороший, а его арбалетом и кинжалом? Да за что?! И главное — КТО!?

Быдло какое-то!

Уму непостижимо! Холопы подняли руку на тьеров, это ж ужас! Так и до революций дело дойдет, оглянуться не успеешь!

Да и Ирион с ним!

Что б эта тварь попала к своему господину и повелителю после смерти! В то самое место, которое на людях называть не принято!

Вот!

— Вроде как все, — подвел итог Шернат, пнув первый попавшийся труп. — Теперь что?

— Допрашиваем их главного, потом... а потом оставим его на площади. Как они людей...

— Ты это с ним проделаешь?

Массимо ощерился. В свете луны это смотрелось откровенно жутковато.

— А хоть бы и я! Думаешь, рука дрогнет?

У Шерната дрогнула бы, но он никогда наемником и не был. Массимо же такие мелочи не останавливали.

Мужчины переглянулись и направились к тому месту, где был привязан их боевой трофей.

Трофей, надо сказать, был жив, и даже в сознании. И кляп наполовину сжевал.

— Ну и что это за тварь такая? — пригляделся к нему Массимо. Раньше как-то времени не было.

Свалить, связать, привязать — бежать добивать... все в бегах, в трудах, в заботах, дух превести некогда!

— По-моему, это один из сыновей градоправителя. Средний, — прищурился Шернат.

— Так...

Сообщение расставляло все по местам. Конечно, ирионопоклонников поймать не могли! Когда у них такой осведомитель, куда ж их ловить?

— Надеюсь, отпускать ты его не собираешься? — неправильно истолковал замешательство Ольрата кожевник. Массимо и не собирался, вот еще! Убить, еще как — убить! С особой жестокостью и цинизмом! Но для начала расспросить.

— А давай для начала ему глаз выковырнем, — начал непринужденную беседу Ольрат.

Тело у дерева дернулось. Ольрат достал трофейный кинжал, поводит им перед глазами негодяя.

— Ты, сука такая, мне сейчас за все ответишь. И отвечать будешь до-олго! Этой ночью ты сдохнешь. Можешь только выбрать — медленно или быстро пожелаешь умереть. И учти, сказать ты мне все равно все расскажешь, но подыхать будешь очень медленно. Я все для этого сделаю.

Так что соври мне, начини отпираться, крутить, лгать... дай мне повод! Пожалуйста!

Глядя в белые от ужаса и ненависти глаза пленного, Массимо улыбался. Месть не была сладкой, но она была необходимой. Возносящий Ирет был полностью прав, это ведь не ради мести именно за Маришку. В основном — за нее, но...

Если бы кто-то отомстил за его племяшку, разве Массимо не был бы доволен?

Да еще как!

А потому...

Во имя Ардена!

Допрос и последующая расправа были жестокими, грязными, мерзкими, но необходимыми. Иногда язву выжигают каленым железом, иногда вырезают ножом, а иногда все вместе. И Массимо считал, что сделал все правильно.

Замарать руки?

Ну что ж. Кто-то должен принимать и этот груз. А он справится. На войне он убивал таких же наемников, каким был сам, просто за то, что те выбрали иную сторону. Но это, возможно, были хорошие люди.

На войне.

А здесь и сейчас, в мирное время, он убил подлецов.

И не жалел об этом ни на миг. Подлецы же!

Океан чище будет! Жаль другого — слишком легко они умерли. Вот если бы можно было каждого — по два раза!

Утро застало Массимо уже в пути. Отдохнувший за ночь мерин мирно перебирал копытами по дороге, в кармане позвякивала полученная от жреца мелочь, солнышко било прямо в лицо, а Массимо чувствовал себя непривычно довольным.

Куда он движется?

А, не все ли равно? Может, стоит попутешествовать? Ему всегда хотелось побывать в Тавальене, например. Все же хорошее дело сделал, можно и помолиться съездить. По пути подрабатывать, чтобы денег много не потратить на дорогу, никуда не спешить...

В родной город он уже не вернется. Разве что письма будет писать Шернату. А где осесть...

Массимо с удовольствием спрыгнул с коня и потянулся. Может, подремать в кустах, а потом поехать дальше? Ночь-то выдалась бессонная, хлопотная.

Можно и так. Не все ж он перезабыл?

Бродяжья кровь властно пела в жилах.

Не так уж Массимо и стар, всего полвека разменял, а это еще не старость. Семей обзавестись — и то еще не поздно.

А что?

Побродить по миру годок-другой чтобы вспомнить, денегат приработать, а потом, вовсе уж на склоне лет, обзавестись своим дельцем, или таверну где открыть, детей нарожать...

Он еще об этом подумает.

И о словах возносящего — тоже.

Массимо привычными движениями заводил коня в лесок, отводил ветки с пути, разыскивая подходящую поляну чтобы с дороги ни видно, ни слышно не было. Чтобы даже случайно не наткнулись.

Вот, вроде уютное местечко.

Расседлать коня, привязать так, чтобы пастись мог, а сам Массимо увернулся в плащ, улегся под деревом — и мгновенно уснул, чутко, даже сквозь самый глубокий сон отмечая окружающие звуки. Конскую переступь по поляне, птичий щебет, шорох листьев...

Все было спокойно, Массимо спал и совесть его не мучила. И тени погибших тоже не преследовали. Он исполнил свой долг.

Тимус Шернат стоял в толпе людей и смотрел, как убивается над телом своего среднего сына градоправитель.

Выколотые глаза, отрезанный язык — надоел под конец со своими воплями, вот у Массимо рука и не дрогнула, вспоротый живот...

А главное — табличка на груди.

Слуга Ириона.

Градоправитель рыдал, его жену уже унесли с площади, а настроения в толпе колебались от осуждения до одобрения.

— Жестоко так-то...

— А поделом твари! Небось, не твоих дочерей убивали?

— Мать жалко...

— Ты тех матерей пожалей, которых этот гад осиротил...

Тимус молчал, только усмехался. Ему почему-то казалось, что все еще не закончено.

И верно.

Тело мужчины унесли с площади, градоправитель выпрямился.

— Я найду, кто это сделал! Кровью умоются! Стража!!!

— Остановись, дитя Ардена.

На площадь вступил возносящий Ирет.

— Остановись, ибо придется тебе раскаяться в этих словах. Ты сейчас хочешь воздать злом за добро!

От такого заявления умолкли даже голуби на крышах. Градоправитель повернулся к возносящему, но сказать ничего не успел.

— Мне ведомо, что твое чадо творило зло во славу Ириона! Врага рода человеческого. Кто бы ни наказал его — человек совершил благое и правильное дело, и карать за это не след! Именем Храма прошу не преследовать того, кто восстановил справедливость!

Градоправитель задохнулся от гнева, но сказать ничего не успел.

Из-за спины возносящего выдвинулись четверо рыцарей в белых плащах со знаком ордена — змеем, завязанным узлом.

— А еще, сын моря, нам хотелось бы побеседовать с тобой о твоём сыне. Как он стал творить сии непотребства? — нарочито мягко поинтересовался один из них. Голубая оторочка на его плаще указывала на рыцаря более высокого ранга.

Градоправитель побледнел, огляделся по сторонам, но куда там! Стражники не стали бы препятствием для змеборцев. Тем более — ирионопоклонники. Это уж точно дело Храма, вот и пусть разбираются.

Рыцарь обвел взглядом площадь.

— Обещаю, если кто и остался из служителей змея, мы обязательно их найдем.

Градоправитель побледнел, понимая, что вряд ли выйдет из подвалов Храма.

Толпа оценила угрозу и принялась рассасываться.

Шернат тоже отправился прочь с площади. Что хотел, он получил — и теперь ухмылялся в бороду.

Никто ничего не найдет, да и искать не станет. Массимо далеко отсюда, его к этому делу не привяжут, а градоправитель...

А градоправитель скоро будет новый, чует его сердце. И это — правильно.

Семейство Даверт.

Вальера мирно вышивала розы. Приятно вот так, посидеть в тишине, во внутреннем дворике, передохнуть на минуту, и заняться вышивкой. Пусть даже и не слишком интересное занятие, но благородная дама должна вышивать.

Обязана.

И лучше — что-нибудь сентиментальное, цветочное, орнаменты, подойдут и морские мотивы, но море Вальера не любила. Почему?

Она и сама не знала. Просто море пугало ее до истерики, до безумия, до крика, при виде сине-зеленого пространства ей хотелось развернуться и бежать, что есть сил. Спрятаться и не вспоминать о его существовании.

Один раз Эттан решил доставить удовольствие любовнице, вывезя ее с детьми в замок на взморье. Дети были счастливы. С утра до ночи трое сыновей пропадали на побережье,

Лусия тоже полюбила гулять по пляжу, выискивая красивые раковины и обточенные морем камушки, а вот Вальера...

Эттан — и тот отдыхал, купался в море и почти не думал об интригах, а Вальеру всю колотило от страха. Ночами она просыпалась от шума моря и долго лежала, не в силах заснуть.

Чего ей стоило не показывать свой страх мужу — знала только она. Она отговаривалась, что от морской воды кожа шершавая и липкая, что песок забивается в туфельки и натирает ей ноги, что от криков чаек болит голова, а водоросли гниют и мерзко воняют...

Эттан верил, а Вальера считала дни до отъезда.

С тех пор ее так и не удалось заманить к морю.

Вспоминалась поездка не часто, но всегда к каким-нибудь неприятностям. Вот и сейчас...

Эттан?

И что могло принести его домой посреди бела дня?

Вальера на миг прикрыла глаза, возвращая на лицо нужное выражение, а потом вскочила и поспешила навстречу любовнику и отцу ее детей. Не супругу. Супругом ее он теперь никогда не станет — увы.

— Мой дорогой! О, Эттан!

Эттан одарил женщину небрежным поцелуем в щеку.

Вальера ему нравилась. Она была умна, красива, она родила ему детей и воспитала их так, как надо, она была — его. И трофеем, которого он долго добивался, и собственностью... ему было чем гордиться.

Когда молоденькая тогда тьерина Тессани согласилась на свидание, он на крыльях летал. Даже статус Преотца доставил ему меньше удовольствия... возраст.

— Вэль. У меня хорошие новости.

— Какие же, монтьер?

— У меня есть брачное предложение для Лусии.

Вальера похолодела.

Она понимала, что рано или поздно дочь оторвут от нее, знала, что Эттан выдаст ее замуж за выгодного мужчину, но... Так рано! Так неожиданно!

— От кого, монтьер?

Эттан взглянул на побледневшее лицо своей любовницы, на мигом посеревшие губы — и внезапно смягчился. Все же мать...

— Да не волнуйся ты так. Это предложение от герцога Карста.

— Но герцог женат?

Это-то Вальера точно знала. Нельзя сказать, что она интересовалась жизнью высшего света — что толку, если тебя туда все равно не пустят, но знала.

— И у него есть сын, немногим старше Лу. Мирт Карстский. Вот его и решили женить.

Вальера вскинула брови.

— Монтьер, но почему — Лу?

— Потому что она — дочь Преотца. Читай, — Эттан протянул супруге письмо, которое доставил ему сегодня гонец из Карста.

Вальера взяла трубочку пергамента, аккуратно развернула, бросила беглый взгляд на печать — вроде бы все так, синий воск, печать с изображением дельфина — не подделка?

— Это действительно Карст, — подтвердил Эттан в ответ на ее взгляд. — Я-то знаю.

В самых изысканных выражениях герцог Карстский поздравлял Преотца с избранием и выражал надежду, что Эттан будет здравствовать еще долгие годы. Намекал на установление более тесных связей между Тавальеном и княжеством Карст и предлагал скрепить их родственными узами. Например, союзом старшего сына герцога и дочери Преотца. Разумеется, под это можно подписать несколько торговых договоров, снизить пошлины и договориться о военной взаимопомощи...

Вальера послушно прочитала письмо до конца — и опять посмотрела на мужа.

— Но почему — Лу?

— А что тебе непонятно? — удивился Эттан. — Она моя дочь!

— Незаконная Даверт — и герцог Карста? Монтьер, это несопоставимые величины!

Вальера знала, о чем говорила. Даже она, вполне законная Тессани, не была бы подходящей парой для Карста. Древность рода, чистота крови — вот что имело значение для этих убудков. Старинные герцогские рода и так были безумно богаты, это все знали, вот они и могли себе позволить перебирать девушками.

Вальера помнила, как она, совсем еще юная девчонка, оказалась на балу, на котором присутствовал герцог Атрей. Помнила и насмешливый взгляд, который скользнул по девушке. Не по ее платью — перешитому из материнского, нет, ее бедность Атрея не интересовала. Но род Тессани он знал.

Знал, как этот род гордится своим прошлым, знал, от кого вел начало этот род. Он сам об этом сказал.

Вальера поспешно отогнала недобрые мысли.

Атрея здесь нет, уже и не будет — умер две зимы назад. А Карст не знает. Но зачем ему этот союз?

— Дочь Преотца и знатной дамы из рода Тессани. Разве мало?

Эттан тоже знал, от кого вела свой род Вальера. Проговорилась по глупости.

— Не знаю, монтьер. Мне не нравится это предложение.

— Зато оно нравится мне. Я думаю, что дам согласие на брак.

— Монтьер! Но Лу еще так молода!

— Ей уже пятнадцать, в этом возрасте вы уже выходили в свет, — безжалостно напомнил Эттан.

Вальера прикусила губу.

Ну да.

Выходила в свет, читай — продала себя первый раз. А что делать?

У нее не было ничего. Ни денег, ни связей, ни-че-го! Пьяница-отец, больная мать, никакого приданого, может, кто-то и женился бы на ней, презрев родительские запреты, а может и нет. И вообще — она Тессани!

Вальера справедливо решила, что замуж за абы кого — уж лучше ни за кого и принялась искать покровителя. Продать себя по высшей ставке проще всего, тут главное не продешевить — и ей все удалось. Первым ее покровителем стал граф Тарвей, от него у прелестницы остались дом в Тавальене, где спокойно дожила свои дни мать Вальеры, осталась кругленькая сумма в золоте и драгоценностях и скинутый плод — Вальера не хотела ребенка и знала, как от него избавиться.

Женщина могла бы доживать век спокойно, выйти замуж за кого-то безденежного или безземельного, но вместо этого, расставшись с графом, стала искать дальше. До Эттана у нее было три покровителя.

Даверт никогда не спрашивал и не ограничивал свою любовницу, но сильно подозревал, что она сможет прожить и без него. Долго и безбедно.

— Я выходила по необходимости, — Вальера посмотрела на Преотца. — У Лу нет такой нужды, как у меня. Может быть, помолвка? На год? А потом свадьба?

Эттан задумался.

— Она дочь Преотца, а не трактирная девка! Это там — встретились, поженились, переспали, — Вальера умоляюще вцепилась в рукав супруга. — Вы же понимаете, монтьер, что Лу — незаконная дочь. С нее спрос больше. Я могла позволить себе отступить от правил, но Лу — не может. Да, этой мой грех, но нести его нам обеим!

Эттан вздохнул.

Несмотря на все свои многочисленные недостатки, Вальеру он любил. Пусть иногда и бывал с ней жесток и груб, пусть часто не считался с ее мнением, но любил. Как уж мог. Как умел. И дочери тоже не желал зла.

— Хорошо, дорогая. Я напишу герцогу. Сначала помолвка — год. Потом свадьба. Но рассчитывайте на полгода, не больше, мы не можем позволить себе упустить такую выгодную партию.

Вальера просияла и бросилась на шею преотцу.

— Благодарю вас, монтьер! Вы лучший из отцов!

— Преотцов, — насмешливо поправил Эттан, обнимая до сих пор очаровательную женщину.

И потому не увидел расчетливое выражение на лице женщины. Уж за это-то время она узнает все, что может о семье Карстов! Даже то, чего они и сами не знают!

Не отдавать же дочь неизвестно куда и кому?

Письмо Эттана вовсе не обрадовало предстоящего Эльнора. Мужчина рассчитывал, что под влиянием момента Эттан ухватится за лестное предложение двумя руками. А годичный срок помолвки — это плохо. Это ни к чему.

За это время Эттан может узнать кое-что нелестное о семье Карстов. Вряд ли тогда он откажется от помолвки, но и 'приятной' неожиданности уже не получится. А хотелось-то иного...

И что теперь делать?

Хотя на этот вопрос у Эльнора был ответ.

Отправить письмо — первое.

Заняться Эрико Давертом — второе. И он уже знал, как это будет, и кто это будет. Письмо уже улетело, теперь оставалось ждать приезда нужного человека.

Глава 8. Интриги о любви

Нельзя сказать, что Алаис понравилась столица Сенаорита. Так... среднее что-то между старым Парижем и старой Прагой по архитектуре. Деревянных домов почти нет, все из камня, стрельчатые окна, покатые крыши с острыми коньками, вспарывающими небо, узкие улицы, камень мостовых под копытами коней, серый камень, рыжеватый камень, белый камень...

Алаис почувствовала себя почти как дома. Многоэтажек не хватало, а так — все вполне по моде двадцатого века. Минимум зелени, максимум камня.

Большое отличие от средневековья было в другом. Не было куч мусора рядом с городом. Никто не сливал рядом нечистоты, более того, почти не видно было крыс — даже если и шмыгнет одна-другая через дорогу, то быстро и осторожно.

Конечно, пахло.

Но жить и дышать было возможно.

Потом уже Алаис узнала, что все нечистоты вывозят из города и сваливают в ямах-селитряницах. Земля в Сенаорите не слишком богатая, родит плохо, ухаживать за ней надо постоянно, так что приятное соединяется с полезным. И удобрения, и относительная чистота. Так делается еще со времени Королей и это считается правильным.

Короли...

Чем дальше, тем больше Алаис задумывалась об их правлении. С точки зрения средневекового жителя — ничего странного. Были, правила, великие и мудрые, что тут еще добавить? А вот Алаис, которая не воспринимала это, как очевидную истину, многое смущало.

Откуда такие знания?

Навыки?

Умения?

Так вот и поверишь в версию о пришельцах. Опять же, вырождение династии — пока могли, скрещивались между собой, а потом вымерли, когда генетические аномалии развились по максимуму. Это, вон, и в ее родном мире случалось — самостоятельное вымирание на основании слишком близкого скрещивания, см. династия Габсбургов. Без слез взглянуть нельзя было.

Хотя что это ей дает?

Да ничего. Разве что интересно поразмышлять на досуге, пока трясешься в чертовой карете, без чертовых рессор по не менее чертовым дорогам! Да и то, интереснее было готовиться к побегу и обдумывать различные планы.

Свое слово Таламир, кстати, сдержал. Купил Алаис гаролу. Вроде бы простенькую, из светлого дерева, без особых украшений — что еще можно найти по дороге в столицу? Но такую звучную!

Алаис тут же нарекла ее 'Амати', по аналогии с известными скрипками, и теперь целыми днями перебирала струны, привыкая к непривычному для аристократки ощущению. Получалось пока не слишком хорошо, Таня когда-то обладала более развитыми и сильными пальцами, но для средневековой девчонки-то? Очень неплохо.

Мурку, что ли, сбавить?

От нечего делать в карете Алаис даже принялась переводить тексты песен с русского

языка на сенаоритский. Получалось неплохо, где-то вставлялась пара слов, где-то заменялась, получалось хуже оригинала, но кто б тут его знал?

Интересно, если распространять песни в другом мире — это плагиат или нет? Или все же реклама? Она была бы за авторские права и отчисления, но как их передать из мира в мир? В море утопить?

Алаис грустно щипнула струны, и подумала, что никогда не знаешь, какое умение тебе пригодится.

Обособняк Таламира ей понравился.

Сразу и бесповоротно. Средних размеров дом из желтоватого камня приятного теплого оттенка, поблескивал на солнышке красной черепичной крышей, разноцветными стеклами ставен, медными ручками дверей и переплетами. Палисадник перед домом радовал глаз свежими зелеными тонами. Интересно, кому этот дом принадлежал раньше?

Понятно же, что Таламир его не сам строил, скорее, ему пожаловали чье-то имущество, только чье?

Или...?

Алаис порылась в памяти. Ну да, был у Карнавонов дом в столице... это — он?

А спросить как-то и не комильфо. Как будет звучать вопрос: 'монтьер, а чей особняк вы отжали? Мой — или кому-то еще не повезло?'. К счастью, над дверями особняка обнаружился герб Карнавонов, и все вопросы сразу отпали. Судя по его состоянию и сглаженности ветром и временем, высекли его не вчера и не позавчера. Еще лет двести — и на камне ничего не останется. Значит, все-таки Карнавоны...

Внутри особняк был не хуже, чем снаружи. Таламир заметил, как оглядывается супруга, и тихо шепнул на ушко:

— Вы никогда...?

— Ни разу в жизни.

Действительно, Алаис не вывозили за пределы Карнавонов. Никогда. Не хотели позориться. Вот Алита — та побывала в столице еще лет пять назад, а младшая дочь — что ей? Страшная, странная и вообще — таких надо стесняться.

— Полагаю, монтьер, наши покои уже готовы?

— Я написал слугам с дороги, — Таламир прищурился на выстроившихся в линеечку слуг так, что задрожали все, вне зависимости от пола и возраста.

— А слуги старые?

— Нет, Алаис. Пришлось нанять новых.

Тоже неплохо. Алаис посмотрела на мужа.

— Монтьер, представьте им меня? Как хозяйку дома, чтобы я могла заняться привычными делами — кухня, белье, приемы...

Таламир несколько секунд смотрел на жену непонимающим взглядом, Алаис едва зубами не скрипнула. Конечно, он все забыл. А может, и не знал никогда, откуда бы выходцу из низов разбираться в таких вещах?

— Ах да. Итак. Я — новый герцог Карнавонов. Это моя супруга, ее светлость герцогиня Карнавонов. Все домашние дела находятся в ее ведении. Если кто-то не будет слушаться — пеняйте на себя.

Вышло... своеобразно. Не совсем по правилам, но зато очень убедительно. Алаис нежно

улыбнулась ряду слуг в черно-красных ливреях.

— Здравствуйте. Меня зовут Алаис Карнавон, а вы можете называть меня госпожа герцогиня или просто — ваша светлость. Сегодня мы отдыхаем с дороги. Распорядитесь, чтобы мужу и мне принесли в покои ванную. Вы не возражаете, монтьер?

Таламир поощрительно кивнул, мол, не возражаю. Действуйте, дорогая жена.

— Ужин накройте в малой гостиной, — откуда-то выскочило это название, — а завтра мы подробнее побеседуем со всеми, кто здесь работает. За лень и нерадивость я буду выгонять, но тем, кто хорошо выполняет свою работу, бояться нечего. Прошу остаться дворецкого и кухарку, остальные могут заняться своей работой.

Себе Алаис тоже поставила слабую троечку, но лиха беда начало?

С дворецким обговорили имеющихся слуг, гостей, размещение их в доме, личную прислугу герцога и герцогини, привычки и пожелания. Пока — краткий список, потом будет более полный.

Приемы?

Нет, вот этого Алаис устраивать не планировала. Примерно представляла, как это надо делать, но откровенно боялась не справиться. Одно дело — празднество в замке, на берегу, считай, для своих, другое — все эти великосветские расшаркивания. Хотя Таламир наверняка потребует...

Ладно!

Подумаем об этом потом!

И Алаис со стоном наслаждения завалилась в здоровущую ванну с горячей водой. Добавила ароматическое масло и долгое время сидела, просто откинув голову на бортик. Потом попросила служанку вымыть ей волосы, что та и осуществила. Ловкие пальцы касались кожи женщины, аккуратно массировали голову и Алаис откровенно наслаждалась жизнью. Расслабление. Покой и тишина.

Настроение слегка портили супруг, звучно моющийся в соседней комнате и мысли о тьере Эфроне, которого сгрузили в одну из маленьких комнат, как тюк с соломой. Всю дорогу он провел в седле, под строгим присмотром, но на стоянках они с Алаис все равно встречались взглядами. И такой незамутненной ненависти она давно ни в ком не видела. А за что?

За то, что не дала играть своей жизнью? Использовать себя? Убить?

За то, что осталась в живых?

Но Алаис точно знала, доберись до нее тьер Эфрон — и жить она будет очень плохо и недолго. Да и черт с ним! Или Ирион — тоже неплохо.

Или...

Интересно, а когда Таламир отправит Эфрона к королеве?

Алаис отпустила служанку и вышла из ванны. Сама вытерлась, не доверяя никому, сама заплела слегка подсушенные волосы в толстенную косу, мельком подумала, что при побеге ее придется отрезать, а жаль. Таковую гриву вырастить — не один год нужен! И так-то не красавица, а тут последнего лишают. Но жизнь всяко дороже.

Уселась у камина прямо на ковер и протянула руки к огню. После горячей воды ей хотелось тепла. Наслаждаться им, впитывать каждой клеточкой, а то, чем черт не шутит, прямо тут и уснуть. Ковер дико мягкий, ворс такой, что рука тонет — надо пользоваться.

Дверь скрипнула и на пороге воздвигся тьер Таламир, запахивая халат, из-под которого торчали волосатые конечности. Чуть-чуть кривоватые, с год нестриженными ногтями, но

разве это важно для настоящего мужчины? Супружеский долг — это ведь важно! Ну ладно, сейчас он хотя бы не воняет...

После секса мужчин легче расспрашивать — эту истину знали все шпионки. Алаис ее тоже знала и пользовалась. Таламир точно попадал под эту истину.

Вот и сейчас, разнежившись на ковре у камина — до кровати 'любящие' супруги так и не дошли, Таламир едва не мурлыкал. Алаис, вспомнив старые навыки, предложила ему сделать массаж — и теперь усердно разминала мужчине плечи. Получалось очень неплохо, судя по довольному урчанию. Ну да Мишке когда-то тоже нравилось...

Пальцы погрузились в мышцу, аккуратно размяли ее...

— Так не больно, монтьер?

— Нет. Левее еще надави, — голос был откровенно сонным.

— Монтьер, а когда вы отправитесь ко двору?

— Я — завтра же.

— И Эфрона с собой заберете?

— Не сразу. Думаю, через три-четыре дня.

Алаис прикусила губу. Плохо, очень плохо. Или — пусть забирает? Хорошо бы, чтобы Эфрон выбрался, 'похитил' ее и увез, тогда искать будут двоих, а ей будет легче прятаться. Опять же, можно отправить Таламиру записку с требованием о выкупе — и удрать подальше. Но вряд ли она успеет...

Хм-м...

А если... нет, говорить с Эфроном об этом никак нельзя! Надо сыграть его втемную. И...

Алаис усмехнулась про себя. Подло? А, ее тоже никто жалеть не будет.

— Монтьер, вы настаиваете, чтобы Тарла оставалась моей личной служанкой?

— Да, Алаис.

Еще бы. Ты ее трахаешь, она тебе стучит так, что дятел-долбун отдыхает — великолепный симбиоз. Жаль, жена против.

— Она не знает столицы и мод. Могу я нанять кого-то более осведомленного ей в помощь?

— Сделайте ее главной — и пусть работает. Научится.

— Да, монтьер.

Алаис продолжила разминать мышцы плеч, постепенно спустилась по позвоночнику, потом опять поднялась вверх, и опять спустилась. Пальцы ныли, но разрабатывать их все равно надо. Жаль, нельзя открыть в этом мире салон красоты — массаж, маникюр, педикюр, завивка, укладка...

Или можно будет попробовать?

Обдумаем потом.

— Хорошо, монтьер, что вы позволили мне ехать одной. Эта глупышка так утомляет своей болтовней.

Таламир мурлыкнул что-то неразборчивое.

— Она восхищается вами. Монтьер, вы герой девичьих грез...

Мужчина перевернулся на спину и опять сграбастал жену в охапку. Кажется, перестаралась с массажем...

Алаис лежала, смотрела в стену и обдумывала свой план. И складывался он все четче и яснее. Да, именно так она и поступит. Сбежит, как можно скорее...

Прости, дорогой супруг, мне тебя жаль, но себя — больше. А от кого размножиться, ты всегда найдешь.

Семейство Даверт.

Эрико Даверт ехал домой.

Мужчине было грустно, ничего не хотелось, да и на душе кошки скребли.

Домой...

Отец...

Сочетание этих двух слов ввергало в откровенную тоску. Эттан Даверт наводил на Эрико не просто ужас — это было нечто неопишное. Эрико дико завидовал брату, который не просто понимал отца, а поддерживал и мог найти с ним общий язык. Сам же Эрико под хищным взглядом Эттана чувствовал себя просто ничтожеством. Слизняком, неясно зачем спустившимся с капустного листа. Слизняком, которого сейчас раздавят ногой с особым цинизмом и жестокостью.

Эрико завидовал и Лусии — единственная девочка в семье, к ней особое отношение. И даже Родригу.

Средний из братьев был человеком непрошибаемым, в силу природной туповатости. Он не был дураком, но некие тонкие струны души в нем попросту отсутствовали. Если на его глазах блестели слезы, значит, он ел лук. Или прищемил палец дверью. И точка.

Эрико мог восхищаться женской красотой — от Родригу можно было дожидаться только 'Шикарные титьки!' или 'Какая задница!'. Нечто вдохновенное было ему недоступно, в потому хорошего воина из него не получилось. Тупо повторять за Луисом рисунок боя он мог, симпровизировать — нет. Торговца?

Да тем более.

Как выразился Эттан — таким Ардену и служить. Исполнительный, туповатый, не стремящийся на первые роли... Родригу решил, что это комплимент и закивал. Эттан только что головой покачал, но что тут скажешь?

Иронии Родригу тоже не понимал. Она лежала за пределами его разума.

А вот Эрико приходилось плохо. Он страдал.

Родригу никто не был нужен. Лу опекала мать, Луиса любил — ну, как мог, но все же любил отец, а он был один. Совсем один...

И искал тепла, где мог. Например, по женским постелям — количество женских сердец, разбитых Эрико Давертом, не поддавалось точным подсчетам. Сотня?

Три сотни?

Какая разница! Это все равно не заменит семейного тепла!

Вот сейчас он доедет домой, отчитается перед отцом — хотя сегодня все не так плохо. Вложения в корабль 'Синяя Чайка' принесли неплохую прибыль. Она ходила в Рандею и вернулась домой с грузом шкур. Теперь надо обдумать, что лучше — продать по себестоимости, как шкуры, или потратиться, договориться с меховщиками и пошить из них что-либо для благородных дам? Во втором случае доход будет больше, но и ждать его придется дольше, а вот что важнее сейчас отцу?

Количество денег — или их оборот?

Если количество, то лучше бы подождать. Если наиболее быстрый оборот, то Эрико пустит меха в продажу.

Но кое-что оставит себе. Так есть такие соболя — просто нечто! На подарки вполне подойдут — не свои же деньги на подарки любовницам расходовать? А чуть-чуть от отца отщипнуть — авось, не обеднеет!

Мысли лениво текли, когда дверь дома распахнулась — и почти под копыта коня Эрико бросилась прехорошенькая девушка.

— Помогите!!! Умоляю!!!

Эрико присмотрелся.

Девушка и впрямь была очаровательна. Золотые волосы, синие глаза, невинное свежее личико, алые губки... только вот голубенькое платье разорвано так, что видна нежная кожа груди, а на руке виднеются синяки.

— А ну, стой! Ты куда, дрянь такая!?

Вслед за девушкой из двери вылетел здоровущий расхристанный мужик. Эрико невольно тронул лошадь так, чтобы она заслонила незнакомку.

— В чем дело, любезнейший?

Мужик сделал шаг, другой...

— А тебе чего надо, парень?! А ну, проваливай! Моя дочь — я ее уму-разуму учить и буду!

— Прошу вас, монтьер!

В стремя вцепились тонкие пальцы. Синие глаза взглянули с такой мольбой, что у Эрико захолонуло сердце.

— Ты чего дочь бьешь, а?

— Мое то дело...

— Отец, умоляю! Не вынуждайте меня выходить замуж за Фереса! Он старый! Он страшный! У него дети старше меня!

— Молчи, дура! Кому ты еще нужна — без приданого!

Эрико все стало ясно.

Подлое сословие, что тут еще скажешь? Папаша присмотрел дочке жениха, как водится — повыгоднее, а что малышке не нужен старый пень в три раза старше нее, даже и не подумал. Дочка принялась умолять, папаша взялся за розгу, ну а та метнулась на улицу.

Помочь, что ли?

Эрико оценивающим взглядом осмотрел девушку.

А хороша...

Просто восхитительно хороша! Пожалуй, на такую не жалко и денег потратить, не только время. На Яблочной улице стоит домик, в котором он давно селит своих пассий. Пора крошке Жанне отправляться обратно в деревню, а ее место займет эта малышка.

— А хоть бы и мне? — обронил Эрико.

Мужик его не слушал.

С недоброй гримасой он надвигался на девушку, и в руке его поблескивал ремень с пряжкой. Кажется, этим и учили жизни малышку. Эрико облизнулся.

Это тоже можно будет попробовать — ему нравилось, когда женщина связана и беспомощна, нравилось ощущение своей власти над ней, нравилось, что только он может подарить ей боль или наслаждение...

Интересно, какова эта малышка в страсти? Стонет она или кричит, как смотрит, как стискивает мужские плечи... каждая женщина была для Эрико открытием, которое не могло надоест. Какое-то время — точно. А там подворачивалась новая девушка и новое открытие.

Но это потом, а сейчас...

— Прочь пошел!

Эрико от души огрел мужика плеткой. Тот аж ахнул от неожиданности и выпустил девушку, которая уже не цеплялась за стремя, а просто смотрела на Эрико громадными синими глазами.

— Тьер, за что!?

— А ну пусти ее...

От неожиданности мужик разжал руки. Эрико наклонился с коня к очаровательнице и мягко спросил:

— Ты поедешь со мной?

Девушка прислушалась к его словам. Словно не понимая, о чем он говорит. Склонила головку, став при этом невероятно милой.

— Монтьер?

— Ты поедешь со мной? Я небогат, но крышу над головой тебе предложить могу. Все лучше, чем замуж за старого уroda.

Синие глаза блеснули.

— Да, монтьер!

Эрико протянул руку. На его запястье сжались тонкие пальчики, и он одним движением поднял девушку в седло. Вот так...

К нему придалось гибкое тонкое тело, под тонкой тканью вздымалась и опадала пышная девичья грудь... Эрико сглотнул голодную слюну.

Хороша...

И тронул коня.

Позади остался растерянный мужик, опустивший плетть.

Позади остался дом, из которого выбежала малышка.

Позади осталась занавеска, прощально колыхнувшаяся на окне.

Предстоящий Эльнор наблюдал за спектаклем который лично написал, срежиссировал и поставил на сцене большого города.

Ему было известно, что Эрико Даверт падок на женскую красоту.

Ему были известны пути Эрико — от соглядатаев.

Оставалось просто подставить ему 'девушку'. Подходящая нашлась у содержательницы одного борделя.

Милая, красивая, хорошенькая гадина, насквозь больная 'ореховой болезнью'*, которую унаследовала от матери.

*** ореховая болезнь — сифилис. Назван так из-за шанкров, которые похожи на засунутые под кожу орехи, прим. авт.**

Что ж, Эрико Даверт, мне тебя даже не жаль. Несколько ночей с милой девушкой, которая вскоре сбежит от тебя- и довольно. А вот ты будешь гнить заживо! А твой отец будет за этим наблюдать и мучиться!

Мучиться так же тяжело, как страдаю я, вспоминая о своей несчастной дочери!

Эттан отнял у меня самое дорогое, что было в жизни — мое продолжение. Ну так я отберу его сыновей!

Тьер Эльнор довольно улыбнулся и направился вниз, в гостиную.

— Благодарю, Карло.

Здоровущий мужик, сейчас спешно снимающий грязную драную рубаху и надевающий новую, улыбнулся в ответ.

— Всегда к вашим услугам, монтьер.

— Тебе придется пожить здесь еще месяц. За аренду заплачено.

— Как прикажете, монтьер.

— Если сюда явится этот щенок... ты его запомнил?

— На всю жизнь.

Мужчина хмыкнул. Ему, всю жизнь проработавшему наемником, то на службе короны, то у какого-нибудь дворянина, которому спешно понадобились люди, умеющие лить чужую кровь, было смешно глядеть на Эрико.

Сопляк самонадеянный!

Да пожелай Карло — растер бы мальчишку по мостовой, там бы и косточки не хрустнули!

Плетью он замахиваться будет.... х-ха! Да когда б не тьер Эльнор, отнял бы Карло у мальчишки его плетку и в такое место запихал, что тот бы месяц на оное место не сел! Так-то!

Тьера Эльнора мужчина знал издавна, еще когда тьер только начинал свою карьеру Возносящего. А заодно занимался благотворительностью — работой в домах лечения для бедняков. Тогда-то Карло и попал к нему в руки.

Попал с нехорошей раной, которая грозила воспалением. Все лекари требовали отрезать руку, но тьер Эльнор не разрешил. Сам сидел рядом с Карло, составлял мази, накладывал повязки, которые вытягивали гной из раны...

Карло отлично понимал, что лучше ему сдохнуть, чем жить без руки — и тьер Эльнор рискнул вместе с ним. Пусть даже его вела жажда познания — разве это столь важно? Долги мы возлагаем на себя сами!

Вот Карло свой и отдавал.

Чай, невелик труд, по просьбе тьера Эльнора доставить девушку из одного города в другой, да спектакль разыграть?

Несложно.

Пожить с месяц в Тавальене, помочь тьеру Эльнору — тоже труда не составит. Тем более, тьер Эльнор заплатил Карло достаточно, чтобы год прожить в Тавальене без забот и хлопот. Карло пытался отказываться, но тьер настоял.

Все же у него семья, дети, дочери подрастают, им приданое нужно...

Надо взять. За дело дают, все же на месяц от семьи кормильца отрывают, а то и подольше, если что не так пойдет. Но пока все прошло, как по молитве, гладко, да сладко. Девку пристроили, сопляка в сети поймали, есть повод выпить?

Тьер Эльнор подумал — и согласился, что повод есть. Пусть Эрико сам идет в свою ловушку. Туда детям Эттана и дорога.

Пока — среднему сыну и дочери.

Младшего он тоже знает, как извести, а старшего...

О, старшего сына Эттана Эльнор оставит напоследок! Слишком уж он важен Эттану. И — что греха таить — слишком умен. Осторожен, собран — опасная добыча. Его на пару крупных сисек не поймаешь...

Ничего!

У любого Даверта есть свое уязвимое место. И он найдет, как нанести удар Луису Даверту. Да так, чтобы мужчина от него уже никогда не оправился. А вслед за ним — и Эттан.

Туда тебе и дорога, мразсссс!

Домой Эрико попал под утро.

Надо было устроить Элиссу в гостинице, надо было ее успокоить — девушка не хотела отпускать своего спасителя, цеплялась за него, плакала...

И наткнулся на отца, сидящего с Луисом в гостиной.

Мужчины лениво перебрасывались костями, и на вошедшего поглядели примерно одинаково. Лениво, хищно, равнодушно.

На миг Эрико даже показалось, что перед ним оказались два страшных заморских кота, с которыми, как известно, охотятся воительницы Рандеи. Желтоглазые и безжалостные.

И им главное, что пришло свежее мясо, в которое можно запустить когти. Мужчина даже сглотнул.

— Я...

— Рассказывай, сын.

Эрико не обманывался мягкостью отцовского тона. Уж чем-чем, а добросердечием Эттан отродясь не страдал. По счастью, сегодня и у Эттана было хорошее настроение, и у Эрико неудач не случилось...

— Синяя чайка, значит... Меха?

— Да, отец.

— Подумай, что может пойти Лу в приданое, остальное реализуй, — распорядился Эттан.

— Лу?

— В приданое?

Эрико почувствовал слабое удовлетворение. Не один он удивлен — Луис тоже ничего не знал.

— Да. К Лусии посватался герцог Карста — для сына. Я собираюсь дать согласие, пусть девочка станет герцогиней.

— Она же еще маленькая! — вырвалось у Луиса.

— Зато какая партия, — задумался Эрико — Карст славится своим скотом. Мясо, молоко, сыр... Если породнимся, надо будет поговорить с герцогом о возможностях сбыта.

Эттан задумчиво кивнул.

— Пожалуй. Подумай пока, что мы можем предложить, и какой договор будет более выгоден для нас.

— Отец, Лу еще совсем крошка, — возмутился Луис уже громче.

И вновь Эрико позавидовал. Он никогда не осмелился бы так разговаривать с отцом! Никогда! А Луис — спокоен, только на смуглом виске резко бьется синяя жилка, показывая его волнение за сестру. Не за себя, нет. И это было еще одним поводом для зависти.

Эрико про себя точно знал, что сломался. Луиса удалось разве что согнуть, и то — как клинок из гибкой стали, никто не знал, как и когда он распрямится.

— Сначала заключим помолвку на полгода или на год. Потом брак, — снизошел до

объяснений Эттан. — Тебя что-то не устраивает?

Луис выдержал тигриный взгляд, не дрогнув.

— Меня устраивает все, что идет на благо нашей семьи, отец.

— И почему я это терплю? — спросил в пространство Эттан. — Вон отсюда, соплячье!

Эрико вылетел за дверь быстрее ветра, и еще успел услышать вежливое:

— Благодарю за приятно проведенное время, отец. Доброй вам ночи.

Как он не боится?

Зависть сидела где-то внутри. Сочилась желчью, тихо шипела, разъедая внутренности.

Чего бы не отдал Эрико, чтобы так же сидеть рядом с отцом, чтобы удостоиться его похвалы, занять место Луиса. Но мечта оставалась лишь мечтой. Вместо этого — сделай то-то и то-то, и пошел вон, щенок!

И так будет всю жизнь. Тебе не тягаться с Луисом... пока он жив.

Эрико спешно придавил мерзкий внутренний голос, но шепоток не унимался. Зависть лелеяла его и холила.

Если бы не Луис, Эрико был бы старшим. Если бы не Луис, его могли бы любить больше.

Если бы не Луис...

Как он смеет занимать его место?! Отнимать у Эрико любовь родителей? Сестры?

Как он смеет...?

Ничего, Арден все видит. И возмездие его будет неотвратимо. А пока лучше все же не думать ни о чем таком. Вот о Элиссе подумать куда как приятнее — чем Эрико и занялся. И во сне он тоже видел пышные волосы и синие глаза. Ласкал упругую грудь, целовал алые губки, и тело под его руками покорно отвечало на ласки. А потом Элисса превращалась в змею и шипела все то же: 'как он ссссмеет?'. И Эрико просыпался в холодном поту, с криком отчаяния.

Ему безумно не хотелось додумывать мысль до конца, но где-то внутри она уже была.

Она не исчезнет.

Ах, если бы исчез Луис...

Род Карнавон

Единственное, что интересовало Алаис — это побег. И побыстрее. И подальше. В идеале так, чтобы ее сразу не начали разыскивать. Только вот как это сделать?

Города она не знает. Ей повезло, что столица Сенаорита — порт, хотя при чем тут везение? Морские же короли, и этим все сказано! Самые важные и развитые города были именно портами, поэтому, когда прошла эпоха королей и наступила эпоха королевств, именно они стали столицами. Ничего удивительного.

Итак, она может уехать из города.

Может уплыть.

Может... остаться!

Хотя последний вариант нравился женщине меньше всего. Остаться... ха!

А где?

Ей надо снять комнату, надо на что-то жить (ладно, это решаемо, кое-что из отцовских запасов она прикарманила, а обыскивать вещи своей супруги Таламир не стал), надо купить одежду, изменить внешность...

Внешность.

Пункт первый. Волосы.

Длиннющая коса радовала глаз, и отрезать ее очень не хотелось. Да и нельзя. Алаис не была суеверна, но мало ли? Есть куча поверий, связанных с волосами. И порчу по ним наслать можно, и человека по ним отыскать можно... нет уж! Господину Таламиру не останется ни прядки! Потом, возможно она и острижет волосы. А раз так... временно становится бесполезен порошок из хны. Прокрасить такую гриву — никаких средств не хватит! Значит...

А чего тут думать?

Нельзя стать рыжей — станем седой! В маскировке Алаис было далеко до мистера Ш. Холмса, но основную-то идею она знала? Краской нанести морщины, надеть вуаль поплотнее, и сделать вид, что она — старуха. То есть... о! Клюка и горб!

В качестве клюки можно использовать любую палку, прихрамывать поможет подложенный в обувь камешек, а горб... кто ей мешает сделать обыкновенный рюкзак, надеть его на голое тело под платье, накинуть сверху плащ — и посмотреть, как это будет выглядеть?

Остались мелочи.

Темно-синее траурное платье, вуаль, лицо.

Спустя три часа перед зеркалом, Алаис поняла, что либо у Холмса была другая краска, либо у нее — другое везение. Или просто автор все наврал!

Но как-то же люди маскировались?

А как выходят из положения здесь? Надо узнать подробнее.

И вечером Таламир был атакован женой с настоятельной просьбой. Алаис желала посетить лавку с разной косметикой, поскольку по глупости и не подумала захватить с собой материнскую, из Карнавона. А появляться при дворе абы как одетой, не накрашенной должным образом... да, и еще лавку с тканями. Можно?

Монтьер, пожалуйста...

Таламир подумал — и разрешил. Разумеется, с охраной, как же иначе.

Алаис радостно запрыгала на месте, получила в ответ снисходительный взгляд (какой же ты ребенок, дражайшая супруга) — и принялась активно благодарить мужа. Тем самым способом — увы. Но выбора не было. Таламир решительно хотел наследника, так что приходилось соответствовать.

На следующее утро любящие супруги разъехались из дома. Алаис — по лавкам, закупать все самое необходимое, шить платье для придворного приема, знакомиться с торговцами.

Управляющий?

Вот еще не хватало!

Чтобы ее обкрадывали все, кому не лень?

Ладно — ее! А ее супруга? Нет-нет, так дело не пойдет! Доверившись постороннему человеку, можно договориться до того, что за фунт сахара два золотых платить начнешь!

Ант Таламир отправился во дворец.

Придворный этикет диктовал свои правила. Например, герцог Карнавон мог прибыть во дворец в любое время, особенно если у него доверительные отношения с королевой.

Герцогиня Карнавон сначала должна быть представлена всем на малом приеме, а потом уже она могла бывать при дворе. Поскольку раньше ее никто не видел, ей требовалось

личное дозволение королевы. Вот за ним-то Таламир и отправился.

Он успел вовремя.

Лидия уже проснулась, уже привела себя в порядок, и собиралась выходить к завтраку, когда ей доложили о прибытии герцога. Думала королева недолго, и кивнула слуге.

— Зови!

Бросилась к зеркалу, поправила кружева на платье, коснулась рыжих волос — и встретила Таламира во всем блеске и очаровании зрелости, умело приукрашенной косметикой.

— Друг мой!

— Ваше величество, — галантный поклон. — Вы не просто очаровательный, вы разбиваете мое несчастное сердце вдребезги.

— Полагаю, этим должна заниматься ваша жена?

В голосе Лидии чувствовался легкий холодок. Как ни уговаривай себя, что ты королева, ты красива, ты умна... все же, отдавая своего любовника более молодой женщине в лапки, вдруг начинаешь остро чувствовать свой возраст.

— Ваше величество! — Таламир смотрел с таким укором. — Если бы вы ее видели! Несчастливая девочка...

— Вот даже как? — в голосе проскользнула легкая изморозь. — Но брак с вами — разве это не счастье? Вы ведь все сделаете для своей супруги?

— Все я могу сделать только для своей королевы. Королевы не только моей страны, но и моей души, сердца, разума, — Таламир попытался припасть горячим поцелуем к тонким пальчикам — не позволили. Пока. — А жена... Ваше величество, она — страшная!

И прозвучало это так искренне что Лидия мигом простила ему брак! Но не до конца, пока еще не до конца.

— Страшная?

— Кости и кожа, — честно признался Таламир. — Волосы как седые, а глаза, словно у кролика.

— Ночью все кошки серые, даже белые, с красными глазами, — королеву опять цапнула ревность.

— То и хорошо, что ночью. Что бы я при свете дня делал, ваше величество, ума не приложу, — так искренне признался Таламир, что Королева простила его окончательно. Хотя, справедливости ради, мужчина слегка привирал.

Да, Алаис была не красавицей. Но черты лица у нее были правильные, волосы густые и длинные, а краски...

А сколько женщин извлекает их из баночек на туалетном столике? Да и правильно подобранная одежда творит чудеса. Алаис могла все подобрать правильно, так что отвращения к ней Таламир не испытывал. Любви не было, это верно, но и раздражения супруга не вызывала. Вопреки утверждениям, главным в семейной жизни оказывались вовсе не титьки, а ум и такт.

Дальше разговор уже пошел намного легче, и даже закончился приглашением для Таламира на вечерний бокал вина. Верность королева не хранила, этого не было, но фаворит, которого она взяла на замену, ей уже изрядно поднадоел, так почему бы и не вернуть Таламира?

Жена?

Да хватит его и на жену. Наверное.

Вот за бокалом вина и обсудим все подробно, а то сейчас некогда. Занимайтесь войсками, тьер Таламир, герцог Карнавон. Занимайтесь войсками.

Таламир поклонился и умчался в казармы, а королева отправилась завтракать. Может, она и не так молода.

Но она красива, и она королева, и забывать об этом она никому не позволит!

Вечер прошел для Алаис просто чудесно. Супруга вызвали ко двору, так что ночь намечалась спокойная и уютная. Женщину это не просто обрадовало — это был добрый знак. Ей как раз хватит времени поработать над своим лицом.

И таки получилось!

Когда Алаис сообразила, что надо не просто рисовать морщины, а прокладывать их по естественным. То есть наморщить лоб и подчеркнуть складки, сжать губы в куриную гузку и подчеркнуть складки, скулы, переносица, щеки, потом растушевать это дело. Подумать, чертыхнуться, потому что угольная пыль получалась слишком темной, добавить мела — и вот серая краска оказалась идеальной. Особенно под глаза. А брови и ресницы у нее и так были седые, то есть белые. Главное было не переборщить.

Накраситься.

Смыть все к чертовой, то есть кракеновой бабушке.

Повторить макияж еще раз.

Опять смыть и опять повторить.

И так шесть раз подряд, пока рука не будет двигаться сама, на автомате.

К полуночи Алаис добилась совершенства.

Смешанная краска была в отдельной баночке, кисть порхала легко и уверенно, старушечий грим ложился на предварительно набеленное лицо полосками и черточками, и выглядело это так, словно старуха попыталась замазать морщины, да не получилось.

Платок на голову так, чтобы были видны седые волосы — и бабка выходила просто идеальная. Оставалось платье, и... легенда!

Когда пожилые женщины просто так ходят по улицам? Куда, зачем, что им делать в городе?

Хм-м...

Алаис призвала на помощь всю девичью память, и к утру, уже в полудреме, получила нужный ответ. Она вдова. Приехала получить наследство для внуков, ей надо где-то остановиться на пару дней, и это должно быть достойное заведение. Вот в такое поверят. Только надо тщательно проработать легенду. Где она жила, чье наследство... да чего тут думать? Сестры!

Сестра у нее была замужем за мелким лавочником, сам муж помер с год назад, а теперь вот и сестра убралась. Вот Таиса (имя было выбрано по принципу наибольшего сходства и с Таней, и с Алаис) Лернен и приехала, все ж ей завещано. Получит наследство, продаст лавочку тому, кто больше даст, да и поедет обратно, к внучкам. А вы знаете, какой у меня гениальный внучок? У меня ж трое, вот у младшей дочери внук родился, такой смышленный малыш, ну такой смышленный! Он меня уже узнает, пузыри пускает, пукает каждый раз, как я к кровати подхожу...

Таня никогда не имела детей, но на сестру насмотрелась. И на ее чадушек тоже. Говорить о своих сокровищах сестрица могла часами и сутками, и говорила, пока Таня не

затыкала ее. Впрочем, это случалось не слишком часто. Своих нет, так хоть о чужих послушать.

Вот продать тут лавочку, а дома внучку чего прикупить. Домик, может? Или тоже лавочку? Если домик, то не придет ли он в негодность к совершеннолетию малыша? А если лавочку, то кто торговать будет? Зять?

Так у него, негодяя, руки из такого места растут, что озвучить неудобно! Отвратительный тип! Просто жуткий! Все промотает, все прогадит, что ему не дай! Гвоздя в доме не вобьет, денег не приносит, невоспитан, непочтителен, неумен, и вообще, словосочетание 'хороший зять' порядочная теща в своем лексиконе не держит.

И как моя дочь такого выбрала? Она достойна лучшего! Короля достойна! Принца, да наш вот, маловат, а к другим ехать денег нет. Эххх...

Идея заслуживала внимания. Алаис крутила ее и так и этак.

Приплыла она на корабле, естественно, одна, к чему ей компаньонка в таком-то возрасте. А что, я вам нравлюсь?

Да, были и мы рысаками когда-то... Это сейчас меня скрючило, а раньше — не думайте! Я была — уххх! И даже оххх! Вы просто ничего не понимаете, вот!

Из плотной ткани был сшит мешок по типу рюкзака. Руки у Алаис росли из нужного места, да и то — какая средневековая девушка не умеет шить? И сшить что пожелает, и вышить, а уж лямки выкроить, да пришить — дело вовсе минутное.

Клюка?

На клюку пошла палка от метлы, злостно украденной Алаис из кладовки. Женщина сделала зарубку на черенке и пообещала себе выше не братья и не разгибаться.

Тяжело?

Ничего, переживем! Рожать тяжелее, а помирать — тем более. Может, еще пару родинок на лице нарисовать? Или не стоит?

Алаис серьезно обдумала этот вопрос, но потом решила не переигрывать.

Морщины — это нечто иное. Мы говорим, двигаемся, мимический рисунок меняется каждую минуту, мы улыбаемся, хмуримся, кто там разберет, на каком месте та или иная морщина? А вот родинка...

Забудешь еще с нервов, где ее нарисовала, и будет она со лба на нос путешествовать.

Главное в нашем деле — не переигрывать.

Оставалось платье.

Вообще, пару материнских Алаис привезла. Так это ж герцогские! То есть — с вышивкой, вырезом, украшениями... ну что тут скажешь?

Вышивку отодрать, так даже лучше будет. Видно, что платье было хорошим, но куплено явно у старьевщика, по сходной цене. Еще пару пятен посадить и подол порвать, в самый раз будет. Украшения тоже долой, оставить только одно. Поаляповатистее. И прицепить на самый центр, чтобы было видно — старались! Украшали платьице!

Алаис размышляла, а руки привычно выдергивали серебряную нить из юбки, безжалостно обрывали кружево, потом встала проблема выреза.

Платье должно быть глухим, и никак иначе. Это лицо заgrimировать можно, и шею, а грудь? Да и не носят приличные старушки ничего столь открытого, тем более в путешествии.

Алаис долго размышляла, а потом плюнула. Взяла — и закрыла вырез вставкой из другой ткани. И пришила намертво. Было бы там белое кружево, было бы эротично, а так получилось дешево, сердито и под горло. Темненько, скромненько, вот сюда цветок из ткани

и приляпать. Достойная вдова Лернен из... из Ронола, благо, это черт те где расположено.

Когда Алаис надела на себя рюкзак, сверху платье, а потом еще и плащ накинула, сгорбилась и зашамкала губами... черрррт!

Зубы!!!

Вот так и прокалываются! Не бывает здесь и сейчас у старушек такого оскала — хоть проволоку перекусывай! Не бывает!

Зубы были спешно замазаны темным, и старуха ощерилась кучей провалов в челюсти. Так-то оно лучше будет. Руки?

Да, еще и руки гримировать, все время в перчатках не находишься. Теплый плащ засвинячить побольше — и отлично. Можно еще волосы запачкать побольше, да и запах, запах! Помойку, что ли, на себя опрокинуть? Или просто поспать в этом платье? Упражнения поделать? Поотжиматься, присесть?

Алаис вздохнула.

Только сейчас она в полной мере поняла, как горек хлеб шпиона. Столько продумать надо — с ума сойдешь!

Ничего, она справится! Еще как справится, если жить хочется!

Ант Таламир проводил эту ночь куда как приятнее, чем его супруга. Он долго и со вкусом любил королеву, пока наконец не настало перенасыщение, и любовники не отвалились друг от друга.

— Ты как всегда, восхитителен, мой жеребец, — мурлыкнула королева, проводя по волосатой груди тонким пальчиком.

Таламир перехватил нежную ручку и поцеловал, про себя кляня тупых баб. И чего их тянет на возвышенные беседы после любви? Вот ему сейчас бы пожрать, а потом поспать, и побольше, побольше! Не дадут ведь! Приходится изображать из себя галантного кавалера!

Таламир даже с симпатией подумал о жене. Алаис каждый раз приказывала ставить в спальню поднос с едой, и не разговаривала, а отворачивалась и засыпала. Что еще надо для счастья?

— Моя королева, для вас — что угодно! Рядом с вами и дерево встанет, даже если его бурей повалило.

Лидия хихикнула в ответ на комплимент, и Таламир подумал, что его это... раздражает?

Алаис никогда себе такого не позволяла, она была аристократкой до мозга костей. Лидия же...

Одна впитала манеры с молоком матери, аристократка с кости и крови, вторая же... Новородые*, этим все сказано. Как ни тянись, все не то, не так...

* **новородые** — те, кто получил свой титул после смерти последнего из королей.

Прим. авт.

— Я боялась, что ты меня забыл.

— Никогда! Это просто невозможно.

— И все же я не верю, что твоя жена так уродлива.

— Я могу привести ее ко двору, ваше величество — убедитесь сами, — разыграл обиду Таламир.

Лидия подумала.

— Что ж. Это моя обязанность — покровительствовать сироткам. Малый прием будет

через десять дней, приводи свою жену. Представишь ее, посмотрим, что там за уродина.

— Вы поймете меня, ваше величество. Воистину, только супружеский долг и надежда на наследника с кровью Карнавон заставляют меня...

— Неужели там не было никого симпатичнее? У Карнавона было две дочери я ничего не путаю?

— Старшая оказалась шлюхой. Алаис, по крайней мере, была невинна, — пояснил Таламир.

— Ах, вот как...

— Да. Старшая, Алита Карнавон, была помолвлена с наследником Эфорна. Кстати, я привез его.

— Да, ты писал.

— Моя королева, разве это плохая идея? Женить его на достойной женщине, получить наследника Эфрона и воспитать в нужном ключе. И старый граф ничего не сделает.

Лидия задумалась.

— Да, план хорош. Вот что, я подберу подходящую женщину, а ты пока поддержи юношу у себя.

Вместо ответа Таламир еще раз поцеловал королевскую ручку. Не говорить же ее величеству, что это идея Алаис. Мстительная у него супруга — и неглупая. Он сам бы подобного точно не придумал, а она вот...

Не в первый раз в голову Таламира забрела мысль, что такую, как Алаис, приятно иметь на своей стороне. Только вот если она станет врагом — можно заранее заказывать гроб. Слишком уж умна. А что именно она сочтет оскорблением — не угадаешь.

Но точно не связь с королевой, для этого Алаис слишком умна.

— У меня есть несколько уютных комнат для гостей.

В одной из таких комнат и сидел сейчас Маркус Эфрон. А что на цепи, в кандалах и под охраной, так это уже детали.

Лидия понимающе усмехнулась.

— Не сбежит?

— Ваше величество!

— Ты уверен, что не сбежит? Мало ли кто ему посочувствует?

— Уж точно не Алаис. Она была в него влюблена, но юноша имел неосторожность... презрительно отозваться о ее внешности, в присутствии близких ей людей и самой девушки. Она не простила.

— Арден! Ант, я начинаю бояться твоей супруги!

— О, Алаис получила исполнение своей мечты. Она — герцогиня Карнавон, она больше не опасна. А своих родных она ненавидела. Уродливый, нелюбимый ребенок, что тут скажешь?

Лидия кивнула своим мыслям. Да, гадкие утята, они такие. И никогда не знаешь, что вылупится из яйца — то ли утенок, то ли сколопендра.

— Что ж, приводи ее. Посмотрим.

— Она понравится вам, ваше величество, — уверенно сказал Таламир. — Алаис — это потрясающее сочетание уродливого лица, острого ума и понимания своего места.

— Это встречается редко, — улыбнулась Лидия. — И хватит о ней!

Гибкое тело опять прильнуло к Таламиру, зеленые глаза встретились с карими.

— Поцелуй меня. Это приказ.

— Моя королева, как ваш генерал, я обязан повиноваться.

И любовная битва вновь закипела на смятых простынях. Ох, не просто так ценили Таламира придворные дамы.

Семейство Даверт.

Увидев Элиссу, Эрико выкинул все из головы, и отца, и Луиса, и даже деньги для Лу...

Девушка была очаровательна. Золотистые волосы, громадные глаза... простенькое платье, заштопанное на скорую руку.

— Нет, так не годится, — решил Эрико.

— Монтьер?

— Такая девушка, как ты, не должна носить это старье. Мы едем приодеть тебя.

Тем более, что у знакомой модистки Эрико давно был любимым клиентом. С большими скидками. И не надо пошлых мыслей, просто девушек удобнее одевать в одном и том же месте, особенно если хозяйка не расположена ни с кем сплетничать о твоих делах.

День прошел очень приятно.

Сначала Эрико приодел свою девушку, причем Элисса так мило смущалась, так благодарила за каждую мелочь, потом поехал по делам, отобрал меха для Лусии, отложил несколько соболиных шкур для Элиссы, ей будет очень к лицу, золото волос на темном мехе, и только под вечер занялся неприятными делами.

Ему надо было выставить из снимаемого дома свою прежнюю любовницу. Крошка Жанна стала надоедливой, чего-то постоянно требовала — что за наглость?

Дело женщины, стараться в постели, а оценить ее по достоинству должен мужчина, и вознаградить — тоже. Потом она с благодарностью принимает подарок — и старается вдвое! И никак иначе!

А когда женщина думает, что разделенное ложе дает ей какие-то сомнительные права на мужчину... ну уж нет!

Если Эрико когда и женится, то на благородной тьерине, разумеется, девушке, чистой и непорочной. И принадлежать его супруга будет только ему, а не так как все эти шлюхи. От одного, к другому, третьему... что тут непонятного?

Не с тебя начали, не тобой и закончат!

Эрико совершенно не думал, что его мать, ведя жизнь содержанки, уже сколько лет остается верна его отцу. Не вспоминал знакомых, которым наставил рога — к чему?

Его все устраивало. А про двойные стандарты в этом мире отродясь не слыхивали.

Жанна, предсказуемо, собирать вещи и убираться не пожелала, разгорелся базарный скандал, об голову Эрико попытались разбить жутковатую вазу (ему она тоже не нравилась но не настолько же?) и в результате пришлось выкидывать наглую девку из дома в прямом смысле слова, за шиворот, обеспечивая всех соседей бесплатным развлечением.

А потом выкидывать и все ее вещи.

Слуги с удовольствием помогли — платил им Эрико, а Жанна просто закатывала скандалы и ругалась. Со спокойствием приняли известие, что скоро (завтра-послезавтра) здесь поселится другая девушка, так что все отчистить, вымыть, и чтобы следа этой шлюхи не осталось!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Эрико проверит лично!

Трое слуг — конюх, кухарка и горничная, закивали, соглашаясь. Эрико бывал здесь достаточно часто, платил щедро, зазноб своих менял регулярно, так что все в доме было подстроено под его вкусы. А прислушиваться к каждой его девице слуги не считали необходимым. Не нравится ей что-то?

Пусть покричит, туфлями пошвыряется, хозяин приедет — и укорот даст. Другую-то девку завсегда найти можно, а ты найди хорошего и неболтливого слугу? Вот где редкость!

Эрико с удовольствием оглядел комнату и кивнул. Нежные розовые, белые и голубоватые тона, Элисса в них будет смотреться великолепно.

— Розы по дому поставьте. Белые. В вазах.

— Будет сделано, хозяин, — горничная присела в книксене.

— И на ужин что-нибудь... этакое... — Эрико покрутил в воздухе рукой, но кухарка его отлично поняла.

Устрицы, артишоки, игристое вино... ужин для соблазнения, а не ради приема пищи. Это она могла.

— Как скажете, тьер, — кухарка полупоклонилась. С книксенами ей было сложнее — мешал вес, давно переваливший за сто килограммов. Но готовила она так, что Эрико готов был тарелку облизать.

Слуги уже поняли, что хозяин нашел замену своей любовнице, и очень его одобряли. Эта какая-то истеричная попалась...

Если бы Эрико видел, чем занимается его предполагаемая возлюбленная, он мигом бы пожалел о крошке Жанне. Ибо Элисса отчитывалась перед тьером Эльнором.

— Мне уже закупили платьев, украшений и прочей дряни, Эрико говорил что-то насчет мехов, собирается поселить меня в отдельном доме, и похоже, всерьез увлекся.

— Всерьез Эрико Даверт никем не увлекается, — махнул рукой тьер Эльнор. — Сильно он тобой увлекся?

— Да, думаю — да.

— И долго ты сможешь удерживать его внимание?

Элисса тряхнула золотыми волосами.

— Сколько скажете.

Иллюзий Элисса не питала, что такое ореховая болезнь отлично знала, и знала, что если она есть у матери, то будет и у дочери. Ей просто повезло, что на ней ничего не отразилось, но рано или поздно, так или иначе...*

*** существует скрытая форма сифилиса, при которой внешних признаков нет, а трепонема в крови плавает. Прим. авт.**

Женщина знала, какая судьба ее ждет, ненавидела тех, кто обрек ее на это, и собиралась поквитаться со всем миром.

Эрико Даверт перед ней не виноват?

А что он сделал, чтобы ей было лучше?

Элисса точно знала, что рано или поздно станет такой же, как ее мать. Провалившийся нос, жутковатые язвы по всему телу, возможно — безумие. И ей хотелось прожить как можно лучше тот срок, который ей отпущен. Может, она и сойдет с ума! Но подыхать в сточной канаве ей очень не хочется! Если у нее будут деньги, за ней будет и уход, так-то... а

что ради этого потребуется?

Продать, предать, переспать, даже убить — да разве это важно? Ее никто не жалел, она тоже никого жалеть не станет.

Тьер Эльнор подумал, потом кивнул.

— Да, если ты сможешь пробыть рядом с ним хотя бы с полгода...

— Смогу, — уверенно отозвалась Элисса.

— Отлично. Мне нужно, чтобы ты его разговорила и передавала мне сведения о торговых делах Давертов. Сможешь?

Элисса кивнула.

— Все, что подарит тебе Даверт — твое, ну и я добавлю, не поскуплюсь.

В этом Элисса не сомневалась. Тьер Эльнор был давним ее знакомым, и в скупости его никто не обвинял.

— Я пробуду с Эрико Давертом столько, сколько вам понадобится. И... как будем передавать сведения?

— Будешь приходить к 'отцу'. Сначала умолять о прощении, потом он тебя-таки простит, будешь просто навещать его, — тьер Эльнор подумал, что Карло придется надолго задержаться в Тавальене. Но вряд ли мужчина будет возражать.

— Как скажете, тьер.

— Думаю, раз в пять дней будет достаточно. И переживай побольше, мужчины любят утонченное страдание.

Ответный взгляд Элиссы был слегка высокомерным. Красота какая, священник учит проститутку обращаться с клиентом. До тьера Эльнора тоже дошла ирония ситуации, потому что он смущенно фыркнул.

— Благословляю тебя на благое дело во имя Ардена, дитя моря.

— Арнэ.

Элисса накинула на плечи капюшон плаща и вышла прочь. Да, это поручение ей нравилось. Эрико не был противным, и судя по повадкам, он просто любитель женщин, без особых извращений и изысков. Надо будет разыграть с ним девственницу, тогда он проникнется и станет управляемым. Достать кровь, покричать побольше, слезинки выдавить...

Интересно, куда ее поселят? Насколько свободно она себя будет чувствовать? Много ли при ней будет соглядатаев?

Но кровь может достать и ее 'папенька', а она может взять пузырек, придя к нему. На худой конец и поранить себя можно там, где мужчины обычно не смотрят. Вывернется. Не первый раз из себя девочку строить, не первый клиент, которому она девственность продает.

Элисса улыбнулась, спеша по улице. Тьер Эльнор свое слово держит крепко, сказал — денег даст, значит, даст. А деньги — это все, что ей нужно.

Доволен был и тьер Эльнор. Он планировал просто заразить Эрико Даверта ореховой болезнью, но если получится еще и подвести к нему шпиона, хотя бы на краткое время — почему нет?

Власть — это деньги, а деньгами в семействе Давертов занимается Эрико. Эльнор твердо намеревался лишить Эттана всего.

Детей.

Денег.

Власти.

Ну, последний пункт еще надо было обдумать и уточнить, а первые начинали претворяться в жизнь. И пощады Даверт не допросится.

Вальера Тессани медленно шла по улице.

Кто бы сейчас опознал гордую тьерину в простом плаще, капюшон глубоко надвинут на лицо, на руках перчатки, на ногах — простые башмаки, все сделано, чтобы ее не опознал случайный знакомый.

Потому что шла она в ту часть Тавальена, которую называли 'грязным городом', и делать ей там было решительно нечего.

Ну, это как сказать.

Не раз и не два приходила сюда женщина.

И за травами, о которых лучше не говорить, и за тем, что ценнее трав и зелий.

За знаниями.

Если бы кто-то спросил Вальеру, легко ли привлечь Эттана Даверта, она бы и не задумалась.

Легко.

А вот удержать его — что скалу на острие иглы. С ума сойдешь раньше, неподъемная это задача. Но дети-то у них общие? Вот Вальера и решила сделать все. Чтобы стать для Эттана не просто женщиной — тылом. Пусть спит с кем пожелает, но возвращаться он будет к ней и только к ней, потому что никто иной не даст ему настолько дельного совета, не поможет посмотреть на ситуацию со стороны, не расскажет важной сплетни.

А для того, Чтобы это было — знать нужно.

А чтобы знать, нужна информация. Что-то можно узнать по салонам, по чужим домам, по сплетням со знакомыми. А что-то и...

Откуда берется информация в грязном квартале, Вальера не знала. Догадывалась, но точно знать не хотела. Ей достаточно было, что она приходит, платит деньги, и вскоре получает запрошенное. Вот и сейчас...

Неприметная лавка 'Травы тетушки Мирль' не радовала глаз яркой вывеской. Наоборот, словно пряталась в изгибах улицы, даже вход скрывался в проулочке между двумя домами. Но кому нужно, то входил. А Вальера была здесь завсегдаем.

Открылась дверь, привычно звякнул колокольчик.

— День добрый, хозяйева.

Из-за прилавка показалась сама тетушка. И насколько же обманчива внешность! Увидев ее, любой бы сказал — какая милая женщина! Статная, румяная, светловолосая и кареглазая, она производила впечатление весьма недалекой особы. С первого взгляда.

А потом опытный глаз подмечал ее движения, быстрые и в то же время плавные, подмечал самострел под прилавком — и это заставляло призадуматься. Интересными у Мирль были и руки.

В травяных пятнах, и в то же время с аккуратными ногтями, и с парой весьма и весьма дорогих колец, какие не всякой тьерине подъемно носить. Рубин величиной с голубиное яйцо, в тяжелой золотой оправе в виде крыльев, и сапфир, не меньшего размера, в оправе в виде венка колосьев.

Вальера догадывалась, что это не просто кольца, но не спрашивала. Ей ли на других

пенять, если под большим янтарем на ее руке прячется скромный белый порошочек. Нажать на шпенек оправы — и высыпать в кубок.

Растворяется мгновенно, а действует с небольшим запозданием, так, что жертва умрет только через пару дней. Что и требуется.

— День добрый, тьерина.

Вальера никогда не могла понять — это вежливость, или издевка? Днем-то она никогда сюда не приходила, только поздно ночью.

— И вам доброй ночи, тетушка Мирль,

Привычный ритуал был исполнен, настало время перейти к делам.

Вальера выложила на столик приятно округлившийся кошелек..

— Тетушка Мирль, помощь нужна.

Рука женщины легла на кошелек, коснулась, взвесила — Вальера готова была поспорить, что количество монет в кошельке оценено до последнего золотого и признано достаточным. И голубые глаза опять двумя ледяными кольями воткнулись в ее лицо.

— нужно узнать все возможное о семье герцогов Карста.

— Это долго и дорого.

— я добавлю. Если нужно, сколько нужно, только помощи.

— Пока денег хватит. Но это действительно долго, пара месяцев точно пройдет.

— Я знаю. Но время еще есть.

А что будет дальше? Эттан не станет менять своего решения, если не узнает чего-то недоброго о семье герцогов. А Вальера...

Она готова была палец отдать на отсечение — что-то здесь нечисто! Что-то нехорошо!

Не к добру...

— Это связано со сватовством Карстов?

Женщина едва смогла сдержать возглас удивления. Вроде бы и не говорили никому, но...

— откуда?

По лицу Мирль скользнула улыбка.

— Неважно. Но...?

— Да, — выдохнула Вальера.

— Хорошо. Приходи сюда же через месяц. Что еще нужно?

— Травы.

— Какие?

Вальера принялась перечислять все необходимое, с тревогой думая о Лусии.

Ее доченька, ее маленькая девочка.

Ее дети.

Давно ли она держала их у груди, давно ли они смотрели большущими глазенками, улыбаясь первой младенческой улыбкой, давно ли они во всем зависели от нее и знали, что мама — их защита от злого и холодного мира?

Неважно.

Некоторые вещи не меняются. Если ее детям требуется помощь, Вальера сделает все. Вообще все.

Солжет, убьет, продаст, предаст... это же ее дети, что тут непонятного?

И почему ей так не нравится история со сватовством?

Род Карнавонов.

Что из себя представляет идеальный побег? Лично Алаис таких знала мало, очень мало, и в основном по историческим примерам.

Смотрим историю графа Монте-Кристо.

Очень удачно сбежал товарищ. И знакомых себе сразу нашел, и клад откопал, и врагам мстить пошел... Увы, на клад Алаис рассчитывать не могла. А контрабандисты скорее пустят ее по кругу в знак дружбы. Не пойдет.

Побег из Алькатраса... другие условия.

Из Тауэра, из Шоушенка, из...

Знала-то она немало, но условия были другие. Ей не надо было копать ров ложкой и преодолевать колючую проволоку, ей надо было просто выйти из дома и раствориться в сплетении улиц. Первое надо было сделать незамеченной, а второе так, чтобы ее не нашли.

А как это сделать?

Просто пойти и выйти?

Не-ет, так не получается.

Надо пересечь холл, где все время кто-нибудь находится, надо дойти до ворот, а это еще метров десять, надо открыть ворота и выйти.

Заметят раньше. Да и у ворот постоянно дежурит привратник и два стражника.

Можно выйти через кухню и задний двор. С этим проще. Там есть маленькая калитка, через нее ходят слуги, но на кухне все время кто-то есть.

Постоянно.

И задний двор место густонаселенное. Слуги, конюхи, пара стражников...

Перелезть через забор?

Только не с этим телом. Таня бы рискнула, она-то в детстве и по деревьям лазила, и чего не вытворяла. А Алаис? Эти кисельно-сопельные мышцы, хоть и начали подтягиваться, но все же требовали тренировки. Не выйдет из нее человека-паука, даже человека-таракана не выйдет.

Ладно!

Допустим, она может как-то выйти в город... о! Выехать в город!

А одну ее все равно не оставят. Стукнуть по голове ту же Тарлу и сбежать?

Можно. Только вот беда — в город леди ездят с мини-сумочками, которые крепятся к поясу. И лежат в них ароматический шарик, металлическое зеркальце и коробочка румян. Ну самое необходимое для бегства. Денег — и то на руки не дают, разве что по требованию, а так расплачивается сопровождающий. Это для леди, конечно.

В других домах свободнее, но не у Карнавонов. Да и стережет ее Таламир, как самое большое сокровище.

Ладно. Так сбежать она могла бы, но все, что она для себя приготовила, останется дома. Это плохо, это неправильно.

С пустыми руками она в этом мире и дня не проживет. Найдут и оторвут голову.

Бежать надо отсюда, бежать со всем скарбом, надо просто выйти и уйти.

Как!?

Отравить всех? И нечем, и не получится. Чтобы отравление прошло успешно, надо обеспечить единовременный прием пищи. Это хорошо, когда два-три человека, а тут их около двух дюжин.

Алаис покусала губы.

Был еще один вариант.

Очень рискованный, очень опасный для нее лично, только вот выбора не было. И продумать надо было все до мелочей, потому что второго шанса ей не дадут.

А еще — провести все в отсутствие Таламира. Как ни относишься к супругу, мужик он конкретный. И любой беспорядок пресечет мгновенно.

Сколько его еще не будет?

День?

Два?

Не угадала.

Таламир явился на следующий день, весь в засосах и царапинах, провонявший другой женщиной так, что собаки на дворе едва признали. Алаис сжала кулаки, давя исконные женские инстинкты. Таракана — тапком, изменщика — сковородкой!

— дорогая супруга, через десять дней будет малый прием. Представим вас королеве, так что озаботьтесь платьем, украшениями и прочим, — распорядился Таламир и отправился отсыпаться.

Алаис изобразила послушную марионетку, закивала и отправилась распоряжаться.

Ей позарез надо было съездить к модистке. А как еще сообразить приличное платье за десять дней?

Хорошо хоть корсетов, кринолинов и прочего тут не было. На голое тело одевалось нижнее платье из тонкого полотна, шелка или батиста, льна или чего попроще, в зависимости от статуса. На него надевали несколько нижних юбок — тоже все зависело от статуса, крестьянки и одной могли обойтись, аристократки могли нацепить до десятка, потом следовало верхнее платье. На плечи можно было накинуть шарф, на голову — шляпку или вуаль, но каких-то определенных норм здесь не было. И то хлеб.

Платье Алаис заказала. Из черного газа на алом чехле. Выглядело красиво, но цена была беспредельной. А, ничего!

Герцогиня Карнавон обязана выглядеть лучше всех придворных девок, с этим даже Таламир не поспорит. Поругается и заплатит, особенно если правильно преподнести.

Если она не успеет сбежать — хоть в новом платье покрасуется, если успеет — пусть супруг за него заплатит. Это радует.

А дома...

Верила бы Алаис в богов — сразу бы и Ардена поблагодарила, и Мелиону, и даже Ириона. За такое не жалко.

В этот раз она брала с собой Марту, чередуя всех приставленных девиц. Так меньше опасений, что кто-то поймет, чем она занимается. Она же ехала и приглядывалась к улицам, запоминала названия, повороты, дома, таверны, укладывала в памяти план города...

В свою спальню она вошла неслышно — и ахнула.

— Ах ты, дрянь!

Тарла находилась в комнате герцогини, в наряде герцогини, крутилась перед зеркалом, и даже украшения на себя пристроила. Увидев герцогиню, она ахнула, попятилась, заметалась, но потом вдруг словно опомнилась. Выпрямилась, взглянула даже с вызовом.

— Ваша светлость...

Алаис не стала вступать в дискуссии.

— Слуги!!!

На крик явился лакей и две горничных. Алаис смерила их взглядом и принялась отдавать приказания.

— Девушки, разденьте эту мерзавку, одежду можете поделить между собой. После этой девки я ее не надену. А ты, — кивок в сторону лакея, — дождешься конца раздевания и отведешь ее как есть, на конюшню. Пусть эту шлюху как следует выдерут кнутом. Чтобы месяц провалялась. Понял?

— Не посмеете! — взвизгнула Тарла. — Его светлость...

Алаис прищурилась.

— Ах, его светлость? Милочка, ты решила, что лучше королевы? Или герцогини?

Судя по лицу, именно это она и решила. Алаис чертыхнулась про себя.

Аристократов с детства обучают не гадить там, где живешь. Да и на земле...

Таня отлично знала, что на работе интриг ни с кем заводить нельзя. Если не хочешь потерять работу — никаких отношений, кроме деловых и дружеских. Никаких.

Секс?

Любовь?

Не на работе и не там, где ты живешь. В противном случае придется менять работу и квартиру. Точка.

Таламир допустил главную ошибку — он увидел смазливую служанку и пригреб ее под себя, не подумав о последствиях. И даже что-то ей позволил.

Зря.

В результате, Тарла решила, что стоит выше других, хотя мало ли кто с кем спит?

Горничные подступили к девице и начался концерт.

Тарла завизжала так, что у Алаис уши заложило. А на визг из покоев герцога выглянул Таламир.

— Что тут происходит?!

— Мой дорогой муж, — Алаис улыбнулась, хотя мечта о сковородке становилась все более назойливой, — сия девица решила, что ей слишком многое позволено. Я застала ее в моей комнате, в моем платье и украшениях. Боюсь, что в следующий раз вы застанете ее в своей постели.

Таламир аж поперхнулся.

А что тут скажешь: дорогая, я ее уже — того? Вот она себе и возомнила, чего не надо?

Можно, спору нет. Таламир понимал, что сказать он это может, но уронит себя в глазах окружающих. Какое там уважение?

Смеяться будут!

Еще и уточнять, не перепутает ли он служанку с герцогиней, сколько он перед этим выпил и прочее... Одно дело завести интрижку с королевой, это даже возвышает как-то. но с деревенской девкой, которая еще вчера навоз из-под коров выгребала?

— И что вы собираетесь делать, дражайшая супруга?

— Выпороть ее как следует.

— Монтьер! — Тарла, осознав, что наказание неотвратимо близится, кинулась в ноги Таламиру, обильно покрывая их слюнявыми и слезливыми поцелуями. — Монтьер, прошу вас!! Умоляю, смилуйтесь!

Таламир покосился на супругу. Алаис стояла с непроницаемым лицом, всем видом показывая, что его решение закон. Но как тут извернешься?

Таламир, впрочем, придумал.

— Пять ударов кнутом и трое суток карцера.

По сравнению с тем, что назначила Алаис — это было явное помилование. Но протестовать герцогиня не собиралась.

Карцер.

А индивидуальных карцеров тут не предусмотрено. В подвале все. Там и темница, в которой содержится Маркус, свет, Эфрон!

Отлично!

Теперь поломаться для вила.

— Монтьер, — Алаис подошла поближе к Таламиру — Вы уверены? Это слишком мягко для подобной твари.

— Вы оспариваете мое решение, госпожа герцогиня?

— Ваше решение — закон в вашем доме, монтьер, — отступила Алаис. — Но хочу заметить, что это оскорбительно.

— Дорогая супруга... — Таламир прищурился с явной угрозой.

Алаис отступила окончательно.

— Монтьер.

Легкий поклон, чтобы Таламир уверился, что настоял на своем и сам принял решение. Главное — он запомнит, что жена была против.

У себя в спальне Алаис закрыла дверь и прислонилась к ней.

Сама она бы такую ситуацию не подстроила, но раз уж случилось — грех не воспользоваться. Спасибо, Тарла. Спасибо, муженек...

На отработку деталей ушло еще четыре дня. За это время Тарла вышла из карцера и вела себя тише воды ниже травы. Видимо, произошло просветление.

Алаис еще раз продумала все.

План был отработан, оставалось дожидаться, когда Таламир отбудет на ночь во дворец. Ровно через шесть дней так и произошло. Супруг отправился во дворец после обеда, и Алаис поняла, что настало время действовать.

Комнаты свои муженек не запирает, и Алаис это было только на руку. Кто бы остановил герцогиню, которая решила отправиться к мужу? Да никто?

Вот если бы она со двора пошла. Дело другое, а в спальню к супругу? Может, она там сюрприз какой готовит! Кто бы осмелился ей запретить!

Часа Алаис хватило с лихвой. Как раз и темнеть начало...

Позвать Тарлу было несложно.

Девушка пришла, поклонилась, обожгла злобным взглядом, но Алаис сделала вид, что ничего не заметила и принялась отдавать распоряжения.

— Сейчас спустишься на кухню, принесешь мне стакан малинового взвара с медом.

— Да, госпожа.

На это ушло минут десять. Алаис приняла стакан, улеглась на кровать и принялась гонять девушку поручениями.

Наломать жасмина, поставить в вазу, выкинуть жасмин, чтобы не вонял, принести книгу, отнести книгу, принести еще взвара, ох, Ирион! Пролила!

Помоги мне переодеться, криворукая! Да не этот халат, а другой! И ночная рубашка не

та! Нет, и не эта! Вон та!

Белая рубашка Алаис тоже не удовлетворила.

Не к лицу!

Дай сюда голубую!

Смени белье, дура! Да не на это! Белье должно по цвету подходить к ночной рубашке!

Теперь отнеси его в стирку, и возвращайся. Да поживее, дура!

Алаис проводила девицу взглядом и выдохнула.

Вот так!

Загоняла она ее как следует, Тарла уже едва ноги передвигала. Теперь переходим к следующему этапу. Свечи задуть и вытащить их из подсвечников. Один, самый ухватистый, взять поудобнее. Замотать его полотенцем, и ждать.

Алаис еще раз примерилась и встала за дверь. Через пять минут послышались шаги.

Тарла, определенно. Ее походку Алаис уже выучила.

Служанка открыла дверь, шагнула внутрь, и на миг замерла. В коридоре-то светло, а в комнате темно. Что сделает человек в такой ситуации?

Замрет на пару секунд, чтобы глаза привыкли к темноте.

Тарла не оказалась исключением. Алаис размахнулась — и от души врезала ей по затылку подсвечником. Послышался неприятный звук, и служанка осела на пол, даже не охнув.

Алаис бросилась к ней.

Благо, глаза привыкли к темноте, она может действовать быстро.

Первое — закрыть дверь на засов. Вот так, отлично, теперь сюда можно войти только из комнат герцога, но вряд ли кто-то решится.

Второе — проверить пульс на шее дурочки.

Дышит, хвала Ардену!

Веревки Алаис нарезала заранее, изведя на них несколько нижних юбок поплотнее. Раздеть Тарлу оказалось несложно, стащить с нее нашлапку вроде чепчика на волосах, платье и башмаки, крепко связать в несколько слоев и на ногах и на руках, навертеть узлов, привязать к кровати и всунуть кляп. Теперь не вывернется.

Отлично.

Алаис огляделась.

Маскарадный костюм старухи — здесь. Скорее, теперь главное — скорость! Алаис быстро принялась наносить грим перед зеркалом. Черная линия, белым подчеркнуть, растушевать. Еще одна морщина готова. И еще одна.

Надеть платье старухи, поверх него надеть платье служанки, замаскировать плащ и рюкзак ворохом простыней. На ноги — свою удобную обувь, волосы заплести в косу и убрать под платье, чтобы точно не выбились... вот так! готово!

Теперь — вниз, на кухню!

Как организован вход в темницы?

В доме Карнавонов это подвал. На кухне есть спуск в погреб, вот за продуктами направо, а к узникам — налево. Пока Алаис гоняла девчонку по своим поручениям, уже наступила полночь, слуги улеглись спать, и — тут Алаис действительно повезло. Карнавоны были жуткими снобами.

В поместьях победнее слуги могли спать у очага на кухне. У Карнавонов для слуг было отведено нечто вроде пристройки к дому. Маленький такой флигелек, где они и

располагались по два-три человека в комнатухе.

У огня дежурил стражник, и тот откровенно посапывал носом. Оглянувшись на вошедшую Алаис, узнал платье — в полусумраке лицо не было видно а платье Тарлы было знакомым, и отвернулся обратно к огню.

Недаром Алаис гоняла девчонку.

Все поняли, что у хозяйки капризное настроение, что Тарла будет бегать туда-сюда, что хозяйка зла на нее... и даже не посочувствовали. А нечего было с хозяином спать!

Вот и стражник наслушался, и теперь не обращал внимания, тем более, что в руках у Алаис была охалка белья, частично скрывающая лицо. Понятно же — хозяйка еще раз потребовала белье поменять...

Второй раз ударить подсвечником было гораздо легче. И связывать стражника было проще.

Так ведь и привыкнуть несложно, — меланхолично подумала Алаис, углубляясь в подвал. — А там, глядишь, и понравится?

Налево, еще раз налево.... не любила Алаис подвалов. Они ее нервировали и раздражали. Нависали, грозя сомкнуться, своды, собирався обрушиваться потолок, щерились осками двери...

Алаис отлично понимала, что это просто нервы. Что все тут укреплено и построено на совесть, что подвалы не обрушатся, что....

Все равно ей здесь не нравилось!

Но она мужественно углублялась в темницы, пока не увидела отблеск факела. Тьер Эфрон поднял голову и прищурился. Алаис остановилась достаточно далеко от мужчины.

— Монтьер Эфрон... монтьер Эфрон!

Услышал. Повернул голову и взгляделся, но не узнал. Это хорошо. Хотя Алаис и сама постаралась. Убрала волосы, разрисовала лицо морщинками, надела платье Тарлы поверх платья старухи, чтобы придать себе подобие фигуры.

— Я Тарла, я служу здесь. Монтьер, вы сможете идти?

Эфрон тряхнул головой. Видимо, не поверил себе.

— Что?!

— Я принесла вам кинжал. Вы сможете выбраться?

— Ты не видишь? Я прикован!

— Я не только кинжал принесла, — Алаис усмехнулась. — Смотрите!

Эфрон впился взглядом в связку ключей.

— Это... это что?

— тут есть и ваши, — Алаис даже не сомневалась в этом.

Это же понятно!

Запирать подвалы — глупо, туда постоянно ходят слуги. То за продуктами, то за вином, то еще за чем! Значит, надо запирать темницы. Дверь решетчатая, чтобы кормить узника, ключи не нужны. Убирать за ним?

Это и раз в неделю можно, чай, не барин! И в дерьме посидит, авось, помягче будет! Метод воспитания — или ломки? Мало кто узнал бы в этом осунувшемся бородаче блестящего тьера, в которого была влюблена Алита...

— Я оставлю вам кинжал вот здесь, — Алаис показала место и положила острую железку. — А вот ключи.

Маркус впился в них глазами.

— Зачем тебе это?

Конечно же, ключи от камер Таламир хранил у себя, никому не доверяя. И от цепи — тоже. Это естественно. А Алаис обшарила его кабинет и нашла несколько связок.

Ключи Карнавона — первая. Знакомые ей ключи, которые она видела в руках у матери.

Ключи хозяйственные городские. Сама несколько раз брала и знала, какой ключ и что открывает.

Третья и четвертая связки.

Непонятные. Вот они и полетели тьеру Эфрону в камеру.

— Мое имя Тарла, тьер Эфрон. И я хочу отомстить.

За что?

А, неважно! Сам придумает!

— Убирайтесь. А я пойду, разберусь с этой заносчивой гадиной Карнавон!

— Стой!

Эфрон лихорадочно перебирал ключи. Что-то у него не ладилось.

Алаис улыбнулась, и ушла. За поворотом на миг прислонилась к камням, вдохнула сырой воздух...

Блаженная прохлада растеклась по спине, проникла под платье, заставила передернуть лопатками, охладила пылающее тело.

Фууууу!

Но рано, рано расслабляться, все еще висит на волоске.

Бе-гом!

На кухне Алаис стащила платье служанки, скрутила его в жгут и сунула в печь. Подождала, пока импровизированный факел начнет тлеть, и прошла обратно в дом. Там швырнула его в кладовку на первом этаже, под лестницей, и закрыла дверь. Заперла на ключ.

Так не сразу поймут, что происходит.

Остаток грима?

Черный платок на волосы, рюкзак на плечи, плащ накинуть сверху, взять посох — и сгорбиться, окончательно превращаясь в старую горбунью.

И — в сад. Прижаться к забору и ждать.

Теперь только ждать какое-то время.

Все, что зависело от Алаис, она сделала, а в этой части плана приходится полагаться на других людей. Теперь все зависит от тьера Эфрона, от того, как быстро обнаружат пожар, от скорости людей...

Арден, помоги!

Плевать, что не верю, ты все равно помоги, а? Будь человеком!

Знать бы, что там сейчас происходит!

Тьер Маркус Эфрон ни на минуту не поверил загадочной 'Тарле'. Мало ли кто там придет, что принесет и кем назовется. Может, это Таламир выбрал очередной способ поиздеваться над узником?

Вполне вероятно!

Первые минут десять Эфрон ничего не делал, ожидая появления врага и издевок.

Потом робко принялся пробовать ключи. И каково же было его изумление, когда восьмой ключ вошел в замок кандалов. Щелкнул, кракнул — и увесистая цепь соскользнула со щиколотки.

Маркус на миг замер, ожидая...чего?

Но кругом царила тишина. И мужчина принялся с энтузиазмом пробовать ключи на замке темницы.

А вдруг?!

Мало ли Таламир нажил себе врагов?

Мало ли их нажила Алаис?

Сам бы убил гадину! Своими руками раздавил бы! Может, и еще кто-то нашелся со схожими стремлениями? Мало ли?

Кинжал влажно поблескивал в рыжеватом свете факела. Манил, искушал, притягивал взгляд, так что на замке темницы Эфрон пробовал ключи с гораздо большим энтузиазмом.

И вновь ему повезло. Правда, на этот раз на одиннадцатом ключе, но ведь это мелочи! Ерунда! И кинжал удобно лег в руку и оказался острым и опасным.

Маркус сделал несколько движений и злорадно оскалился.

Что ж, Таламир! Теперь я обзавелся зубами и когтями — и живым ты меня не возьмешь! Только через мой труп! А лучше — через твой!

Маркус усмехнулся и направился к выходу, ежеминутно ожидая подвоха и держа кинжал наготове. Да, заключение подорвало его здоровье, но не сильно. Таламир не издевался над пленником больше необходимого, помня, что это королевский подарок, и доставить его надо целым и невредимым. Так что руки у Маркуса не дрожали. Он готов был убить любого, кто встанет между ним и свободой.

Только вот никого не было.

На кухне валялся связанный стражник без сознания, добивать его Маркус не собирался. А позаимствовать его одежду и оружие — вполне.

Маркус принялся обдирать с незадачливого бедняги оружие, но не успел.

Из дома потянуло дымом, раздались крики: 'пожар!!!', 'караул!!!', 'горим!!!', затопали по лестницам люди...

Эфрон выругался, схватил меч и плащ — и припустил из кухни.

Чтобы на пороге столкнуться с двумя стражниками, спешившими в дом от задней калитки.

Алаис усмехнулась.

Повезло, как же ей повезло.

Калитки не закрывались на замок, только на засов изнутри, это было нормально. Мало ли кого и куда пошлют, мало ли что случится — ключ не найщешься, а засов можно отодвинуть только изнутри. Снаружи не получится.

Сейчас она видела, как убегают в сторону дома стражники, и как на пороге черного хода разыгрывается какое-то действие со звоном мечей.

Какое?

Да, неважно! Наверное, кто-то наткнулся на Эфрона, и Маркус принялся прорубать себе путь на свободу. Вот уж его судьба Алаис вовсе не интересовала. Выживет — хорошо, помрет — туда и дорога. Ей было важнее, что никто не остался у калитки. А еще, что во

дворе не было собак.

Сторожевые собаки — особая категория. Их берут еще щенками, натаскивают, приучают к хозяевам, раньше у Таламира своего дома не было, значит, и собаки тоже были без надобности. А за пару месяцев ими не обзаведешься.

Алаис довольно улыбнулась и скользнула в калитке. В темноте никто не увидел, как она отодвинула засов. И как выскользнула — тоже. Все сосредоточились на пожаре, кто-то кричал, кто-то бежал с ведром, кто-то дрался с Эфроном... все были при деле. А Алаис скользнула в переплетение ночных улиц.

Первое, что она сделала, это стянула с себя платье служанки, не тратя времени на раздевание. Просто распоролла кинжалом юбку, лиф и рукава. Тряпка упала на мостовую, впрочем, Алаис знала, что валяться ей там недолго. Ткань тут недешева, подберут, постирают и к делу приладят.

Платок сдвинуть пониже на глаза. На посох опереться — и заковылять по улицам.

Опасно ли это?

Да. Но так же, как опасно ходить по улицам города ночью, в двадцать первом веке. Примерно то же на то же.

И там и тут могут изнасиловать, ограбить, убить, ладно, изнасиловать — это не наш случай, геронтофилией тут не страдают, но ограбить или убить вполне. И здесь, и там надо соблюдать свои правила... которые Алаис узнала из болтовни проституток.

Избегать переулков, избегать неосвещенных улиц, избегать темных подворотен, идти только по тем улицам, которые вымощены камнем — они главные. Те, которые мостились досками — не подходят, они быстро перейдут в переулки, а там и до грабителей недалеко. По освещенным улицам стража ходит, а по темным — нет.

Как выбрать таверну?

Надо выбирать ту, где в названии есть золото. Не 'Золотой олень' или там 'Золоченный петушок', а само название должно быть написано золотом. Это означает, что таверна дорогая, если уж хозяин расщедрился.

В таких тавернах вина покупают только с королевской печатью следят, чтобы не было платяных зверей, стараются не обижать постояльцев... дерут три шкуры, да и ладно!

Деньги есть! Пока — есть.

Алаис, не долго думая, отправилась в первую же таверну, которая попалась на ее пути и отвечала заявленным требованиям. Толкнула дверь посильнее... заперто!

Сильно она не расстроилась. На худой конец, она могла переночевать на чьем-нибудь крыльце, или влезть на крышу, на это у нее сил хватит. Тут главное выбрать дом без собаки.

Но таких жертв не понадобилось.

Уже вторая таверна гостеприимно раскрыла перед ней свои двери. Пусть она уже готовилась закрываться, пусть хозяин одарил бабку с горбом и клюкой не самым дружелюбным взглядом — неважно!

Алаис проковыляла к стойке.

— Помоги, сыночек! Во имя Мелионы Милосердной, помоги?

— не подаем, бабушка.

Трактирщик, матерущий мужик лет сорока, цепко глянул на Алаис, и ту аж дрожь пробрала.

Да, это вам не фольклорный персонаж, здесь трактирщики — ребята очень неглупые и хваткие. Три шкуры сдерут...

А выбора все равно нет.

На стол легла серебряная монета.

— Помоги, а, сынок? Я же в матери тебе гожусь, глядишь, и твоей бы маме кто помог?

— Обойдусь без таких мамаш, — любезности не стало больше, но монета со стойки пропала. — Чем помочь-то, бабуся?

— Переночевать бы мне? Сынок, не найдется ли у тебя комнатки?

— Комнатка найдется. А чего так поздно?

— Невестка из дома выгнала, змея подколотная! Гадина морская! Дочь Ирионова... —

Алаис ругалась долго и без особого вкуса, повторялась, всхлипывала, история выходила душераздирающая.

Бедная-несчастливая бабушка, приехала к сыну, а тот отлучился по торговым делам. А невестка ее и на порог не пустила.

Гадюка!

Алаис причитала, жаловалась, шмыгала носом, но не плакала. И не по возрасту, да и грим потечь может, и минут через десять увидела на лице трактирщика нечто вроде усталости. Поверил или нет, но особого отторжения у него история не вызвала, ему бы спать лечь...

Сговорились на небольшой комнатке под лестницей. Конечно. Это было крайне непрестижно и неудобно, но Алаис заверила мужчину, что завтра-послезавтра ее сынок вернется, а тогда уж она и съедет. А на пару ночей переночевать — и ладно! Чай, она не королевская дочь — так деньгами сорить!

Предоплату трактирщик попросил вперед, получил несколько медяков за остаток ночи, а завтрак — отдельно, и Алаис оказалась в небольшой комнатке. Крохотное окошко, узкая кровать, тюфяк, который набивали, не иначе как кирпичами, тощее одеяло, на которое шерсть пошла пополам с колючей проволокой, ночной горшок под кроватью и даже запах затхлости — все это не имело никакого значения.

Свободна!

Неужели она свободна?!

Э, нет...

Она сделала только первый шаг.

Удрать — полбеда, теперь важно не попасться. А еще...

Алаис обернулась вокруг, потом выскользнула из комнатки, нашла в углу зала старую метлу — и затащила ее в комнатку. Подперла ей дверь, придвинула туда же ночной горшок — и вытянулась на кровати.

Неудобно?

Ничего, представим, что это ортопедический матрас. Или массажное кресло. И — спать. Завтра день будет еще тяжелее, а ведь никуда не денешься — надо. Пока она в столице — она в опасности. Ей надо выбраться из города, а лучше — и из страны, тогда можно будет перевести дыхание. Отсыпайся, девочка, отсыпайся пока можешь. А завтра, с новыми силами, начнется игра в прятки.

Завтра будет новый день.

Уже проваливаясь в сон, Алаис подумала о Маркусе Эфроне. Интересно, удалось ли ему вырваться?

А, неважно. Пусть удерет, пусть попадется — для ее плана и то, и другое в самый раз.

Маркус отбивался от наседающих стражников. Парировал удар, полоснул одного из них кинжалом поперек горла, мужик захрипел и упал на колени. Из-под пальцев показалась ярко-алая кровь.

Не жилец.

Остальные шавки, видя такое дело, замешкались.

Маркус бросил взгляд на дом — и заорал, что есть силы:

— ПОЖАР!!! ГОРИТЕ!!!

И это было чистой правдой — из распахнутой двери валили клубы дыма. Часть стражников обернулась — и тут же бросились тушить пожар. Не до сражений в такой-то миг, тут полгорода выгореть может.

Оставшиеся замешкались, растерялись, что делать — то ли к Маркусу, то ли помогать с пожаром — и мужчине этого хватило.

Оглянуться, броситься к калитке, благо, на заднем дворе всегда есть калитка. Засов?

Где он? Рука никак не нашаривает его, а стражники приближаются. Дичь опасна, только вот они в темноте не понимают, на кого охотятся. То ли грабитель забрался, то ли что еще? Вот его и не стараются схватить и скрутить, а ведь навалились они всеми силами, могло бы получиться.

Маркус толкает дверцу плечом — и та легко поддается, распахиваясь наружу.

Маркус едва не упал, он-то толкал, что есть силы, а тут открыто! Темные улицы принимают его, скрывают следы, путают, позади шумит погоня, но мужчине это лишь добавляет сил. И в себя он приходит только в порту. Куча старых ящиков, нестерпимо воняющая рыбой, принимает его в себя, скрывает от противника, позволяет перевести дух.

Маркус знал столицу.

Он бывал здесь не раз, бывал с отцом, у них тут свои интересы, и... свои люди — тоже. Сейчас он переведет дух, подождет, пока затихнет погоня, и пойдет на кожевенную улицу. Там есть человек, который его и примет, и спрячет.

Таламир наверняка будет его искать, это и в воду не гляди, ближайший месяц ему придется отсиживаться где-нибудь в тайнике, но это и неплохо. Дать весточку отцу, чтобы тот не волновался, и — ждать. Выжидать подходящего момента.

Больше Эфроны в столице не появятся. Да и вообще — надо что-то решать. Ясно, что им при Лидии не жизнь, но что делать?

А что тут поделаешь?

Королева — девка продажная, взял ее король за красоту, а так там ничего нет. Ни благородства, ни древней крови — ничего. Только вот сына она родила, и править при нем будет еще долго, и трон под ней пошатывается. Вот и опирается на таких, как Таламир, на безродье, крестьянскую кровь...

Знает, что реши аристократы ее свергнуть...

Не удержится.

Нет, никак не удержится.

Мысль была страшноватой, но... чем Эфрон не король? Если уж эта девка на троне расселась, ноги раздвинув?

Древней крови в них, почитай, и побольше, чем в некоторых, а знамя восстания... да те же Карнавоны!

Уничтожен древний герцогский род, ни за что, подло, исподтишка... ах да, Алаис! Что ж, на вдове можно жениться не хуже, чем на невинной девушке. А и родится у нее отродье от Таламира — придавить, как щенка от беспородного пса.

Интересно, что случилось с женщиной, которая его выпустила. Тарла?

Маркус попробовал припомнить лицо. Нет, неясно. Морщины, седые волосы, платье служанки... может, она еще при Карнавах была в доме? А когда их убили, возненавидела Таламира?

Вполне может быть.

И возненавидела, и постаралась ему отомстить, как смогла. Выпустила пленника, подожгла дом... интересно — это все, что она сделала, или он чего-то не знает?

Неважно! еще узнает.

Но сейчас ему надо добраться до своих.

Маркус попробовал встать на ноги.

А неплохо. После дней, проведенных в цепях, куда как неплохо. Кинжал удобно ложился в руку, меч был чуток длиннее и тяжелее того, к которому привык мужчина, но на безрыбье...

Ему надо добраться до кожевенного квартала — и пусть Арден примет души тех, кто решит ему помешать!

Таламир узнал о пожаре только утром.

Мужчина честь честью провел ночь в королевской опочивальне, а потому...

Простите, монтьер, мы вас искали. По дворцу искали, подметки стирали. К королеве в спальню?

Да кто ж в здравом уме будет вас искать у ее величества? Это ж невозможно! Самоубийство!

И слуг можно было понять. Лидия не отличалась добротой характера, сунься кто к королеве — такое бы устроила! Тюрьма бы раем показалась!

Домой Таламир мчался, как на пожар. И все равно опоздал. Городской особняк Карнавонов встретил его открытыми настежь воротами, выбитыми окнами, вытоптанном двором и — тремя телами.

Слуги толпились тут же, во дворе, и узрев Таламира, попятились назад. Мужчина не удостоил их и взглядом, глядя на тела.

Алаис?

Ир-рион! Не мог змеиный хвост не подложить, гад! Если жена погибла, не оставив наследника — это плохо. Очень плохо. У самого Таламира прав — шиш да маленько, охотники на титул найдутся...

Мужчина подошел к первому телу и потянул за простыню.

Стражник.

Служанка.

Старый слуга.

И!?

Где Алаис?

Вид Таламира был поистине страшен в эту минуту, потому что слуги сжались в плотный комок, попятились, а потом вытолкнули вперед дворецкого. Мужчина тоже был не в

восторге, но говорить пришлось. И отвечать за всех — тоже.

— Монтьер... несчастье! Страшное несчастье!

— Где. Моя. Жена?

Дворецкий затрясся еще сильнее.

— Не знаем, монтьер.

— Что!?

— Монтьер, ее нигде нет! Ни тела, ни госпожи! В ее постели нашли вот эту дуру... — мужчина кивнул на служанку. Таламир пригляделся.

Тарла?

И что она там делала?

— Монтьер, она просто лежала. Связанная. Когда пожар начался, мы к герцогине, а лестница горит, мы через окна, да пока веревки искали, пока лестницы... она задохнулась. Дым же...

— А когда пожар начался? — вкрадчиво поинтересовался Таламир, и услышал полный рассказ.

Около полуночи, точнее никто не смотрел, со двора послышался шум и звон стали. Оказалось, что пленник каким-то образом вырвался на свободу. Пока его пытались схватить и скрутить, начался пожар. Естественно, слуги бросились тушить его.

Воины?

К дворцовому присоединился десятник стражи.

Эфрон?

Да, не узнали. Рубите голову, монтьер, а только ночью, да неожиданно, да как на грех — тучи были, где уж тут Эфрона узнать? Подумали, грабитель залез, вот и начали окружать. Он отбивался, одного убил, вот тела лежат, сами видите, в горло угодил, а как пожар начался, так все закричали — и он утек! Ловить некогда стало!

Погоню послали, да ведь думали, простой воришка, вот и не гнали его сильно. Так, спугнули...

Остальные двое?

Про служанку вы знаете, у слуги сердце не выдержало.

Чужие?

Нет-нет, больше в доме чужих не было. Никого.

Госпожа герцогиня?

С вечера все Тарлу гоняла, то одно ей не так, то второе, все уж спать легли, а она никак утомиться не могла. А потом?

Потом никто ничего не знает. Как пожар начался, так ее никто и не видел.

Таламир скрипнул зубами, но наказания раздавать не спешил. Надо разобраться во всем подробно. Осмотреть дом, что тут, как тут...

К обеду он уже жалел о своем милосердии. Впрочем, это никогда не поздно.

Картина складывалась печальная.

Алаис гоняла служанку. В этом ничего удивительного не было, жена у него далеко не дура, все она видела, все понимала, и доносчицу не любила. Не прогоняла, но и спокойной жизни не давала. Чай, не в первый раз. Легла бы за полночь, и Тарла бы легла. Другое дело, что Алаис могла спать, сколько пожелает, а Тарле весь день носом клевать... такая мелкая, чисто женская месть.

Бывает.

Этот вечер ничем от других таких же не отличался.

Потом Тарла каким-то образом оказывается связанной в кровати Алаис, Маркус Эфрон вырывается из подземелья, а в доме начинается пожар.

Нелогично?

Это если ничего не знать.

В кухне стражник был, но он рассказал, что оглушила его — Тарла! Принесла белье, он мельком увидел, повернулся к ней спиной... кто б не повернулся? И получил чем-то тяжёлым по затылку.

Таламир распорядился выписать негодяю с десятков плетей, но и сам понимал, что наказывать мужика не за что. Разве только зло сорвать.

Кто бы ждал такого подвоха?

Оглушив негодяя, Тарла взяла ключи и выпустила Эфрона. Ключи, кстати, нашлись в клетке. Где они лежат...

Слуги, конечно, не знали. Но Тарла-то была приближена к господам. Могла она подглядеть?

Могла. Таламир криво усмехнулся, думая, что 'слуги не знали' звучит просто смешно. Все они знают, работа такая. Господа не знают, а они разнюхают! Подлое сословие! Вот и эта предала. За деньги ли, еще за какие обещания...

Как они сговорились с Эфроном?

Когда?

Да видимо, когда он мерзавку отправил в подземелье. Уж что ей пообещал аристократишка — неясно, но могла обиженная женщина напакостить подобным образом?

Еще как могла!

Алаис ее тиранит, Таламир наказал, ну и... отомстила.

Не учла одного — она Эфрону даром не нужна оказалась, а вот Алаис...

Мог Маркус добраться до его жены?

Мог, еще как мог. Вот Тарла его наверняка и провела, дел-то! В доме тихо, стражник оглушен, все спят, слуги в пристройке, она ничем не рисковала. А вот Алаис...

Зная его супругу — что ей будет выгоднее? Остаться или уйти с Эфроном?

А вот тут Таламир задумался.

Алаис — женщина неглупая, она могла сопротивляться, могла поднять крик, но если ее не видели во дворе, если Эфрон был один, значит, она ушла с ним по доброй воле. Так, а что с ее платьями?

Краткая ревизия показала, что вся одежда Алаис на месте.

Ушла по своей воле? Или вообще в плаще служанки и ночной рубашке? Потому что не хватает только сапожек...

Но почему!?

В любовь к Эфрону Таламир не поверил ни на минуту. Ни на секунду. Не тот Алаис человек, чтобы вестись на подобную приманку. Но что могло ее заставить удрать? Что?

Ирион!

Вот он дурак!

Лидия!

Алаис отлично знала, что ночи он проводит в постели королевы, что он намеревается представить супругу ко двору... и? Какие она могла сделать выводы?

Любовь, ненависть, ревность — это все чепуха, не те у них отношения. Но что-то же она

подумала? Чем-то Эфрон ее напугал...

Таламир не был глуп, и мозаика медленно, но складывалась. Да именно так.

В столице он отделился от супруги, уделял все внимание ее величеству, и кто посмел бы на его месте поступить иначе? Могла Алаис подумать, что ее бросят в угоду королеве? Или, того интереснее, получат от нее ребенка-второго, да и убьют?

Могла, ох как могла. Алаис девочка неглупая, и если уж Таламир рассматривал эту ситуацию, то она тем более должна была ее просчитать. Тогда, получается, что она сбежала с Эфроном по доброй воле?

Вот это вряд ли. Никто ей не мешал сделать нечто подобное еще в Карнавоне. Или... там побег не увенчался бы успехом?

Таламир застонал, стиснув пальцами виски. Голова просто разрывалась и от боли, и от предположений, сказывались бессонная ночь и выпитое вино. Мысли, словно разлетевшись на осколки, царапали череп изнутри.

Наконец, мужчина тряхнул головой и принялся размышлять.

Итак — кто выпустил Эфрона?

Тут все понятно. Тарла. Она же привела его к Алаис, после чего служанку оглушили, связали и сгрузили на кровать женщины.

Что было дальше?

Эфрон сделал Алаис какое-то предложение. Явно не руки и сердца, это просто смешно. Только вот что можно предложить такой, как она?

Смешной вопрос.

Карнавон.

Алаис нужен только Карнавон. И... месть за смерть близких. Ир-рион!

Тут-то пасьянс и сложился, заставив мужчину похолодеть от простого понимания.

Нелюбимая — не значит нелюбящая. Пусть семья не любила Алаис, но кто сказал, что она их ненавидела? Даже она сама ни разу этого не произносила. Она говорила о своем уродстве, о своих мечтах, но никогда — никогда! — не говорила, что ненавидит свою семью за то, что они сделали с девочкой. И вот за семью она могла мстить.

Прекрасно понимая, что если останется, то ее жизнью будет распоряжаться Ант, а через него и королева, понимая, что отомстить не удастся, в лучшем случае она сможет передать свою месть детям, да и то сомнительно...

Тогда... получается, что она сбежала не просто так? И найти ее не удастся?

Ант выдохнул.

Алаис продумывала все. Нет сомнений, что дурачка Эфрона она тоже поставит себе на службу. И не отпустит, пока он будет ей выгоден.

А еще — Эфрон не отпустит последнюю из Карнавонов. Так что искать надо двоих. Супружескую пару, брата и сестру, и обязательно смотреть в глаза женщины. Глаза и волосы Алаис изменить не сможет... или сможет? Парики, краска — Таламиру ли не знать?

Остаются только глаза.

Ладно. Сейчас все упирается в простой вопрос — супруга уже сбежала из города или нет? Могла... Таламир аж застонал, понимая, что полдня у Алаис было, а значит, в городе ее, скорее всего, нет. И искать надо на дорогах. Ладно. Людей он разошлет. А как проверить корабли, которые ушли из порта? Она ведь могла быть на любом из них, они могли... надо съездить в порт. Мало ли кто ее заметил? Их заметил?

Если Эфрон прикоснулся к Алаис хоть пальцем — ему не жить.

Не из-за большой любви, нет. Просто это его женщина, его имущество, и Таламир свернет шею любому, кто покусится на его собственность.

Итак.

В порту нужно поставить своих людей. На воротах — тоже. И ждать.

Бесконечно Эфрон прятаться не сможет, Алаис тоже, рано или поздно он найдет свою супругу, и... свернет ей шею?

Ну, нет.

Сначала сделает ей наследника, а потом свернет шею.

Алаис в этот момент вовсе не думала о супруге. Ей надо было как следует устроиться в городе. Не сбегать же отсюда?

Нет, конечно.

Таламир будет искать ее, и искать активно. Что бы сделала она на его месте?

Поставила своих людей на воротах и принялась прочесывать город. Так не надо отказывать супругу в сообразительности.

Что он сделает, если никого не поймают?

Решит, что супруга сбежала. До того, как перекрыли ворота. Шанс у нее был, с раннего утра, например. И успокоится рано или поздно.

Вот это время ей и надо переждать в городе.

Не то, чтобы Алаис не размышляла над таким вариантом.

Она могла бы попробовать сбежать ночью — ладно, утром из города. Только вот не создана она для бродяжничанья. А зная Таламира, ее уже сегодня объявят в розыск. Да и просто — напарника нет, а одинокая девушка или одинокий молодой парень, которые не умеют за себя постоять, быстро станут мишенью работоторговцев. Не затем она сбежала из добровольного рабства, чтобы оказаться в рабстве принудительном. Не Эфрона ж в напарники звать?

Интересно, спасся или нет? Впрочем, на ее участь это сильно не повлияет.

Можно было бы попробовать уплыть на корабле. Но...

Вот вы капитан корабля. К вам приходит девушка и просит принять ее на борт — срочно. Приходит ночью, одна, скрываясь, этакая белоручка, заступиться за нее некому, да и ошибки она какие-нибудь совершит... итог?

Либо забортная водичка, либо корабельная шлюха, либо рабский рынок. В разных сочетаниях.

Нет, так дело не пойдет.

С утра она честь по чести позавтракала, расплатилась с хозяином трактира, попрощалась и выползла на улицу, кряхтя так, что позавидовали бы все персы.

Ей надо найти себе норку, отъестся, отоспаться, прикинуть, чем зарабатывать на жизнь, а когда ее перестанут искать, она уедет честь по чести. Уедет спокойно, освоившись с этим миром и со своим местом в нем...

Эти мысли совершенно не мешали дряхлой старухе брести по улице, оглядываться, шаркать ногами, кашлять, сморкаться, плевать и вообще — почти разваливаться на ходу. Артистизм?

Жить хочется. Вот и приходится номера откалывать.

Алаис медленно ползла по улице, изучая вывески, пока одна из них не приглянулась

девушке.

'У тетушки Магдалены'.

Вывеска была исполнена золотом, дом производил впечатление чистенького и уютного, а белые ставни и красные мальвы в палисаднике перед ней делали домик почти родным.

И Алаис решительно толкнула дверь.

Внутри было вполне достойно, ничуть не хуже, чем снаружи. Чистенький пансион, аккуратный и красивый. На первом этаже таверна, но для чистой публики. Столики покрыты скатертями в красно-белую клетку, на окнах цветы и занавески, полы натерты воском...

За стойкой в углу, видимо, сама тетушка Магдалена — статная женщина лет сорока, с рубенсовскими формами, скромное коричневое платье оживляется белым передником, русые волосы убраны под чепчик, голубые глаза глядят спокойно и пристально. К ней-то Алаис и подползла, поминутно охая и хватаясь то за поясницу, то за сердце.

— Ох... здоровычка тебе, доченька.

— И вам здоровья, бабушка.

Особой приветливости Магдалена не проявляла, но и заявить: 'не подаем' тоже не спешила.

— Нельзя ли у вас комнатку снять?

Голубые глаза впились в Алаис. Да так, что женщина почти физически почувствовала, как просвечивают ее кошелёк, как взгляд проникает под грим, и даже глубже — в душу... хорошо, что глаза не видно под низко повязанным платком.

— У нас дорого, — после минуты молчания произнесла Магдалена.

— Чай, не по золотому в день берете?

— Нет. На золотой у нас можно пять дней жить, бабушка.

— Только жить — или столоваться?

— Завтрак и ужин я подам, обед отдельно, если пожелаете.

Алаис подумала, и кивнула.

— Тогда вот за десять дней задаток. Может... ох, годы мои тяжкие, и подольше задержусь...

При виде денег Магдалена ошутимо подобрела. Даже улыбнулась.

— А что ж за нужда, бабушка?

— Скажи уж прямо. дочка — чего тебе, старой, дома не сидится? — заскрипела Алаис. Улыбнулась, показывая вычерненные зубы. — Так за деньгами я сюда и приехала. Сестра у меня померла, вот, наследство получить надобно, да и домой, к внучкам...

— А что ж внучки — не смогли с вами поехать?

В голосе Магдалены звучал подтекст — тебя ж страшно выпускать, ты по дороге развалишься! Сработало!? Ура!

— Так некому больше поехать-то со мной, — Алаис подчеркнуто печально вздохнула. — Сын в отъезде, пока еще вернется, дочь в тягости, внуки малы еще, чай, не они за мной, а я за ними приглядывать стану...

— Ах, вот оно как...

— Да так вот, дочка. Всю жизнь ради них кладешь, а потом оказывается, что и в старости пахать-от надо, — Алаис горестно вздохнула. — Вот и плывет бабка старая на корабле, сегодня уж отдохну, а завтра и к стряпчему...

— Давайте я провожу вас в вашу комнату, — правильно поняла намек Магдалена. — А как...

— Звать-от меня? Зови бабушка Тая. Или госпожа Лернен, коли хочешь.

— Пойдемте, бабушка Тая, — Магдалена решительно сняла с гвоздика ключи от комнатки. — А сумки ваши...

Сумок у Алаис не было, кроме рюкзака. Так это дело поправимое.

— На корабле остались. Где ж мне с собой тяжести таскать, чай, не молоденькая, — Алаис упорно подделывалась под простонародный говор. — Капитан придержать обещал, а завтра и весточку ему дам.

— Да у меня мальчик на побегушках есть, мигом слетает.

Ирион! Вот этого Алаис не предусмотрела.

— Благодарствую. Может, вечер мы с ним и сходим...

— Как скажете, бабушка Тая.

Перед Алаис открылась дверь в небольшую комнатку. Отлично! Просто то, что надо!

Угол комнаты занимала здоровущая кровать под балдахинном. Рядом, на тумбочке стояли медный таз и кувшин для умывания. В углу — здоровущий сундук для пожитков, на нем замок, в который воткнул ключ. Кладите, закрывайте, пользуйтесь.

Еще в комнате был стол и два кресла.

Занавески на окнах, салфетка на столе, салфетка на тумбочке, все простенько, но чисто и аккуратно. Алаис широко улыбнулась.

— Спасибо, дочка. Я уж тогда полежу чуть, а то с той качки кости болят... возраст, чай, не юный...

Магдалена сочувственно покивала, и оставила клиентку одну. Алаис тут же задвинула засов на двери и от души потянулась. А потом принялась осматривать комнату на предмет глазков, подслушек и прочего.

Не нашла. Разве что дымоход... кажется, Дюма писал, как мушкетеры кого-то там подслушали через дымоход? Ладно, она все равно тут разговаривать не собирается. А вечером ходит 'на корабль', прикупит в какой-нибудь лавке сундук или что-то вроде, да и прикажет доставить. Или лучше просто матерчатую сумку? Наверное, второе. Всегда можно сказать, что не с ее артритом брать что-то тяжелое в путешествие...

А платье можно купить и в лавке старьевщика, если не по фигуре будет, так и лучше.

Алаис улеглась на кровать, вытянула гудящие ноги. Да, и обувь. Надо бы купить сапоги на пару размеров больше, чтобы сапог надевать прямо на сапог. Все же ее обувь, хоть и засвинячена до беспредела — именно что дорогая, качественная, красивая, а еще — маленькая. Маленькие руки и маленькие ноги — аристократизм. Это плохо, очень плохо...

Таламир будет искать ее, и сам, и, наверное, силами королевской гвардии. Да, при дворе он надолго станет посмешищем, тут и королевская протекция не поможет. И если искать ее будут гвардейцы...

Алаис сильно подозревала, что напрягаться гвардия не будет. Выскочек нигде не любят, а Таламир — он и есть. И место свое получил частично через постель. Тьфу!

Алаис тоже платила когда-то своим телом за определенные бонусы на работе, но... не любила она этого! Ох, не любила. И Таламира не любила.

И все же, все же...

Может стоило остаться?

Она не Алаис Карнавон, она могла бы приспособиться, могла бы получить выгоду,

могла бы устроиться при дворе...

Нет, не могла бы.

В любой стае выживают свои. А она? Благодаря отцу и политике рода, Карнавоны — отшельники. Демонстративно избегающие королевского двора уже несколько поколений. То есть поддержки у нее нет, не считать же Таламира? Его бы самого кто поддержал, потому как появятся рядом с королевой более увесистые... эммм... органы — и лететь ему из дворца. Даже если и не лететь.

Дети от Алаис нужны, а их мать — вовсе даже ни к чему.

Королева ей не простит происхождения и ума, Таламир — ума и происхождения, вся придворная шушера последует за предводителями, да и попросту — на кой черт ей этот гадюшник? Администрации мало было? Нет уж!

Она отдала юриспруденции малым не тридцать лет, и не собирается растрчивать новую жизнь на дрессировку придворных пираний. Пусть этим займется кто-нибудь другой.

А чем будет заниматься она?

Алаис откровенно не знала. Удрать куда подальше, купить себе домик, выйти замуж, завести детей — все то, чего не додали в прошлой жизни. Почему нет?

А как же мои родные?

Голос прозвенел в голове так неожиданно, что Алаис сама испугалась.

Как же Карнавоны?

Тьфу ты, Ирион! Женщина даже не сразу разобралась со своими мыслями. А ведь они принадлежали еще той Алаис Карнавоны. И это остатки ее личности требовали отстоять свое право на земли герцогства. И отомстить за родных.

Ага, мечты...

С другой стороны. А вот чего она сама хочет?

Действительно жить в глуши? Это хорошо в двадцатом веке, когда ни рабов, ни господ. А тут немного другие порядки. Если ты крестьянка, то можешь вляпаться просто потому, что у благородного тьера плохое настроение. Убьют ради развлечения. Или групповуху устроят. Или еще что-то веселое и интересное. Маркиз де Сад писал о развлечениях знати, а Таня в свое время прочитала его описания. До сих пор помнилось, как насиловали все, в чем дыры были, как издевались, убивали...

Нет уж! Ей такие развлечения ни к чему. И муж не защитит, не в это время.

Если кто помнит Дюма, знаменитый д'Артаньян лапал г-жу Бонасье малым не на глазах у ее супруга, и галантейщик и слова лишнего не промолвил. Почему? А жить хотел.

Продырявят же, и фамилии не спросят. Оскорбили благородного господина, вот он и погорячился. Готов заплатить штраф! Целых два золотых, или даже три!

Здесь это тоже практикуется. Пусть Алаис, с ее своеобразной внешностью ни под кого не подложат, но поиздеваться-то могут!

Вывод — чтобы хорошо жить в этом времени и месте, надо быть благородной. Чтобы быть благородной, надо либо вернуть себе свой титул и дом, либо грохнуть супруга и вторично выйти замуж. Пока оба варианта попросту невыполнимы. Против королевы ей не выгрести.

Свергать королеву?

Ну-ну...

Тем более, что она правит не сама по себе, а от имени сына, как регент. Малолетний король, при нем заботливая мать... единственный вариант для Алаис — это вернуться, когда

короленок подрастет. Если у него будут такие же теплые отношения, как у Людовика Четырнадцатого с матушкой, шансы у нее будут. А если нет...

А ведь обидно. Попасть в тело герцогской дочери, стать герцогиней... но есть и еще один вариант, о котором стоит подумать. В случае смерти дражайшего супруга, Алаис становится вдовствующей герцогиней. А все ее дети, поскольку нажиты в законном браке, считаются детьми ее супруга. Ну, если супруг от них не откажется. Но если помрет, то отказаться ему будет затруднительно.

А ведь идея...

Спрятаться на время.

Найти себе единомышленников, найти людей, которые будут отстаивать твои интересы, потом проплатить убийство супруга, и вернуться в облике вдовы с ребенком. И нагло хлопать ресницами, мол, он сам нас спрятал, сам приказал уехать, сам, все сам...

Почему?

Не знаю... он мужчина, он умный, он познал дао, сяо и мяо, он говорит, а я танцую, и вообще — как вы можете меня спрашивать о таких вещах? Я же любимого мужа потеряла, ыыыыыыыыыыыы! И красный бантик с туфельки впридачу.

Хм-м....

Что нужно для такого предприятия?

Деньги, деньги и еще раз деньги.

Папа, хоть ты и гад был редкостный, а все равно — спасибо. Всех захоронок Карнавона мне не то, что на войну — на столетний мир хватит! В деньгах недостатка не будет, а вот в союзниках...

Алаис прикусила губу.

Союзники... хотя бы советчики. А ведь есть человек, которому она небезразлична. Один, но есть.

Кузина Ланнисия.

Можно для начала отправиться к ней, а там подумать, куда двигаться дальше.

Да, так она и поступит. Через пару месяцев она отправится в Лаис, к кузине Ланисии. Именно туда выдали замуж кузину, за графа... графа Кларендон! Вот!

Лаис — тоже из старых герцогств, на Сенаорит там плевать хотели. Карнавонам не посочувствуют, но и не выдадут, так что...

Лаис!

К тому же это созвучно с ее именем. Может, там ее будет ждать удача?

С тем Алаис и придремала на кровати. Спать все равно хотелось, даже больше, чем есть. Сколько она за последнее время перенервничала, вот организм и наверстывал, чем мог. В частности — сном.

Алаис спала, и ей снилось море. Теплое и родное. Она гуляла по пляжу и собирала жемчужницы. На ладони ей выкатывались маленькие перламутровые шарики, а ракушки она бросала обратно в море. Что-то шептали волны, уютно пахло геранью...

Пока еще не безопасность, но уже надежда.

В самом главном Алаис так и не призналась себе. Всю жизнь Таня делала выбор сама, для себя, и полностью отвечала за него. Здесь и сейчас она вынуждена была принять чужую жизнь.

Похлебку варили другие, а кушать ей. Но всегда ведь есть и другой выход?

И сейчас Алаис перевернула котел. Что бы ни было, это больше не ее варево! Свою

жизнь она будет планировать и строить сама. А всем остальным — приятного аппетита!

Семейство Даверт.

Лусия крутилась перед зеркалом.

— Мам, посмотри? А этот цвет мне к лицу?

Вальера бросила взгляд на дочь. Как любой белокожей брюнетке, Лусии шли яркие тона. Но вот этот оттенок желтого девушку просто убил. Мраморная кожа казалась болезненной, черные волосы словно потускнели...

— Выкинь и попробуй вон тот, с зеленью.

Лусия скривила губки, но послушно приложила к себе новый отрез ткани. Эттан не мелочился.

Если кто-то не знает — Храм это очень выгодный бизнес. Наверное потому, что люди грешат на земле, а потом надеются, что рай можно проплатить, как место на корабле или в дилижансе. Как будто Ардену важно, сколько ты принес на храм. Это его слугам важно! И нужно! Живут они на эти деньги. И на десятину живут, и землями Храм владеет, благо, ему очень часто завещают много приятных вещей. И Преотец имеет право распоряжаться ими по собственному желанию.

На благо храма, разумеется. Ведь Преотец у нас кто?

Глава церкви. Значит, церковь — это он, а его благо есть благо всей церкви, что тут непонятного. А если у него есть родные, то церковь обязана обеспечить все блага и им тоже. И побольше, побольше.

Он уже успел переселить Вальеру в новый дом неподалеку от главного Храма, а Лусии недавно привезли шесть больших шкатулок с драгоценностями. Женщины их до сих пор все не разобрали. Недавно принесли и роскошные ткани — шелк, бархат, атлас, Вальера могла позволить себе многое, но не столько же! Но дочь Преотца, выходящая замуж за герцога Карста — дело другое. Для нее роскошь — это необходимость.

Лусия выбирала между изумрудами и рубинами, розовым жемчугом и черным, примеряла то алые шелка, то синий бархат, то черный шелк, советовалась с Вальерой — и все время думала о женихе.

Какой он — Мирт Карстский?

Высокий или низкий, худой или толстый, светлый или темненький... и самое главное. А он ее полюбит?

Будет ли ее брак счастливым?

Вальера смотрела на дочь, и на душе у женщины было тяжело. Словно могильную плиту положили.

Почему?

Она и сама не знала. Блестящая партия, Лусия станет герцогиней, и... брак по расчету часто бывает удачнее того, что по любви. Вальера это отлично понимала. Лу умненькая, она приспособится к новому окружению, найдет для себя что-нибудь хорошее, родит детей, будет их любить, даже если муж окажется негодящим...

Почему герцог Карста согласился на такой мезальянс?

Карсты — древняя кровь, еще от времен Королей, рядом с ними Эттан — низкородье, да и сама Вальера. Хоть она и Тессани, но любовница, которая родила незаконных детей. Признанных и усыновленных — но бастардов.

Карсты не должны были согласиться на этот брак. Я ничего не понимаю.

Вольно ж Эттану списывать все на свой статус Преотца. Вальера отлично знала, что преотцы преходящи, только на ее памяти менялось трое, а кровь и происхождение — вечны.

— Мам, а так?

Лусия приложила ко лбу нитку розового жемчуга. Бусины заиграли в черных волосах, и Вальера кивнула.

— Да, так хорошо. И надо поискать для тебя розовый шелк подходящего оттенка. Чтобы кожа играла.

Лусия принялась упоенно рыться в тканях, а Вальера смотрела на дочь.

Скоро, очень скоро она отправится в ту же лавку. Что-то ей скажут?

Но если с Миртом Карстским что-то не так — дочь я не отдам. Пусть Эттан меня хоть убивает! Украду, спрячу... не отдам!

Мое!

— А где две самых прекрасных дамы Тавальена?

Луис широкими шагами вошел в комнату. Лусия мгновенно забыла про платя, взвизгнула и повисла у брата на шее.

— Лу!

— Да, котенок! А что у меня есть? — поддразнил сестренку Луис.

— Что!? Ну что!?

Лусия принялась шарить по карманам у брата. Искомое нашлось в кармане на груди, и Луис потрепал сестренку по голове.

— Примерь?

Роскошная рубиновая нить была к лицу любой женщине. А как она заиграла в черных косах Лусии!

— Братик! Спасибо!!!

Лусия вновь повисла на шее у брата.

— Луис, это очень дорого, — упрекнула Вальера.

— Мам, не ругайся. У меня и для тебя есть подарок.

Вальере досталась выуженная откуда-то из-за спины изумрудная нить.

— Луис!

— Я не могу побаловать своих родных и близких?

— А отец знает?

Эрико не хотел портить никому настроение, но...

Нет, хотел.

Просто из вредности. Откуда Луис взял такие деньги? Содержание домика для милых крошек обходилось дешевле, даже если взять цену за год! И он такую прелесть любовнице подарить не может. А крошка Элисса этого заслуживает, заслуживает и большего, только у него денег нет. А где их взял Луис?

— Твое какое дело? — брат сверкнул глазами на Эрико, и тот опять почувствовал себя кем-то вроде таракана. Вот почему так?

Вальера неодобрительно покачала головой.

— Эрико, что такого в подарке? Лусия выходит замуж, мы должны дать ей достойное приданое. А я... разве сын не может побаловать мать? Жаль, что так думает лишь Луис!

Эрико опустил глаза вниз. Да уж, ему это в голову не приходило. Хоть цветы бы принес, но... цветы — для любовниц, драгоценности для них же, а родным... а что — родным? У

них и так все есть... наверное. Удивительно трепетный в том, что касалось его, Эрико проявлял абсолютную толстокожесть по отношению к другим.

— Я ненадолго, — Луис улыбнулся матери. — Мне еще к отцу надо.

— А отец об этом знает? — прошипел Эрико, почти не разжимая губ.

Вальера ласково потрепала сыночка по макушке. Да уж, вырос мальчик, по девочкам бегаёт, бегалка отросла, а думалка — нет. И обижается он на брата зря. Луис просто старше. Умнее, жестче, сильнее, может быть, Эрико и станет таким же, а может и не стать. С Луиса Эттан требовал втрое, остальным меньше доставалось. Зря, наверное. Гонял бы он всех троих, глядишь, и из Эрико толк был бы, а то ведь мается мальчик. С Луисом ему не сравниться, он это чувствует и злится, а это нехорошо. Брат не должен идти на брата, они одной крови.

Когда-нибудь ее не станет, и некому будет помочь, некому поддержать, некому направить... тогда они смогут опереться только на родную кровь. Только друг на друга.

Смогут ли?

— Эрико, милый, а ты посидишь с нами? У тебя такой идеальный вкус, мне хотелось бы, чтобы ты помог выбрать фасоны нарядов для Лу.

— Мам, я в этом не разбираюсь.

— Рико, мальчик мой, кто может лучше оценить женщину, как не мужчина?

— А вдруг у герцога Карста другой вкус?

— Красивая женщина отвечает любому, даже самому взыскательному вкусу, — отрезала Вальера.

Луис поцеловал мать в щеку и удрал к Эттану. Эрико с Лусией принялись прикладывать к девочке ткани то так, то этак, но видно было, что Лусия рассеяна, а Эрико явно ревнует к брату.

Вальера смотрела на детей, и тяжело было на душе. Так вот и понимаешь, что нельзя тебе умирать, никак нельзя, потому что без тебя все рассыплется, прахом пойдет...

Как она так проглядела сыновей?

— Вальера Тессани, значит...

Тьер Эльнор протянул стоящей перед ним женщине (Вальера сразу опознала бы в ней свою знакомую тетушку Мирль) туго набитый кошелек.

— Благодарю вас, тьер.

— Это я благодарен тебе, милая. Когда она должна прийти?

— Я ей весточку пошлю, как соберусь.

Тьер Эльнор задумчиво кивнул.

— Пошлешь, конечно, как не послать. Скажем, дней через десять? Или пятнадцать?

— Хорошо, тьер. Благословите.

— Ступай чадо, и да пребудет с тобой Мелиона.

Женщина привычно сотворила знак Ардена и вышла. Тьер Эльнор прошелся по комнате.

Нет, не напрасно опасался его Эттан Даверт. Тьер Эльнор был умен, коварен и жесток. Умен настолько, чтобы спрятаться под носом у врага. Завести связи, как среди аристократов, так и среди нищих, среди клириков и среди убийц. Это Вальеру никогда не интересовали дела тетушки Мирль. А если бы она соизволила расспросить женщину, то узнала бы, что у

нее есть дочь, умирающая от чахотки. И есть двое внуков.

В свое время тьер Эльнор помог несчастной, которая оставила ребенка в приюте. Девочка выросла, вышла замуж, не зная ничего о своей матери. А потом тетушка Мирль, с помощью тьера Эльнора разыскала дочку. Как раз вовремя, чтобы принять ее последний вздох и позаботиться о внуках.

Неблагодарной Мирль не была.

Вальера Тессани?

Да, клиентка. Старая и вполне платежеспособная. Ничего, клиентов много, а дочь была одна. А если бы Мирль не нашла ее вовремя (спасибо, тьер Эльнор, да спасет вас Арден) внуки тетушки Мирль закончили бы жизнь в придорожной канаве. Если бы повезло.

Есть и менее приятные способы расстаться с жизнью.

Зато сейчас мальчик осваивает ювелирное дело, а девочка готовится пойти по бабушкиным стопам. Лечить ей нравится больше, чем составлять яды, но лиха беда начало? В жизни-то все уметь надо, мало ли, кто тебе помешает? Муж, свекор, свекровь...

В этом Эттан Даверт и расходился с тьером Эльнором.

Эттан искренне считал всех людей своим личным бараньим стадом, и относился к ним соответственно. Кого волнуют проблемы баранов? Кого интересуют их заботы? Давали бы шерсть, да и мясо, а то можно и принудительно попросить...

Тьер Эльнор считал примерно так же, но был уверен, что добровольно баран даст намного больше продукции, чем принудительно. То есть — с голодных овец шерсти не настрижешь. Откорми, да отпой, да на хорошее пастбище выведи — и будет тебе счастье. Замучаешься деньги считать. А если как Эттан... нет, это хуже, чем неправильно — это невыгодно.

Тьер Эльнор был достаточно коварен, чтобы помогать людям ради собственной выгоды, и должников у него было много.

А жестокости ему и так было не занимать.

Вальера Тессани ему мешает?

Вальера Тессани должна умереть. В ближайшее время. Это послужит на пользу его священной мести. Вальера рядом с Эттаном уже больше тридцати лет. Лишившись супруги, Даверт начнет привлекать к себе девок, делать ошибки, и можно будет подсунуть ему ту же очаровательную Элиссу. В дом, где живет его мать, Эрико девушку не приведет. А вот в холостяцкое жилье, где остались одни мужчины — вполне.

Или Элисса может навестить милого друга, и совершенно случайно наткнуться на его отца. Бывали в истории Храма и смерти Преотцов от скверных болезней. Или подождать с этим?

Эльнор не хотел убивать противника, он хотел, чтобы Эттан еще помучился.

Эттан же вовсе не думал о тьере Эльноре. Был — и сплыл, и пес бы с ним. А вот наглость стоящего перед ним человека просто ни в какие рамки не вмещалась.

У дочери Преотца намечается свадьба. Конечно, были посланы заказы в самые дорогие лавки с тканями. Конечно, купцы прислали свои товары на дом к Вальере.

И — вершина наглости! — явились требовать за них деньги!

Это ж надо додуматься?

Требовать деньги в Преотца — это как требовать деньги с Храма, а значит,

святотатствовать и богохульствовать. Это же понятно! Такие поступки заслуживают самого сурового наказания! Даже казни!

— Светлейший, так ведь голодаем! По миру пойдем... — ныл купец.

Эттан прищурился на оппонента. Судя по объемному чреву, купчина уже не первый год пух с голоду. Прямо-таки распухал.

— Значит, голодаете?

— Истинно так, светлейший! Истинно так!

— Так я тебе помогу! Думаю, месяца на казенных хлебах будет достаточно. И деньги сэкономишь, и кормить тебя будут бесплатно. И можешь не благодарить. Стража!

Купчина и слова сказать не успел, как Эттан Даверт хлопнул в ладоши.

— Взять его! На месяц в Шемон, на хлеб и воду. В одиночку!

Купец бессильно обвис в жестких руках стражников. Кой там протестовать? Пискнуть — и то не успел, как уже вынесли за двери. А внутрь вошел Луис.

— Светлейший, озаряющий лучами наш мир, с громадными очами...

В шутника полетела тиара Преотца. Луис поймал ее неподалеку от своего носа и принялся разглядывать.

— Ну, ничего так. Только нечищено. Кто смел разгневать вас, отец?

Эттан Даверт сверкнул глазами на первенца. Любовь — любовью, а границы тоже знать надо? Но иногда Луис зарывался и дерзил.

Ладно, пусть развлекается.

Преотец расправил складки одеяния.

— Казна почти пуста. Денег нет.

Луис пожал плечами.

— Ах, вот вы чего так разгневались.

— По-твоему это не причина?

Луис пожал плечами, и вернул тиару на место. То есть — на Преотцовское кресло. Хорошо смотрится. Внушительно. Непонятно только, как Преотец этот чан весь день на голове таскает. Тяжелая, зар-раза!

— Еще какая. Жаль, нельзя повесить наглеца.

— Повесить можно, а вот деньги получить с него...

— А за что у нас конфискуется имущество в казну, — задумался Луис.

— За... — глаза Эттана сверкнули тигриными огнями. И это был очень голодный тигр. — Найдем, за что! Не найдем закон, так примем! Приговоры с конфискацией. Если кто-то умышляет против храма, стало быть, он умышляет против нас. И заслуживает казни. А имущество можно передать в казну Храма. Разве что вдове и деткам немножко оставить...

— А за что?

— Хм-м... за ересь!

— Ересь? — Луис воззрился на отца. Он и сам был не подарок, но до такого цинизма не дошел. Пока.

— Конечно, ересь. Позови ко мне предстоящего Туарана, а сам отправляйся в канцелярию.

— Зачем?

— Над законом о ереси подумаем мы с Туараном, у него в этом опыта больше. А тебе поручаю составить списки. Подумай, что у кого можно взять, кого в чем можно обвинить — кроме ереси... ты меня понял?

— Вполне.

Луис поклонился отцу, и отправился за дверь, составлять проскрипционные списки. Почему-то во рту у него было кисло.

Род Карнавон.

Алаис лежала на кровати и размышляла.

Третий день по городу крутились люди, разыскивали Алаис Карнавон. Пока ей везло — искали молодую женщину, блондинку с красными глазами. А она старуха с черными глазами, так-то.

Да-да, именно с черными. И рецепт этот не нов.

Пара капель белладонны в глаза, зрачки дико расширяются, и тут главное, не забывать закапывать красавку дальше. Зрение при этом падает, так для бабки оно и нормально. Если старуха плохо видит, никого это не удивит. Ей не читать, не писать, не вышивать, так что же?

Все равно Алаис планировала поменять шкурку. Не нравились ей взгляды хозяйки таверны.

Вроде бы все хорошо, все спокойно, все уютно, но общее ощущение — как от трясины. Она тоже красивая, зелененькая, с цветочками, а поди, пробегись по полянке? И косточек не достанут!

Таламир ищет женщину?

Так пусть будет мужчина, даже подросток! Благо, половые признаки у Алаис надо было искать только на ощупь. Здесь? Нет, это кость. А вот это? Это тоже кость...

Даже сильно маскироваться не придется.

Надо сменить юбку на штаны, покрасить волосы и брови с ресницами в рыжий цвет, впрочем, ресницы и остричь можно, насажать по лицу веснушек той же хной, снять дом и купить гаролу.

Да, последнее — обязательно.

Остается продумать легенду?

Комнату снять может и бабушка. Допустим... допустим, у нее есть дочь! Которая сбежала из дома много лет назад с бродячим музыкантом, прошлялась невесть где, а вот теперь умерла, но просит приютить внука. А сын (умница — красавец — гордость семьи) не желает видеть в своем доме незаконного отпрыска блудной сестренки. Или этого не желает его жена, так даже вернее. Мол, мальчишка, низкородье, отребье, где он шлялся и чего набрался — непонятно, пусть пока поживет отдельно. А там и определим его куда-нибудь.

Алаис уже знала, что Маркуса Эфрона тоже не поймали. Его тоже разыскивали закрыли ворота, обыскивали все бочки и ящики, досматривали корабли, но это был накал первых дней поисков. Через десять-пятнадцать дней будет попроще, а еще через месяц она сможет спокойно уехать.

Переждать бы...

А заодно отправить письмо единственному человеку, который думал о маленькой Алаис. Человеку, которому небезразлична ее судьба.

Кузине Ланисии.

Примерно то же самое думал и Ант Таламир, проходя по коридорам дворца.

Переждать бы...

Перетерпеть и никого не убить. Никого важного.

Если мужчина уходит от жены, его могут осудить, могут оправдать, но смеяться над ним не будут. А вот если жена убегает от мужа...

Таламир и не подозревал, что его так ненавидят. Догадывался, что ему завидуют, его не любят, но такой ненависти не ожидал. Везде, везде, от дворца до казарм его встречали ехидные смешки и шепотки за спиной. Вот и сейчас...

— ...а почему она сбежала?

— Видимо, не удовлетворял.

— По чужим постелям поистаскался, на свою не хватило?

— А может, запах навоза не перенесла. Герцогесса ж, не кухарка какая...

Выскочек нигде и никогда не любили.

Таламир осторожно скосил глаза.

Баронесса Лейст и маркиза Фаниль шептались, иногда стреляя глазками в мужчину. Курицы злобные!

Окажись Алаис при дворе, они б ее травили, как волк — оленя, но эта стерва сбежала, и все насмешки достаются ее мужу.

С-сука!

И ведь ничего с ними не сделаешь. Не на дуэль ведь вызывать? Разве что...

Таламир учтиво поклонился сплетницам.

— Маркиза... передавайте мои наилучшие пожелания супругу... баронесса, счастлива буду повидать вашего сына, мы встречались недавно.

И почти увидел, как втягиваются змеиные языки. Страшно?

Так-то, вы у меня научитесь хотя бы бояться, мерзавки. Вас я не убью, но могу уничтожить любого из ваших родных! Попомните это, прежде, чем сплетни распускать.

Таламир еще раз поклонился, и, язвительно улыбаясь, направился к королеве.

Ее величество сидела перед зеркалом, примеряя украшения.

— Ант...

Воодушевления в голосе слышно не было, Лидия готовилась к неприятному разговору.

— Ваше величество...

— Надеюсь, ты с хорошими новостями?

Таламир опустил глаза.

— Беглецы пока не найдены.

— Это плохо, очень плохо.

— Ваше величество, я делаю все возможное...

— А надо делать больше. Ант, если ты не найдешь супругу, ты станешь посмешищем.

— Я понимаю, ваше величество. Но Алаис умна. Если не удалось найти ее в первые три дня, то потом точно не удастся. Разве что случайно.

Лидия раздраженно бросила в шкатулку изумрудную сережку.

Умна она! Ир-рион!

Как истинная женщина, ее величество не выносила, когда при ней хвалили других женщин. А уж если это делает ее любовник, и если в его голосе звучит уважение?

Гррррр!

— И что ты предлагаешь?

— Ваше величество, либо я найду Алаис Карнавон, либо найду ее тело.

Лидия вскинула брови.

— Объяснись?

Эту идею Таламир обдумывал полночи, и счел ее перспективной.

— Если жена сбежала, я становлюсь посмешищем. А если я ее нашел и убил?

— Так нашел или нет?

— В крайнем случае, я найду подходящее тело. Объявим всем, что это Алаис Карнавон

— и похороним. Кто там ее будет разглядывать?

— Плохая идея, — поморщилась Лидия. В отличие от Таламира, она понимала, что если Алаис объявить мертвой, тут же объявится десяток самозванок. Замучаешься вылавливать и уничтожать. И первая из них появится в Эфроне, это уж определено.

Таламир посмотрел почти умоляюще.

— Я ее муж, ближе меня у нее никого нет...

— Ты и так герцог Карнавон.

— Но пока она не найдется, я ничего не могу. Ни жениться, ни завести наследников...

— Ты торопишься жениться? — Лидия вскинула изящно подведенные брови, и Таламир ступешался.

— Ваше величество, герцогство не должно оставаться без наследника.

— Ну так ищи супругу. Свою, сбежавшую. Думай, куда она могла пойти, раз ближе тебя у нее никого нет, — с насмешкой указала Лидия. — Алаис Карнавон может найтись, но... внешность у твоей супруги уж очень своеобразная.

Таламир коротко выругался, забыв, что находится перед лицом королевы.

Да если бы речь шла о похоронах, это понятно. Кто там будет труп разглядывать, в глаза ему лезть и волосы трогать — крашенные или нет? А показывать живого человека...

— Как ей только удалось спрятаться...

— Значит, она уже не в городе. Неужели ты думаешь, что она бежала, не имея никакого плана? Подумай лучше, куда она могла поехать, к кому...

— В Эфрон?

Ее величество пожала плечами.

— Вполне возможно.

Таламир вдруг шагнул вперед, порывисто опустил на одно колено.

— Ваше величество! Позвольте мне! Я сам отправлюсь в Эфрон! Я его...

— Не разрешу.

Ее величество покачала головой. Карнавон слишком много себе позволял, к тому же его высокомерие и надменность не нравились людям. Про Эфрона так сказать было нельзя. Он был свой.

Эфрон можно бы стереть с лица земли, это несложно, но формально они ни в чем не виноваты. Одного уничтожить, второго, так и трон под Лидией зашатается. Нельзя спешить с такими делами, так и до бунта недалеко. А Таламир...

Подумаешь, смеются над ним! От насмешек еще никто не умирал! Да и...

Если военачальник набирает слишком много силы, это тоже плохо для государства. Лидия собиралась оставить трон своему сыну. Слабый Таламир был бы ему подмогой, а слишком сильный... помехой?

Соперником?

— Неужели у нее вовсе не осталось родни?

Таламир пожал плечами.

— Она не говорила.

— Так расспроси слуг? Неужели никто ничего не знает? И вообще, хватит о твоей супруге. Неужели у нас не найдется более приятных тем?

Глаза Таламира стали бархатистыми, теплыми, губы раздвинулись в улыбке.

— Разумеется, найдется, моя королева.

Ланисия в раздражении воткнула иголку в гобелен, который начала вышивать.

Дело решительно не ладилось. Розы выглядели подозрительно капустными, у златовласой девы было кислое выражение лица, а рыцарь, судя по внешнему виду, мечтал оказаться от своей героини подальше. Неладно было и в вышивке, и в душе у Ланисии, и в замке Кларендон, ох, неладно.

Бывает вот так.

Ты — сирота, племянница, седьмая вода на киселе, взятая из милости в дом Карнавонов. Герцог обращает на тебя внимания не больше, чем на комнатную собачку, кузина смотрит сверху вниз, кузены посмеиваются, впрочем, беззлобно, но разве от этого менее обидно? Пусть одета она как нищенка! Ведь вы же мне выделяете деньги на одежду или старые платья от своих щедрот, вы! И этим же попрекаете?!

А попрекали часто.

И крышей над головой, и куском хлеба, и неблагодарностью...

Ланисия была достаточно горда, чтобы нести свою ношу с достоинством — и не собиралась скрывать свою гордость. Этого ей простить и не могли.

Наверное, единственная, кому приходилось еще хуже — была кузина Алаис. Младшая, откровенно некрасивая и нелюбимая дочь в знатном семействе Карнавонов.

Ланисия до сих пор помнила, как спасаясь от злой шутки, убежала в библиотеку — что же пошутил кузен Филон? Серое платье, серая мышка, глядишь, выйдет замуж за мельника и будет белой мышью...

Что-то такое.

Ланисия была достаточно горда, чтобы вскинуть голову — и едко отпарировать — вам ли, кузен, не знать, каково на мельнице, чай, каждый третий день к мельничихе в гости заглядываете. Дождетесь — вас ее супруг вилами приветит. И вышла из комнаты.

Библиотека была единственным в замке местом, где можно было спокойно поплакать, так-то, никто из знатного семейства Карнавонов не увлекался старыми книгами. Филон предпочитал охоту на женщин, Эштон простую охоту, кузина увлекались нарядами и драгоценностями — и герцог охотно платил за увлечения дочери, надеясь выгодно ее пристроить.

Ланни привычно забилась в дальний угол за книжными полками и разревелась. Рыдала она вдохновенно и со вкусом, пока не почувствовала на своем плече детскую руку.

— Опять братья?

Глаза Алаис, казалось, светились в полумраке красным, и больше всего она напоминала призрака. Тонкая, хрупкая, с белыми волосами и полупрозрачной в библиотечных сумерках кожей. На миг Ланисия даже вздрогнула, вспомнив детские сказки про ярь-водянку, которая создана из грязной морской пены и охотится на людей. Но рука, которая легла на плечо девушки, была вполне человеческой, теплой и надежной. И Ланисия дрогнула.

Она же не железная! Она понимала, что девчонка потом все расскажет матери, так что

ей же еще и попадет, но сил больше не было. Хоть кому бы выговориться!

Но Алаис сильно удивила девушку. Она промолчала. Хотя сколько ей тогда было? Лет пять?

С тех пор библиотека стала маленькой тайной девочек.

Они не разговаривали на людях, чтобы не наткнуться на злую насмешку, они тщательно скрывали ото всех свою дружбу, но часто, очень часто пробирались по ночам в библиотеку и шушукались, сидя на старом подоконнике.

Он был большой, такой, что Алаис и Лани могли устроиться на нем вдвоем. Подобрать ноги, задернуть штору, прижаться друг к другу, завернуться в одеяло, давно принесенное из комнаты Алаис — и шептаться обо всем подряд, поверяя друг другу свои обиды и горести.

Ланисии было легче.

Карнавоны были ей не родными. Достаточно близкое родство, чтобы о ней позаботиться, достаточно дальнее, чтобы лишний раз не обращать на Лани внимание. Но она их не любила.

Приживалка — и только.

Злые слова ранили, но не сильно. Так, в меру.

А вот Алаис была родной. И в то же время — хуже любой приживалки. Над ней за глаза посмеивались даже слуги.

Над ее внешностью, замкнутостью, неуклюжестью... даже над любовью к старинным балладам — и то подшучивали 'любящие' братья и сестры.

Герцог так же не обращал внимания — неудачная дочь, такую выгодно замуж не пристроишь, проще уж в монастырь отдать, все польза, герцогиня брезгливо морщила нос — после рождения Алаис ей досталось от супруга. Подозревали измену, но родимое пятно Карнавонов в виде летящей чайки таки было на плече у новорожденной, так что удалось оправдаться. Но неприятно же!

Никто не любил девочку, и тем печальнее было, что она-то любила своих родных слепой щенячьей любовью. Как старый мудрый пес, который не бросается уже под ноги, получив достаточное количество ударов, но наблюдает из угла — и безмолвно просит — ну полюбите же меня в ответ! Ну хоть немного!

Только вот мольба оставалась безответной. Может, на собаку и то обратили бы больше внимания, чем на девочку. Вот Алаис и жаловалась кухне Ланисии, находя у той сочувствие и понимание.

Две отверженных души.

Сейчас Ланисия была счастлива, но в ушах ее постоянно звучали злые слова...

- Ее величество Лидия приказала взять Карнавонов. Замок перешел к новому герцогу, вся семья старого убита.

Лани тогда вцепилась в мужа, требуя хоть что-то узнать! Тот отнекивался, отказывался, отговаривался, но беременная женщина может горы свернуть, используя свой живот, как рычаг. Муж сдался и пообещал. А пару дней назад принес известия.

Узнала, на свою голову.

Замок разграблен и отдан во власть нового герцога Карнавонов, некоего тьера Таламира. Старый герцог казнен, его жена, оба сына и старшая дочь погибли при штурме. Младшая дочь осталась жива.

Услышав это, Лани перевела дух.

Алаис жива! Еще не все потеряно.

Жива ради того, чтобы мужчина получил титул законно. Тьер Таламир женился на ней, чтобы стать герцогом. Мало ведь захватить власть, надо ее еще и удержать. А это можно было только при наличии крови Карнавонов на их земле.

Можно не верить в Морских королей, можно ругаться, можно объявить это вымыслами и домыслами, но нельзя забыть падение дома Лаис.

Около ста десяти лет назад герцог Лаис зарвался. Ему захотелось власти, много власти, верховной власти — или просто это версия победителей? Точно никто не знал, но по приказу короля вырезали весь род Лаис, не пощадив даже детей. Примерно через месяц в этом раскаялась вся Лиарда. Море словно взбесилось. Приливы и отливы стали совершенно чудовищными, погода ударялась то в засухи, то в проливные дожди...

Континент трясло около пятидесяти лет. За это время успели смениться две династии и порядка восьми королей и королев. Потом вроде бы (сколько там правды — не знал никто) в герцогстве Лаис отдали титул бастарду древнего рода, и ситуация начала исправляться. С тех пор все и поняли — древними герцогствами должен править древний род, иначе никак. Или что-то есть в крови этих людей, или Короли что-то наворожили...

Если королева Сенаорита знала ту историю, она обязана была сохранить кровь Карнавонов. Кому захочется повторения такой неприятной ситуации?

Но... Алаис это не гарантировало долгой и счастливой жизни. Пару-тройку лет, чтобы она нарожала несколько детей. А потом — все. Несчастный случай, или смерть при родах, на выбор счастливого супруга. То есть — горюющего вдовца.

Ланисия расстроилась. Она не впала в отчаяние, для этого они слишком давно расстались с Алаис, она не плакала, но искренне тревожилась за подругу. Она бы попросила мужа, но что мог сделать граф Кларендон? Только навести справки.

Вот и грустила Ланисия у вышивки. Она любила Алаис, как младшую сестренку, она тревожилась за девушку... она ничем не могла помочь. Ланисия не страдала оттого, что уничтожили герцога с семейством — она не любила Карнавонов. Но за Алаис загрызла бы неведомого ей Таламира заживо.

Где ты, малышка?

Что с тобой?

Как бы узнать, как бы помочь?

Ответа не было. Оставалось лишь готовиться к рождению ребенка и вышивать дурацкие гобелены.

Небольшая лавка привлекла Алаис с первого взгляда. Еще будучи на Земле, она обожала такие старые магазинчики. Никогда не знаешь, что в них найдешь.

То ли флакон из-под старых духов, такой древний, что, кажется, он пахнет не духами, а временем. То ли вышитый платок, а может, старинную брошь...

Где все это сейчас?

Когда-то Миша любил баловать свою Танюшу, а та обожала подобные мелочи. Но и сейчас Алаис не отказалась порыться в лавочке. Ей все равно приходилось уходить из пансиона, как бы разбираться с наследством, и она бродила по улицам, стараясь не попадаться на глаза никому из видевших ее в образе старушки.

Вот и сейчас...

Зайти, посмотреть, что тут продается, прикупить чего для маскировки, да и домой пора?

Лавочка была темной и пыльной, хозяин — старым и дряхлым, так что при виде Алаис он не сильно оживился. А женщина переходила от одной кучи старья к другой, пока не увидела то, что ее заинтересовало.

Темный гриф, несколько струн... гарола?

Это несомненно была гарола. Обшарпанная и потрепанная жизнью, со смутными следами резьбы на корпусе, с провисшими струнами, но когда Алаис со знанием дела подтянула их, они ответили приятным звоном.

И вполне естественным был вопрос — сколько?

Хозяин заломил немислимую цену малым не в золотой, Алаис, уже успевшая узнать расценки, принялась торговаться, сошлись на шести серебряных монетах, а в нагрузку Алаис получила здоровущую темную шаль, которая как раз пригодилась, чтобы завернуть инструмент. А ведь его надо было как-то дотащить до дома!

Оххх...

И почему она не взялась изображать кого-то помоложе?

Гарола была расстроена, а настраивать ее когда хозяйка была дома (почти всегда) было нельзя. И так посмотрели удивленно. Пришлось соврать, что нашла на помойке, вот и не смогла бросить. Внучку сгодится.

Поверили?

Арден их разберет. Но смотрели подозрительно.

Так что на следующий день пожилая бабуська постучалась в доходный дом на другом конце города. Этот дом Алаис выбирала еще более разборчиво.

Первое — в нем или рядом с ним должен быть трактир.

Второе — он должен быть расположен рядом с портом.

Третье — его хозяин должен быть не слишком любопытным. Лучше — пожилым и опытным.

Этот дом идеально подошел Алаис. В нем было все. Первое — трактир располагался рядом с домом, в небольшой пристройке. То есть — и пойти, послушать сплетни есть куда, и постояльцам мешать не будут. Второе — до порта был один квартал.

Третье — хозяин.

Увидев его, Алаис поняла, что это просто ее идеал.

Толстый, несуетливый, с цепким взглядом серых глазок и улыбкой прожженного дельца. Хитрый, смекалистый, но вроде как не подлый, хотя разбери их с первого взгляда. Но память юриста при администрации уверенно подсказывала, что мужчина похож на бизнесмена Михалыча. Редкую сволочь и гадину, как ни странно обладающую четкими моральными принципами. И один из них — не брать греха на душу больше необходимого.

Вот голодали б у него дети — он бы хоть в киллеры пошел, хоть кошельки гоп-стопил. А если дела идут, в гараже стоит два джипа, а на счетах кругленькая сумма, так что ж и не помещенатствовать?

Такое тоже бывает.

Так что Алаис подошла, уважительно поклонилась и принялась расписывать ситуацию с внучком.

Толстый хозяин смерил Алаис подозрительным взглядом из-под опущенных век, но нестыковки не нашел. И согласился сдать комнату мальчику.

Ненадолго, дней на десять.

А на следующее утро Алаис съехала из слишком гостеприимного приюта. Кажется, вовремя.

Слишком уж тоскливым взглядом провожала ее хозяйка. Даже уговаривала остаться еще на пару дней, но Алаис покачала головой. Мол — ни за что. Деньги верните, и расстанемся друзьями.

— у нас деньги не возвращают, — отрезала Магдалена.

Алаис прищурилась.

И можно бы уйти, и деньги бросить, но...

Опасно!

Никто здесь легко с деньгами не расстаётся. А ей вообще по роли каждую медяшку считать положено! Алаис прищурилась так, что нарисованные морщины перемешались с настоящими.

— А я вот сейчас стражу кликну! Да закричу, что старуху грабят.

— А и кричи, — прищурилась в ответ тетушка Магдалена. — Это еще посмотреть надо, чьи у тебя деньги, да откуда! Думаешь, нового чего стражникам скажешь?

Мозг у Алаис работал, что есть сил.

Да, можно кликнуть стражу. Но....

Даже в двадцать первом веке есть понятие 'крыши'. Как это называется здесь — неважно, важно, что оно тоже наверняка есть. Сможет ли она сохранить личину, если ее будут бить ногами? Так, к примеру?

Сволокут в тюрьму?

Попробуют обыскать?

В это ввязываться нельзя. Но и уходить просто так? Э, нет! Там, где не помогает сила, на помощь придет великое актерское искусство! Во имя Станиславского!

На губах Алаис блеснула злорадная ухмылка.

— Значит, не вернешь денег?

— Иди отсюда подобру-поздорову!

Вместо ответа Алаис захватила горсть земли из ближайшего горшка.

— А коли так...

Пепел к пеплу, прах ко праху, я взываю над землей

Пусть летит моя молитва, приговор разносит мой,

Пусть колышутся купавы сладким шелестом молвы

Пусть сплетают сети травы, пусть услышат крик совы

Пепел к пеплу, прах ко праху... Иссущу морской водой

Изгоню отсюда счастье, призываю — боль! Боль!

Пусть горит моя купина,* пусть над ней горит звезда

Пусть меня услышит ветер, разнеся мои слова...

Пепел к пеплу, прах ко праху

А земля — к земле.

Убирайся прочь удача.

Здесь же быть — золе!

Пепел — к пеплу.

Прах — ко праху.*

* Купина — замечательное растение семейства рутовых, известное тем, что горит,

но не сгорают. Сгорают облачко окружающих его эфирных масел.

* Пепел к пеплу, прах ко праху — слова католической заупокойной молитвы, остальное — лично от автора. Прим. авт.

Голос сам собой обрел силу и звучность, рука с землей выписывала странные знаки, вторая рука, с посохом, стояла уже не как опора, нет. Стукнуть в пол посохом, приговорить — так сделано! Так задумано, так и исполнено, словно завершая обряд тяжелым ударом. Земля очень удачно легла на пол знаком Ардена. Магдалена побледнела, раскрыла рот и тяжело задышала, но Алаис не боялась.

Ну, кликнет тетка стражу. Так это еще успеть надо.

А еще...

Нет здесь инквизиции!

Не додумались!

Потому как человека колдующего тоже нет! Ведьм нет, колдунов нет, но свято место пусто не бывает. Есть вьелерины — это посланники Ардена, но Ирион же не мог не подложить хвост? И из ночной темноты и дорожной пыли, в пику Ардену, сотворил пещунов. Есть такие приятные создания. Если вьелерины доносят слова людей до Ардена, то пещуны — до Ириона. А тому, как известно, только шепни. Кто-то может шепнуть.

Вот Алаис и исполнила красивый спектакль. И с удовольствием увидела, как бледнеет лицо нахалки.

Развернулась и направилась к двери.

— Стой! — полетело ей вслед.

Не оборачиваться. Больше достоинства.

— Стойте!!! Госпожа, умоляю, стойте!!!!

Мужчину испугать было бы сложнее. Тут можно и кинжал в спину получить, но рисковать приходится. Рассчитываем на человеческие суеверия, только на них. Может подвести что угодно. Человек может не знать, не понять, не додуматься, но суеверия — это нечто вечное. Вот перебежала дорогу черная кошка — и обходит ее бедняга другой дорогой. И по дереву стучит, и мужика ожидает, уронив нож... Жизнь такая. И Магдалена не оказалась исключением.

Злые слова уже прозвучали, прозвучали красиво, непонятно, страшновато... чего еще?

Алаис развернулась только когда рука Магдалены легла на дверь, намертво отрезая путь к отступлению

— Ну!?

— Госпожа, не гневайтесь...

— Уйди с дороги!

— Уйду, госпожа, только проклятие заберите!

Магдалена действительно боялась. Это было видно по дрожащим рукам, посеревшему лицу, прикушенной губе. Алаис прищурилась еще сильнее, чтобы точно цвет глаз не запомнили. Да и видно так лучше.

Ирион бы побрал эту белладонну! Глаза-то черные, а видимость откровенно плохая! Тьфу!

— а я тебя и не проклинала. И без меня нашлось кому...

Магдалена сбледнула еще сильнее. И Алаис злорадно добила.

— Ой, не одно злое слово здесь звучало, черный след вижу. Не снимешь его — года не пройдет, как на этом месте бурьян вырастет!

Все в лучших традициях доморощенных экстрасексов.

Чую, чую, чую, чую, вижу, вижу, вижу, вижу... баблом пахнет! Гони денежку, а лапшу я тебе обеспечу!

А то ж!

Чтобы в пансионе и ни разу не поругались?

Такого не бывает! Алаис обсчитали, значит, и кого другого тоже обсчитывали. И что — все уходили, гордо подняв голову? Никто не попытался за себя побороться?

Ой ли...

— Госпожа! Как же это...

— Хамить не надо людям. Лгать не надо людям, — припечатала Алаис, спешно проглатывая Булгаковское 'по телефону'.

Магдалена тяжело вздохнула.

— Жизнь же...

— А коли так поступаешь, так хоть черноту снимай. Иначе все пеплом пойдет. Пепел к пеплу, прах ко праху...

Женщина дернулась.

— А что...

— Как снять? А знания денег стоят, девушка. Хотя бы тех, которые у меня украли.

Магдалена поглядела на старушечье лицо расширенными глазами. Испугалась, так-то...

В руку Алаис почти мгновенно легли несколько монеток. Тяжелые. Золотые.

И Алаис довольно кивнула.

— Слушай внимательно. Я-то уйду, а чернота останется. Мне и проклинать тебя не пришлось, ты уж все до меня сделала, я просто собрала воедино... Как я уйду, пойдешь на рынок, купишь полыни и крапивы. Сложишь из нее веник, да побольше, не жалея.

— А нарвать можно?

— Это можно. И лучше на кладбище, там она ядрёнее, — согласилась Алаис. — Сложишь веник, перевяжешь синей лентой. Найдешь у себя белую рубаху, да такую, чтобы ни разу не надевана была, не стирана, не глажена. Наденешь ее, чтобы кроме рубахи на тебе ничего не было. Волосы распусти да расчеши. Возьмешь в Храме воды, и как прокричат первые петухи,* весь дом, вообще весь, от подвала до чердака, обойдешь с этим веником. Ни одной комнаты не пропустишь. Лучше б морскую воду тебе освятили, но не успеешь. Брось тогда в святую воду пару щепоток соли... Поняла?

— Д-да...

— Обойдешь все комнаты, проведешь по всем углам веником, да слова будешь приговаривать. Тогда зло уйдет.

*** первые петухи кричат в полночь, прим. авт.**

— К-куда уйдет?

— Вот уж не знаю. Думай сама, где на вашей улице его больше. Туда и отправится. Считай, выметешь из дома все к соседу, поняла?

— Поняла. А слова какие говорить?

— Заговор... есть такой. Ты грамотная?

— Читать разбираю...

— Тогда носи листок да уголек, запишу тебе, что надобно.

Алаис усмехнулась про себя, глядя, как резво мчится во внутренние комнаты Магдалена, явно боясь, что старуха уйдет, пока она принесет нужное. Но дверь на щеколду

закрыть перед Алаис не решилась.

Бойтся...

Это хорошо, пусть побаивается.

А вот что ей написать?

Алаис поспешно прикусила язык, сдерживая нахальную улыбку.

Знала она, что надо. Только переделать чуток.

Синяя вода.

Смоет без следа

Все что нанесло, все людское зло.

Синяя вода.

Полынь да лебеда,

Крапива да чабрец, невгодам — конец.

Синяя вода

Облаков стада

Зло уходит прочь, зло уходит в ночь...

Сколько ж шикарных шлягеров наклепали советские композиторы?

Так что Алаис накарябала стихи на поднесенном полупрозрачном кусочке пергамента, и еще раз повторила Магдалене рецепт танцев с веником. А потом отправилась восвояси.

Магдалена некоторое время потерянно глядела вслед загадочной бабке, а потом помчалась на рынок и кладбище. Да и в Храм зайти надо, опять же.

Старухе она поверила, поскольку знала за собой грешки, и немалые. А только кто ж в наше время честно дела делает? Не обманешь — не выживешь!

В человека колдующего тут действительно не верили. Но вот в такие вещи... это ж не колдовство, это ведовство. Знает бабка что-то такое, что ли?

Знает.

И вообще, лучше прислушаться, чем все потерять.

Забегая вперед, Магдалене удалось достать все перечисленное еще до вечера.

Готовиться она начала загодя. Перевязала веник, надела рубаху на голове тело, предупредила всех постояльцев, вызубрила заговор, и принялась расчесывать волосы. За этим спектаклем наблюдала соседка из дома напротив. Есть такие люди — хлебом не корми, дай заглянуть к соседу за пазуху, вот и госпожа Нотис смотрела с интересом.

А уж когда Магдалена при свете свечи, с веником в руке, принялась обходить дом....

Госпожа Эмилия Нотис смотрела так внимательно, что даже не заметила, как уголек стрельнул из зажженного камина.

Прокатился по медному листу и упал на заботливо подстеленный половичок.

Охнула она, только когда дым почувствовала.

Потушить-то успела, да пол прожгла начисто, до дыры, половик сожгла, руки ошпарила, несколько кувшинов разбила, платье прожгла...

Так что на следующий день все Магдалене и высказала.

Мол, так и так, из-за тебя...

И после этого Магдалене окончательно поплохело.

Старуха ей что обещала?

Что зло уйдет к тому, кто еще больше нее нагрешил! Вот, получается, она его и вымела в

старой сплетнице и гадюке Нотис!

Женщина была в таком шоке, что даже отругиваться не стала. Куда уж там!

Госпожа Эмилия удалилась, полностью удовлетворенная собой и жизнью, как же! Она ж отчитала эту нахалку, которая смеет на людях зарабатывать! Вот у нее дом маленький, а будь у нее домик побольше, она б точно дело лучше поставила!

А Магдалена, избавившись от собеседницы, 'по секрету' рассказала всем соседям по улице и о старухе, и о том, как та собрала черноту со всего дома. А еще...

Главное — о том, как черноту вымести.

И звучало это чрезвычайно убедительно.

А с чего еще у Эмилии Нотис дом-то загорелся? Точно, к ней пошло! Куда ж еще-то?

Такого спроса на полынь с крапивой на рынке давно не было. А за слова Магдалене заплатили и не раз, в накладе женщина не осталась. Так что старуху еще долго добрым словом вспоминала.

Вот ведь, и зло может во благо пойти! Не обсчитала б она старую ведунью, та не разгневалась бы, и жить Магдалене с чернотой. Плохо жить, тяжело, тоскливо...

А сейчас куда как легче! И денежку заплатили за заговор, и жильцы валом валят... жить да радоваться!

Но обсчитывать постояльцев она еще до-олго не решалась.

А вдруг вернется? А вдруг не все вымела?

Страшновато...

Алаис о Магдалене не вспоминала вовсе. Вот еще...

Напугала тетку, выбила свои деньги, даже с верхом, и отправилась восвояси. Магдалена-то пес с ней, было и прошло, а вот как, не привлекая внимания, по дороге из пункта 'А' в пункт 'Б' превратиться из старухи — в молодого парня?

Хотя пару мест она приглядела. Очень удачных. Между городской стеной с одной стороны, мусорной кучей с другой и кустом с третьей. Зашла бабка и зашла, а может, и не бабка, и даже не зашла... бывает!

Выглядело это так.

Мужскую одежду она заранее нацепила под старушечью, так что в нужный момент зашла за мусорную кучу, там распрямилась и сняла юбку, которую тут же засунула в сумку.

Все. Была старуха, стал старик.

Волосы она подрезала постепенно, по одной пряди, сжигая их в камине. Но осторожно, чтобы запаха сильного не было. Тщательно проветривая комнату, убирая малейшие следы...

Пару 'седых' прядей она оставила, пришила к косынке, которую теперь и сняла. И тоже сунула в сумку. И осталась с рыжим хвостом чуть ниже лопаток.

Здесь так ходят.

Посох летит в кучу мусора, гарола извлекается из мешка и вешается за спину. И остается последний штрих — лицо. Заранее намоченной косынкой пройтись по лицу, стирая морщины. Раз, второй, третий, быстрый взгляд в зеркальце. Вытереть в уголках глаз, на висках, на шее...

Вывернуть плащ наизнанку. Был темно-грязно-синий, стал черный, но с синей подкладкой. На руки — новшество, перчатки без пальцев. Сама лично сделала. Купила у старьевщика кожаные перчатки, нашла на них медные бляшки, обрезала пальцы...

Чего уж, силы нет, так хитрость будет!

Если правильно ударить кулаком в такой перчатке, есть возможность лишить врага глаза. Или нанести ему несколько болезненных порезов. А лицо — место сложное, любые повреждения на лице обильно кровоточат, лишая человека уверенности.

Пальцы!

Убрать полотенцем следу грима с пальцев.

Все?

С Богом!

Можно с Арденом, но она на любого согласна.

Описывается преображение долго, а на деле...

За те десять минут, которые потребовались Алаис, никто и не заглянул за мусорную кучу. Зашла бабка, вышел парень, и пошел по городу, закинув за плечо гаролу, к которой для удобства был привязан крепкий шнур.

Идти было сложновато.

Женщины ходят более грациозно, раскачивают бедрами, привлекая внимание к определенной части тела, ноги ставят достаточно близко. А у мужчин нет вихляний бедрами, если это не мужчины определенного сорта. Движения мужчин более линейные и размашистые, прямые и четкие.

А если рассматривать человеческое тело, как маятник, мужчины, шагая широко, больше раскачивают его плечами и руками, для равновесия. Вправо-влево.

А женщины, за счет движения бедер и коротких шагов качают его же вверх-вниз. Алаис приходилось тщательно следить за своей походкой, и это ее еще спасал опыт жизни в джинсах. Местные женщины штанов не носили, а если носили, то выглядели в них... неестественно. Она же шла типичной 'моряцкой' походкой, слегка утрируя раскачивания, но это никого не удивляло.

Гарола отвлекала на себя внимание, широкий плащ помогал скрывать часть движений, как и мешковатые штаны с рубахой. Так что до нового жилья Алаис добралась без происшествий.

Глава 10. Губит людей не пиво...

В новом жилище на Алаис посмотрели без интереса.

— А, ты что ли... бабкин внучек?

— Я.

— А звать как?

— Алекс.

На стойку перед Алаис лег здоровущий ключ размером с ладонь.

— Комната третья по коридору.

— Благодарствую.

Алаис развернулась спиной и уже собралась уходить, как...

— Слышь, парень, а игрушка у тебя для красоты?

— Для игры, — отозвалась Алаис. — А чего?

— Сыграй чего хорошего? Цельный день сижу, скучаю...

Алаис на миг задумалась.

Проверка?

Очень может быть что проверка. Но тогда отказываться нельзя, никак нельзя...

Гарола сама скользнула в руки. Она устала лежать в лавке старьевщика, она соскучилась по теплу человеческих ладоней, и сейчас дерево доверчиво, словно котенок, льнуло к пальцам. Цеплялось струнами за подушечки, уютно устраивалось в изгибе тела...

— Только дяденька...

— Какой я тебе дяденька? Говори, господин Агилар.

— Хорошо, господин Агилар. Только коли не понравится не бейте, ладно?

— А что так сразу-то?

— Да я не так, чтобы очень опытен. Сам сочиняю, сам пою...

— Ну-ну...

И Алаис, мысленно благословив Владимира Высоцкого, коснулась струн.

— Баллада о любви.

Когда вода всемирного потопа...

Отзвучали последние строки, Алаис красиво завершила дело аккордом, и взглянула на хзяина. Тот сидел, полуприкрыв глаза.

— Красиво. Непривычно, но красиво. А еще что-нибудь знаешь?

— Знаю, господин Агилар.

— Такое же?

— Да нет... Баллады знаю, сказки разные, чуток стихи складываю...

— Откуда так?

— Батяня научил. Он мастером был, хоть на гароле, хоть на флейте, хоть в барабан постучать, а меня Арден не сподобил. Так, струны чуток дергаю...

— А еще что-нибудь спой?

Алаис было не жалко. 'Катюша' вполне подошла для современных условий. Разве что пограничье поменяли на заставу, а так все один в один. И цвет яблонь, и девушка.

Господин Агилар слушал серьезно.

— А баллады знаешь ли?

— Знаю. Но исполнять долго.

Аргумент был принят.

— Надолго ты к нам?

— Бабушка сказала дней на десять. Потом или дядька смягчится, или мне где местечко найдут...

— Не хочешь пока у меня в трактире подработать? Серебрушку за вечер я тебе заплачу, не обижу, ну и что сверх накидают — твое будет.

Алаис подумала. Вообще, условия были неплохие — на первый взгляд. Но!

— Вечер — это с какого часа и по какой?

— Указом короля кабаки в полночь закрываются, так что... с восьми до первых петухов.

— Я постоянно должен что-то играть?

— Да нет. Это ты пальцы в кровь сотрешь. Но скучать люди не должны.

— А если кому песня не понравится? Кто меня у толпы отбивать будет?

— Вышибала у меня есть. Шепну словечко, но ты и сам не плошай. Квартал здесь не самый тихий, всякое бывает.

Алаис кивнула.

— День можем попробовать, если подойдем друг другу — дольше поработаю. По рукам?

— Этот вечер?

— Да.

— По рукам.

Рука Алаис утонула в руке мужчины. Господин Агилар засопел, перевернул ладонь Алаис тыльной стороной вниз и взгляделся в тонкую кожу.

— Ишь ты, руки у тебя какие...

— Отец говорил — у всех музыкантов руки изящные, если они тренируются с детства.

— И маленькие потому?

— Я же еще расту!!! — возмутилась Алаис насколько могла искренне. — Да и батя из благородных был!

— Ишь ты... из благородных?

— Говорил — незаконный сын барона! Мож, и сбрехнул, только у него тоже ручки маленькие были, что у девки.

— Ну-ну... Иди тогда, отдыхай. Поесть в комнату принести?

— Если не в тягость.

— Служанке скажу.

— Благодарю.

На стойку легли деньги за десять дней, не считая оставленного 'бабушкой' задатка.

— Если подольше задержаться придется, еще добавлю.

Господин Агилар посмотрел, сгреб деньги, вытащил из горсти одну серебряную монету и протянул Алаис.

— На...

— Вперед денег не беру.

— Ишь ты...

Но в голосе мужчины слышалось уважение. Алаис пошла по лестнице наверх, слыша, как мужчина призывает служанку и на ходу перебирая песни, которые хранились в ее памяти. Выходило много...

Надо посмотреть, подумать... может, 'конька-горбунка' им сбачать под бряканье? Или

сказки Пушкина?

Самая та аудитория.

А привыкать надо, еще как надо! Лучше потренироваться здесь и сейчас, чем спалиться там и потом.

Вечером Алаис, не без трепета душевного, переступила порог маленького трактира 'Посох и свинья'. Огляделась из-под ресниц.

Неплохо, очень неплохо.

Трактирчик не из тех, что только для чистой публики, но и не полное дно, где на стол облакачиваться опасно, потому как прилипнешь.

В одном углу — стойка, весьма похожая на современные, только за ней не батарея бутылок, а несколько бочек. Разумно, стекло здесь недешево. Одна драка — и годовая прибыль перейдет в убытки. Может, и есть тут бутылки, но спрятаны получше. А глиняные кувшины — товар дешевый. Хоть десятками закупай.

В другом углу — камин. Здоровущий такой, быка зажарить можно. И, судя по вертелу и потекам жира, он используется и для готовки.

Столы нельзя назвать чистыми, но видно, что протирают их хотя бы раз в два дня. На стенах, которые не мешало бы побелить, развешаны косы лука и пучки каких-то трав.

Есть стулья, есть скамейки, столы делятся на две категории — для компаний, большие, на шесть-восемь человек, и для двоих. Там, где для компаний — там стоят скамьи, а вот 'камерные' столики оборудованы стульями.

Полы посыпаны свежей соломой. Действительно свежей, без объедков.

Неплохо, весьма неплохо.

Народу было уже достаточно, так что Алаис прошла к стойке. Подумала, вспрыгнула, и устроилась на уголке, благо, сколочено было на совесть.

На нее тут же уставились десятки блестящих глаз.

Стало страшно, но только на миг. Потом Алаис улыбнулась привычной улыбкой.

— Чего спеть? Повеселее, подлиннее? Принимаю заказы...

— Давай что-нибудь подлиннее. И подушевнее, — распорядился голос из угла.

Других заказов не последовало, и пальцы Алаис легли на струны. Не подведите, Александр Сергеевич?

— Царь с царицею простился, в путь-дорогу снаряжился...

Сказка о мертвой царевне пошла весьма душевно. Слушатели искренне переживали, несколько раз обматерили мачеху, посочувствовали королевичу Елисею, а когда царевна все же отравилась яблоком, ахнул весь трактир.

Даже трактирщик не перебивал, даже девица, которая разносила пиво, старалась делать это потише. Голос у Алаис был не очень громкий, но звонкий и сильный, он разносился по залу, достигая самых дальних углов.

Мелкие ляпы с рифмой слушатели ей простили. Бывает, что сказать? В размер она более-менее попадала, гаролой себе подыгрывала, отмечая то особо драматические, то лирические моменты, история интересная, да и вообще — тут больше принят белый стих.

Но все кончается, закончилась и сказка.

— Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец, — закончила Алаис. И еще раз перебрала пальцами струны.

В трактире повисла тишина.

Девушка приготовилась нырять за стойку, но оказалось, что все не так плохо.

Не принято в этом мире было аплодировать. Поэтому окончание сказки приветствовали восторженным ревом, а к ногам девушки полетели монеты.

Прежде, чем Алаис поняла, что с ними делать, служанка принялась собирать доход, который потом и положила на стойку. Может, и утаила пару монеток, что ж. Поползай-ка на полу, среди соломы...

— А что покороче есть? А то заслушались, аж в горле пересохло?

Алаис выделила взглядом сказавшего. Молодой наемник улыбался так дружелюбно, что хотелось улыбнуться ему в ответ. Но — нельзя.

Она сейчас не девушка, да и время тут не толерантное. За такие улыбочки могут и в челюсть двинуть.

— Для вас, господин... и для нашего гостеприимного хозяина, который позволил мне здесь поработать... Губит людей не пиво, губит людей вода!

Трактирщик одобрительно кивнул, и Алаис прошлась по струнам. Лихо, с перебором.

— В жизни давно я понял...

Песню пришлось исполнять четыре раза. Последний — 'на бис' и всем трактиром. Под стук пивных кружек. Эх, великая сила искусства.

Трактирщик расщедрился настолько, что толкнул кружку пива и к Алаис.

— Промочи горло, паренек, потом продолжишь.

Гости ответили разочарованным 'уууу', но как-то не всерьез. Все поняли, что вечер будет интересным, а раз так, можно и дать парню чуток передохнуть. До полуночи еще много времени.

После полуночи господин Агилар выпроводил последнюю компанию. Трое мужчин, по виду типичные подмастерья, нехотя расходились, горланя от всей души:

— Губит людей не пиво! Губит людей вода!

Алаис подумала, что песня станет хитом сезона. Жаль, что авторских отчислений тут не предусмотрено.

С другой стороны, вряд ли Леонид Дербенев писал ее ради наживы. Ради удовольствия — безусловно. Чтобы пошутить, посмеяться, чтобы что-то донести миру. Писал, потому что не мог иначе.

Когда пишут ради денег, это звучит совершенно иначе, понятно же...

Почему поп-песни — это шлягер на месяц, а советские — на века?

Потому что в старые песни душу вкладывали. Ну да ладно...

Трактирщик протянул Алаис кружку.

— Пей, паренек. Не то завтра охрипнешь. Тяжко сегодня пришлось?

— Тяжко, — честно призналась Алаис.

В кружке оказалось горячее молоко с маслом. Не слишком вкусно, но горло просто жизнь почувствовало. Господин Агилар наблюдал за ней с симпатией.

— Завтра что новенькое споешь, или это же?

— У меня историй много, песен тоже. Надолго хватит, — усмехнулась Алаис. — Потерпите?

— Спрашиваешь! Я сегодня, считай, пятидневную выручку сделал. Если и завтра...

— что, плату поднимете? — не удержалась Алаис.

Господин Агилар расхохотался, и так треснул ее по спине, Что девушка едва носом в молоко не впечаталась.

— А ты парень не промах! Нет, не подниму. Сниму.

— Вот как?

— Срежу тебе за комнату еще серебрушку.

— Благодарствую.

— Тока эта песня про пиво...

— А что с ней не так?

— Да все так. Почитай, у меня за сегодня его втрое выдули! Только второй куплет...

Второй куплет Алаис переделала. Теперь он звучал примерно так.

Как-то трактирщик толстый, друг незабвенный мой

Пиво всего однажды взял и развел водой

Крикнул он убегая, били его тогда

Губит людей не пиво! Губит людей вода!

Да простит Алаис великий Л. Дербенев, но не понимали в этом мире, как можно судить за разбавленное пиво. Здесь за него просто критиковали — ногами по организму. Вот и пришлось переделывать.

— Давай его я буду петь? А то слишком уж многозначительно народ пиво пробовал?

Алаис усмехнулась про себя.

— Как скажете, господин Агилар. Попробуем?

— Ты б отдохнул...

— В синем море отдохнем, — поговоркой ответила Алаис. Заодно подумала, что армянские мультики тоже подойдут для пересказа.

И привычно коснулась струн.

Сначала она пела одна. На втором куплете вступил господин Агилар, поддерживая ее голос своим, а припев уже исполнял он один.

— Эх! Губит людей не пиво! Губит людей вода! Да!

А накидали Алаис неожиданно много. Почти два золотых, только серебром и медяками. Так вот недельку попоешь, и считай, проживание отработала.

Алаис пела в таверне уже четвертый день.

Репертуар у девушки был богатым. Хотя некоторые истории пользовались большей популярностью, чем другие. Особенно про чудище морское незаконное. Оно же — армянский мультфильм 'Ух ты, говорящая рыба'. Очень подходящая сказка оказалась. И про подводного короля, которого мальчик ненароком выпустил из бутылки. Но про чудище полюбили все-таки больше.

- Какой заяц!? Какая блоха!?

- Повторить? Значит так. Та самая блоха с того берега моря...

- АААААААААА!!!

Армянские мультфильмы вообще пошли на ура. И 'В синем море, в белой пене...', и 'кто расскажет небылицу'...

Запас историй у Тани был богатым, еще с той жизни. Читать ей всегда нравилось, а неплохая память обеспечивала сохранность большинства историй. Да и что делать, если

вечера свободны? Ждешь любимого и ждешь, а он все не приходит и не приходит. Тут и телевизор, и музыка, да и пела Таня неплохо. Даже в концертах участвовала.

Мировой известности она бы никогда не получила, но приходили ее слушать не из вежливости, а ради удовольствия.

На второй вечер народа было вдвое. Опять шумели, бросали монеты, кричали что-то громкое и одобрительное. Сказку про говорящую рыбу пришлось исполнять два раза.

И уже ночью Алаис подвела итоги.

За два дня почти шесть золотых.

Понятно, что это новизна, вскоре таких заработков не будет. Да и не надо.

Еще пару дней, и свое проживание у Магдалены она окупит. Потом и свое проживание здесь.

Но главное — не деньги. Главное — расположение таверны рядом с портом. Что надо морякам?

Поесть после рейса, поспать, найти стоворчивую девушку, поразвлечься, в том числе и песню послушать. Моряки приходили самые разные. От добропорядочных матросов с купеческих кораблей, до откровенно пиратских рож. Садились за столы, переговаривались, слушали, пили, иногда пели. Алаис внимательно вглядывалась в просоленные морем обветренные лица.

Ходила по залу, присаживалась за столики, только не пила.

Нет-нет, ребят, вы вон какие крепкие, а я пока сопляк еще. Мне еще работать, а вы меня с ног выпивкой свалите. Лучше молока мне закажите, а то горло не казенное...

Над пареньком смеялись, но не сильно.

Истории были интересные, песни то задорные, то задушевные, а признание собственной слабости всегда дорогого стоит. Вот храбрился бы — глупо бы выглядел. А когда все говорится честно, тут уважения к человеку больше.

И в том числе Алаис прислушивалась к разговорам.

Ей надо было отсюда уехать.

На корабле.

На Маританию.

Алаис долго обдумывала маршрут, но потом все же решилась.

Уйти из города пешком она не сможет, Таламир не дурак. Дороги обшарят все, стражники будут хватать любого подозрительного типа. Да и просто — первое же столкновение покажет, что она женщина.

Прибиться к кому-то?

Алаис искренне боялась не выдержать легенду. И доверять никому не могла. За такое вознаграждение, которое назначил Таламир, ее еще и шелковой ленточкой перевяжут.

А ведь назначил уже...

Сплетни по столице ходили самые разные.

Герцогиня Карнавон погибла во время пожара.

Герцогиня Карнавон бежала от мужа.

Таламир выдал какую-то шлюху за герцогиню, и теперь дурачит всех окружающих. А шлюха от него таки сбежала. Или он ее убил.

Последняя версия подтверждалась тем, что был пожар, на пожаре нашли чье-то мертвое тело, а Таламир хранил многозначительное молчание. Алаис догадывалась, что служанка не смогла спастись, но не сочувствовала Тарле ни в малейшей степени. Вести себя с

завоевателями можно по-разному.

Были во время Великой Отечественной те, кто жил в оккупации, а были полицаи. И давили последних, как клопов, потому что предавший свой род — жить не должен. Нечего такой генетикой землю загрязнять! Тарла как раз и относилась по классификации Алаис к полицаям.

Она служила за теплое местечко радостно, истово и искренне. Просто из ненависти к Карнавонам.

Удалось прыгнуть к хозяину в постель?

Замечательно!

Приказали следить за Алаис и доносить — с радостным визгом побежим, виляя хвостиком.

Вот и... довилялась.

Тело обнаружили в спальне герцогини, а кто уж там был? Неясно.

Пока по столице ползли сплетни о том, что Таламир убил последнюю из рода Карнавонов. И теперь надо ждать ураганов, смерчей, неурожая... Кто распространял слухи — было неясно, но завистников у мужчины наверняка хватало.

Алаис этому была только рада.

Чем хуже Таламиру, тем лучше ей. Попади он в опалу, женщина бы вообще от радости до потолка прыгала. Особенно если его в наказание в Карнавоны отошлют! А если и прибили бы по дороге — радости Алаис вообще предела бы не было.

Но не стоит мечтать о невозможном. Начнем с простого.

Заработать немного денег и найти корабль, который отвезет Алаис на остров Маритани.

Мечта Алаис сбылась на пятый день.

Маританцев она узнала сразу. Нельзя сказать, что вошедшие в трактир мужчины были похожи между собой. Один — высокий и светловолосый, второй — низенький и полноватый, третий — типичный боцман, как она их себе представляла, четвертый скорее всего юнга. Но...

Все четверо были одеты в простые белые рубахи и черные широкие штаны, на каждом был широкий синий пояс с подвешенным к нему коротким кривым кинжалом. Но главное...

Главное Алаис поняла, пробегая взглядом по лицам мужчин.

У них у всех были одинаковые глаза. Разных оттенков синего, но в то же время... как море.

Оно ведь всегда одно и везде — разное. Оттенок моря на мелководье и в глубине, пронизанный солнцем и отягощенный нависшими тучами, цвет течения и прибоя, окраска подводных камней и песчаного дна...

Это все море.

Одно одно, оно ласково окутывает плечи мира синим шелком, но какое же оно разное...

У юнги глаза были бледно-голубые, у боцмана иссиня-сизые, но море плескалось и пело в них совершенно одинаково. И полетела, сверкая в воздухе, золотая монетка.

— Говорят, тут певец хороший появился? А спой нам о море, мальчик?

Говорил только полноватый, остальные молчали. Алаис подумала минуту, и пальцы уверенно легли на струны.

— Прощайте, скалистые горы...

Песня на стихи Букина пришлась ко двору. Только 'Рыбачий' Алаис поменяла на 'наш остров'. За этой песней последовала вторая — уже Юрия Антонова.

— Море, море — мир бездонный...

И видя, что мужчины задумались о чем-то своем, ударила по струнам в любимой, залихватской, почти народной...

— Шаланды, полные кефали...

Песни пришлось повторять еще по несколько раз. И любимую 'про пиво'. И про любовь, и...

Когда у Алаис уже руки устали играть, она устало отставила гаролу в угол и припала к кружке с горячим молоком, заботливо принесенной хозяином. В трактире опять оживились, заговорили, спеша урвать момент. Потом-то говорить не захочется, только слушать. А маританцы, все это время внимательно слушавшие песни, переглянулись, и светловолосый махнул руукой, подзывая Алаис.

— Присядь с нами, певец?

Алаис подумала и согласилась. Уселась за стол, осушила одним глотком остаток молока, улыбнулась.

— Отработал я вашу монету, господа?

— С лихвой отработал, — усмехнулся светловолосый. — Хорошие у тебя песни.

— Не мои. Батины.

— А он...

— Нет его.

И Алаис не лгала. Многих из авторов уже давно нет в живых. А песни остались, они живут, проходят сквозь века, они сами, как море.

— У него ты остался.

Алаис пожала плечами.

— Я остался. А у меня никого не осталось.

— А песни? — вступил юнга.

Алаис пожала плечами еще раз.

— Это не они у меня, а я у них.

Светловолосый хлопнул ее по плечу.

— Понимаешь... меня Карн зовут. Карн Роал.

— Дорт Ларин, — представился 'боцман'.

— Шен Реваль, — толстяк.

— Тин Тавель, — юнга.

— Алекс Тан, — без зазрения совести представилась Алаис. А что? Легко запомнить, и отозваться несложно. Хоть на Алекса, хоть на Тана. То есть — Таню.

— А батя твой?

— Наполеон Бонапарт, — Алаис озорно улыбнулась. — Думаю, род он сам себе выбрал, так-то попроще прозывался. Но нам, певцам, без красивого имени нельзя.

— А что ж ты Наполеоном не прозвался? — мужчины не насмешничали, просто поддерживали разговор. Алаис развела руками.

— Рано мне еще. Я пока м аленький, глупенький...

— Зато поешь хорошо...

— Говорят, на Маритани тоже песни красивые?

— Совсем другие, — ответил после нескольких секунд размышления Реваль. — Мы

поем о том, что было. О героях, о богах, о королях...

Алаис бы еще покрутила разговор и так и этак, но народ начинал нервничать, господин Агилар уже сделал ей предупреждающий знак, мол, пора закругляться, и девушка решилась.

— Вы часом, не на Маритани идете?

— Туда. А что? — нахмурился Карн.

— А место для пассажира не найдется ли?

— Мы обычно не берем чужих на корабли, — отозвался Реваль. — Корабль, это ведь не просто сбитые вместе куски дерева. Это душа, сердце, это часть тебя, или ты — часть его.

— Я это понимаю. И не просил бы, если нашел другой выход.

— Нет.

И так Карн это сказал, что стало ясно — обсуждению не подлежит.

Господин Агилар подал второй знак, и Алаис встала.

— Я настаивать не буду, если что — проезд и оплачу, и отработаю, лишним не стану. Сами не возьмете, так хоть корабль подскажите? Чтобы я в рабстве не оказался, или где похуже?

И отправилась обратно.

Привычно уселась на углу стойки, взяла в руки гаролу, пробежала по струнам... и вдруг кольнуло что-то такое в сердце. Пусть ей ничего не обещали, пусть она почти ни на что не рассчитывала, но обида — чувство иррациональное.

Да пропадом вы пропади, твари! Носы дерете? Класс показываете?

Мы чужих не берем...

Видали мы таких... самураев недобитых! Гнев вскипел в душе черной волной, заполнил ее и выплеснулся наружу единственным возможным способом. Ничего, она найдет другой выход! А вы сейчас услышите...

— Когда-то воевали две страны. Был такой корабль 'Варяг'... победил в бою с шестью кораблями противника, — вспоминая историю, там ему еще канонерская лодка помогала, но здесь о таком не знают. — В память о подвиге люди сложили песню. Для тех, кто участвовал в боях...

И под пальцами зарокотали, загремели струны...

— Наверх вы, товарищи, все по местам. Последний парад наступает...

Может, и не было однозначного мнения о бое в бухте Чемульпо. Историю всегда пишут победители. Но песни... песни пишутся душой и сердцем народа. И сохраняются народной памятью только те, которые не лгут.

— Лишь волны морские прославят в веках, геройскую гибель Варяга.

Под пальцами отзвучал последний аккорд.

Несколько минут в таверне стояла тишина.

А потом случилось нечто странное.

Маританцы встали.

Все четверо, как один человек, не стовариваясь.

Блеснули извлеченные из ножен кинжалы, вскинутые в церемониальном жесте.

— Память и слава!

И Алаис почувствовала, что у нее слезы на глаза наворачиваются.

Проклятье, она, юрист, закаленный службой в администрации, пожизненный циник и стервозина, гадина и ехидна, она почувствовала, как по щеке сбежала одна крохотная слезинка. Или не одна?

Потому что герои таковыми и остаются. В любом мире.

— Слава и память, — отозвалась она.

И принялась перебирать струны в чем-то вполне нейтральном.

Маританцы опустили обратно за стол и заговорили о чем-то, уже не привлекая к себе внимания. Алаис играла, перебирая струны гаролы, что-то пела... ей было тоскливо и грустно.

О маританцах отзывались хорошо, она поверила и разочаровалась.

Ну когда, когда она поймет простую истину?

О людях надо думать плохо!

Тогда ты будешь ими только очаровываться. Что бы они не сотворили, ты все равно будешь оценивать их в позитивную сторону. Например, украли? Вот и чудненько, что не убили, я-то худшего ожидала.

Подставили?

Хорошо, что не покалечили!

В администрации этот подход работал всегда, там такой серпентарий был... а тут вот расслабилась. Решила, что тут порядочные люди водятся.

Зря.

Вечер закончился, как и всегда.

Подсчет монет, дружеский шлепок по плечу, стакан молока от господина Агилара.

— Я смотрю, ты с маританцами разговаривал?

— Интересно ж...

— Было б чего! Если останешься, так еще насмотришься, они тут гости частые.

Алаис безразлично пожала плечами.

Ходи они тут косяками, как селедка, ей все равно неинтересно. Раз чужим они не помогают, а она не маританец. Интересно, помогли бы они потомку Карнавонов?

Ирион их знает!

Рисковать она все равно не станет. Так вот ляпнешь чего не надо кому не стоит — и сама вляпаешься. Как говаривала бабушка, и сама пропадешь, и других подведешь.

Нет уж.

Обойдемся.

— Что бабка твоя не приходит?

— Дядька меня особо видеть не хочет, — Алаис потупила бесстыжие глазки долу. —

Кому ж понравится — такое отродье как я, да дома терпеть.

— Ну и плюнь на него. Ты парень неглупый, и так не пропадешь.

— Осень скоро...

— По дорогам не побродишь, и то верно. Но случись что — я бы тебя на зиму взял. За кров и еду.

Предложение было достаточно щедрым. Алаис оценила.

Кормить всю зиму нахлебника — недешево. Конечно, она отработает, но это здесь и сейчас на нее ходят. Пока новизна, пока что-то интересное. Потом ходить будут реже, а платить меньше. А кормить-то все равно до весны...

Алаис вежливо поклонилась.

— Благодарствую. Если бабушка дядьку не уломает — обязательно воспользуюсь.

— Если что — учти.

Алаис поклонилась еще раз и вышла на улицу. Невелик труд — пару шагов пройти...

Они ждали ее неподалеку от крыльца. Стояли в темноте сумрачными тенями. Алаис крепко сжала в кулаке платок с завернутыми в него медными монетами. Отлично утяжеляет удар, а с ее цыплячьими силами...

Силы не понадобились.

— Погоди, паренек.

Тени оказались маританцами.

— Чего надо? — опознанное зло было уже не страшным. И Алаис позволила себе выместить зло в короткой фразе. — Я ж чужой, что с меня взять-то?

— Взять и правда нечего, — Карн смотрел спокойно. — Разве что тебя на Маритани.

Алаис вскинула брови.

— С чего бы такая милость?

— Не бескорыстно берем ведь. Отработаешь?

— Чем и как?

— А вот так и сочтемся. Пока плыть будем, будешь по вечерам команду развлекать.

Алаис не возражала. Но...

— А чего вы меня тут ждали? Там сказать было нельзя?

— Ты ж хозяину про наш разговор тоже не сказал, — отвечивал Реваль. Алаис зло сверкнула глазами. Ишь ты, наблюдательный...

Впрочем, в темноте это все равно было незаметно.

— Вот и решили с тобой здесь поговорить. Чтобы лишнего внимания не было.

Алаис кивнула. Господин Агилар, как все трактирщики, отличался завидным любопытством. Болтать он не любил, но деньги чуял за версту. И чужие секреты — тоже. Верно, ни к чему ему на глаза попадаться.

— А монетой сколько запросите? Я не слишком богат...

— Двадцать монет золотом. Потянешь?

— Вполне.

Как поняла Алаис — это больше было на пропитание. Пансион на месяц в столице — и тот дороже обходился. Только вот...

— А капитан согласится абы кого на борт взять?

— Я и есть капитан, — Карн не расправил плечи, не выпрямился, подчеркивая свои слова. Ему не надо было. Он и так излучал внутреннее достоинство.

Алаис молча поклонилась.

— Тогда благодарен буду. А что за корабль?

— Бригантина 'Русалка'. Найдешь в порту? Мы стоим у пятого причала.

— Найду. А отплытие когда?

— Послезавтра в обед будешь на борту, а с ночным приливом и отливом. Отдельную каюту не предоставим, поживешь с Тином. Устроит?

— Мне что? Было бы куда ее пристроить, — Алаис любовно провела рукой по гароле.

— Пристроишь.

Алаис улыбнулась впервые за вечер.

— Послезавтра. В обед. 'Русалка'. Благодарствую. Непременно буду.

Тени отвесили по поклону и медленно растворились в темноте.

Великая сила искусства?

Алаис подозревала, что до 'Варяга' ее на борт брать никто не собирался. Но что-то такое оказалось в этой песне, что затронуло души маританцев. Да, не зря она когда-то ходила в музыкальную школу, в хор, не зря училась...

Великая вещь — образование! С ним нигде не пропадешь, хоть в своем мире, хоть в чужом.

И Алаис отправилась спать. Надо было придумать, куда упрятать деньги, продумать костюмы, чтобы не разоблачили ненароком, мало ли — дождь, или искупаться придется, или еще чего... вот надо, чтобы грудь наружу не вывалилась. Еще, что ли, шмоток у старьевщика прикупить?

Завтра займемся.

И Алаис с чистой душой отправилась спать.

Завтра она придумает, как себя обезопасить, завтра она сходит в лавку к старьевщику, даст последний концерт, а послезавтра уйдет по-английски, как последняя свинья, даже не попрощавшись. Ибо своя шкурка ближе к телу.

Лишь бы не прибили, не продали в рабство и не попользовали всем кораблем. Алаис точно знала, что моряки и сифилис раньше отлично уживались друг с другом. Порты ведь, бордели, а полезных резинотехнических изделий тут еще не изобрели. Страшновато...

С другой стороны...

Выбирая между супругом и сифилисом, Алаис четко выбирала сифилис. Там еще есть шанс выжить.

Эх, продержаться бы еще чуток....

Семейство Даверт.

В последнее время Луис все чаще соглашался с отцом. Вот смотрел на людей — и соглашался.

Стадо же!

Баранье безмозглое стадо! Им сказали, а они и рады блять!

И на бойню сами пойдут, и куда скажешь...

Как есть бараны!

Это ж надо...

Эттан с предстоящим Туараном зря времени не теряли. Составили список из двадцати семей и принялась за работу. А именно...

Вызывался к Эттану глава семьи, и преотец принимался 'ласково' его расспрашивать.

О том, о сем...

Веруешь ли ты в Ардена, чадо, не молишься ли Ириону, как относишься к власти....

Расспрашивать Эттан умел. Из его кабинета даже аристократы выходили с подгибающимися коленками. Тут-то на выходе их и прихватывал предстоящий Туаран. Подхватывал под локоток, И шептал, что на вас, господин хороший, донос поступил.

Знаете?

Ну... теперь точно знаете. Написал вот злой человек, что вы Ириону молитесь, козлов в жертву приносите и Тавальен сжечь собираетесь.

Нет?

А так убедительно написано...

Вот Преотец и приказал вас вызвать... вы точно не того? Нет?

Вот и ладненько. Идите уж, и не грешите.

Кто написал?

А кто ж его знает, анонима проклятого... но вы поосторожнее, говорят же, что дыма без огня не бывает...

Люди благодарили предстоящего в меру сил и фантазии, и уходили. А через два-три дня...

Да, их вновь вызывали. Но уже к предстоящему Туарану. И тот скромно намекал, что получил еще один донос. Что делать-то будем?

Делалось во всех случаях одно и то же. А именно — донос выкупался у предстоящего за очень хорошие деньги. Где-то четверть состояния должника.

Если тот хотел откупиться добровольно, конечно. А если нет...

От всего состояния Эттан тоже не отказывался. Двое 'подозреваемых' сгинули в застенках Шемона, и Луис точно знал, что гнить им там до скончания века. А их имущество было конфисковано в казну. Эттан разве что чуток женам и детям оставил, чтобы из Тавальена убрались куда подальше. И то не из благородства.

Просто милосердным быть выгоднее.

Отбери у человека все, а потом верни ему крошку, так он тебя еще и благодарить будет. Так уж это баранье стадо устроено.

И пока схема работала идеально.

И ведь никто — НИКТО! — не поделился с соседом подробностями вызова к Преотцу. Никто не подумал, что четверть — это сейчас, пока у Эттана еще ни зубы, ни аппетиты не отросли, потом только хуже будет. И никто... Никто не сообразил хватать все в охапку и бежать!

Вот Луис точно знал, что сбежал бы. Это ж ясно — если власть тебе улыбнулась, надо рвать когти. Потому что это — не улыбка, это оскал.

Луис бы бежал так, что пятки дымились, но люди даже этого не делали. С бараньей улыбкой они шли на бойню.

Некому было объяснить мужчине, что люди просто доверяли Эттану. Он же — Преотец! Глава храмовников, лицо по определению непогрешимое и бескорыстное. Разве может Эттан предавать, подличать, обманывать, сажать в тюрьму заведомо невиновных людей, шантажировать и даже убивать?

Конечно, нет, сказала бы паства.

Почему — нет? — удивились бы храмовники.

Еще как может, — сказали бы братья Даверт. Главное для отца — выгода, а уж как он ее получит, и сколько смертей будет на его дороге... Наплевать ему!

Пусть хотя вся паства передохнет, на ее место новая найдется! Лишь бы он без денег не остался.

Луис весьма трезво смотрел на отца, но иногда мужчине казалось, что он падает в яму со смолой. Черную, бездонную... и выбраться оттуда не сможет.

Никогда...

Схожие чувства были и у Вальеры.

Род Тессани был древним, а это означало многое. В том числе — и обучение. Пусть в кармане лишнего медяка нет, ребенка все равно выучат. Учителей нанять не смогут, так мать будет заниматься с дочерью, а отец с сыном. С Вальерой же занимались равно и мать, и

отец. И учили многому, не только ядам.

Учили разбираться в людях, определять, что и от кого можно ожидать, просчитывать последствия поступков, причем не только своих, но и чужих...

Вальере было страшно.

Пока Эттан двигался к своей цели — стать Преотцом, он был спокоен и осторожен и расчетлив, словно охотящийся кот. Нет никого аккуратнее этого животного.

Травинка лишняя не шевельнется, тень не двинется.

Одно движение, один бросок — и в когтях бьется добыча, наполняя кошачью душу радостью победы.

Эттан, конечно, котом не был, но к своей цели двигался именно так, по-кошачьи. Беды начались, когда он до нее дошел. Стал Преотцом и решил, что выше — только Арден. Только вот с презрением глядя вниз, не забывайте, что на самом глубоком дне самого глубокого моря спит Ирион.

Ниже некуда, но и опаснее тоже некуда.

Тьер Даверт перестал соотносить реальность и свои желания. Вальера это кожей чувствовала.

Эттан пока еще не зарвался, но со временем, рано или поздно, так или иначе...

Чем хороши люди? Их можно дурачить долго.

Чем плохи люди? Рано или поздно до них доходит, что осла надо искать в зеркале, и происходит взрыв. Спонтанно, непредсказуемо и мощно. Как извержение вулкана.

Сбежать не удастся никому. Лава заливает поселки на склонах, уничтожая с равным безразличием и поля, и города.

И Вальере не хотелось, чтобы ее семья стала таким 'уничтоженным городом'. А шансы были, еще как были. Сначала Эттану потребовалось выдать Лусию замуж за Карста.

Потом собрать ей достойное приданое, ради чего супруг стал почти в открытую грабить людей.

Что ему потребуется потом, и кто за это заплатит?

Луис?

Лусия?

Вальере были одинаково дороги все дети, на никогда никого не выделяла, а все же... За Лусию она переживала больше всего. Парни справятся, а судьба одинокой и незащищенной девушки всегда трагична. Это жизнь....

Нечисто что-то с этим браком...

Ну, ничего. Сейчас она выпросит все, что для нее разузнали, и отправится к супругу...

Дойти до нужной лавки ей не дали.

Тень, появившаяся из подворотни, зажала женщине рот ладонью, и нанесла несколько ударов. Как пожелал тьер Эльнор — чтобы умерла не сразу, чтобы помучилась еще...

Женщина обмякла в жестоких руках, а тень рванула с нее плащ, сорвала с пояса кошелек и опять растворилась в темноте. Женщина осела на землю, словно брошенная жестоким хозяином марионетка.

Вальера сначала даже и не ощутила боли. Только холод.

Как будто внутри нее оказалась сосулька, и таять она не собиралась.

Женщина открыла рот, попыталась позвать на помощь, крикнуть хоть что-то, но холод проник внутрь, сковал горло, заморозил легкие, заставив выдохнуть воздух... рука с лица куда-то убралась, но Вальера уже не думала о своих убийцах.

Дети...

Дети — это единственное, что ее беспокоило.

Как-то они без нее?

И попроситься не получится...

Мелиона милосердная, снизойди!

Не дай умереть, не увидев их!

Когда в дверь постучали, Луис как раз раскладывал пасьянс. Карты ложились неровно, не сходились, и мужчина чуть злился.

Сегодня он пришел домой пораньше, чтобы уделить время матери и сестре, а нет! Мать куда-то ушла и до сих пор не вернулась, сестра ничего не знает, но про своего Карста готова щебетать часами. Хотя ничего о нем и не знает.

Луис, честно выслушал малышку, но волновался за мать. Куда она ушла?

Почему никого не взяла с собой?

Не хотел посвящать отца, сказала бы ему, он сам бы ее сопровождал! И ведь сколько раз говорено — бери с собой охрану, бери!

Все бесполезно!

Да что со мной может случиться...

То и может.

Луис нервничал, злился, и понимал, что если мать не придет к третьим петухам, он сам пойдет искать ее. Но куда?

Слуги уже спали, так что благородный тьер сам открыл дверь. И — остолбенел.

На пороге стоял мужчина, держащий на руках тонкую женскую фигурку. Голова женщины была запрокинута, волосы намокли и свисали темным тяжелым пологом, а лицо было мертвенно-бледным, заострившимся...

— Она сказала этот дом...

И только тут Луис узнать свою мать.

— Проходи.

Разум еще не принимал ужасную новость, но инстинкты были быстрее. Распахнуть дверь, грохнуть об стену тяжелый подсвечник и заорать на весь дом, призывая слуг.

Положить бесчувственную Вальеру на стол в гостиной, махнув с него карты, и начать осматривать.

Кивнуть незнакомцу на кресло, рявкнуть слугам, чтобы бежали за лекарем.

И — вернуться к ранам.

Змей, змей, змей!!!

Луис, как бывалый дуэлянт, отлично разбирался в них.

Три!

Ранения!

В живот!

Твари, суки, сволочи! Он их заставит кровью умыться...

Только вот мать ему это не вернет. Луис прекрасно понимал, что при таких ранах Вальера не выживет. Вопрос только в сроках.

Сегодня?

Завтра?

Плюс-минус, день, вряд ли два дня.

Арден, за что!?

Рядом засуетилась кухарка с миской воды и губкой. Луис взял у нее все из рук и принялся сам смывать с Вальеры грязь и кровь.

— Мама?!!

Вскрик Лусии раздался совершенно некстати. Но Вальера очнулась, открыла глаза, увидела над собой сына и губы у нее чуть дрогнули.

— Лу...

— Лежи, мама. Тебе нельзя двигаться.

Вальера сдвинула брови. Потом на лице ее появилось выражение понимания.

Она вспомнила и переулочек, и тень за спиной, и...

— Я хотела узнать о Лусии...

— Мам, ты молчи. Тебе говорить вредно.

Губы Вальеры тронула усмешка.

— Лу, я же умираю.

— Неправда!

Луис сейчас и не то сказал бы. Да что — сказал!

Явился бы здесь и сейчас Ирион, предложил бы душу в обмен на жизнь Вальеры Тессани, Луис и не задумался бы! Бегом побежал бумагу кровью подписывать!

Только вот не является великий змей по таким поводам, ой, не является.

- Луис?

Мужчина обернулся и так сверкнул глазами на сестру, что избалованная девчонка мигом замолчала.

— Лу, отправляйся в комнату. И изволь одеться.

Лусия вспыхнула.

Только сейчас она заметила, что стоит посреди комнаты в прозрачной ночной рубашке. Но...

— Мама же не умрет, правда?

— Иди, оденься.

Врать сестре Луис не мог, а утешать было некогда.

Большие темные глаза Лусии наполнились слезами, губы задрожали...

Неизвестно, что она бы сделала в следующую секунду, но тут вмешалась одна из служанок. Марта прислуживала Вальере уже больше двадцати лет, видела Лусию еще в пеленках и никакого трепета перед ней не испытывала. Так что пожилая женщина мягко приобняла Лусию за плечи.

— Пойдемте, тьерина. Вы сейчас оденетесь и придете. А ваш брат тем временем осмотрит раны, позовет лекаря...

Лусия хлопнула носом, но позволила себя увести.

Луис отвел темную прядь с лица матери.

— Мам...

— Гхм!

Кашель раздался рядом и был настолько неуместен, что Луис сжал кулаки. Но потом устыдился.

Это кашлянул тот мужчина, который принес Вальеру. Луис гибким движением

поднялся с колен и протянул ему руку.

— Луис Даверт.

— Массимо Ольрат.

Массимо пришел в Тавальен поздно вечером, перед самым закрытием ворот. Стражники даже не взглянули в его сторону, только проследили, чтобы подорожная пошлина упала в специальный ящик.

Три медяка.

Деньги у Массимо были, а вот мира в душе не было.

Все это время он медленно шел по проселочным дорогам, то ночуя в лесу, то останавливаясь в деревеньках, подрабатывая за стол и кров, то равнодушно проходя мимо.

Мира в его душе не было.

Маришка, Маришка...

За племянницу он отомстил, но дальше-то что?

Мсть бессмысленна, когда только она становится целью в жизни. Бессмысленна, бесцельна...

Сейчас Массимо хотелось дойти до Тавальена, помолиться за души Маришки и Романа, и искренне верить, что в его душу снизойдет покой. Говорят же, что душевное равновесие достигается через тяжкий труд и невзгоды.

Врут.

Теперь Массимо это точно знал.

Шел он пешком. Ехал на попутной телеге или работал до седьмого пота, все равно перед глазами рано или поздно выплывали знакомые лица.

Маришка и Роман.

Тьеры, которые нашли смерть от его руки. Жорес, Римейн...

Старая сводница Мадлот.

И опять — Маришка и Роман, Роман и Маришка.

Массимо знал, есть люди, которые убивают, и живут потом, как ни в чем не бывало. Не раз видел таких, точно знал, что убитые им тьеры даже не вспоминали о принесенных в жертву девчонках, но...

Как в хороводе кружились кровавые раны, оскаленные в предсмертной судороге зубы, мертвые глаза...

Старость, старость...

По улицам Тавальена Массимо шел, желая найти или достаточно дешевую таверну, или доходный дом, чтобы переночевать, но покамест цены его не устраивали, и он решил поискать в более грязных кварталах.

Женщину у стены он заметил не сразу.

Мог бы и пройти мимо, если бы она не застонала и не шевельнулась. А потом...

Отличить тьерину от побродяжки или дешевой девки несложно. Руки, волосы, платье из дорогой ткани...

Массимо вздохнул, понимая, что сильно рискует. Если стража обнаружит его здесь и сейчас, никто не будет ни в чем разбираться. Тем более — искать убийцу.

Он — здесь, он — рядом, так что еще надо? Признание всегда можно выбить, главное — правильно бить. И все же, он не смог пройти мимо.

Бегло осмотрел женщину, отмечая, что раны у нее смертельные, но прожить еще пару дней она сможет.

Прожить...

Промучиться от боли в загнивающих кишках, прометаться в горячке, не узнавая никого, и в конце концов отойти в мир иной...

В таких случаях раньше давали яд. Так и назывался — глоток моря. Он позволял уснуть и уйти в мир иной без боли и мучений, тихо-тихо, под шум прибоя...

Мужчины могли предпочесть удар кинжалом. Он бы точно предпочел...

Может, все же бросить ее здесь?

Это трущобы, он, видимо, попал на место преступления почти сразу после убийцы... она не доживет и до утра.

До полуночи!

Придавят по-тихому, снимут одежду и украшения и спрячут труп.

Что ему стоит?

Плюнуть на все, пройти мимо...

Нельзя.

Массимо похлопал ладонью по щекам женщины.

— Тьерина...

Медленно, очень медленно Вальера пришла в себя. Достаточно, чтобы назвать свое имя и сказать, куда идти. И Массимо пошел.

Проклиная все на свете, ругаясь последними словами, все же пошел по улицам Тавальена, повинуюсь прерывистому голосу женщины.

Пару раз Вальера теряла сознание от боли, Массимо останавливался, приводил ее в чувство и шел дальше. Со стражей общаться не рвались ни он, ни она. Вальера понимала, что Эттана не любят. Чья рука нанесла ей рану — неизвестно.

А еще — ей нужно домой.

К детям и Эттану.

Не в стражу, нет. Там сожрут ее последнее время, а у нее и так его не осталось!

Даже перед особняком Тессани у Массимо было желание положить женщину на землю, постучать в дверь и удрать..

Не смог.

Вспомнил Маришку — и не смог.

А сейчас темно-кариими глазами на него смотрел молодой мужчина...

Нет, не был Луис Даверт даже отдаленно похож на романа Шерната.

Ничего общего.

Тьер и сын кузнеца. Волк и ёжик. Никакого сходства, кроме одного.

Роман потерял любимого человека.

Луис... он еще не потерял мать, но мужчина уже понимал, что Вальера умирает. И знание кровавой меткой легло на его чело.

Такие разные, и такие похожие...

Боль уничтожает все различия. Вообще все.

И нет мучительнее боли, чем боль потери близкого человека.

Массимо вздохнул и пожал протянутую ему руку.

Луис разглядывал стоящего перед ним человека.

Не слишком высокий, темные волосы с проседью, крепкий, словно гриб-боровик, грубоватые черты лица, широкие плечи, сильные руки...

— Наемник?

Убийца?

Вряд ли тот, кто ранил его мать, рискнул бы принести ее в родной дом, но мало ли?

— Был наемником. Потом торговал. Теперь вот... пришел в Тавальен.

Массимо отвечал не то, чтобы охотно, но людям надо было знать, кого они пустили в свой дом.

— Зачем? — Луис смотрел прямо в глаза Массимо, но взгляд мужчины был спокоен и безмятежен.

— Я остался один. Мои близкие умерли. Хочу помолиться за их души. Потом, может быть, найду для себя монастырь. Или не найду, — Массимо пожал плечами. — Денег у меня нет, работать я долго не смогу... не лучшее приобретение.

Луис прищурился.

— Идти тебе некуда?

— Я искал таверну или доходный дом.

— Сегодня можешь переночевать у нас. Утром я с тобой побеседую.

— Я дождусь, — кивнул Массимо.

— Ты никого не видел, когда нашел маму?

— Если бы видел, прибил бы, — Массимо произнес это с такой искренностью, что Луис поверил. Просто поверил, что это — не убийца.

Что бы не перенес стоящий перед ним мужчина, это оставило в нем свой отпечаток. Болезненный, жестокий, словно клеймо выжгли.

Он может убить, и убивал, но не сегодня, нет. И... он не станет убивать женщин. Луис ощущал это обострившимся чутьем хищника.

Это — не тот.

Но когда Луис доберется до горла убийцы своей матери...

Мужчина тряхнул головой и видение окровавленного тела, от которого медленно отрезают по кусочку, чтобы скормить акулам, исчезло.

— Я благодарен. Поверь. Просто сейчас...

Массимо махнул рукой.

— Не надо, тьер...

— Ты меня знаешь? — насторожился Луис.

— Нет. Но я же не слепой. Дом, тьерина, слуги, оружие...

Луис кивнул.

— Завтра я зайду с утра. Мы поговорим. А сейчас — прости.

Массимо кивнул. Оно и понятно — не до него. Ему бы в такой ситуации тоже не было ни до кого дела.

Луис отвернулся от мужчины, нашел взглядом одного из лакеев.

— Устроить в гостевых покоях, накормить, позаботиться об одежде... этот человек — мой гость.

Этого было достаточно, чтобы лакей поклонился Массимо, приглашая за собой.

— Прощу вас, господин.

Свое положение Массимо использовал всюю, понимая, что в доме все равно никто не

уснет. А потому...

Он принял ванну, отмылся от дорожной грязи, отдал одежду постирать, переоделся в чистое, поужинал и вытянулся на мягких простынях.

И впервые за несколько месяцев ему не снились кошмары.

Видимо, они боялись приближаться к логову Эттана Даверта.

Отправив восвояси Массимо, Луис вернулся к матери.

— Мам, кто это был?

— Не знаю, Лу.

— Что ты там делала?

— Я хотела узнать о женихе Лусии. Карсты — древняя кровь, мы для них ничтожества. Лу, мне больно.

Луис прикусил губу.

— Что я могу сделать?

— Перенеси меня в мою спальню. Потом скажу.

— Это может быть опасно.

— Лу, сынок, ты думаешь, я выживу?

Вальера криво улыбнулась. Что бы там ни было, она — тоже древняя кровь, Море примет ее душу. Что бы ни проповедовал дурачкам Эттан, сама Вальера верила только в силу королей. И в род Лаис.

И сейчас...

— Мам...

— Не лги мне, малыш. Мы знаем, что эти раны смертельны.

Луис склонил голову.

Он многое знал о своей матери, но такое.... Смерть сорвала с нее все покровы. Не стало милой кошечки Эттана Даверта, не стало заботливой наседки. Сейчас с ним говорила королева, имеющая право отдавать любые приказы.

В том числе — и эти.

И мужчина опустился на колени.

Руки его скользнули под тело женщины, осторожно принимая его тяжесть.

— Обхвати меня за шею.

Вальера повиновалась. Уткнулась носом в шею Луиса, закрыла глаза, вдохнула родной теплый запах.

Мальчик-мальчик, давно ли ты лежал у моей груди, упираясь в нее кулачком? Давно ли ты сосал молочко, а я гладила тебя по пушистой головке и украдкой, словно втайне от себя, целовала крохотные пальчики?

Ты совершал свои первые шаги, я вытирала твои слезы, избывала твои беды и огорчения, и я видела, как ты стал мужчиной. Я сделала все, чтобы ты не сломался.

Я добила своего, но так хотелось дать тебе еще время!

А сейчас тебе предстоит принять на свои плечи еще одну тайну рода Лаис.

Справишься ли ты?

Но кто еще, кроме тебя?

Некому.

Больше — некому.

В спальне Луис опустил Вальеру на кровать и обернулся к слугам.

— Пошлите за врачом.

— Уже побежали, тьер, — пискнул кто-то.

— Тогда все — вон! Придет — доложите. И пошлите к отцу. То есть — к Преотцу!

— Да, тьер.

Дверь захлопнулась.

Вальера мягко улыбнулась.

— Сынок, подойди к камину.

— И?

— Теперь нажми на третью завитушку сверху, на левом фризе. Нажал? Поверни соседнюю шишечку на два оборота влево. И потяни на себя.

Луис послушно выполнял материнские приказы, и даже не сильно удивился, когда в каминном фризе открылось углубление.

— Мам... но откуда?

— Этот дом когда-то принадлежал моим знакомым. Я знала эту тайну. Не просто так Эттан выбрал именно его.

Вальера улыбнулась краешком губ.

— Теперь бери шкатулку.

— И?

— Дай ее сюда.

Простое коричневое дерево, зеленая окантовка, на сером поле — акула.

— Мам?

— Это герб рода Лаис. Надеюсь, ты помнишь?

— Да. Но откуда...?

— Молчи и слушай. Чтобы открыть шкатулку, надо нажать вот сюда. Иначе это самый обычный ящичек.

Вальера потянула пальцы Луиса к стенке шкатулки.

— Если нажать сюда и сюда — будет защита. Тут есть иголка с ядом. Вот так и так.

Вальера показывала, а Луис смотрел в шоке.

Невзрачная с виду коробочка таила в себе сразу несколько опасностей.

Две иголки с ядом и пропитанная им же шелковая тряпочка. Только возьми в руку...

Потом хватит и короткого прикосновения языком к пальцам.

Вальера нажала сбоку несколько раз, уничтожая ловушки, и открыла шкатулку.

Несколько листков бумаги. Очень плотной, белой, с голубым рисунком в виде волн. Секрет ее производства сейчас утрачен.

Такую делали только при Морских Королях.

Кольцо с громадным звездчатым сапфиром. На оправе выбиты золотые дельфин, акула, осьминог, кит, касатка.

Склянка с ярко-синим содержимым.

Луис посмотрел на мать.

— Это...

— Да. Наш род владеет этой тайной. Это — глоток моря.

— Откуда?

— Прочитай бумаги. Там все сказано. Это чистая правда, Луис, слово Тессани. Давным-давно...

Вальера говорила, а Луис слушал, и перед ним вставала громадная спальня.

Бело-синие цвета отделки, в кружеве подушек утопает белое, почти бескровное лицо, которое сейчас само напоминает герб Королей.

Белая мертвая кожа, сухие синие губы... и — глаза.

Пронзительно-синие, изменчивые, восхитительные, меняющие цвет, словно море — ежесекундно, играющие всеми оттенками, от бирюзы — до зелени.

Глаза Морского Короля. Последнего из рода.

Герцог из рода Лаис стоит на коленях рядом с кроватью. Мужчины знают, что это смертное ложе, что король не доживет и до рассвета, но зачем он призвал герцога? Даже умирающий — он все еще король. Что он знает?

Что скажет?

Первые слова короля не новость.

— Я умру на рассвете.

— Мой Эрт, лекари говорят...

— Лекари могут говорить. А ты слушай меня.

Королям повинуются. Особенно — этому.

— Да, мой Эрт.

— После моей смерти начнется война. Я знаю. Тимар силен и видит себя на престоле. Атрей породнился с Дионом — и также мечтает о власти для своего сына. Карнавон, Карст и ты — вы пока держите нейтралитет. Но я выбрал именно тебя.

Выбрал? Для чего? Надеюсь, не для казни? И не для трона? А то хочется жить... Не вслух Лаис произносит совсем другое.

— Это честь для меня, мой Эрт.

— Я решил, что доверю тебе самое ценное, что есть у меня.

— Мой Эрт?

— Наклонись ближе и слушай. Сегодня ты уедешь из дворца и отправишься...

Слова неразборчивы, но герцог слушает, что есть сил напрягая слух. Потому что король дает ему нечто большее, чем золото или власть.

Он отдает ему весь мир.

И этот мир заключается в простой шкатулке.

Рано или поздно кольцо должно найти своего наследника. Поздно или рано...

Герцог принимает его с благоговением, снимая с сухих королевских пальцев.

Он будет хранить его до конца своей жизни.

— Мам, а откуда яд?

— Там есть рецепт. Прочитаешь. И на полке книга с рецептами. Вон та...

Луис протягивает руку, и, повинувшись жесту Вальеры, снимает с полки... молитвенник?

Да, именно его!

В ядовито-розовом переплете, изукрашенный золотом, голубками, морскими волнами, и прочими пасторальными сценами.

Да, отец такое в руки век не возьмет.

Повинувшись шепоту Вальеры, Луис переворачивает молитвенник, и открывает его с

противоположной стороны. Страниц тридцать заполнено убористым почерком... Вальеры? Нет, мать пишет иначе, ее руку Луис знает.

— Это еще моя бабка переписывала, — Вальера чуть улыбается. — Отдаю тебе. Лусии не доверяй, понял?

— Да, мам.

— Если бы она поумнела, повзрослела, но она еще соплюшка. Ей пока нельзя.

Луис кивнул.

— Обещаю.

— Отец ничего не должен знать. Поклянись.

— Клянусь.

Луис не испытывает никаких сомнений. Здесь и сейчас они с матерью думают, как одно целое, действуют, как один человек.

Лусия молода и глупа, Эрико отдаст все отцу в напрасной попытке заслужить его любовь, Родригу слишком безвольный и ведомый для этого знания.

Эттан...

Кто его знает, что наворотит мужчина в попытках добиться власти?

Уже наворотил!

Из всех детей это знание способен сохранить лишь Луис.

Внизу слышен шум.

Луис и Вальера переглядываются. Мужчина быстро захлопывает шкатулку, поворачивает все нужные рычажки, ставит ее на место и задвигает тайник. Все, что сказала мать, огненными штрихами врезано в его память.

Он никогда не забудет...

Вовремя, все вовремя. Потому что через минуту в комнату врывается встревоженный Эттан.

Луис выходит.

У него еще будет время побыть наедине с матерью. А сейчас надо оставить отца с ней. Они были вместе больше тридцати лет, Эттан любит ее, эгоистично, жестоко, немного слепо, как умеет, но любит. Надо дать им время побыть наедине.

Попрощаться.

А сам Луис идет к сестре.

Лусия рыдает на кровати. Бьется в истерике, отталкивает руки служанок, швыряется подушками...

Луис отсылает всех одним жестом, садится рядом.

— Лу, прекрати.

Бесполезно. Крики, слезы, сопли, вопли...

Встряхнуть сестру за плечи, глядя в красное лицо с распухшим носом.

— Я кому сказал!

Помогает, но ненадолго. Лусия вцепляется в его рубашку, обильно заливая ее слезами.

— Луис!! Скажи, что это неправда!! Мама не умирает!?

И прочитав ответ в его молчании, принимается рыдать еще сильнее.

— Она не может умереть! Это неправильно!! Так нельзя!!!

Луис молча гладит сестру по волосам. Капризное, избалованное, любимое матерью

дителя. Что тут скажешь?

Конечно, нельзя. И неправильно. Луис понимал, что рано или поздно матери не станет, но представлял это как-то иначе.

Скажем, восемьдесят лет, чепец на белых от старости волосах, рыдающие дети и внуки, может, даже правнуки... уж точно не рана в живот.

Ничего, он найдет убийцу. И подвесит подонка на его собственных кишках.

Лусия заливается слезами. В рыданиях прорывается то свадьба с Карстом, которую теперь придется отложить, то несправедливость жизни, то какая-то ерунда, вроде обещанного матерью жемчуга...

Минут двадцать Луис просто сидит рядом с сестрой, гладит ее по волосам, и думает, что это — те слезы, которые не может пролить он сам. Но потом ему надоедает.

— Лу, отец сейчас рядом с матерью. Лу, кракен тебя сожри!

Лусия замолкает. Луис сует ей в руку стакан воды.

— Пей, давай! Выпила? Вот и умничка.

— Л... Луис...

Мужчина сгребает в кулак толстую косу сестры, сильно тянет назад.

— Еще раз начнешь слезоразлив — угощу пощечинами. Слушай меня, сестричка!

Это действует. Лусия хлопает длинными ресницами, но не ревет.

— Сейчас мы пойдем к матери. И ты не будешь рыдать. Ты поцелуешь ее, и скажешь, что обязательно справишься. Поняла?

— П-поняла... Н-но...

— Соберись, кому сказал! — и уже мягче, спокойнее. — Лу, ты же не хочешь, чтобы маме было больно?

— Н-нет...

— Вот и умничка. Сейчас я позову служанок, ты умоешься, переоденешься, а я пока поговорю с братьями. И не вздумай плакать, поняла?

— Д-да.

Луис погладил сестренку по голове. Вздохнул.

— Лу, я найду того, кто это сделал. Обещаю.

И тут кровь Эттана Даверта прорывается сквозь слезы и боль. Лусия вскидывает голову, смотрит глаза в глаза брату.

— Я хочу при этом присутствовать! Я хочу видеть смерть подонка!

— Обещаю.

Луис ни минуты не сомневается, давая это обещание. Да, Лусия милая и нежная девочка. Очень добрая, очень чувствительная, жалеющая всех котят и щенят. Но убийцу матери она жалеть точно не будет.

Здесь и сейчас дети Эттана Даверта очень похожи на родного отца. Та же безжалостность, то же хищное предвкушение добычи...

Они еще загонят дичь.

Эрико спит после пары кувшинов вина. Луис тратит около десяти минут, чтобы растолковать его и объяснить, что случилось. А потом перехватывает почти у двери.

— Ты куда, идиот?! Оденься!

Эрико вспыхнул, как маяк, поняв, что собрался выскочить за дверь в одной ночной

рубашке.

— Ирион!

— Одевайся и спускайся вниз. К матери пока не лезь, они там с отцом.

— Хорошо.

Луис хлопнул брата по плечу и отправился к Родригу. С тем было проще всего.

Мужчина крепко спал, но разбудить его и объяснить было проще, чем пьяненькому

Эрико.

И Луис застыл перед дверями маминой спальни.

Постучать?

Нет?

По счастью, Эттан выглянул сам.

— Ты здесь? Остальные где?

— Сейчас соберутся.

— Вэль хочет вас видеть.

— Да, отец.

Роли распределены. Горюющий отец, почтительный сын, умирающая жена...

Луис искренне надеялся, что у них с матерью будет время попрощаться наедине.

Эттан сидел у постели жены и держал ее за руку.

— Обещаю, я найду другого лекаря.

— Эттан, даже если ты сюда весь город пригонишь, это не поможет.

Вальера улыбалась самыми краешками губ. Да уж, стоило умирать, чтобы видеть это выражение на лице мужа.

Беспомощность, паника, и — любовь. Да, именно любовь и страх потери отражались сейчас на лице Преотца.

Пару минут назад он едва ли не пинками выставил за дверь лекаря, который, содрогаясь от страха, сказал Эттану Даверту правду.

Раны смертельны.

День или два — и все будет кончено.

Обычно при таких ранах добивают, чтобы человек не мучился, но тут... благородная тьерина... может быть, яд?

После чего лекарь и вылетел за дверь, а Эттан едва не проводил его пинком. По счастью, он успел дать Вальере обезболивающее, и та могла разговаривать спокойно. Разве что в голове приятно шумело, как после пары бокалов крепкого вина, но это можно пережить. Хм... смешное слово в ее ситуации. Наверное, это лучше не переживать. Будет больно.

— Вэли, Вэль... Ну как же ты так?

— Меня не спросили, — губы Вальеры тронула улыбка. Сейчас можно не бояться. Сейчас уже все можно. — Эттан, пообещай мне.

— Да?

Он бы и луну с неба пообещал, лишь бы жила... Эттан Даверт и сам не знал, какое большое место заняла в его сердце Вальера.

Не знал, пока не лишился.

Срывал дурное настроение, изменял, злился, раздражался, кричал... а сейчас вот терял

ее — и словно из сердца по-живому кусок рвали. Он и не знал раньше, что у него есть сердце.

— Обещай, что не будешь женить детей против воли.

— Даю слово.

И Эттан не лгал.

Вальера смотрела в золотистые глаза мужа. Пусть они с Эттаном не были венчаны в храме, но жили вместе не один десяток лет, у них четверо детей, они срослись друг с другом так, как это не удается многим супругам.

— Я была счастлива с тобой, Тан.

— Когда я найду того, кто это сделал...

— Неважно! — Вальера шевельнула кистью. — Тан, пообещай мне узнать все возможное о Карсте. Лусия не должна страдать.

— Узнаю.

— Луис сильный, он справится. Дай ему тоже искать убийцу, иначе ему будет слишком больно.

Эттан кивнул.

— Мы займемся этим вместе.

— Родригу надо посвящать в сан. Он хороший, но такой... доверчивый.

— Обещаю. В ближайшее же время.

— И... удели внимание Эрико. Он любит тебя, а ты никогда этого не замечаешь.

Эттан дернул щекой.

Любит... что поделаться, если сын вырос таким... неудельным? Ни дома оставить, ни в люди отправить. Что ни поручи — все завалит. Но если Вэль просит...

— Обещаю, родная.

— Ты дашь мне поговорить наедине с каждым из детей?

— Да. Вэль, я найду лекарей...

— Тан, мне они не помогут.

— Не говори так!

Вальера вздохнула.

— Хорошо. У тебя есть сутки. Потом, если ты ничего не найдешь, я приму яд. Хорошо?

— Вэль!

— Тан, это мое право. Я хочу так поступить. И изволь похоронить меня в фамильной усыпальнице Тессани.

— Обещаю.

Здесь Эттан не спорил. Он и так знал, что лежать рядом им с Вэль не придется. Всех Преотцов хоронят в катакомбах под главным храмом.

— Вэли... я люблю тебя.

Вальера с трудом подняла руку, коснулась щеки Эттана.

— Я знаю, родной мой.

— Я такой дурак! Я так редко говорил тебе об этом, так редко и так мало. А ты... ты все мне отдала, а я...

Эттан мог произносить блистательные речи, но сейчас слова не шли на язык. А женщина, которую он любил и терял, лежала перед ним на кровати. Такая близкая, такая далекая, такая... уже не его.

И он ничего не мог сделать, чтобы вернуть ее назад.

Отец и сын мыслили одинаково.

Здесь и сейчас Эттан тоже заложил бы душу Ириону, а не хватило бы своей — чужих добавил, лишь бы Вальера осталась в живых. Но это было не в его власти.

Ты можешь стать Преотцом, можешь надеть на себя корону, можешь даже несколько нацепить, если на ушах удержатся, можешь собрать в закрома все золото мира и умываться в нем по утрам.

Но в такие моменты как никогда понимаешь, что главная-то ценность — не власть, деньги или слава.

Главная ценность — это жизнь твоих родных и близких.

Эттану предстояло постичь эту истину на своем опыте.

И это было больно.

Они все стояли у кровати, на которой умирала Вальера Тессани.

Муж, так и не ставший официальным, три сына, дочь... Лусия не плакала. Слезы текли сами, капали по лицу на кружевной воротник, впитывались в ткань платья — девушка не вытирала их. Просто не замечала.

Вальера смотрела с состраданием.

Арден, какой же глупой она была! Наивно полагала, что впереди вечность, не готовилась, не думала, что детям придется вот так, без нее... а они выросли, и она умирает.

Не ко времени, ах, как не ко времени.

Смешно... неужели собственная смерть может приключиться — вовремя? Какая пошлая, глупая сцена, словно из романа Лусии... но у Эттана иногда не хватает чувства меры. Иногда?

Никогда не хватает. Раньше она его как-то сдерживала, а вот как оно будет — сейчас? Почему мы полагаем себя вечными? Почему не задумываемся заранее, что останется — после нас? Почему не заботимся о тех, кто рядом с нами — сейчас? Чтобы потом они не чувствовали себя, словно домашняя кошка в стае диких волков?

Нет ответа.

Одни вопросы... на которые скоро будут получены окончательные ответы.

— Вэль...

Эттан. Как всегда, нетерпелив и совершенно ее не понимает. И как она прожила с ним — столько? Ничего, она справится. Уже немного осталось.

— Тан, милый, так много надо сказать, так много... Пожалуйста, будь добрее к нашим детям.

— Обещаю.

— Луис, не оставляй сестру, ладно?

— Хорошо, мама.

— Эрико, отец и братья тебя любят, не стоит забывать об этом.

— Да, мама.

— Родригу, пожалуйста, помни — не все, кто окружают тебя, откровенны с тобой.

Родригу неожиданно шмыгнул носом, и на нем тут же скрестились все взгляды. И увиденное повергло семейство Даверт в изумление.

Родригу тоже плакал. Хотя раньше они полагали, что слезу способен из него выбить только сырой лук. Оказывается — нет. Не только.

Вальера милосердно отвела взгляд и улыбнулась дочери.

— Девочка моя... Лу, обещай мне, что будешь заботиться о своих детях так же, как я заботилась о вас?

— Клянусь, мама. Мам, мы найдем эту тварь, обещаю!

Вальера покачала головой.

— Лу, что это изменит? Для меня?

Лусия глубоко и шумно вздохнула, как это делают дети после плача. Вальера на миг прикрыла глаза, а потом посмотрела на Эттана.

— Тан, милый, мне бы хотелось поговорить с тобой. Одним. А потом со всеми детьми по старшинству.

— Хорошо, Вэль.

Вальере Тессани предстояли очень трудные часы. Но если уж сразу не умерла, то теперь спокойно уйти и не дадут.

Лусия все же разрыдалась, Родригу бросился ее утешать, свалил медный таз, Эттан рывкнул на него, вмешался Эрико...

За шумом никто и не заметил, как Луис спрятал за пазуху молитвенник в пронзительно-розовом кожаном переплете. Вальера же промолчала.

Внизу, в гостиной, Луис принялся раздавать указания.

— Родригу, давай к лекарям на Аптечную. Поднимай всех с постели, гони сюда, авось хоть одна клистирная трубка да и скажет что полезное. Ты у нас лицо сановное, облеченное доверием Преотца... справишься. Эрико, на тебе купцы. Наверняка знаешь, если кто-то торгует редкостями...

— Знаю. А ты?

Луис усмехнулся краем губ.

— А я пойду продавать душу.

У него было два дела. Ему надо было наведаться туда, куда не дошла мать. И... попробовать продать душу.

А вдруг возьмут?

Искать лавку с неприметной вывеской 'травы тетушки Мирль', Луису пришлось долго. В темноте улицы Тавальена были похожи на внутренности громадного чудовища, которое проглотило, поглотило и выпускать не собирается. Дома, казалось, меняли очертания и переходили с места на место, улицы окутывались туманом, скрывающим ориентиры, шаги тонули и терялись в сером мареве, и человек чувствовал себя потерянным ребенком.

Даже Луис поддавался этому настроению.

Впрочем, десяток проверенных людей за спиной быстро придавал уверенности.

Луис забарабанил по двери рукоятью кинжала.

Ответа пришлось ждать не слишком долго. Дверь распахнулась, тетушка Мирль выглянула наружу, и тут же была почти внесена внутрь.

За горло.

— Ну, здравствуй. Не ждала? Думала, что моя мать мертва? Ошиблась, стерва!

Испуг, метнувшийся в карих глазах, сказал Луису все необходимое. И мужчина крепче

сжал пальцы, пока тушка не обмякла в его руках. Тогда Луис отшвырнул ее в руки своих людей и коротко бросил, не глядя назад:

— Обыскать дом.

Он и так знал, что Мирль сейчас увязывают, что ту колбасу, потом ее завернут в плащ и вывезут за город. Найдется, где ее допросить. Здесь не стоит — и грязно будет, и шумно...

Моожно бы воспользоваться пыточными Преотца, но...

Пока нельзя.

Пока Эттан Даверт не настолько прочно сидит на своем месте.

Мало ли кто, мало ли что, какие могут выплыть имена в процессе допроса...

За мать он эту суку в клочья порвет! Сам на куски резать будет — и улыбаться.

Мирль пришла в себя в уединенном домике в лесу. И удовольствия ей пробуждение не доставило. Не было ни бокала вина в кровать, ни сладостей, были весьма недружелюбно глядящие на нее наемники и их предводитель, с безжалостными глазами.

Впрочем, Мирль не отчаивалась. И не из таких бед выворачивалась. А если что...

На крайний случай всегда есть средство. Просто не хотелось бы умирать сейчас, но если понадобится... о ее внуках позаботятся, а она уже старая, она уже пожила.

Над женщиной склонился тот самый кареглазый мужчина.

— Пришла в себя? Это хорошо. А теперь слушай, тварь. Моя мать — Вальера Тессани.

Так она выжила?

Но Мирль не прожила бы столько, выдавай она себя хоть жестом, хоть дрожанием ресниц, хоть взглядом. Поэтому она воззрилась на Луиса Даверта и недоуменно замычала. Кляп говорить мешал.

— Сейчас я кляп выну, — усмехнулся красавчик. — И если будешь лгать...

Кляп вынули. Мирль пошевелила челюстью, разминая затекшие мышцы, и заговорила.

— Тьерина Тессани должна была прийти ночью. Что с ней случилось?

— А почему ты решила, что с ней что-то случилось?

— Иначе она пришла бы сама.

Луис задумчиво кивнул.

— На нее напали. Что ты об этом знаешь?

— Пока ничего. Могу узнать.

— Можешь?

— Моя работа — собирать сведения.

— О ком ты их собирала для матери?

— О герцоге Карста.

Мирль не юлила. Собственно, она говорила чистую правду..

Пока она ничего не знала о нападении. Ни кто, ни когда, догадывалась, что оно случится, но исполнителей тьер Эльнор нашел сам. В остальном же...

Внешне их ничего не связывало, оставалось убедить в своей непричастности Даверта.

— И что набрала?

— Странное с ним что-то, монтьер, — пожала плечами тетушка Мирль. — Слуги говорят — не от мира сего. Художник, творческая личность...

— и только?

— Кисти с красками ему милее девок! Часами с ними просидеть готов, а смазливых

служанок и не тискает. Недаром герцог его женить хочет — авось, образумится. С молодой-тио женой интереснее.

— А еще что? Вино, травка, друзья.... может, ему не жена нужна, а приятели? Чтобы зады повторять?

— Нет. Этого точно не было. Живет себе отшельником, картинки малюет. Кстати, говорят, красивые.

— Понятно. А про мать мою ты кому рассказала?

Мирль замотала головой, мол, не рассказывала, но видела, уже видела, что Луис не поверил.

— Никому, монтьер, вот Арден свидетель! Никому.

— Врешь.

— не вру!

— я тебя предупреждал, что будет, если будешь лгать?

— не лгу я! — праведно возопила Мирль.

Не верили, ей попросту не верили, и она это отлично понимала. Луис качал головой.

— Знаешь, что с тобой сделают? Сначала.... тут десять человек. Я ни причащаться, ни наблюдать не стану, я брезгливый. А вот они тебя опробуют. Думай сама, на что ты будешь похожа. И это только начало. Я тебя убивать не стану, ты долго будешь жить, очень долго, и каждую минуту жалеть об этом...

Мирль зашипела бешеной кошкой.

— пугать он меня будет? Да пошел ты, щенок!

— Я-то пойду. А они — останутся, — нехорошо усмехнулся Луис. — Ну!?

Мирль ответила короткой тирадой, в которой желала Луису залезть обратно в живот своей матери, протухнуть там и сделать еще кое-что совершенно противоестественное.

Не помогло.

Луис нежно улыбался. А потом махнул рукой своим людям, мол, приступайте — и вышел.

Мирль не кричала.

Ни когда грубые руки срывали с нее одежду, ни когда избавляли от веревок — что она может сделать десяти наемникам? Ей хватило и пары минут.

Где женщина может спрятать яд?

Кольца могут снять.

Одежду — тоже. Остается то, что сразу не заметишь.

Волосы.

И несколько тоненьких косичек, заплетенных в одну большую косу. Красивая прическа.

И — не только прическа.

Всего лишь мотнуть головой так, что волосы упали на лицо, прикусить — совершенно случайно, одну из косичек, на конце которой болтается большая бусина, и та послушно раскусывается зубами.

А на языке остается горечь.

Потом горечь становится все сильнее, голова начинает кружиться, перед глазами калейдоскоп из разноцветных пятен, которые кружится все быстрее и быстрее, заслоняет мир — и Мирль летит в это хаотическое переплетение.

Последняя мысль женщины — о внуках.

Жаль малышей, но они уже самостоятельные, они справятся без нее. Все бумаги

оформлены честь по чести, да и тьер Эльнор их своей милостью не оставит.

А Даверт ее расколоть не должен, ни в коем случае. За мать он порвет и ее, и внуков, и...

Когда Луис влетел обратно в домик, Мирль уже не дышала. И только на губах женщины играла злорадная ухмылка.

Она выиграла.

Разумеется, она была не совсем Мирль, и лавка по бумагам принадлежала не ей, и внуки записаны совершенно на другое имя, и... да много еще чего.

Что может сделать женщина, стремясь обезопасить своих детенышей?

Всё.

И еще немножко больше.

Мирль так и поступила.

Луису оставалось только в бессильной злобе ругаться самыми черными словами. А еще — изучать бумаги, найденные в лавочке. Другого пути не будет.

Второе дело Луис надеялся не провалить.

Надеялся.

Потому что ничего другого ему не оставалось.

Мирль бросили в лесу — авось, звери не отравятся. А Луис пришпорил коня и поскакал туда, куда люди не ходили.

На побережье.

Там, на самой границе зыбучих песков, стояла небольшая хижинка. Аккуратная, чистенькая....

Только вот никто туда не наведывался лишний раз. Ни рыбаки, ни охотники, не простые крестьяне.

Зато приходили другие люди. Приходили, прятали лица под масками, а кольца под перчатками. Всем было известно, что живет в этой хижине старая-престарая ведьма, которая давно отдала душу морю в обмен на вечную жизнь.

Луис сейчас бы тоже ее отдал. И кракен с ней, с вечной жизнью. Пусть подарят лет двадцать его матери, а душа... переживет как-нибудь.

Переболеет.

Или — не переживет, неважно. Луису было проще умереть самому, чем отпускать мать на суд к Мелионе. Хотя судя по тому, что говорила Вальера...

Да примет море ее душу.

Так говорили при Королях, так говорили еще когда Тавальен был рыбацкой деревней, так говорили старые семейства. Древняя кровь.

Луис невольно поежился.

А ведь и он — тоже...

Тессани?

Даверт?

Нет, судя по всему.... Лаис?

В молитвенник Луис-таки заглянул, еще там, на поляне, пока разбирались с этой кучей

падали. И нашел на первых страницах то, что и ожидал.

Родословное древо.

Вальера Тессани, и верно, была отпрыском рода Тессани. Но по отцу.

А вот мать ее была из Эттельбергов. Просто люди забыли, они многое забыли, в том числе и то, что именно с Эттельбергами роднился род Лаис. Давно роднился, вскоре после смерти последнего из королей, зато несколько раз.

Луис смотрел на тонкие связи родословных.

Ида Эттельберг. В девичестве Ида Лаис.

Ее внук женится на Дейзетте Лаис. А их правнук берет за себя дочь последнего герцога Лаис. Да-да, того самого, уничтоженного. Потому что на полях возле имени Мэриэтта Линкс в скобках приписка.

Мари Лаис, спасена кормилицей Бенедеттой Линкс, да примет море ее душу.

Луис листал молитвенник, и все больше понимал, что это Эттану отдавать нельзя.

Никому нельзя, разве что у него когда-нибудь будут дети, достойные отца. Чтобы он мог, как мать, передать им наследство и быть спокоен. А сейчас... нет.

Даже Лусии сказать нельзя.

Конечно, Лу собирается замуж за герцога Карста, ей станет намного легче, если она узнает, что тоже древняя кровь, только вот выигрыш этот — ложный. Мимолетный, ничего не дающий...

Объявит сестренка себя родственницей роду Лаис. И что? Те все равно не признают бастарда, значит, будет скандал, а Лу — любимое и балованное дитя. Начнет требовать, ругаться...

Пусть лучше будет уверена, что ей оказывают честь. Во всяком случае, мать именно так и говорила.

Мать...

Ветвистое древо дорисовано ее рукой. И Луис видит имя 'Вальера Тессани'. Видит четыре веточки, имена, заключенные в квадратные рамки*, поправки — изначально они были записаны, как Тессани, потом мать переправила фамилию на 'Даверт' и добавила 'усыновление'.

Форму рамок она не поправила.

***- Законные потомки рисовались на листе овальной формы. Бастарды — в квадратной рамке. Если их усыновляли, то форму могли поправить. Прим. авт.**

Как же ее оскорбляла эта ситуация? Как корбила?

Она, последняя из рода Тессани, наследница Лаис по крови, Вынуждена была оставаться всего лишь любовницей.

Роскошные украшения — и место на второй скамье в храме. Первая скамейка отводится только для официальных жен, не для таких откровенных грешниц. Шикарные наряды — и дамы, которые не подают руки, господа, которые не стесняются раздевать взглядом, а что? Если одному можно, то почему остальным нельзя? Свой дом, выезд... и неприятие высшего света. А она могла бы их уничтожить.

Если бы захотела.

Рецепты Луис тоже листнул, очень быстро, мельком, но ему даже от такого стало нехорошо. Яд?

Да, яд. Самый разный. От того, который убивает мгновенно, до умертвляющего медленно и мучительно. Чтобы жертва страдала не один день, и даже не один месяц.

Зачем это было предкам? Лаис были королевскими палачами?

Вроде бы нет... А откуда тогда?

Надо спросить у матери, может, она знает...

Мать умирает.

Луис словно услышал эти слова в шуме ветра. Дернулся в седле, пришел в себя... Его люди остановились, словно не смея перейти некую границу.

— Бойтесь... — Губы мужчины тронула горькая кривоватая улыбка. — Оставайтесь здесь.

И тронул поводья, направляясь к хижине. В ее окне призывно горел свет.

Женщина распахнула двери, еще когда он только остановился. Даже не спешил. Свет бил ей в спину, очерчивал горбатую фигуру, окутанную черным платком, лицо было в тени, как ни старался Луис рассмотреть его черты, ничего не получалось.

Ведьма.

Тень. Нечистая сила.

— Чего надо?

— Мое имя Луис Даверт. Мне нужно с тобой поговорить.

Ведьма прищурилась в темноту.

— Луис Даверт? Тьер? Сынок подонка Эттана?

— Сын Преотца Эттана, — сухо поправил Луис.

— Преподонка, — махнула рукой ведьма. — Ну, заходи.

И Луис перешагнул порог.

Внутри было... ведьмисто, иначе и не скажешь. Стоял на огне здоровущий котел, метались по стенам тени от очага, висели пучки сухих трав, корней и еще чего-то непонятного, злобно скалила зубы летучая мышь... Луис пригляделся внимательнее.

— Чучело?

Ведьма фыркнула.

— Вам народ дурить можно, а мне нельзя?

— Кому это — нам?

— Храму. Твоему папаше. Что, неправда?

Луис вздохнул.

Правда, неправда... понятное дело, что Ардену и Мелионе приношения прихожан отродясь без надобности. Понятно, что Храм не одной молитвой жив, что Преотец весьма и весьма богат, что без дураков нет религии...*

*** автор за мнение тьера Даверта не отвечает. Прим. авт.**

Главное здесь и сейчас не это.

— Дурить?

Ведьма потеряла виски. Потом вздохнула, кивнула Луису на занавеску, отгораживающую часть хижины.

— Туда проходи.

Луис повиновался — и застыл в изумлении. После жилища ведьмы контраст был разителен. Аккуратная лежанка, стол, кресло — и книги. Много книг, очень много.

Женщина уселась на лежанку, кивнула Луису на кресло — и посмотрела глаза в глаза. Пристально, раздумчиво...

— Что ты здесь ищешь, Даверт?

Луис и не подумал стесняться. Он сразу перешел к делу.

— Это правда, что ты живешь уже несколько столетий?

Ведьма вздохнула еще раз, но сейчас уже тоскливо, словно услышала нечто давно надоевшее.

А потом сняла платок.

— я похожа на столетнюю каргу?

Луис смотрел во все глаза. Под платком оказалась женщина лет тридцати, не больше.

Седая, конечно, только кажется ему, что это...

— Краска, — угадала его мысли ведьма. — Мы не живем тысячелетиями, мы просто передаем и это место и знания от матери к дочери. Или к преемнице, которую выберем.

Луис вскинул бровь.

— А почему ты мне это рассказываешь?

— Ты не в том состоянии, чтобы плести словесные кружева. Я же вижу... что случилось?

— Моя мать умирает.

Ведьма прикусила губу.

— Я от смерти не лечу...

— Никого?

— Была пара случаев, только там вылечить можно было. А у вас что?

— Ее ранили. В живот, — Луис на себе показал места ран.

И увидел, как лицо ведьмы становится холодным и замкнутым.

— прости.

— Ты... не поможешь?

— не смогу. Нечем. Мы ведь не меняем законов мироздания, просто знаем их чуточку лучше других. При таких ранах долго не живут. День-два, потом заражение крови — и все.

— Это нельзя остановить?

— Я не знаю, как.

Луис медленно поднялся из кресла. Рука легла на эфес.

— А если ты сама сейчас...

Ведьма смотрела ему прямо в глаза. И он видел там обычный женский страх. Но и нечто другое тоже.

Вызов?

— Коли, если хочешь. Я умру, а вот ведьма останется. Я уже нашла себе преемницу.

Луис упал обратно в кресло. Злобно выругался, и кубок, поднесенный ему, осушил в два глотка, даже не чувствуя вкуса.

— Что это?

— Вино на травах. Сама делала, тебе сейчас надо.

— Вряд ли...

— поверь мне — надо. Второго бокала я тебе не предложу, но хотя бы это... И... можешь давать матери, когда боли появятся.

Тонкая рука чуть стукнула склянкой по столу. Луис вздрогнул.

— Боли...

— Да. Скорее всего, они уже есть?

— Да.

Ведьма вздохнула.

— Прости. Арденом клянусь, могла бы — помогла бы.

— Лжешь...

— тебе сейчас лгать — смерть к себе звать, — усмехнулась ведьма. — сам видишь, что не лгу. Просто тебе хочется, чтобы иначе оказалось...

Хочется...

Еще как хотелось. Вечная ведьма, морская ведьма, живущая тысячу лет... А оказалось все так просто... преемницы, ученицы.

— Ирион тебя порви!

Луис хлопнул дверью, и вышел, не оглядываясь. И даже не догадываясь, что после его ухода женщина бессильно сползет по стене.

Ведьм действительно выбирали и обучали, она не лгала Луису. И главное, чему их учили — чувствовать людей.

Она бы солгала, она бы могла продать подкрашенную воду и запудрить разум красивыми словами и действиями.

Могла.

Но чутьем понимала — нельзя. Луис поймет, что ему лгут, и уж тогда пощады ждать не придется. А если он услышит правду как она есть, будет хотя бы один шанс на жизнь

Мать умирает...

Жалко мужчину. Попросту жалко.

Луис во весь опор гнал коня к дому.

Нет-на-деж-ды... Нет-на-деж-ды...

Копыта выстукивали свой печальный ритм по дороге, а Луис размышлял над своей неуютностью ни Ардену, ни Ириону. Ладно — первый, тот и ради Преотца не явится. Но Ириону-то только шепни?

Видимо, шептали не там, или не так...

Ведьмы — и те поддельные.

Мама, ох, мамочка...

Луис посмотрел на небо. Там занималась полоска рассвета. Мать ее никогда уже не увидит. Арден, как же это все страшно, жестоко и несправедливо...

И Луис повернул лошадь к дому. Он не вправе упускать ни одной минуты из оставшихся им с матерью. Точка.

К матери Луису попасть так и не удалось. Там был Эттан, то есть ни о каком разговоре наедине речь идти не могла.

Там были лекари.

Жрецы, храмовые служители, купцы... братья нагнали сюда всех, кого смогли найти, и это наверняка еще не конец. Эттан так просто не смирится.

Луис потер лоб и направился к себе в комнаты. Молитвенник стоило перепрятать, пока есть время. А еще прочесть и обсудить его с матерью. Пока еще есть возможность.

Массимо даже не помнил, когда он еще так хорошо отдыхал. Уж точно не в последний год.

Раньше?

Возможно. Только — возможно. В молодости мы принимаем как должное слишком много, и совершенно не ценим то, что нам дано. Например, жизнь без боли по утрам. Или вкусную еду, мягкую постель...

Здесь было и это, и даже немного больше.

Купальня оказалась роскошной, служанка — покорной и уступчивой, ну и чего еще надо старому солдату для счастья?

Массимо даже не помнил, когда он еще так хорошо отдыхал. Уж точно не в последний год.

Раньше?

Возможно. Только — возможно. В молодости мы принимаем как должное слишком много, и совершенно не ценим то, что нам дано. Например, жизнь без боли по утрам. Или вкусную еду, мягкую постель...

Здесь было и это, и даже немного больше.

Купальня оказалась роскошной, служанка — покорной и уступчивой, ну и чего еще надо старому солдату для счастья?

Уж точно не разговора по душам. Но...

Служанка сообщила, что после завтрака тьер Даверт ждет господина Ольрата у себя в кабинете. Она проводит.

И проводила.

Луис сидел за столом, листая какую-то книгу. Задумчиво так, размеренно. Потом поднял глаза на Массимо, и старый наемник смог только сочувственно вздохнуть. Да уж...

Ночь словно стесала все лишнее с лица Луиса. Остался костяк, обтянутый кожей. Под глазами залегли глубокие синие круги, на лице пробилась щетина, скулы словно выдвинулись наружу...

— Присаживайтесь, господин Ольрат.

Массимо послушно опустился в указанное кресло.

— Итак... я еще не поблагодарил вас за помощь моей матери.

— Она...?

— Пока еще жива. Пока.

Сказано это было таким тоном, что Массимо не стал расспрашивать дальше. Он знал, что ждет Вальеру впереди. Раненные в живот не выживают.

— Вы помогли ей, я хочу помочь вам. Что я могу для вас сделать?

Массимо пожал плечами. А что тут скажешь?

Да ничего. Ничего ему не надо, ничего ему не могут предложить.

Ни-че-го.

Луис смотрел понимающим взглядом.

— Вы хотели получить отпущение грехов?

— Да, тьер.

— Я могу устроить вам исповедь у Преотца. Хотите?

Хотел ли Массимо? А что ему было еще хотеть?!

— Ждите здесь. Я поговорю с ним.

— С ним!?

— а вы еще не поняли? — Луис невольно улыбнулся. — Вы не знаете, кому помогли?

— я недавно в Тавальене.

— А как звали в миру Преотца?

— Э...

— Его имя — Эттан Даверт. А моя мать — его единственная любовь.

Массимо захлопнул рот, звучно щелкнув зубами.

— А... э....

— Я понимаю, что это неожиданно. И тем не менее, Преотец сейчас здесь, в этом доме.

Массимо был неглуп, и сложить два и два вполне мог. Любовь. Преотец. Умиряющая женщина.

— Но стоит ли отвлекать его сейчас?

— думаете, после смерти матери ему будет лучше? Нет. Я попрошу отца поговорить с вами сейчас, а сам побуду с матерью.

Луис вышел, мягко прикрыв дверь. Массимо смотрел на нее в полном шоке.

Да уж.

Помочь любовнице Преотца, попасть к нему на исповедь...

Такого он точно не ожидал. Подтверждение того, что добрые дела всегда вознаграждаются.

Когда в комнату, где она лежала, вошел Луис, Вальера испытала облегчение. Может, она хотя бы ненадолго избавится от Эттана?

Хотелось бы.

Она любила Эттана, все эти годы любила, но представьте себе картину? Вот у вас дома живет опасный хищник. Тигр, к примеру. Умный, красивый, сильный... а потом что-то случается, и он начинает вести себя, словно мышь. И вам и смешно, и грустно, и тоскливо... и даже немножко стыдно за тигра.

Вот так себя чувствовала и Вальера, глядя, как Преотец целует ей руки и уверяет, что только она... она одна...

Если бы она еще не знала, сколько у него было любовниц. Ха!

— отец, нам надо поговорить.

— Потом.

— сейчас, — Луис был неумолим. Эттан сверкнул глазами.

— не много ли ты на себя берешь, сын?

— Человек, который вчера принес домой маму, у меня в кабинете. И я хотел бы, чтобы ты принял его исповедь. Думаю, ты ему это должен за вчерашнее, — Луис смотрел прямо в глаза Эттану, и Вальера почти незаметно улыбнулась, плывя в тумане обезболивающих.

А мальчик действительно вырос. Его оставлять не страшно. Справится.

Эттан думал недолго.

— Согласен. Ты побудешь в матерью?

— да, отец.

Эттан вышел из комнаты широкими шагами. Хлопнула дверь.

Луис выждал пять минут. Потом выглянул за дверь для верности, проверил

прилегающие покои и еще раз — коридор. И опустил все засовы.

— Мам?

— так лучше, сынок. Иди ко мне?

Луис уселся рядом с Вальерой на кровать, коснулся тонкой руки. Жар.

Казалось, по венам Вальеры течет огонь вместо крови. Лихорадка уже начала съедать ее, но пока не затуманила разума.

— тебе больно?

— Нет. Мне дали хорошие лекарства. А привыкнуть к ним я просто не успею, — Вальера криво усмехнулась. — Ты забереешь шкатулку?

— Да. Я прочитал молитвенник.

Луис инстинктивно понизил голос, посмотрел на мать. Глаза в глаза. Душа в душу.

— Мам... я правильно понимаю, что в тебе крови Лаис больше, чем в сегодняшнем герцоге?

— Да, сынок. Мы прямые наследники, пусть и по женской линии.

— При королях...

— Тогда это наследование считалось даже более прямым, чем по отцу. Мужчина просто дает свое семя, но растит его женщина. Вынашивает в своем теле, делится кровью и молоком... Могут быть сомнения в отцовстве, но не в материнстве. И что?

— Вы никогда не хотели потребовать того, что причитается по закону?

Вальера хмыкнула..

— У кого? У герцога Лаис? Ублюдка от коровницы с большими сиськами? Пффф...

— Это могло спасти твою семью от нищеты. Нет?

— Нет. Меня бы просто убили, или случили с кем надо, чтобы получить потомство. А потом все равно убили за секреты рода Лаис.

— Яды?

— да, в том числе. Ты помнишь герб рода?

— Акула.

— Да. Пять герцогов, пять родов, пять гербов. Лаис — акулы. Хищные, страшные, смерть, принесенная врагам королей. Карст — кстати говоря, дельфин. Умные, преданные. Тимар — осьминог, липкий, хищный, Атрей — кит, мудрый, но сожрать никого не может, зубов нет, Карнавон — касатка. Опасные твари.

— Карнавонов больше нет.

— Есть. Не знаю, где и как, но есть. Или Сенаорит уже хлестнуло бы.

— Что ты об этом знаешь?

— Мало, сынок. Мало. Знаю точно, что все было завязано на кровь королей и герцогов.

— все — что? — искренне заинтересовался Луис.

— Вообще все. В том числе и вход в Королевский замок. Равновесная система. Пятеро герцогов, один король...

— А Дион?

— Дион — не герцогство. Это был королевский бастард. Насколько ты знаешь историю королей?

— Ну... были, умерли... Мам, когда меня интересовала древняя история?

— Да уж. Тебя скорее интересовали сражения и лошади. Последний король породил бастарда и сделал его герцогом. И когда он понял, что именно натворил, когда Дион решил сесть на трон... Дальше сведения разные. То ли Дион решил навести на короля и его семью

порчу через свою кровь, а потом по нему ударило, то ли как-то еще... я не знаю. Никто не знает. Может, на Маритани можно найти списки со старых книг. Или...

— в архивах Преотца?

— Если Эттан узнает...

— Я буду осторожен.

Вальера покачала головой.

Осторожен? Луис?

Ну... может быть. Жаль, что ее уже не будет. Но она приглядит за своим сыном... оттуда. Из Моря. За всеми своими детьми приглядит.

— Одним словом, Королевский замок недоступен. Род Короля пресекся.

— А что мы получили на хранение?

— Мы?

— Мама!

— Не знаю, милый. Может быть, в архивах дома Лаис и есть что-то. Какие-то сведения. Но — я не знаю.

— Мам...

Вальера смотрела на сына. И понимала, что он — узнает. Обязательно узнает. Может, это и неплохо? Ее ребенку будет некогда горевать. А еще — он будет подальше от Эттана с его интригами.

— Забери шкатулку, родной мой. Сейчас забери.

Луис послушно сунул коробку под короткий плащ, чем-то притянул к телу, проверил — не выпадет.

— Так лучше. Мам... я люблю тебя.

И Вальера почувствовала, как по ее щеке побежала слезинка. До сих пор она была сильной, самой сильной. И лишь сейчас...

Как же вы без меня, родные мои?

Луис осторожно стер слезинку со щеки матери — и вовремя. В дверь уже стучались.

Массимо в жизни не видел Преотца. Но его изображения, медальон с сапфиром на груди, тиару, летящие голубые одежды — это нельзя было не узнать. И старый наемник сначала склонился к поклону, а потом и вовсе опустился на колени.

— Простите меня, Преотец, ибо грешен...

Эттан и так об этом догадывался.

Грешники — это очень удобная штука. Скажи им, что отпустишь грехи, и лепи, что пожелаешь. Тут главное — точный и тонкий расчет. Искупление грехов не должно быть слишком дешевым, все же это грехи, и, хе-хе, грех их обесценивать. Но грехи не должны быть и слишком дорогими. Много заломить — и половины не получишь.

Правильно назначить цену греха — это искусство, и Эттан владел им в полной мере. Хотя чем больше он слушал, тем больше ему казалось, что отпустить Массимо нечего.

Убитые прихвостни Ириона?

Да за них награждать надо, а не наказывать.

А больше никто особо и не пострадал. Разве что сводницы, ворье и прочая шушера, которой и в Тавальене девать некуда. Хоть акулам скармливай, да рыбку жалко.

Но не отпускать же такого ценного человека восвояси? Поди, найди еще одного такого! Чтобы был свободен от всех обязательств, не знал, куда податься, не брезговал запачкать ручки и держал слово! Это — редкость.

А редкости должны принадлежать Храму, в частности, лучшим его представителям. Преотцу, к примеру.

Сии богоугодные размышления вовсе не мешали Эттану выслушивать исповедь со всем вниманием. А когда Массимо окончил перечисление грехов, тяжело вздохнуть.

— Да... большой грех на душе твоей, дитя Ардена.

— Верно, Преотец.

— Я понимаю, почему душа твоя не может найти покоя. Та кровь, которая оросила твои руки...

— Я убил их — и еще раз убью! За Маришку...

Эттан вздохнул еще более тяжело, и Массимо осекся.

— Не возмездие то было, дитя Ардена, но месть. Не получил ты благословения Храма на свои дела, вот и гложет тебя черная змея. Но изгони ее из своего сердца. И отпускаю тебе грехи, но обрекаю тебя долгом службы Храму. И срок твоей службе будет — три года. Потом же ты будешь чист и перед миром, и перед Арденом.

Конечно, Эттан угадал.

Глаза Массимо засветились радостью. Всего час назад у мужчины не было ничего. Ни дома, ни перспектив, ни... попросту — ничего. А сейчас у него есть определенность, цель в жизни и уверенность в своей правоте. Что еще нужно для счастья?

Эттан произнес формулу отпущения грехов и величественным жестом разрешил Массимо подняться с колен.

— На какое-то время ты останешься в этом доме, дитя Ардена. Чувствуй себя дорогим гостем. Позднее мы поговорим еще раз, и я укажу тебе путь служения.

Массимо склонился в почтительном поклоне. А когда выпрямился — дверь уже успела хлопнуть. Он остался один в кабинете. Подумал, прошел к столу и налил себе немного вина. Его же просили чувствовать себя гостем?

Что ж.

Массимо понимал сейчас Эттана и сочувствовал ему. Когда умирает близкий человек, обычно несчастным родственникам ни до кого нет дела, а Преотец нашел для него время. Пусть даже по просьбе своего сына.

И отпустил ему грехи.

На это Массимо и рассчитывать не мог.

Он подождет, обязательно подождет. И — отслужит. У Преотца не будет слуги вернее Массимо...

У Преотца не будет слуги вернее Массимо.

Тут мнения и Массимо, и Эттана совпадали. И первое, что собирался поручить мужчине Эттан — это поиск убийцы. Пусть Луис этим займется, и пусть берет Массимо в подручные. Кажется, кого-то Луис уже нашел, но ниточка порвалась?

Мальчишка, что тут скажешь. Вот если бы Эттан взялся за дело, он бы точно нашел всех. И убийцу, и заказчика.

Кто все-таки решил поднять руку на Вальеру? И главное — зачем?

Не могут ведь не понимать, что Эттан за такое шкуру сдерет и по ломтику акулам скормит. Никак не могут. А все же кто-то решился.

Надо расспросить предстоящих. Может быть, это кто-то из них. Или просто какое-то отребье?

Нет, это вряд ли. Ни одна трущобная крыса не кинется на кошку, ни одна не позовет к себе смерть раньше времени. Вальера не в первый раз ходила к старой ведьме, ее знали.

Сама ведьма ударила в спину?

Да, может быть и такое. Но тогда кто и что ей пообещал?

Кто из предстоящих метит на его место? Или это кто-то из оскорбленных купцов?

Предстоящий Эльнор мог бы быть доволен. Эттан прочно забыл о его существовании. Так прочно, что ему и в голову не пришло подозревать бывшего соперника. С глаз долой — из мыслей вон.

Ушел — и пёс с ним.

Принимать близко к сердцу угрозы Эттан и не подумал. Хотя мог бы вспомнить про безвременно убитую тьерину Меланию.

Даже и не задумался.

Была — и не стало.

Видимо, потому что мотив мести за ребенка был Эттану неведом. Если бы кто-то убил его детей, он бы отомстил, безусловно. Но из чувства долга.

Не любви, не боли, а вот именно — долга.

Так надо.

Вот за Вальеру он будет мстить по велению сердца. Все же столько лет вместе, мать его детей, его вторая половинка...

Ах, Вэли — Вэли. Как ты смеешь уходить так рано?

Зачем ты оставляешь меня?

Луис впустил отца, и поспешно исчез из комнаты, прежде, чем Эттан заметит что-то неладное. Помогла ему и мать, которая слабо позвала:

— Тан...

И Преотец устремился к умирающей женщине. Опустился рядом на колени, сжал тонкую руку...

— Вэли...

— Тан, я хочу уйти.

— Но мы еще не все попробовали!

Вальера вздохнула.

— Тан, это мое право. Я хочу уйти, не превращаясь в обезумевшее от боли животное, хочу вас запомнить такими, хочу просто закрыть глаза и уснуть, не отдавая себя в руки коновалов...

Эттан смотрел на любовницу.

— Вэли... я не могу так отпустить тебя.

— Я попрошу Луиса, он достанет для меня хороший яд. Я просто усну, и море примет мою душу.

— Вэли... умоляю!

— Тан, просто вдохни. Мои раны начали гнить, скоро все будет кончено и так. Меня не спасти, так нее мучай меня. Отпусти...

Эттан смотрел на нее несколько секунд. А потом вымолвил то, что надо бы раньше.

— Вальера Тессани, вы окажете мне честь стать моей супругой?

Если бы Вальера не лежала на кровати, то упала бы.

— Тан, ты с ума сошел!?

— Нет. Просто... Ты ведь так и не стала верующей, да, Вэли?

Вальера пожала плечами. Да, приличной прихожанки из нее не вышло. Те боятся умирать, молятся, чего-то просят, каются, мучаются...

Ее это не касается.

Она — Тессани!

— Тан, к чему этот разговор? Я честно выполняла все, что ты попросишь.

— По твоей вере, души тех, кто связан узами могут встретиться в великом море.

Вальера едва сдержала усмешку. Ах, как же Эттан привык перетолковывать все на свой лад! И как же ему не хочется проигрывать! А ведь ее смерть — это его проигрыш. Не справился, не уберег, не удержал...

— Могут. Тан, ты уверен?

Эттан пожал плечами, и в желтых глазах Вальера снова, как в открытой книге, прочла все его мысли. Если бы она осталась жива, ни о каком венчании и речи не шло бы. А она — умирает.

Почему бы нет?

А к чему бы — да?

Ее дети так и останутся незаконными, а она сама...

— Это не нужно, Тан. Я тебя и так никогда не оставлю.

Эттан пытался спорить, убеждать, что-то говорил, но впервые за долгие годы все его красноречие пропадало впустую. Вальера просто закрыла глаза.

Она лежала молча, не произнося ни слова, ни жестом, ни гримасой не выдавая себя, и Эттан, наконец, сдался.

— Когда?

— Через полтора часа.

— Так мало!?

— Мне хватит с лихвой. Пятнадцать минут на стряпчего, по пятнадцать минут каждому из детей и тебе. И — спать.

Эттан смотрел на женщину, с которой жил, с которой прижил четверых детей, и думал, что вовсе ее не знает. А теперь и не узнать никогда... так что же это было?

Обман?

Мысль оказалась настолько неприятной, что Эттан поморщился.

Вальера тяжело вздохнула. Даже на пороге смерти, и то...

— Тан, милый, если кто-то узнает, что я стала супругой Преотца... не давай никому такой повод для шантажа! Подумай о наших детях!

Эттан выдохнул с облегчением.

Ах, вот оно что...

— Вэли, я смогу это уладить.

— Убив человека, который будет посвящен в эту тайну? Не надо, Тан, не вешай на меня и этот грех...

Эттан покачал головой.

— Вэли...

— Я люблю тебя. И никогда не оставлю. Ты позовешь стряпчего?

— Да, любовь моя.

Эттан широкими шагами вышел из комнаты. Вальера усмехнулась ему вслед.

Ах, великий Преотец, как же вы предсказуемы! И как же вы любите свою власть — больше всего остального. Стоит только намекнуть, что вы ее можете потерять, и лепи из вас горшки и чашки. Увы и ах...

Вальера вздохнула.

Помереть — и то спокойно не дают...

Разговоры с детьми заняли не так много времени, все уже сказано. Еще раз обнять всех, попросить быть сильными, многозначительно перемигнуться с Луисом и поговорить со стряпчим.

Все свое состояние Вальера завещала старшему сыну. С тем, чтобы он позаботился о братьях и сестре.

Дочери следовало отдать все драгоценности.

Преотцу — семейный портрет. Она заказывала его всего пару лет назад. На нем все вместе. И она, и дети... пусть напоминает. Может, Эттан его и искромсает в припадке ярости, или выкинет, но... вдруг?

Пусть будет.

И настало время умирать.

Вальера не боялась. Что такое душа?

Это вода. Она легкая, она сейчас взлетит вверх, потом каплями воды прольется в мировой океан и там обретет новую жизнь. Так всегда бывает, это правильно...

Арден, Мелиона... это для тех, кто послушен и управляем, кто не знает правды, чьи предки не служили Королям. Это красивая сказочка, придуманная умными людьми для простонародья, вот пусть чернь в это и верит. А Вальера, хоть и ходила в Храм, но верила только в себя и свои силы. Вот и воздалось ей по вере ее...

Луис медленно достал из кармана склянку с 'глотком моря', капнул три капли в чашу с водой. Простой, ледяной...

Вальера облизнула пересохшие губы.

— Я люблю вас, мои родные...

Лусия плачет, мальчишки сжимают кулаки, Эттан так зубы стиснул, что сейчас песок посыплется. А в глазах Луиса боль. Прости меня, малыш. Я так хотела остаться с вами...

За все прости.

И ледяная влага касается иссохшего от жара рта.

Вовремя.

Вальера понимает, что вовремя. Еще бы пара-тройка часов, и прекратит действие обезболивающее, она станет просто умирающим животным. Дети не должны видеть ее такой.

Губы Вальеры растягиваются в победной улыбке.

Честь и право древней крови — уходить из жизни по своему выбору, и обязательно — с улыбкой на губах. Дарованное Королями право.

Может, жила она и не так, как следует, но умереть хочется достойно.

В ушах слышится шепот моря, перед глазами встает синева... это оно?

Громадное, прохладное, чудесное, с золотым берегом и ракушками... жемчужницы? Как интересно... обязательно надо посмотреть...

Вальера сделала шаг вперед и нагнулась за первой же ракушкой, чувствуя себя вдруг ребенком. Совершенным ребенком, который удрал от родителей на морской берег...

Эттан медленно протянул руку и закрыл глаза любимой женщины.

Вальера ушла из жизни с улыбкой на устах. Лусия вскрикнула — и упала на грудь Родригу, содрогаясь в рыданиях.

Луис вышел из комнаты.

Эрико бросился к отцу, поддержать того под локоть, но Эттан только отмахнулся.

— Уйдите все. Оставьте меня с ней.

Ослушаться не посмел никто. Эрико вспыхнул и выбежал первым, едва не снеся по дороге сестру. В любое другое время ему бы за это досталось, но не сейчас. Нет, не сейчас.

Эттан опустил на колени рядом с ложем.

— Арден, милостивый, всемилосердный, услышь верного слугу своего...

Он медленно произносил заученные в юности слова, а на сердце лежал камень. Молись, не молись... не услышат. Впервые в жизни Эттан позавидовал своей пастве. Они-то веруют, им легче. А когда ты вот так, один...

Когда никто тебя не услышит, и обратиться не к кому, и поплакаться, и...

Больно.

Эттану было тоскливо и очень больно.

Лусия рыдала на груди у Родригу. Брат гладил ее по волосам, как-то пытался успокоить, но получалось откровенно плохо. Девушка буквально захлебывалась слезами.

Луис заглянул в дверь, подумал пару секунд, но заходить не стал.

Мать поручила ему младших, он за них в ответе, вот и...

Для Лусии сейчас лучше всего выплакаться, а Родригу плохо себя чувствует, если к делу не приставлен. Пусть приглядит за сестренкой.

А где у нас Эрико?

Эрико Луис не поймал. Братец уже успел сбежать из дома, и хотелось бы знать — куда.

Дверь спальни матери была заперта, оттуда слышались молитвы, и Луис узнал голос отца. Вот уж верно, как припечет, так и Ардену взмолишься.

А ему-то что делать?

Луис вошел в свои покои, уверенно достал шкатулку, коснулся перстня.

Потом надел его на средний палец левой руки.

Перстень пришелся настолько впору, что и снимать не захотелось. Но — надо. Ни к чему такое видеть.

Синий кристалл согревал пальцы теплом, искрился и переливался в свете свечей. Луис погладил его кончиками пальцев.

Уютно, спокойно...

И взялся за бумаги.

Всего несколько листков, а сколько можно вложить в сухие короткие строчки?

Луис читал, и перед ним возникали картины.

Он, словно наяву, видел последнего Морского короля.

Видел — и искренне сочувствовал мужчине.

Кровь королей — это серьезно. Не каждая женщина сможет выносить ребенка от короля. Более того, не всякий ребенок получится здоровым. Чаще всего Короли подбирали себе пару из герцогского рода, но иногда, когда родовые связи становились слишком тесными, приходилось разбавлять кровь.

А вот бастардов у Королей почти не было.

Не выживали почему-то....

Но — любовь.

Последний Король полюбил еще в юности. Девушка была прекрасна, как ожившая мечта. Золотые локоны, глубокая морская синева глаз, нежная улыбка, фигура, достойная Мелионы... Могла ли она отказать королю?

Если и могла, то не захотела. И — забеременела.

О причинах, по которым первенец Короля родился бастардом, было сказано очень сухо, Луис так ничего и нее понял. Король куда-то удалился.

Куда?

Зачем?

Не сказано. Просто девушка не подозревала о своей беременности, а когда узнала, не могла сказать Королю. Сына она родила, а сама умерла родами.

Его величество признал первенца, дал ему земли, титул герцога Дион, и стал воспитывать малыша. И совершил главную ошибку.

Спустя несколько лет его величество женился, кстати — на девушке из рода Карст. У

них родилось несколько детей, все были довольны, все счастливы, кроме герцога Дион.

Первенца.

Любимца.

Незаконного сына, который не мог наследовать трон, пусть даже других наследников не останется. Закон в этом отношении был ирионовски строг. Незаконным — только деньги, если отец соизволит их выделить. Но трон — не место для ублютков.

На листках было кратко сказано, что юный Дион не поладил с мачехой, что Элоиза Карст умерла в возрасте тридцати пяти лет, оставив малолетних детей, что сыновья и дочери Короля погибали один за другим, а Дион заключил союз с Атреем и собирался занять трон.

Такие простые строчки, но Луис видел за ними совсем другое.

Видел красавицу с королевским венцом в волосах, которая отвешивает пощечину юноше и шипит: 'ублюдок!'. Видел, каким гневом и обидой вспыхивают его глаза.

Видел того же юношу, но уже повзрослевшего, вливающего яд в кубок королевы...

Видел, как один за другим умирали дети короля.

Старший сын утонул, купаясь в море с братом. Младшему кто-то влил в вино тот же яд. Что и его матери. Одна из дочерей родилась безумной, но такое бывало, вторая была убита мужем в момент измены (и стоит ли спрашивать, кто нашел любовника, и кто подсказал ревнивцу нужный момент?), третья просто пропала невесть куда, не оставив ничего, кроме одежды на берегу моря...

Но передавать трон бастарду его величество все равно не захотел. Кровь, да не та?

Решительно не та.

Как понял из записей Луис, его величество до последнего не хотел верить в худшее. Разве его сын, его первенец, его любимец может так поступить? Разве он способен на подлость, на предательство?

Разве...

Когда любящий отец осознал истину, было уже поздно. И для его детей, и для него. Порча на крови штука сложная. И на Короля наслали именно такую порчу.

Он смог отразить ее, даже вернуть обратно, убивая своего сына, но и сам не выжил.

А перед смертью призвал к себе герцога Лаис.

Или...?

Луис задумался о том, что герцога Лаис призвали, да. А кого еще? Он бы поставил все на одну-единственную карту? На месте Короля?

Умирая, не оставляя наследников... Да?

Нет.

Атрей породнился с Дионом. Тимар тянет одеяло на себя. Остаются Лаис, Карст, Карнавон. Часть головоломки Лаис у него есть. А Карсты?

До Карнавонов Луису пока не добратся, но Карст...

Лусия выходит замуж за герцога Карста, а сопровождать ее к будущему супругу будет Луис. Обязательно. И в библиотеке Карстов пороется, и в семейных секретах, и... лишь бы шею не свернули.

Луис посмотрел на свечу.

Тоскливо, как же тоскливо...

Луис уронил голову в ладони, застонал от боли. За что? Мама, за что?

Я все сделаю как надо, я разузнаю о Карсте, чтобы не сломать жизнь сестре, я найду того, кто тебя убил, и он сто раз пожалеет, что на свет родился, но здесь и сейчас, я все бы

отдал, чтобы ты была рядом. Чтобы была жива, чтобы не было этого ужасающего темного одиночества, чтобы не свивалась за окнами тьма змеиными кольцами, чтобы...

В дверь постучали.

— Войдите?

Кого не ожидал увидеть Луис, так это Ольрата с бутылкой.

— Не уважите ли старика, тьер?

Ни заискивания, ни подобострастия, просто Массимо посчитал, что не след Луису оставаться одному. Девчонка — та слезами исходит, один брат при ней, второй горечь ушел заливать, Преотец молится, а этот, вот, сидит, заперся... не надо так-то. Нет, не надо.

И Луис это отлично понял.

Ему предлагали не дружбу, ну какая может быть дружба между тьером, который и трех десятков не сравнивал, и наемником, у которого пятый десяток на закате, но участие. Не сочувствие и сострадание, от которых у мужчины кулаки сжимались, а просто — плечо подставить.

Луиса не жалели.

Ему просто помогли в трудную минуту, ничего не требуя взамен. Как и его матери.

Тьер Даверт это оценил.

— Что ж, проходи.

Кивнул Массимо на удобное кресло, достал из стола дорогие серебряные кубки, заодно и шкатулку убрал подальше. Ни к чему такое видеть, даже самым доверенным. А Массимо пока еще доверия не заслужил. Проверить его еще надо, слишком уж вовремя он появился.

— Ты уверен, что нам хватит?

Массимо ухмыльнулся, и отвернул полу жилета. Там, в пришитом изнутри кармане, торчало горлышко еще одной бутылки. Насколько мог видеть Луис — с ромом.

Напиться и забыться?

Вряд ли. Столько спиртного здесь нет. А вот чуточку унять боль — в самый раз будет.

— Разливай?

Когда Эрико постучал в дверь неприметного домика, было уже поздно. Слуга не сразу отворил ему дверь, и Эрико воспользовался этим временем, как надо.

Благородного тьера тошнило.

Он уже успел побывать в нескольких тавернах и нахлестаться вина. Даже подраться успел, а боль не унял, да и как тут уймешь?

Мама ушла.

Никогда она больше не обнимет его, не поцелует, не шепнет на ухо: 'ты у меня все равно самый лучший', не...

Нет единственного человека, который его любил.

Нет, и не вернешь, и не исправишь ничего. Когда она прощалась, просила быть сильным, не обращать ни на что внимания, а уж она за своим родным сыночком присмотрит...

Только вот Эрико было сыном Эттана Даверта, и в вечность души не верил. Есть ли там что, нет чего, живем здесь и сейчас, один раз, а уж что да как потом...

Плевать!

Здесь и сейчас надо брать все, что тебе дают, потому что 'там и потом' может не быть

ничего. Только пустота.

— Эрико!?

Элисса, выбежавшая на крыльцо, в одной ночной рубашке, была очаровательна. Распущенные по плечам золотые волосы, глубокие синие в сумраке глаза, белоснежное тело, просвечивающее сквозь кружево...

Эрико не выдержал, да и кто из мужчин сдержался бы на его месте?

Стреб женщину в охапку, притянул к себе, вскинул на плечо и потащил по лестнице. Кажется, она что-то лепетала.

Кажется, пыталась отбиваться.

Кажется, плакала, когда он вошел в нее, утоляя свой голод, прогоняя пустоту и одиночество, но Эрико было все равно. Он мечтал забыться, и получил-таки свое, когда за сомкнутыми веками взорвались алмазные россыпи звезд. А всхлипывания девушки рядом с ухом казались несущественными.

Он уплывал по реке сновидений туда, где был еще мальчиком, где мама гладила его волосы и шептала что-то ласковое на ушко, где все было пронизано золотистым светом.

Эрико спал.

Элисса повсхлипывала наверное, еще минут десять. Потом, когда раздался храп, поморщилась с отвращением, и спихнула с себя тяжелое тело.

Мразь такая...

Хорошо, она не девушка, и не такое видела? А была бы и правда сопливой девчонкой? Порвал бы на клочья...

От Эрико пахло вином, потом и рвотой. Элисса поморщилась, оглядела тело.

Хм-м... а вот это кстати!

В драке Эрико сильно рассекли бровь, можно и воспользоваться, чтобы себя не кромсать. Элисса примерилась и осторожно содрала корочку с раны. Что Эрико проснется, она не боялась. И не таких видывала... нет, он не обманывает сейчас. Он и правда вырубился, только вот отчего?

Неважно.

Важна вот эта струйка крови, которую надо осторожно собрать простыней. Именно тем местом, где она лежала. А потом еще мазнуть Эрико... да-да, именно там. И стереть кровь с рук полотенцем.

Теперь все правильно.

Кровь на Эрико, на простыне, на полотенце, а на ней крови нет, это потому, что она оттиралась что есть сил. Ей было больно, плохо, тошно, вот она и постаралась, вот и убрала все следы. Ее предали.

Она доверилась Эрико, а тот лишил ее девичьей чести... кольцо с рубинами станет вполне адекватной заменой. На меньшее она точно не согласится. Пусть Даверт раскошеливается.

Ей очень нужны деньги. Много денег, чтобы потом, когда болезнь возьмет свое, она не подыхала в подворотне. Чтобы можно было купить дом, нанять людей, которые станут за ней ухаживать до самого последнего дня... на дом, кстати, уже хватит, и еще немного останется. А вот на все остальное — нет. Ничего, у Преотца денег рыбы не едят, сможет и отжалеть чуток для сыночка.

Приняв это решение, Элисса уверенно спихнула Эрико на край кровати, сама улеглась поудобнее, завернулась в одеяло и уснула.

У нее чуткий сон, когда Эрико зашевелится, она успеет проснуться, удрать в кресло в углу, натереть глаза рукавом, и всячески подготовить сцену. А пока лучше выспаться. Завтра будет тяжелый день.

Род Карнавон.

Алаис проснулась на рассвете. Легла она поздно, вчера опять до полуночи пела в трактире, но усталости не было. Сильное молодое тело переносило с легкостью и не такие нагрузки. И мышцы, кстати появились.

Себе Алаис напоминала узенькую полоску сыромятной кожи. Вроде бы и взглянуть не на что, а не разорвешь.

Сегодня ей надо сделать многое, очень многое.

Надо прикупить себе одежду, сшить еще несколько 'корсетов', озаботиться чем-то вроде гамака, штаны помешковатей на случай 'дней календаря...'

Оххх...

Алаис едва с кровати не упала.

Красный день календаря!

А ведь...

А когда?

Все правильно. Эти моменты жизни у нее последний раз были еще до приезда в столицу. Это что, она — того?!

Ой, мама...

Женщину резко затошнило. Усилием воли загнав противный колючий комок в горле куда-то поглубже, она вцепилась зубами в подушку и от души взвыла.

Перья подавили звук, а заодно набились в рот. Алаис злобно сплюнула на пол и принялась рассуждать.

Радостные (первую букву можно заменить на 'Гэ', смысл будет тот же) дни календаря у нее были за несколько дней до свадьбы. Она, помнится, еще огорчалась, что рано прошли. То ли дело — первая брачная ночь, изгаженная на всю оставшуюся жизнь и молодой муж, прикидывающий, не податься ли ему в вампиры.

А вот после свадьбы... Да, именно до приезда в столицу. Но сколько уж времени прошло! Месяц? Чуть меньше...

Вообще, у Алаис эти моменты случались крайне нерегулярно, из-за чего высчитать опасные дни не представлялось возможным. Сроки варьировались от стандартных двадцати восьми дней и до шестидесяти. Может, и сейчас так же?

Алаис с надеждой перекрестилась, как учили еще в другом мире.

— Господи, я хорошая буду, только не надо мне ребенка, а? Это ж...ец! Полный!

Господь не слышал. Видимо, этот мир не входил в его рабочую зону.

А как определить?

Эммм... а как определяли раньше? Вообще. Мама рассказывала, что в мочу высыпали ложку соды. Зашипит — незалет. Не зашипит — здравствуй, детик. Это один из вариантов.

Можно вскипятить мочу в металлической посуде и перелить в стеклянную. Если хлопья выпадут — начинаем вязать пинетки.

Можно ту же жидкость смешать с красным вином и... пить не надо! Посмотреть,

помутнело или нет. Если не помутнело, то результат положительный. Кажется, можно еще кольцо над пузом раскачивать, но кто его знает, как оно качается? Когда Таня увлекалась экстрасенсорикой, обнаружилось, что у нее кольцо везде вращается, как сумасшедшее. И кто его знает — почему?

А ведь она когда-то смеялась над этими способами. Ну кому они нужны, если есть 'две полоски'?

Кто ж знал! Здесь-то до их изобретения еще лет так с тысячу осталось!

Ладно!

Здесь можно и нужно достать соду. И красное вино — тоже. И стеклянную посудину, чистую.

Еще день у нее есть, завтра с утра она все эти тесты проведет. А вот что делать, если это не сбой, а ребенок?

А только одно.

Срочно, нигде не задерживаясь, драпать к кухне Ланисии. Или...

Знает ли про Ланни Таламир?

Если не дурак, то наверняка знает. Дознается, есть у кого. Слуги всегда все видят, и расскажут за пару медяков. Это от герцога Алаис и Ланни свою дружбу спрятали. А от слуг?

Хотя...

Алаис перебирала в памяти моменты. Вроде бы их нигде не заставляли, но это нельзя утверждать наверняка. Что бы она сделала на месте Таламира?

Расспросила бы всех, до кого руки дотянутся. И узнав про Ланисию, обязательно бы отправила туда людей. С простым приказом — не высовываться. Жить тихо и мирно, где-то рядом, а если появится Алаис — хватать ее под белые ручки.

Вот!

Алаис!

А она?

А она — Алекс Тан. Бродячая певица, у которой даже внешне нет ничего общего с Алаис. Разве что цвет глаз. Но кому она их показывать будет?

А вот теперь представьте — является в замок к Ланисии паренек. Или женщина в глубокой беременности... м-да. Надо будет еще придумать, как связаться с кузиной так, чтобы ее не подставить.

Не стоит недооценивать Таламира. Он кто угодно, но не дурак. Сволочь, мерзавец, подонок, гадина... эпитетов Алаис может вагон подобрать, но простого пятибуквенного 'дурак' среди них попросту нет. И не было никогда. Не стоит считать противника глупее себя.

Но что же делать?

Алаис медленно и глубоко вдохнула, так же выдохнула и повторила это упражнение раз десять, прежде, чем мысли перестали скакать бешеными кроликами.

Итак!

Определить народными средствами, беременна она или нет.

Если да — подумать, где можно остаться до родов и на послеродовой период. Это примерно год, раньше ребенка с собой никуда не потащишь. Значит, нужен дом, нужен лекарь и нуужен тот, кто позаботится о ребенке в случае ее смерти. Хотя бы отвезет к Ланни.

Иллюзий Алаис не питала, помнила, как им рассказывали, что средневековые женщины

к родам готовились, как в смерти. Исповедались, прощались с родными... лотерея, рыбу ее касатку! И не факт, что она выиграет, с ее теловычитанием.

Страшно.

Господи, как же ей страшно...

Ладно!

Нервы боятся, ноги бегают! Встала, оделась и поскакала за содой, вином, посудой, одеждой, полезным приспособлением для справления нужды на корабле, запасом лимонов и прочими полезностями. Беременна ты там, не беременна, а шевелиться надо.

Утешает одно.

Любой, даже самый зверский токсикоз благополучно спишется на морскую болезнь.

На следующий день Алаис с удивившим ее саму равнодушием смотрела на 'результаты анализов'.

Вино было мутным, а сода не шипела. Но это как раз не показатель.

Вино здесь было не самого высокого качества, а чистой пищевой содой вообще удалось разжиться за бешенные деньги. И то — чистой ли?

Что знала о ней Алаис? Да то же, что и все остальные земляне.

Гидрокарбонат натрия.

Где он водится, как добывается, очищается и попадает на стол?

Эммм... специалисты есть! И все чаще вспоминается незабвенный Фонвизин с его классическим недорослем. Зачем знать географию? Извозчик довезет!

Зачем знать химию? Купи коробочку с нужным продуктом в магазине и порадуйся. Только вот до открытия гипермаркета тут лет пятьсот осталось... мелочи?

Подождем, куда деваться!

Алаис решительно вылила содержимое посуды в ночной горшок и принялась одеваться. Значит так!

Беременна она или нет — через пару месяцев будет ясно. На корабле она столько не пробудет, на Маритани — тоже. Интересно, есть ли там визовый режим? Хотелось бы уехать с Маритани уже женщиной... так, на всякий случай. Скажем, почтенная вдова лет двадцати пяти? По местным меркам это очень зрелый возраст, а казаться старше — несложно. Это молодость вернуть трудно, а вот старость изобразить куда как легче.

Замотать грудь... показалось — или ее два 'прыща' стали больше?

Нет, так она себя до психоза доведет. Но об обследовании и речи быть не может, видела она местных повитух! Да у них под ногтями вся баклаборатория расположена, включая неизвестные миру культуры. Куда ни кинь, все плохо. А требовать от повитухи мыть руки?

Этим она запомнится надолго. Местные женщины до таких мелочей не снисходят. Такой след за собой оставлять нельзя.

Алаис еще раз перебрала две дорожных сумки. Никаких сундуков и рундуков, ее имущество должно быть мобильным. И транспортировать его должна она сама, лично, без посторонней помощи.

Четыре рубашки — пятая на ней. Две пары брюк, два жилета, плотных, третий на ней, теплый плащ, куртка, которую она наденет на себя и куртка в запас. Нижнее белье. Кальсоны тут водились, что приятно. Укоротить их до шортиков было несложно. Портянки — с запасом. О носках на Рамтерейе не знали, поэтому Алаис обучилась их наматывать в

рекордный срок.

Сапоги.

Одни на ней, вторые с собой.

Всякие мелочи вроде лент для волос, перчаток, пояса, пары ремней, струн в запас...

Гигиенические принадлежности. Гребень, несколько кусков мыла, крохотное металлическое зеркальце, краска для волос, полотенце, утка. Последнее — особенно актуально. Алаис читала, что моряки справляли нужду прямо с борта корабля, единственное, ориентируясь по направлению хода и ветра, чтобы не забрызгало. Она, по понятным причинам, так сделать не могла. Будет все совершать в каюте... если ей предоставят каюту, а не место в общем кубрике. Читала она романы Джека Лондона. Каюта для капитана, первого помощника и кажется, доктора. Всё.

Остальные — гамак и общий зал. Так что Алаис на всякий случай приобрела и гамак, и нечто вроде занавески. Как прицепить — разберемся, но хоть какое-то уединение будет. Все это было плотно скатано в тючок, который можно было прицепить за спину. И — гарола.

Все, больше у нее ничего нет.

Разве что пояс на теле и зашитые в него монеты и ценности.

Ах, не ценила она когда-то пластиковые карточки. Вот как тут быть, если в любой момент тебя могут лишить всего? Начиная с денег и кончая жизнью? Здесь правит закон силы. Клыка и когтя. То ли дело — милый добрый двадцать первый век, когда кругом полиция, когда преступники чего-то да опасаются, а свое состояние можно перевести просто через компьютерные сети. Хоть на каймановы острова, хоть лично каждому кайману.

Ладно!

Выбора все равно нет, разве что вернуться к мужу. Черти б его побрали!

Алаис посмотрела в окно, и от всей души, вот сколько у нее было сейчас сил и вдохновения, пожелала Таламиру погибнуть смертью безвременной.

Мучительной и жестокой.

И стыдно ей не было.

— Моя королева...

Тихий шепот в алькове, сплетенные в порыве страсти тела, жемчужный отблеск глаз под приспущенными веками...

— Да... о, да!

Одно из тел принадлежало королеве. А вот второе...

Что может позволить себе королева?

Многое, очень многое. Она может быть жестокой, коварной, властной, развратной, алчной, деспотичной... она даже налоги может повышать каждый год и любовников менять каждый день.

Чего она себе не может позволить?

Быть посмешищем.

А Таламир ее выставил именно что на посмешище. Вассал, от которого жена сбежала смешон ми нелеп. И ладно бы он нашел Алаис!

Эта девка умудрилась так спрятаться или удрать, что найти ее не могли всеми силами стражи и гвардии! Над Антоном смеялись, а заодно начинали смеяться и над королевой.

Какая-то скотина бросила шуточку, мол, герцогиня удрала потому, что не хотела

оказаться в постели между королевой и герцогом... язык бы вырвать сволочи! За смешки за спиной, шуточки... Таламира пришлось изгнать из монаршей постели и заменить графом Артьеном. Который сейчас и старался не за страх, а за совесть.

И добился своего.

Тело королевы вздрогнуло, женщина прикрыла глаза и протяжно застонала.

Несколько минут любовники были неподвижны. Потом ее величество открыла глаза и потрепала любовника по щеке.

— Ты был великолепен...

— Ваше величество, вы словно звезда на небе, вы озарили мою жизнь, как пролетающая комета...

Астроном...

Лидия чуть поморщилась.

Таламир такими пошлостями не страдал, да и в постели был получше, но... Пока сойдет и граф. А Таламир...

С глаз долой — из сердца вон, этот принцип действует и на королевские дворы. А посему...

— Это — опала?

Таламир сверкал глазами, но королева и бровью не повела.

— Нет. Это забота.

— Забота!?! Выгнать меня и заменить на этого паркетного сопляка — забота!?

Лидия покачала головой.

— Любезнейший, вы забываетесь.

Тон был отработан до мелочей, мало того, он был подкреплён внутренней уверенностью в себе.

Она здесь королева. Все остальные — ее подданные. Пусть Таламир ее любовник, это она снизошла до него. Он к ней не поднимался, и никаких прав рядом с ней не имеет. Захочет — завтра и жизни его лишит, чтобы другим неповадно было.

Мужчина это почувствовал, потому что сбавил натиск.

— Ваше величество, умоляю объяснить, чем я прогневил вас.

Лидия усмехнулась. Своим голосом Таламир владел не хуже. И сейчас в нем было огорчение человека, которого несправедливо обидели. Он, конечно, благородно прощает даму, но ведь не заслужил! Ничем не заслужил!

— Я не гневаюсь.

— Так отмените эту позорную ссылку.

— Приказ навести порядок в ваших родовых землях, герцог Карнавон, вы называете позорной ссылкой?

— Мне не нужно герцогство, моя королева. Без вас...

Усмешка стала более заметной.

Не нужно?

Не смешно!

Еще как нужно, просто Таламир боится, что ему на смену придет другой, потом третий, а потом и пригласить его забудут.

— Герцог, это не ссылка. Это скорее убить двух зайцев одной стрелой, — принялась

объяснять Лидия. — Поймите, сейчас при дворе ходят... нехорошие слухи. Удаляя вас, я пресекаю сплетни — это первое.

— Я и сам могу справиться со сплетниками, — вспыхнул Таламир, опуская руку на эфес клинка.

— Чем больше вы убьете, тем громче будут голоса оставшихся.

И это было чистой правдой. Таламир вздохнул.

— Хорошо, ваше величество. Когда мне можно будет вернуться?

— Не просто вернуться. А приехать с победой.

Таламир вскинул брови, и Лидия соизволила пояснить.

— Эфрон.

— Эфрон...

— Да, тот самый сбежавший сопляк. О нем тоже болтают, как вы понимаете. То ли сам сбежал, то ли с вашей женой, то ли он ее украл, то ли...

Таламир скрипнул зубами.

— Я его...

— Именно. И его, и его отца. Я дам вам войско, Ант, но — тайно. Для всех это будут ваши люди, ваши наемники, понимаете? Вы поехали в Карнавон, вы не нашли там свою супругу, вы отправились в Эфрон. Что произойдет в нем дальше — я не знаю. Может быть, вас оскорбят. Может быть, ваша жена окажется там. Может быть... всякое.

Таламир кивнул.

Очень верно сказано.

Может быть.

А что именно там было, как было и с кем — будет знать только он. При дворе узнают только его версию. Ту, которая будет выгодна герцогу, а заодно и ее величеству. Теперь лед в глазах Таламира окончательно растаял.

— Ваше величество, вы великолепны...

— Вы обязаны вернуть свою супругу, герцог. Вы же понимаете...

Таламир все понимал. И вернуть супругу, и раздавить Эфронов, и... вернуться ко двору?

— Да, ваше величество. Я сделаю, как вы прикажете.

Лидия нежно улыбнулась.

— Вы больше не спорите, герцог?

— Воля моей королевы для меня закон.

Лидия протянула преданному (а как же иначе) вассалу тонкую руку, украшенную изумрудным браслетом. И Таламир страстно приник поцелуем к пульсирующей венке на запястье женщины. Потом, не отнимая губ, скользнул по коже кончиком языка...

Лидия подумала — и чуть повернула руку, чтобы мужчине было удобнее.

В конце концов, граф Артъен и в подметки не годится Таламиру. Почему бы и не получить немного удовольствия?

— С-сука!

Благородный граф Эфрон что есть силы запустил стаканом в стену. Брызнуло по полу дорогое маританское стекло...

Да, графы тоже люди, и им тоже свойственно злиться, и быть... несдержанными. Бывает.

Но его можно понять.

Живешь ты, и неплохо, сосватал за сына дочь герцога Карнавона и даже начал питать некоторые наивные мечты, о повышении влияния, о расширении владений и может даже появлении в потомстве магических способностей...

А вдруг?

Хотя магия, чай, не дурная болезнь, через баб не подцепишь, но у герцогов в роду все не как у людей, могло бы и срастись.

Ан нет!

Карнавон умудрился поссориться с королевой. Да так неудачно, что и сам помер, и семью за собой утянул, почитай, всю. Осталась в живых одна соплячка.

Для благополучия земель-то этого достаточно. Родит она пару-тройку детей, так и род не прервется... Эфрон даже сначала обрадовался.

Это ж какие перспективы. Вырвать ее из лап у Таламира (выскачка, тварь такая, негодяй...), а уж герцогесса, в благодарность за спасение, и детей родит, и кошелек откроет...

Могло бы, еще как могло получиться! Но...

Слабым местом в плане оказался родной сынок. К-кровиночка.

Вот если бы тьер Эфрон лично всем занимался, давно бы Алаис Карнавон была здесь. А у сопляка только и хватило ума попасться! Доверился шлюхе!

Впрочем, все логично.

Одна шлюха его Таламиру сдала, вторая освободила... и стоит теперь, жметесь, мнетесь...

Повезло — помогли сыночку убраться из города до начала полноценной облавы. Когда кожевник сообразил, кто к нему постучался ночью, мешкать не стал. Тут же запряг коней, сунул в карман кошелек с деньгами, щедро уплатил страже на воротах, чтобы про них забыли, и принялся молиться Ардену, чтобы тот даровал гладкую дорогу. Молитва оказалась удачной.

Потратился мужчина, конечно, крепко. На коней, которых не жалели, пищу, одежду, но тьер Эфрон никогда неблагодарным не был. Деньгами отдался с лихвой. Предлагал земельный надел в Эфроне, но кожевник отказался, и тогда тьер Эфрон еще отсыпал ему золота. На вторую мастерскую хватит. Не столько за сына благодарил, сколько за срыв королевских планов. Ведь окажись Маркус в руках этой рыжей гадины...

— Королева тебя видела?

— Нет. Не успела.

— И то дело. Алаис?

Да, Карнавоны волновали Эфрона, как никогда ранее. Это ж надо — такие земли и без хозяина. Хозяйки.

А еще...

Всем известен случай с герцогами Лаис.

А Карнавоны все ж соседи. Где гарантия, что с их землями того же не начнется? Ведь тогда и Эфронов хлестанет от всей души. Такие силы не разбирают, где кому достанется, они просто бьют наотмашь.

— Алаис я тоже не видел. Но знаю, что она сбежала от Таламира.

— Замечательно. Куда?

— Н-не знаю. Но вроде пока ее не нашли.

Эфрон знал больше. Не нашли. Но вот куда она отправилась?

— Ты бывал у Карнавонов. Подумай, и скажи, куда могла отправиться эта соплячка?

Маркус честно напряг память, но куда там! Разве он обращал внимание на Алаис? Ведь рядом была Алита...

Очаровательная, нежная, по уши влюбленная, и мысли у Маркуса были вовсе даже не о ее сестре, а о том, как бы уединиться с невестой.

Доуединялся...

О том, как кончила жизнь Алита Карнавонов, он знал. Пил тогда дней десять. Ведь если бы они подождали до свадьбы, наверняка Таламир предпочел бы оставить в живых Алиту, а не эту бледную моль.

Но ему хотелось привязать девушку к себе, чтобы Алита точно не передумала. Вот и результат.

— Марк?

Отец терпением не отличался, и Маркус покачал головой.

— Не знаю, отец. У Алаис никого из близких не было. Ее и в своей-то семье едва терпели. А она вечно по углам пряталась и в библиотеке сидела. Это я точно помню...

— Толку-то...

— Хотя... я могу предположить, куда она может отправиться! — вскинулся Маркус. — Отец, она же наверняка отправится на Маритани!

Граф вскинул брови.

— И почему же?

— Потому что она герцогесса. Она последняя из Карнавонов. А они там потомки стражи Морских Королей. Если она себя объявит, ее примут, как родную.

— Хм-м...

Звучало убедительно. И то верно, деться-то Алаис некуда. Ни родных, ни близких, ни далеких... хотя...

— Кажется, у Карнавонов были какие-то приживалки? Воспитанница... нет?

Маркус напряг память.

— Да, кажется... Филон что-то упоминал. Представляешь, взяли приживалку из милости, а она в него влюбилась! Смешно! Он ей, конечно, предложил пару раз поваляться в сене, так, из жалости, а она про замужество спросила! Х-ха...

Под злым взглядом отца Маркус осекся.

— Недоумки. Как девчонку звали?

— Ирион ее знает. Ласия? Лисия? Как-то так...

— Тьфу. Пошел вон, дурак, пока я тебя не прибил!

Маркус и пошел. Тогда-то над его головой и свистнул кубок, превращаясь в мелкую стеклянную пыль. Послал Арден сыночка, семь ведер дури, хлебать — не выхлебать! Из милости они девчонке покувыркаться предложили... убивая ее единственную надежду на приличный брак и достойную жизнь, да ее же еще и обсмеяли!

Вообще, тьеру Эфрону плевать было на всех воспитанниц, но... что-то его зацепило.

Смеялись над одной, смеялись над другой... Могли две девушки подружиться?

Сложно сказать. Девушки существа загадочные, у них сорок решений на день поменяется. Но воспитанницу Карнавонов найти надо. Так, на всякий случай.

А Маркуса пошлем на Маритани. Пусть едет и смотрит в оба. Авось, и правда наследницу Карнавонов найдет?

Семейство Даверт.

Утро Луиса не порадовало.

Голова болела, во рту словно кошки нагадили, в глаза насыпали песка, а в довершение всего, засунули в желудок живого ежика.

— Оххх...

— Ну-ка, вышей...

К губам Луиса прижалась кружка. Мужчина послушно глотнул раз, другой, третий...

Даже если это яд — пусть! В его состоянии яд — это акт милосердия.

Ирионова смесь провалилась в желудок и вспыхнула там фейерверком, первым делом уничтожив злобного ежа. Потом тепло от желудка прошло по телу, и Даверт смог, наконец, разлепить глаза.

— Массимо?

Ольрат усмехнулся.

— Я. Ты пей, пей... Тебе еще б кружечку.

— Жуткое зелье.

— Но помогает ведь?

Луис прислушался к себе.

— Помогает. Что там такое?

— Яйцо, уксус, соль, перец, томатный сок. Все смешать и залпом, — отчитался Массимо.

— Спасибо.

— Да не за что. Ты учти, похороны скоро...

Луис подскочил, словно укушенный в зад.

— Ир-рион!

— Не спеши. Горячую воду сейчас принесут, одежду служанка достала, тебе времени себя в порядок привести, а там и завтрак подоспеет.

Луис помотал головой.

— Обо мне только мать так заботилась.

Массимо молча забрал кружку и похлопал Луиса по плечу.

— Не думай о плохом. Ей сейчас не больно. А тебе еще всех остальных поддерживать.

— А где...

— Преотец у тела, так и не выходил, — Массимо скромно умолчал, что из комнаты покойной последние два часа доносится зверский храп. Ненадолго хватило скорби... — Брат с сестрой у нее в комнате, спят в обнимку, второй брат загулял где-то... Знать бы где, так послал бы слуг.

— Можешь послать кого на улицу Дубильщиков? Эрико там своим девкам домик снимает?

— Сейчас пошлю.

— И к Лусии кого-нибудь...

— Сделаю, не волнуйся.

Луис не волновался. Но...

— Приходи ко мне завтракать?

Массимо кивнул. Вообще-то он уже перекусил на скорую руку, но решил не отказываться. Не ради еды. Ради мальчишки.

Массимо помнил, как они пили, только вот Луиса свалило раньше. Опыта у парня было

меньше, горе пьянит, да и... Массимо незаметно подливал ему крепчайших винных выморозок. Пусть напьется и хоть ненадолго забудется. Это тоже иногда надо.

Так что Луис первым уснул, уткнувшись головой в блюдо с мясом. Массимо кое-как перетащил его на кровать, стянул сапоги, и укрыл одеялом. Он ушел бы, видит Арден, ушел, но Луис расплакался во сне.

Горько и безутешно, повторяя 'мама, мамочка...'. Даже там ему не было ни покоя, ни забвения. И Массимо стало жалко мальчишку. И плевать, что Луис уже своих детей мог иметь, Массимо-то вдвое старше.

Кого он в нем увидел?

Наверное, Романа Шерната, который так же отчаянно пытался достучаться до старого пропойцы, а потом махнул рукой. А глаза у него были отчаянные и безнадежные.

Роману он не помог, разве что отомстил. А вот Луису мог отдать тот долг.

Служение... да, наверное. Только то, которое выбрано самим Массимо. И человеку, которого выберет он сам.

Завтрак подали быстро. И Луис уже в свежей рубашке, с зачесанными назад влажными волосами, кивнул Массимо.

— Угощайся.

— Благодарю.

Говорят, совместная трапеза сближает.

Нет, вряд ли. Ничего такого за этим столом не звучало, разве что самые простейшие просьбы.

— Передай соль?

— Держи. А вкусные булочки.

— Кухарка у нас великолепная...

Вежливые слова, корректные фразы — и острые, испытующие взгляды. Глаза в глаза.

Душа в душу.

- Я выбрал тебя. Если позволишь, я останусь и буду тебе служить.

- Ты уверен в своем решении?

- Вполне.

- Есть мой отец, есть и другие, более достойные...

- Хозяина выбирают раз в жизни. Встал под знамя, так и стой, пока не упадешь...

- А если упадет знамя?

- Я этого не увижу. Это случится только после моей смерти.

- Что ж, я приму твою верность, и отплачу своей.

- До смерти

- До смерти...

Эти слова так и не прозвучали за столом. Ничего лишнего сказано не было, но двое мужчин друг друга поняли. И когда, окончив трапезу, Луис поднялся из-за стола, Массимо последовал за ним. У правого плеча, чуть позади, как и полагается телохранителю.

Внизу Луис обернулся.

— К отцу я зайду сам. Подожди меня, ладно. Если вернется Эрико, проследи, чтобы он себя привел в человеческий вид.

— Хорошо.

И Луис толкнул дверь спальни.

Заперто.

Постучать. Тихо-тихо, кончиками пальцев. Потом громче, сильнее...

— Отец?

Эттан открыл почти сразу.

Эта ночь оставила свой отпечаток и на Преотце. Коснулась лба морщинами, волос — сединой, стесала лишнюю плоть со скул, проложила под глазками глубокие мазки теней. И впервые Луис подумал, что отец уже стар.

— Отец?

— Уже... пора?

— Надо ее подготовить.

Слова давались Луису с трудом. Эттан чуть отстранился, признавая право сына, и мужчина шагнул внутрь.

Вальера лежала на той же кровати. В простом синем платье, с тщательно уложенными темными волосами, с сапфирами в ушах и на шее... когда-то она и мечтать не смела о таких камнях.

— Ты сам...?

— Да.

Эттан подошел к кровати, неловко опустился рядом на колени, взял тонкую руку женщины.

— Не смогу ее отпустить. Не смогу...

Луис не нашелся, что сказать. Просто опустился рядом и положил руку на плечо отцу.

Мы вместе, все еще вместе, отец...

И в желтых тигриных глазах Эттана, в беглом взгляде, брошенном в этот момент на сына, было куда больше тепла и благодарности, чем Луис получил за свои три неполных десятка лет.

Массимо, краем глаза подглядевший в комнату, отметил, как похожи отец и сын. Удивительно похожи. Не только внешне, нет. Но вот этот стержень... у старого он крепче, это верно. Но и младший не уступает отцу. Может быть, разница только в цели?

Эттан уже отдался власти целиком и полностью, а вот Луис пока еще ищет. Он разделяет цель отца, за отсутствием собственной. Но когда он поймет, чего хочет... его и водоворот не остановит.

Эрико проснулся в еще более худшем состоянии, чем Луис. Хотя бы потому, что у Луиса над ухом женщина не рыдала в три ручья, а у него...

с похмелья жить тяжело. А когда рыдают над ухом — еще тяжелее.

А когда ломятся в двери дома и орут что есть сил:

— Тьер Даверт!!! Тьер Даверт!!!

Эрико искренне пожелал не просыпаться, но куда там!

Гонец ворвался в дом ураганом, а в спальню — штормом и бурей.

Завизжала Элисса, стараясь спрятаться под одеяло Эрико подумал, что голова у него таки лопнет, а слуга уже подступил вплотную.

— Тьер Даверт приказал срочно доставить вас домой. Карета на улице.

— Я... — Эрико замялся, не зная, как бы корректнее сказать 'сейчас сдохну', но у слуги

таких проблем не возникло.

— Вот...

И в ладонь Эрико вдвинулась бутылка с живительной алкогольной влагой.

Через пять минут мужчина понял, что голова у него все же цела, а может, и остальное — тоже. Потом отставил бутылку и взглянул на девушку.

— Элисса, хватит.

Из-под одеяла раздались рыдания.

— Милая. Мне надо уехать. Я приеду, и мы обо всем поговорим...

Эрико кое-как сполз с кровати. Слуга сноровисто подхватил его, помог привести в приличный вид одежду, подтянуть и застегнуть, где надо, потом надеть сапоги и накинуть плащ. И почти на себе вытащил Эрико из комнаты.

Нежная девушка тут же перестала плакать и метнулась к окну.

И там уже, наблюдая, как Эрико уезжает в карете с гербом Давертов, выругалась в три этажа и клятого морского змея.

Все было так хорошо продумано!

Они просыпаются вместе, она вся в слезах, Эрико видит кровь на простыне, стимулирует чувство вины...

А теперь как?

Не менять тряпку до следующего визита?

Ха-ха.

Придется придумать что-то другое, и вряд ли она дождетя ценного подарка за свою 'невинность'.

Ну, какая сволочь, какая сволочь!

Одно утешает — просьбу тьера Эльнора она выполнила. Но надо закрепить — для верности. Ладно. Подождем...

Вальеру Тессани хоронили в полдень.

На берегу моря стояли Эттан, мрачный и сосредоточенный, Луис, бледный и нарочито спокойный, растрепанный Эрико, хмурый Родригу, заплаканная Лусия. Немного в отдалении размещались слуги, к которым и присоединился Массимо.

Эттан последний раз коснулся поцелуем руки супруги, подождал, пока то же самое сделают дети — и поджег костер, на вершине которого лежало тело.

Обильно политые земляным маслом дрова вспыхнули жарким оранжевым пламенем, затрещали синими языками.

Лусия пошатнулась и уткнулась лицом в плечо Луиса. Всклипнул Эрико. Шептал молитвы Эттан.

Герцогский род, так-то.

Ни тления, ни гниения. Тело сжигается до золы, а то, что остается, ссыпается в урну и хоронится в фамильной усыпальнице. Исключение составляли только короли, прах которых развеивали над морем.

Из моря мы вышли, и в море вернемся...

Костер прогорел поздно вечером, и Даверты остались на берегу. Ждать рассвета.

На рассвете, уже остывший пепел соберут руками. Так будет правильно, так душа Вальеры успокоится. И каждому из семьи казалось, что Вальера рядом. Что она наблюдает

за своей семьей с той же чуточку насмешливой и загадочной улыбкой, что и при жизни.

Я не уйду.

Любимых не оставляют.

Я приглажу за вами, родные мои.

Род Карнавон

— Благодарствую за гостеприимство. Век не забуду, — Алаис поклонилась хозяину трактира.

— На зиму, значит, не останешься? — господин Агилар был даже чуток удручен.

— Уж простите. Другая дорога зовет.

— Ну... попутного ветра тебе в спину, — трактирщик протянул руку, которую Алаис и пожалала. — Будешь в наших краях — заглядывай, кому другому, а тебе комнатка всегда найдется.

— Особенно если с отработкой, а?

— Так бесплатно у нас и комар не чихнет.

Они вместе рассмеялись, и Алаис направилась в порт.

Пятый причал.

Бригантина 'Русалка'.

Капитан — Карн Роал.

Все нашлось очень быстро. И причал, и 'Русалка', и даже капитан. Стоял на причале, командовал погрузкой.

— А, Алекс?

— Так точно, капитан. Не передумали меня с собой брать?

— Авось, корабль не перевернется из-за одного мальчишки. Иди, найди Тима или Дорта, кто первый попадется, и скажи, что я велел заселяться. Они оба знают куда.

— Благодарю, капитан. Я отработаю.

— Пару дней тебя трогать не будут, а потом я рассчитываю на концерты по вечерам, — усмехнулся Карн. — Как поймешь, принимает тебя море или нет... ты же раньше на корабле не бывал?

— Не бывал.

— Иногда море сначала бьет. Надо потерпеть, а потом оно всех принимает.

— Рано или поздно оно всех примет, — буркнула Алаис.

Синие глаза капитана блеснули вдруг льдом.

— На борту об этом не говорят. Примета плохая.

— А еще о чем, капитан?

— О Королях. И о водоворотах.

Алаис кивнула. Ну, не говорят, так не говорят. Мы тоже помолчим, чай, язык узлом не завяжется. И принялась подниматься по трапу.

Тима она нашла неподалеку от капитанского мостика. Юнга драил палубу, но увидев алаис, отложил тряпку и расплылся в улыбке.

— Алекс! Рад тебя видеть!

Алаис протянула парню ладонь.

— И я тебя. Капитан сказал, ты знаешь, куда мне заселяться?

И вскоре разглядывала... каюту?

Ну, это капитан сильно погорячился.

Просто нижнюю палубу разделили на крохотные отсеки переборками из чего-то вроде фанеры. Или...

— Что это такое?

Больше всего эти перегородки напоминали корзинку, только очень большую. Но цвет... зеленовато-золотистый, такой приятный для глаз...

— Это из тростника. Закупаем на Адрее.

Перегородка была сплетена так плотно, что и воду бы не пропустила, но почти ничего не весила. На столбах (Алаис поняла, что это элементы конструкции корабля, но назвать их не взялась бы и под расстрелом) висели гамаки. В этом закутке их помещалось два. Под одним стоял сундук.

Алаис подумала, потом принялась отвязывать второй.

— Зачем?

— У меня свой есть.

— А-а...

Тим кивнул и принялся помогать.

Спустя пару минут Гамак Алаис занял свое место, на него улеглись одеяло и теплый плащ, сумки сгрузили под него, гаролу Алаис, по совету Тима, плотно закрепила на основании мачты...

— Тут, наверное, всех хорошо слышно?

— Зато не видно. Ты не думай, Алекс, на других кораблях, не наших, и того нет.

Алаис и не думала. Отсек на двоих — это уже почти идеально. Она справится, должна справиться.

— Когда отплываем?

— С отливом. Часа через два.

— А ты мне покажешь корабль?

— Да мне еще палубу...

Алаис подумала пару минут, и предложила.

— Я тебе помогаю с палубой, а ты мне показываешь корабль?

— Ты ж...

— Не сотрусь, не сахарный.

— Ну, если хочешь...

Хочешь, не хочешь... отношения с командой надо налаживать с самого начала. И Алаис отправилась помогать.

Управились они за час, а потом еще успели пройтись по кораблю. Тим представлял ее всем, как Алекса Тана, певца, которому тоже на Маритани, так что он будет всех веселить по вечерам. Матросы тоже называли себя, но Алаис и пятой части не запомнила.

Много...

А потом все как-то быстро закончилось.

Погрузка завершилась, и Тим потянул Алаис за рукав.

— Пошли в люльку?

— Куда?

— Да вон! Видишь?

Высоко на мачте было приляпано нечто вроде ласточкиного гнезда.

— Это 'люлька'. Мы сейчас от берега отходить будем, оттуда видно лучше. И красиво...

— А капитан разрешит?

— Щас спросим.

Капитан был не против.

Алаис, подкрепляя свою репутацию мальчишки-певца, вслед за Тимом поплевала на руки и полезла по вантам. Вполне удобно, кстати, если высоты не боишься. Почти веревочная лестница.

Ветер вот, только, мешает...

Воронье гнездо раскачивалось и кружилось, но Алаис не обращала на это внимания.

Крепко обняв мачту (Тим не насмешничал), она смотрела на оставленный ей город.

Вдаль уплывали шпили и крыши, королевские дворцы и грязные кварталы, Сенаорит и Карнавон.

Что бы ни случилось дальше, Алаис уже ушла из волчьей пасти. Теперь все зависит от нее и только от нее...

Тонкая рука, взлетела к лицу, посылая Таламиру издевательский прощальный поцелуй.

Алаис Карнавон больше не существовало. В новом мире дорогу открывала для себя Алекс Тан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net